

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Ш

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRI HARRISON

Volume three

**THE STAINLESS
STEEL RAT**

**THE STAINLESS
STEEL RAT'S REVENGE**

**THE STAINLESS
STEEL RAT SAVES
THE WORLD**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга третья

**СТАЛЬНАЯ КРЫСА
МЕСТЬ СТАЛЬНОЙ
КРЫСЫ**

**СТАЛЬНАЯ КРЫСА
СПАСАЕТ МИР**

**Издательская фирма «Полярис»
1992**

"The Stainless Steel Rat",
Copyright © 1961 by Harry Harrison.

"The Stainless Steel Rats Revenge",
Copyright © 1970 by Harry Harrison.

"The Stainless Steel Rat Saves The Word",
Copyright © 1972 by Harry Harrison.

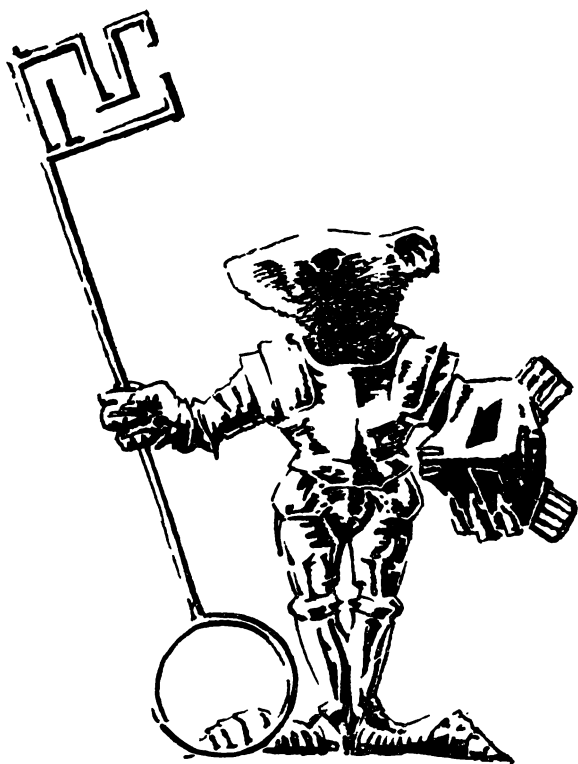
© 1992 А. Киррилов, *иллюстрации*.

© 1992 Издательская фирма «Полярис», *перевод на русский язык, оформление, составление, название серии*.

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента.**

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

ISBN 5-88132-018-2

**СТАЛЬНАЯ
КРЫСА**

Глава первая

Дверь моего кабинета внезапно распахнулась — и я понял, что игра окончена. Дельце было что надо — денежное, — но ему пришел конец. Когда полицейский вошел, я сидел в кресле, изобразив на лице счастливую улыбку. Тяжелая походка, хмурый взгляд и полное отсутствие чувства юмора сразу выдавали в нем служителя закона. Он еще не открыл рот, а я уже знал, что он скажет.

— Джеймс Боливар диГриз, я должен арестовать вас по обвинению...

Для пущего эффекта я подождал слова «обвинению». Когда оно было произнесено, я нажал кнопку, приводящую в действие пороховой заряд, установленный на потолке. Поперечная балка треснула, трехтонный сейф рухнул прямо на голову полицейского. Потрясающая картина. Когда пыль осела, из-под сейфа виднелась лишь неестественно вывернутая рука. Она пошевелилась, и указательный палец обвиняюще нацелился на меня. В его голосе, глухо доносившемся из-под сейфа, звучали недовольные нотки:

— ... по обвинению в незаконном въезде, краже, подлоге...

Он бубнил, перечисляя длинный список моих преступлений, но все это я уже слышал. Это абсолютно не мешало мне перекладывать деньги из ящиков стола в чемодан. В конце прибавилось еще одно обвинение,

и, готов поспорить на во-о-от такую пачку тысячных кредиток, в его голосе звучала обида.

— Вы также обвиняетесь в нападении на полицейского робота. Поступок бессмысленный, так как мой мозг и речевой аппарат бронированы, а в средней части тела...

— Слушай, Джордж, все это мне известно. Но на макушке твоей тупой головы установлен маленький передатчик, а мне бы не хотелось, чтобы ты сообщил обо мне своим приятелям. По крайней мере, в данный момент.

Пинком ноги я открыл в стене потайную дверь, ведущую в подвал. Когда я обходил груды железа на полу, робот попытался схватить меня за ногу. Но я ожидал этого, и его пальцы сомкнулись в двух дюймах от моей лодыжки. Я не раз встречался с полицейскими роботами и прекрасно знал, что их невозможно уничтожить. Хоть бей их по голове, хоть с ног сбивай, они преследуют тебя, непрерывно читая мораль. Так дело обстояло и на этот раз. Он убеждал меня покончить с преступной жизнью и стать порядочным гражданином. Робот продолжал молоть чушь, и его голос эхом отдавался на лестничной клетке, когда я уже добрался до подвала.

Теперь на счету была каждая секунда. Через три минуты полиция сядет мне на хвост, так что у меня оставалась ровно одна минута и восемь секунд, чтобы покинуть здание. Надо было действовать. Еще один пинок — и я оказался в помещении для срывания этикеток. Ни один робот не посмотрел в мою сторону, когда я шел по проходу. Впрочем, я бы удивился, если бы это было не так. Эти допотопные модели М годились только для самой простой и однообразной работы. Именно поэтому я их и взял напрокат. Их абсолютно не интересовало, зачем они срывают этикетки с банок с фруктами или что находится на другом конце ленты конвейера, доставляющего консервы через стену. Они не подняли взгляд, даже когда я открыл дверь, которая всегда была на замке. Я не стал закрывать ее за собой — какие теперь могут быть секреты.

Пробежав вдоль грохочущего конвейера, я пролез в дыру, которую сам прорубил в стене правительственного склада. Конвейер тоже установил я. И то, и другое, разумеется, шло вразрез с законом. Открыв

еще одну дверь, я оказался на складе. Автоматический погрузчик деловито снимал консервные банки со стеллажей, тянувшихся под самый потолок, и ставил их на ленту конвейера. Его и роботом назвать было трудно, он выполнял только заложенную в него программу по погрузке консервов. Обойдя его, я побежал по проходу, слыша, как стихают позади звуки моей противозаконной деятельности. Работа не прекращалась ни на секунду, и я искренне радовался этому.

Да, бизнес был что надо. За мизерную сумму я арендовал помещение, примыкавшее к задней стене правительственного склада. Прорубив дыру в стене, я получил доступ к продовольственным запасам, к которым в таких больших складах не прикасались месяцами, если не годами. То есть не прикасались до тех пор, пока там не появился я.

После того, как я прорубил дыру и установил конвейер, все остальное было делом техники. Я взял напрокат роботов, чтобы те срывали старые этикетки и лепили на их место яркие наклейки, которые я сам печатал. Таким образом, мой товар появлялся на рынке вполне законным путем. Мой ассортимент отличался разнообразием, а затраты, благодаря этой хитроумной операции, были крайне низкими. Я мог продавать товар дешевле, чем мои конкуренты, и зарабатывал приличные деньги. Местные оптовики быстро почуяли выгоду и завалили меня заказами на несколько месяцев вперед. Отличная операция. Она могла бы длиться еще долго.

Не успела эта мысль выкристаллизироваться в моем мозгу, как я подавил ее. Богатый опыт подсказывал мне, что если операция закончена, то она действительно ЗАКОНЧЕНА! Меня так и подмывало остаться еще на один денек или получить деньги еще по одному чеку. Ах, как известно мне это чувство! Но я также знал, что нет лучшего способа познакомиться с полицией.

«Проиграл сегодня, отыграешься завтра». Это мой девиз, и, надо сказать, лишь благодаря ему я все еще на свободе.

А всякие мечтания бесполезны, когда улепетываешь от полиции.

Добежав до конца прохода, я выбросил из головы все мысли. Снаружи все здание оцеплено полицией, так что следовало действовать быстро и без ошибок. Я

огляделся — никого. Сделав два шага, я нажал на кнопку вызова лифта. Я давно установил в лифте датчик и знал, что им пользуются только раз в месяц.

Пустой лифт появился через три секунды. Я запрыгнул в него и нажал кнопку последнего этажа. Он поднимался целую вечность, но в данном случае понятие времени субъективно. Подъем длился ровно четырнадцать секунд. Началась самая опасная его часть. Я сжал в руке пистолет 0,75-го калибра. С одним полицейским мне еще удастся справиться...

Двери открылись, и я опустил пистолет. Никого. Было оцеплено все внизу, а на крышу послать полицейских не догадались.

На открытом воздухе я услышал ласкающие душу завывания сирен. Судя по всему, внизу собралась половина полицейских этого города. Для меня это все равно, что овации для артиста.

Доска лежала за шахтой лифта, там, где я ее и оставил. Немного покособилась на солнце, но все еще довольно крепкая. Я подтащил ее к парапету и перекинул к соседнему зданию.

Идти по доске — дело опасное, тут спешка ни к чему. Став на край доски и прижав чемодан к груди, я медленно двинулся вперед, стараясь удерживать равновесие. До земли — тысяча футов, но главное — не смотреть вниз...

Готово. Теперь медлить нельзя. Надо спрятать доску за парапет — это собьет их со следа, и я выиграю несколько драгоценных минут. Теперь пробежать десять шагов — и передо мной дверь на лестничную клетку. Она открылась легко. Еще бы, я ведь не пожалел масла для петель. Оказавшись внутри, я запер дверь на засов и облегченно вздохнул. Самое худшее позади, осталось самое простое. Если пару минут меня никто не будет беспокоить, полиция никогда не найдет Джеймса Боливара диГриза, известного, как «Скользкий Джим».

Грязной и плохо освещенной лестницей на крышу сроду никто не пользовался. Я проверил ее неделю назад и ни оптических, ни акустических «жучков» не обнаружил. На толстом слое пыли виднелись лишь отпечатки моих ног. Что ж, будем надеяться, что за это время никаких «жучков» здесь не установили. Придется идти на риск, а без этого в нашем деле никак.

Прощай, сорокапятилетний бизнесмен Джеймс диГриз, весом девяносто восемь килограммов, с толстыми щеками и солидным брюшком, чья фотография вместе с отпечатками пальцев хранится в полицейских карточках на тысяче планет. Сначала надо избавиться от отпечатков. Когда их надеваешь, они словно вторая кожа, а стоит капнуть растворителем, и они слезают, как перчатки.

Теперь одежда, затем корсет, в котором я носил двадцать килограммов свинца, смешанного с термитом. Хороший был животик. Немного отбеливателя из пузырька — и мои волосы, а заодно и брови приобрели естественный коричневый цвет. Теперь немного болезненная операция — вытащить расширители из ноздрей и подушечки из-за щек. Затем контактные линзы голубого цвета. Я разделся догола и почувствовал себя так, будто заново родился на свет. Впрочем, так оно и было. Я стал совершенно другим человеком — на двадцать килограммов легче, на десять лет моложе. Да и внешность изменилась. В чемодане лежали комплект одежды и темные очки. Деньги были аккуратно уложены в кейс.

Выпрямившись, я почувствовал, что действительно помолодел лет на десять. Без свинцового корсета походка стала легкой и пружинистой.

Термит уничтожил все улики. Свалив все в кучу, я поджег заpal. В веселом пламени огня сгорели флакончики, одежда, туфли и все остальные мои вещи. Разумеется, полиция сможет обнаружить обгорелый участок цементного пола и соскоблить со стены пару молекул для микроанализа, но это все, на что они могут рассчитывать. Языки горящего термита еще отбрасывали на меня отблески, когда я спустился на три пролета и оказался на сто двенадцатом этаже.

Мне все еще везло. Когда я открыл дверь, на этаже никого не было. Через минуту скоростной лифт доставил меня вместе с другими бизнесменами в холл.

Выйти на улицу можно было через единственную дверь, над которой располагалась портативная камера. Никто не останавливал людей, входящих и выходящих из здания. Вряд ли кто-нибудь из них обращал внимание на камеру и группу полицейских, толкущихся возле нее. Не торопясь, я направился к выходу. В нашем деле главное — выдержка.

На мгновение я оказался в поле зрения беспристрастного стеклянного глаза. Ничего не произошло, и я понял, что меня не узнали. Камера была напрямую связана с компьютером в полицейском управлении. Если бы моя внешность хоть немного походила на мой портрет в картотеке, мне бы не дали и шагу ступить — роботы-полицейские сразу схватили бы меня. Трудно тягаться с компьютером, чья реакция измеряется миллисекундами, но его можно обмануть, что я и проделал в очередной раз.

Я взял такси и отъехал на десять кварталов от здания. Затем пересел в другое. Но только в третьем я почувствовал себя в безопасности и направился в космопорт. Звуки сирен затихли вдали, и лишь изредка мне попадались патрульные машины, следующие в противоположном направлении.

Столько шума из-за такого мелкого мошенничества, но это свойственно всем сверхцивилизованным мирам. Преступления там случаются настолько редко, что стоит только полиции натолкнуться на малейшее нарушение закона, как они выкладываются на полную катушку. Я, в принципе, не осуждал их. Выписывать всю жизнь штрафы за неправильную парковку, вероятно, ужасно скучно. Пусть спасибо скажут, что я хоть немного разнообразил их унылое существование.

Глава вторая

Поездка в космопорт, который находился, разумеется, далеко от города, была приятной. У меня хватило времени, чтобы отдохнуть и собраться с мыслями. Я даже немного пофилософствовал. И самое главное — я мог насладиться хорошей сигарой. В своем предыдущем образе мне приходилось курить сигареты, и я никогда, даже в полном одиночестве, не нарушал этого правила. Сигары хранились в герметически закрытой коробке, куда я их положил полгода назад, и совсем не потеряли своей свежести. Я глубоко затянулся, глядя в окно на проплывающий мимо пейзаж. Хорошо ничего не делать, почти так же, как и быть при деле. Я никогда не мог прийти к окончательному выводу — какое же состояние мне больше всего нравилось? Полагаю, и то, и другое, в зависимости от обстоятельств.

Мой образ жизни настолько не похож на жизнь подавляющего большинства людей, что вряд ли в нашем обществе меня могут понять. Люди живут в богатом союзе миров, где и само слово «преступление» давно потеряло смысл. Существуют, конечно, и такие, кто недоволен сложившимся положением вещей, кое-кто из них поступает вразрез с социальными правилами. Несмотря на века генетического контроля, иногда еще такие индивидуумы появляются на свет. Но их быстро выявляют и приводят в норму. У других это проявляется только тогда, когда они становятся взрос-

лыми. Мелкие кражи в магазинах и квартирные ограбления — это все, на что они способны. В зависимости от степени своей сообразительности им удастся оставаться на свободе неделю или месяц. Но судьба их предрешена — полиция вычисляет и арестовывает их.

Вот, пожалуй, и все преступления, которые совершаются в нашем чудесном обществе. Вернее, девяносто девять процентов преступлений. Но лишь ради последнего, самого главного процента существуют полицейские управления. В этот процент вхожу я и горстка подобных мне людей, разбросанных по всей Галактике. Теоретически нас нет, а если мы и существуем, мы не можем нарушать закон, однако именно этим мы и занимаемся. Мы — крысы в подполье общества, не признающие его запретов и правил. Чем мягче законы общества, тем больше в нем крыс. Ведь в деревянных домах крыс было больше, чем в зданиях из бетона, что пришли им на смену. Но и там водятся крысы. Сейчас наше общество построено из железобетона и нержавеющей стали. Щелей стало меньше, и крысе приходится быть изворотливой, чтобы их обнаружить. В таких условиях выживают только стальные крысы.

Стать стальной крысой очень почетно, и можно получить массу удовольствий, если вас не поймают, конечно. Но вы обречены на одиночество. Социологи до сих пор спорят о причинах нашего существования, а некоторые в него просто не верят. Согласно наиболее распространенной теории, мы — жертвы психологических расстройств, которые проявились не в детские годы, когда их можно было легко вылечить, а гораздо позже. Я часто думал об этом, но к определенному выводу так и не пришел.

Пару лет назад я сам написал книжонку по этому вопросу — под псевдонимом, разумеется, — и читатели восприняли ее довольно благосклонно. По моей теории, отклонения не относятся к психологической сфере, а носят чисто философский характер. На определенной стадии своего развития человек должен сделать выбор — либо жить, не признавая законов общества, либо умереть от абсолютной скуки. В законопослушной жизни нет ни будущего, ни свободы. Хотите жить по-другому? Тогда придется нарушать законы. Солдаты удачи и авантюристы не могут одновременно и жить в обществе, и находиться вне его.

Это раньше было возможным, а сегодня надо сделать выбор: все или ничего. Чтобы не сойти с ума, я выбрал последнее.

Такси прибыло в космопорт, и я без сожалений прервал свои грустные размышления. В нашем деле нельзя хандрить и жаловаться на судьбу. Только ощущение опасности может прочистить мозги. Расплачиваясь с водителем, я обманул его, ставив одну кредитку прямо из-под носа. Он не заметил этого, и его доверчивость позабавила меня. Я оставил ему щедрые чаевые, ведь я не собирался грабить его, а обманул просто от скуки.

За окошком билетной кассы сидел робот, на лбу у которого была установлена камера. Пока я покупал билет, она тихо жужжала, запоминая мою внешность и место назначения. Обычная полицейская процедура. Я бы удивился, если бы этого не произошло. Меня не пугало, что описание моей внешности появится в полицейских управлениях, поскольку на этот раз я не собирался предпринимать путешествие в другую звездную систему, как обычно поступал после каждого крупного дела. В этом не было никакой необходимости. Правда, после крупного дела в одном мире или небольшой системе тут уже ловить нечего, но вокруг Бета Сигнус вращалось около двадцати планет, чьи условия мало отличались от земных. Опасно было оставаться лишь на этой — третьей — планете, а на остальных мне ничего не грозило. Между планетами существовала жесткая конкуренция, и полицейские управления неохотно сотрудничали друг с другом. За это они и поплатятся. Мой билет был на Мори — восемнадцатую планету, где жители в основном занимались земледелием.

В космопорту было полно небольших магазинчиков. Я все их обошел и приобрел новый чемодан, полный комплект одежды и дорожные принадлежности. Последний мой визит был к портному. Он подобрал мне пару дорожных костюмов, и я зашел с ними в примерочную кабинку. Разумеется, по чистой случайности я повесил один костюм таким образом, что он закрыл объектив камеры. Я пыхтел и шаркал ногами, делая вид, что переодеваюсь, а на самом деле подде-

лывал только что купленный билет. При помощи ножа для обрезки сигар, в котором у меня был небольшой компостер, я проделал несколько дырок в перфокарте билета, изменив место назначения. Теперь я уже направлялся не на восемнадцатую планету, а на десятую. На этой операции я терял двести кредиток. В этом-то вся и хитрость. Не надо стараться увеличить стоимость билета — подделку легко обнаружить. Но если вы уменьшаете стоимость и теряете при этом деньги, все подумают, что ошиблась машина. Ни у кого не возникнет ни малейшего подозрения, ведь терять деньги на подделке — явная глупость.

Чтобы не вызвать подозрения у полиции, я снял костюм с камеры и стал примерять его, придирчиво рассматривая себя в зеркале. До отправления корабля оставался час, и я с пользой для дела провел это время. Я отправился в автоматическую химчистку, где мне выстирали и выгладили только что купленную одежду. Ничто так не вызывает подозрения таможенников, как полный чемодан новой одежды с этикетками.

На таможне не возникло никаких проблем, и, зайдя в полупустой салон корабля, я выбрал место рядом со стюардессой. Я флиртовал с ней до тех пор, пока она возмущенно не удалилась, причислив меня к категории нахалов и приставал. Сидевшая рядом старушка составила обо мне точно такое же мнение и, одарив меня презрительным взглядом, демонстративно отвернулась к окну. Я безмятежно заснул. Уж если нет возможности остаться незамеченным, то лучше быть замеченным и причисленным к определенной категории людей. Тогда вас невозможно отличить от других подобных типов, чего я и добивался.

Когда я проснулся, корабль уже подлетал к десятой планете. Я продолжал дремать, пока мы шли на посадку, затем выкурил сигару, ожидая, когда таможенники закончат осматривать мои вещи. Кейс, набитый деньгами, не вызвал у них никаких подозрений, так как еще полгода назад я предусмотрительно подделал свои документы и теперь в графе «профессия» у меня значилось «банковский курьер». Межпланетный кредит на этих планетах почти отсутствовал, и таможенники привыкли, что курьеры постоянно возят с собой огромные суммы денег наличными.

По привычке заматаывая следы, я оказался в большом промышленном городе под названием Брутт, в тысяче

километров от места моего приземления. Используя новое удостоверение личности, я поселился в небольшой гостинице, расположенной на окраине города.

Обычно после большого дела я отдыхаю месяц-другой, но на этот раз потребности в отдыхе я не ощущал. Делая небольшие покупки, необходимые мне для восстановления личности Джеймса диГриза, я прикидывал, чем бы мне заняться. В первый же день я обнаружил одно место, показавшееся мне легкой добычей, и с каждым днем я все больше и больше убеждался в этом.

Я никогда не повторялся, и это позволяло мне ускользать от полиции. Обдумав какое-нибудь выгодное дельце, я претворял его в жизнь и больше никогда к нему не возвращался. Единственное, что было в этих делах общим, так это то, что все они приносили мне деньги. Вот только вооруженного ограбления за мной еще не числилось. Пора было восполнить этот пробел.

Восстанавливая образ Скользящего Джима, я отращивал брюшко и обдумывал план операции. К тому времени, когда я изготовил себе новые отпечатки пальцев, план был готов. Как и всякий гениальный план, он был прост; ведь чем меньше сложностей, тем меньше вероятность случайного прокола.

Я решил ограбить «Морайо», крупнейший универмаг в городе. Каждый вечер в одно и то же время бронированный фургон забирал дневную выручку и отвозил ее в банк. Как можно упустить такую заманчивую добычу — гигантскую сумму денег в мелких купюрах. Основная сложность заключалась в том, как унести такую уйму денег. Как только я нашел ответ на этот вопрос, можно было начинать операцию.

Все приготовления существовали только в моей голове, пока я входил в образ Джеймса диГриза. Нацепив на себя пояс с грузом, я вновь почувствовал себя в форме. Я снова перешел на сигареты и принялся за работу. Пару дней я посвятил тому, что приобретал и воровал необходимые мне вещи. Операцию я запланировал на следующий день.

Ключевую роль в операции я отвел большому трейлеру, который купил накануне. Сделав кое-какие усовершенствования в кабине, я припарковал его в Г-образной аллее в полумиле от «Морайо». Трейлер блокировал въезд в аллею, но это не имело значения, так как ею пользовались только утром. Ленивой поход-

кой я направился к магазину. Когда я подошел к нему, бронированный фургон уже был там. Прислонившись к стене огромного здания, я наблюдал, как охранники грузят деньги. Мои деньги.

Человек со слабыми нервами и бедным воображением пришел бы в ужас от этой картины. По крайней мере, пять вооруженных охранников стояли у входа, еще двое сидели в фургоне. Добавьте к этому еще водителя и его помощника. У тротуара урчали три мотоцикла — они должны были сопровождать фургон в пути. Впечатляющее зрелище. Я затянулся сигаретой, стараясь не рассмеяться от мысли, что все их тщательно продуманные предосторожности — лишь пустая трата времени.

Я считал мешки с деньгами по мере того, как их выносили из магазина. Их всегда было пятнадцать, ни больше ни меньше. Это упрощало мою задачу. Как только четырнадцатый мешок загрузили в фургон, в дверях магазина появился пятнадцатый. Водитель, как и я, тоже считал мешки и вылез из кабины, чтобы запереть заднюю дверь фургона.

Мы двинулись с места одновременно. Когда он подошел к задней двери, я уже находился рядом с кабиной фургона. Я быстро залез внутрь и захлопнул за собой дверь. Помощник успел только открыть рот и выпучить глаза, когда я бросил ему на колени анестезирующую бомбу. Он тут же отключился. Разумеется, у меня в носу стояли защитные фильтры. Заводя двигатель левой рукой, правой я бросил бомбу побольше через окошко внутрь фургона. До меня донеслись звуки падения тел.

Все это заняло не более шести секунд. Охранники, стоявшие у входа, только сейчас стали соображать, что происходит что-то непонятное. Помахав им рукой, я нажал на газ, и броневик рванул от обочины. Один из охранников попытался запрыгнуть в открытую заднюю дверь, но немного опоздал. Все произошло так быстро, что им в голову не пришло открыть огонь, хотя я был уверен, что без стрельбы не обойдется. Размеренная жизнь притупляет рефлексы.

Мотоциклисты среагировали гораздо быстрее, и, не успев я отъехать на сто футов, как они сели мне на хвост. Я слегка притормозил, дав им возможность приблизиться, а затем снова нажал на газ, чтобы они не обогнали меня.

Сирены завывали, а мотоциклисты стреляли в меня из пистолетов. Все, как я и планировал. С огромной скоростью мы неслись по улицам, оставляя другие машины далеко позади. У мотоциклистов не было времени на размышления, и они считали, что скоро полиция меня перехватит. Ситуация была настолько комичной, что я громко хохотал, срезая углы.

Разумеется, полицию уже оповестили, и все дороги впереди перекрыли. Но эти полмили мы проскочили за несколько секунд. Увидев въезд в аллею, я направил фургон туда, одновременно нажав на кнопку моего карманного коротковолнового передатчика.

Сработали мои дымовые бомбы, установленные вдоль аллеи. Они, как и все мои прочие изобретения, были кустарного производства, но, тем не менее, вся аллея оказалась в густом облаке дыма. Я слегка сдал вправо, пока фургон не коснулся крылом стены. Снизив скорость, я повел машину, что называется, на ощупь. Мотоциклисты такого сделать не могли, поэтому должны были выбирать: либо остановиться, либо ринуться в темноту. Я надеялся, что они примут разумное решение и не станут подвергать себя риску.

Радиоимпульс, взорвавший дымовые бомбы, должен был одновременно открыть задние двери моего трейлера и опустить аппарель для въезда. Во время испытаний все происходило именно так. Оставалось надеяться, что система сработает и на этот раз. Ориентируясь по скорости, я попытался определить расстояние до моего трейлера, но, видимо, ошибся в расчетах. Передние колеса броневика врезались в аппарель, и он не заехал, а залетел вовнутрь. Меня сильно потрянуло, но я все же успел нажать на тормоза, прежде чем меня выбросило из кабины.

Темень стояла, как ночью. От этих дымовых бомб и сильного удара вся операция чуть не пошла насмарку. Пока я стоял, прислонившись к машине, драгоценные секунды уплывали. Не знаю, сколько времени прошло, пока я сориентировался, но, когда я подошел к задней двери, до меня из клубов дыма донеслись голоса охранников. Они услышали, как я со скрипом поднял покореженную аппарель, и мне пришлось успокоить их, швырнув две газовые бомбы.

Дым уже понемногу рассеивался, когда я залез в кабину грузовика и завел двигатель. Проехав несколько футов по аллее, я выбрался на солнечный свет.

Впереди, на главной улице, стояли две полицейские машины. Выехав на улицу, я остановился и внимательно посмотрел по сторонам. Никто не обращал внимания на мой трейлер. Видимо, все события происходили на другом конце аллеи. Я нажал на газ и поехал в обратную сторону от магазина, который только что ограбил.

Разумеется, я проехал всего лишь несколько кварталов в этом направлении, а затем повернул на боковую улицу. Развернувшись, я снова направился к универмагу «Морайо» — месту моего последнего преступления. Прохладный ветер, врывавшийся через открытое окошко, взбодрил меня, и, весело насвистывая, я повел грузовик по боковым улицам.

Мне хотелось подъехать к главному входу в универмаг, чтобы посмотреть, как они там суетятся, но нарываться на неприятности у меня не было желания. Да и некогда было. Я заранее наметил маршрут и теперь вел машину по улицам, где почти отсутствовало движение. Через несколько минут я оказался на грузовом дворе универмага «Морайо». Здесь тоже царило некоторое оживление, но работа шла своим чередом. Там и тут небольшие группки грузчиков и водителей обменивались своими впечатлениями по поводу происшедшего, а роботы, не умевшие сплетничать, продолжали работать. Все они настолько были увлечены беседой, что не обратили на меня никакого внимания, когда я остановил свой трейлер рядом с другими фургонами. Выключив двигатель, я облегченно вздохнул и откинулся на сидении.

Первая часть операции прошла нормально. Впрочем, вторая часть была не менее важной. Я вытащил из своего набедренника аптечку, которую всегда беру с собой на дело. Обычно я не доверяю стимуляторам, но от удара голова все еще шла кругом. Я впрыснул себе в локоть два кубика линотена, и в голове снова прояснилось. Походка вновь стала пружинистой, когда я направился к задним дверям трейлера.

Помощник водителя и охранники все еще были без сознания и должны были пребывать в таком состоянии еще часов десять. Я аккуратно уложил их рядом с броневиком, чтобы они мне не мешали, и принялся за работу.

Броневик занимал почти весь трейлер. Я знал, что так оно и будет, поэтому коробки прикрепил к стен-

кам. Это были чудесные упаковочные коробки с надписью «Морайо» на боках. Я давно украл их со склада, и вряд ли их пропажу заметили. Вытащив коробки, я принялся набивать их деньгами. Пот лил с меня градом, и мне пришлось даже снять рубашку.

Почти два часа у меня ушло на то, чтобы заполнить коробки и заклеить их лентой. Каждые десять минут я выглядывал в глазок, установленный в двери, но снаружи все шло своим чередом. Несомненно, полиция закрыла все въезды и выезды из города и теперь прочесывала улицы в поисках фургона. Я готов был побиться о заклад, что им никогда в голову не придет искать фургон на заднем дворе обворованного универмага.

На складе, где я украл коробки, я позаимствовал и накладные. Вписав в них различные адреса получения груза, который, разумеется, был оплачен, я прикрепил их к коробкам. Операция шла к концу.

Уже стемнело, но я знал, что грузовое отделение работает допоздна. Двигатель завелся с пол-оборота, я выехал со стоянки и стал подавать к платформе. В этом месте, где грузовой двор соединялся с приемным участком, было довольно спокойно, и я постарался поставить трейлер как можно ближе к разделяющей черте. Убедившись, что никто из рабочих не смотрит в мою сторону, я открыл заднюю дверь. Ведь даже самому тупому из них стало бы интересно, с какой стати из грузовика выгружают коробки с ярлыками универмага. Установив коробки на платформу, я быстро набросил на них брезент. Все это заняло несколько минут. Усевшись рядом, я закурил.

Ждать долго не пришлось. Не успел я докурить сигарету, как появился робот из отдела отправки.

— Эй, иди сюда! М-19, который грузил эти коробки, перегорел. Надо срочно позаботиться о грузе.

В глазах робота загорелось чувство долга. Некоторые из последних моделей М воспринимают работу с большой ответственностью. Я быстро отошел в сторону, так как из дверей склада появились автопогрузчики и М-грузчики. Не успел я и глазом моргнуть, как мой груз исчез с платформы. Закурив еще одну сигарету, я стал наблюдать, как на мои коробки ставят штампы и грузят на ленту транспортера.

Теперь мне осталось только бросить свой трейлер на какой-нибудь тихой улочке и изменить внешность.

Усевшись в кабину, я впервые за все время почувствовал, что происходит нечто странное. Я, разумеется, наблюдал за воротами грузового двора, но невнимательно. Машины въезжали и выезжали. И тут меня как громом ударило. Одни и те же машины ездили туда-сюда! Большой красный грузовик только что выехал через ворота. Звук его мотора становился все тише и тише по мере того, как он удалялся по улице. Затем снова послышался рев мотора, и тот же самый грузовик въехал во двор через другие ворота. За стеной стояли полицейские машины.

Они ждали меня.

Глава третья

Впервые за всю мою преступную карьеру я почувствовал страх загнанного человека. В первый раз полиция села мне на хвост, когда я этого не ожидал. Деньги, конечно, потеряны. Я о них уже и думать перестал. Надо было спасать свою шкуру.

Никаких необдуманных поступков. Пока я чувствовал себя в относительной безопасности. Кольцо, разумеется, смыкалось, но медленно, ведь они не знали, где именно я нахожусь. Попробуй, найди человека на таком огромном грузовом дворе. Но как они вообще вышли на меня? Вот что меня беспокоило больше всего. У местной полиции отсутствовал опыт, и они никак не смогли бы так быстро напасть на мой след. Тем более, что следов я не оставлял. Тому, кто устроил мне здесь ловушку, нельзя было отказать в сообразительности.

Внезапно меня осенило:

Специальный Корпус.

Об этом ничего не писали, но слухи о нем ходили в любом из тысячи миров Галактики. Специальный Корпус, входивший в Лигу, брал на себя решение задач, с которыми не могли справиться отдельные планеты. Говорили, что именно Корпус покончил с остатками банды Хэкселла после заключения перемирия, прикрыл лавочку нелегальных торговцев «Т&З» и, наконец, поймал Инскиппа. Теперь пришел и мой черед.

Они ждали, когда я попытаюсь смыться. Вероятно, они думали так же, как и я, и перекрыли все выходы. Надо соображать быстро и действовать правильно.

Есть только два выхода. Через ворота или через универмаг. Ворота слишком хорошо охранялись, чтобы через них прорваться, а вот в магазине полно дверей. Мне подходил только этот вариант. Как только я принял это решение, я понял, что точно такая же мысль пришла в голову моим преследователям — к дверям магазина двигались люди. Меня опять охватил страх, и я окончательно разозлился. Меня бесила сама мысль, что кто-то может меня перехитрить. Ладно, посмотрим кто кого. У меня в запасе оставалась еще пара трюков.

Сначала надо сбить их с толку. Я завел трейлер, переключил на первую скорость и поехал к воротам. Закрепив руль, я выпрыгнул из кабины и помчался обратно в сторону склада. За спиной слышались выстрелы, страшный грохот и крики. Последнее мне понравилось больше всего.

На дверях, ведущих в универмаг, висели замки. И допотопная сигнализация, которую я мог вывести из строя за пару секунд. При помощи отмычки я открыл замок и пнул дверь ногой. Хотя сигнального звонка не было слышно, я знал, что где-то в здании на табло индикатора загорелась лампочка, показывающая, что дверь открыта. Повернувшись, я изо всех сил помчался к последней двери, расположенной на противоположном конце здания. На этот раз, прежде чем войти в дверь, я заранее отключил сигнализацию. Оказавшись внутри, я запер ее за собой.

Нет ничего труднее, чем убегать, сохраняя при этом спокойствие. Задышавшись, я добежал до служебного входа. Несколько раз я видел впереди горящие фонари полицейских и сворачивал в первый попавшийся коридор. Просто удивительно, как это они меня не засекли. Перед дверью, через которую я хотел выскочить, стояли два типа в форме. Прижимаясь к стене, я подобрался к ним поближе и, когда нас разделяло не более двадцати футов, швырнул газовую гранату. Сначала мне вдруг показалось, что они в противогазах, и я попался, но они рухнули на пол. Один из них загораживал дверь. Отодвинув его в сторону, я приоткрыл ее на несколько дюймов.

Прожектор был установлен футах в тридцати от двери, не дальше. Когда он вспыхнул, мне показалось, что я ослеп. Яркий свет резанул по глазам. Только я успел плюхнуться на пол, как автоматная очередь разнесла дверь в щепки. В ушах звенело от грохота разрывающихся пуль, но все же я слышал приближающийся топот. Выхватив свой пистолет 0,75-го калибра, я выпустил все патроны в дверь, целясь выше, чтобы никого не задеть. Вряд ли это остановит их, но задержит точно.

Тут же они открыли ответный огонь. Такое впечатление, что их там был целый взвод. Свистели пули, от стен отлетали куски пластмассы. То, что надо; я был уверен, что за моей спиной никто не появится. Прижимаясь к полу, я отполз в сторону, подальше от линии огня. Пару раз завернув за угол, я теперь мог встать, не боясь, что меня пристрелят. Колени тряслись, в глазах рябило. Прожектор неплохо поработал, и я видел все как в тумане.

Я медленно шел, стараясь уйти как можно дальше от стрельбы. Взвод открыл огонь, как только я попытался выйти. Значит, им приказали стрелять в каждого, кто попытается покинуть здание универмага. Чудесная ловушка. Полицейские будут искать меня, пока не найдут. А стоит мне только выйти, как меня пристрелят. Я чувствовал себя, как крыса, попавшая в западню.

Внезапно во всем универмаге зажегся свет — я замер. Я стоял возле витрины сельскохозяйственных инструментов. В другом конце зала находилось трое солдат. Мы заметили друг друга одновременно, и, не успев я шмыгнуть за дверь, как вокруг засвистели пули. Они привлекли и военных, значит, хотели взять меня во что бы то ни стало. Невдалеке виднелись шахта лифта и лестница, ведущая наверх. В одно мгновение я оказался возле лифта, нажал на кнопку подвального этажа и выскочил из кабины до того, как двери успели закрыться. Затем я помчался обратно к лестнице, ожидая, что солдаты появятся в любой момент. Я успел подняться на первую площадку, когда дверь внизу распахнулась. Удача все еще не покинула меня. Солдаты не заметили меня и думали, что я спустился на лифте вниз. Привалившись к стене, я слышал, как они с криками понеслись в подвал.

Но один из них оказался не таким тупым, как остальные. Вместо того, чтобы отправиться в подвал по

ложному следу, он стал медленно подниматься по ступенькам. У меня не осталось ни одной гранаты, поэтому пришлось идти впереди него по лестнице, стараясь не производить шума.

Я крался по ступенькам в одних носках, повесив ботинки на шею, а он грохотал своими сапожищами по металлической лестнице. Так мы преодолели четыре пролета.

Я уже было занес ногу, чтобы подниматься дальше, как вдруг услышал, что кто-то спускается вниз, топоча солдатскими сапогами. Рядом была дверь, и я шмыгнул за нее. Передо мной тянулся коридор, по обе стороны которого были расположены двери. Я помчался вперед, стараясь добежать до конца коридора до того, как дверь сзади распахнется и меня изрешетят автоматными очередями. Коридор, казалось, никогда не кончится, и я понял, что добежать до конца у меня не хватит времени.

Я, как крыса, искал щель, где бы укрыться, но ее не было. Я тыкался во все двери, но они были заперты, все до одной. Лестничная дверь позади меня распахнулась, и я скорее почувствовал, чем увидел, как автоматы нацелились на меня. Я боялся оглянуться. Неожиданно одна из дверей поддалась, и я влетел туда, не соображая, что произошло. Быстро закрыв ее за собой, я привалился к стене, дыша, как загнанный зверь. Внезапно свет в комнате зажегся, и я увидел сидевшего за столом человека. Он улыбался.

Есть какой-то предел человеческому терпению, и я достиг его. Мне уже было все равно — пристрелит он меня или угостит сигаретой. Он не сделал ни того, ни другого. Вместо этого он предложил мне сигару.

— Угощайтесь, диГриз. Вы, кажется, такие предпочитаете?

Насколько все-таки мы рабы своих привычек. Даже когда рядом ходит смерть, мы не можем от них отказаться. Пальцы сами взяли сигару и засунули ее в рот. Я глубоко затянулся. Все это время я не сводил глаз с человека, ожидая любого подвоха.

Наверное, ожидание смерти было написано у меня на лице. Он кивнул мне на кресло, держа руки на столе. Я все еще держал его на мушке моего пистолета.

— Садитесь, диГриз, и уберите пушку. Если бы я хотел вас убить, я сделал бы это гораздо раньше, а не стал заманивать в эту комнату. — Он изумленно под-

нял брови, увидев выражение моего лица. — Уж не думаете ли вы, что оказались здесь случайно?

Именно так я и думал, но теперь... Какой же я болван! Мне стало мучительно стыдно. Меня обвели вокруг пальца, и у меня не было другого выбора, как достойно сдаться. Швырнув пистолет на стол, я плюхнулся в предложенное кресло. Он убрал оружие в ящик и немного расслабился.

— Мне было немного не по себе, когда вы тарасили на меня глаза и размахивали своей пушкой.

— Кто вы такой? — резко спросил я.

Он улыбнулся.

— Кто я такой, абсолютно не важно. Главное, какую организацию я представляю.

— Корпус?

— Именно. Специальный Корпус. Уж не приняли ли вы меня за местного полицейского? Полиция получила приказ стрелять в вас без предупреждения. Они позволили Корпусу участвовать в этом деле только после того, как я рассказал, где вас можно найти. Это мои люди заманили вас сюда. Здешние полицейские пристрелили бы вас, не раздумывая.

Неприятно, конечно, слышать такое, но это была правда. Они манипулировали мной, как запрограммированным роботом М-класса. Сидевший за столом человек — на вид ему было лет шестьдесят пять, это я только сейчас заметил — поймал меня по всем правилам. Игра закончилась.

— Ладно, мистер сыщик, я сдаюсь. Что дальше вы со мной собираетесь делать? Психологическая перероентация, лоботомия или банальный расстрел?

— Боюсь, что вы не угадали. Я просто хотел предложить вам работать на Корпус.

Все это прозвучало настолько нелепо, что я чуть не свалился с кресла от смеха. Межпланетный вор Джеймс диГриз в роли полицейского? Вот потеха. Он спокойно ждал, когда у меня пройдет приступ веселья.

— Допускаю, что на первый взгляд это кажется нелепым. Подумайте и скажите, кто может лучше выследить вора, как не другой вор?

Он был прав, но я не хотел в обмен на свободу становиться стукачом.

— Звучит заманчиво, но, боюсь, вынужден буду отклонить ваше предложение. Вы же знаете, у воров существует свой кодекс чести.

Это его разозлило. Когда он помахал перед моим носом пудовым кулачищем, я понял, что он гораздо крупнее, чем показался мне сначала.

— Хватит говорить глупости! Не корчите из себя героя детективного сериала. Вы еще никогда за свою жизнь не встречались с другим преступником. А встретив, не задумываясь, передали бы его полиции, если бы это принесло вам выгоду. Вами движет только эгоизм, и вы наслаждаетесь, делая то, чего не могут сделать другие. Пора признаться себе в этом. Хватит играть роль межпланетного плейбоя. Вы можете заняться работой, где потребуются все ваши таланты и способности. Вам приходилось когда-нибудь убивать?

Внезапный вопрос застал меня врасплох, и я не сразу ответил.

— Насколько я знаю, нет.

— А я знаю точно, так что можете спать спокойно. Вы не убийца, я проверил это, прежде чем начать охоту на вас. Именно поэтому я и уверен, что вы согласитесь работать на Корпус и получать удовольствие, вылавливая настоящих преступников, а не тех, кто просто бросает протест обществу. Людей, которые убивают и получают наслаждение от убийства.

Все это звучало довольно убедительно, на все у него был готовый ответ. У меня оставался последний аргумент.

— А что случится, если в Корпусе узнают, что вы принимаете на работу бывших преступников? Да нас обоих поставят к стенке.

Теперь он расхохотался. Я не видел в этом ничего смешного и не стал разделять его веселье.

— Начнем с того, мой друг, что я и есть Корпус, по крайней мере, человек, который им руководит. Как, ты думаешь, меня зовут? Гарольд Питерс Инскипп, вот кто я такой!

— Уж не тот ли Инскипп...

— Тот самый. Неуловимый Инскипп. Человек, ограбивший «Фарсидион II» во время полета и повернувший все те дела, о которых вы, вероятно, читали в свои юношеские годы. Меня завербовали точно так же, как сейчас я вербую вас.

Он знал, что я у него на крючке, и выложил последний довод.

— А откуда, по-вашему, мы набираем своих агентов? Не тех отличников технических школ, которые

преследовали вас сейчас. Я имею в виду настоящих агентов. Тех, кто планирует и осуществляет операции. Они бывшие преступники. Все до одного. И чем лучше они действовали на свободе, тем большую пользу они приносят Корпусу. Вселенная огромна, и каких только проблем у нас не возникает. Мы берем на работу только настоящих профессионалов. Что скажете?

Все это было настолько внезапно, что времени подумать не оставалось. Я мог бы спорить с ним целый час, но мозг уже принял решение. Я готов был сказать «да».

Я, конечно, что-то терял, но особо не печалился. Я не потеряю свободу и буду работать с людьми. Прощайте, беззаботные деньки, я снова становлюсь полноправным членом общества.

От этой мысли на душе у меня потеплело. По крайней мере, моему одиночеству пришел конец. Взамен того, что я потеряю, я приобрету дружбу.

Глава четвертая

Как глубоко я ошибался.

Люди здесь просто поражали меня тупостью. Я был для них очередной шестеренкой в отлаженном механизме. Я делал все, что мне говорили, удивляясь, как меня утраздило вляпаться в такую историю. Впрочем, удивляться было особенно нечему, я ведь знал, как это случилось. Потянулись однообразные будни.

Школа находилась на планетоиде, и я понятия не имел, какие планеты располагаются по соседству и как называется эта звездная система. Все это держалось в глубоком секрете, потому что тут, очевидно, располагались штаб-квартира Специального Корпуса и главная учебная база.

Это мне нравилось. Только поэтому я и подавил в себе мысль о побеге. Предметы были скучными, но материальная база — будь здоров. Только теперь я понял, какими примитивными были мои операции. Да имей я такую технику, мне бы равных не нашлось! Эта мысль постоянно преследовала меня в минуты депрессии и тоски, но я гнал ее прочь.

Потом вообще началась тоска зеленая. Почти все время занимала работа с архивами, где мы изучали бесчисленные победы и некоторые поражения Корпуса. Я несколько раз уже порывался смыться отсюда ко всем чертям, но меня одолевало любопытство — а что, если все это часть испытательного периода? Я умерил свой норов и, стараясь не помереть со скуки,

стал присматриваться, что к чему. Я поставил себе целью вырваться из этого рабства. Пришлось попотеть, но я достиг своей цели.

Когда я собрал все данные, все уже спали. Впрочем, я был этому только рад.

Что касается вскрытия замков и сейфов, то без ложной скромности признаюсь — равных в этом деле мне нет. Замок на двери спальни Инскиппа был просто допотопным. Через секунду я бесшумно пробрался в его комнату. Но он все равно услышал меня. Зажегся свет, и я увидел дуло пистолета 0,75-го калибра, направленное мне в грудь.

— Я-то думал, у тебя мозгов побольше, диГриз! — рявкнул он. — Подумать только, залезть в мою спальню! Да я мог тебя пристрелить!

— Не думаю, — ответил я, глядя, как он прячет свой пистолет под подушку. — Вы из тех любознательных людей, которые, прежде чем нажать курок, должны выяснить, что происходит. К тому же, будь ваш экран включен, я бы не стал шастать тут по ночам. Я бы просто позвонил.

Инскипп зевнул и налил стакан воды из графина.

— Если я возглавляю Специальный Корпус, это не значит, что я обязан работать круглые сутки. — Он опустошил стакан. — Надо же мне когда-нибудь спать. Мой экран принимает только экстренные вызовы. Не хватало мне еще утешать каждого агента.

— Значит, — как можно ласковее сказал я, — вы полагаете, что я пришел к вам за утешением?

— Мне все равно, зачем ты пришел, — проворчал он, накрываясь одеялом. — Убирайся отсюда и приходи завтра, в рабочее время.

Теперь он был в моих руках. Ему так хотелось спать, но скоро сон с него как рукой снимет.

— Знаете ли вы, что это такое? — спросил я, сунув ему под нос фотографию.

Инскипп медленно приоткрыл один глаз.

— Похоже на большой военный корабль Империи, — пробормотал он. — А теперь убирайся с моих глаз долой!

— Отличная мысль, несмотря на такой поздний час, — ободряюще сказал я. — Это последний имперский крейсер. Одна из самых разрушительных военных машин, когда-либо построенных человеком. Полмили защитных экранов и вооружение, способное

испепелить в долю секунды любой существующий флот...

— Если не считать, что последний крейсер такого типа пустили на металлолом тысячу лет назад, — пробормотал он.

Чтобы исключить всякие недоразумения, я наклонился и прошептал ему прямо на ухо:

— Все правильно. А если я скажу, что этот корабль строят сейчас?

С каким удовольствием я наблюдал, как, отбросив в сторону одеяло, Инскипп вскочил с постели. Еще секунду назад он находился в горизонтальном положении, а теперь стоял, рассматривая фотографию при свете лампы. На его пижаме не было пуговиц, и мне было видно, как его худое тело покрылось гусиной кожей. Но, несмотря на это, голос Инскиппа звучал грозно.

— Говори, диГриз! Говори, черт тебя побери! — зарычал он. — Что это за чепуха насчет военного корабля? Кто его строит?

Достав пилочку для ногтей, я принялся за маникюр, краешком глаза наблюдая, как его лицо наливается краской. Я наслаждался чувством превосходства.

— Вы правильно сделали, что направили диГриза работать в архиве. Копаться в папках столетней давности — что может быть лучше, чтобы сломить его строптивость. Надо же как-то научить Скользящего Джима дисциплине, показать ему, на чем стоит Корпус. Впрочем, архив уже давно пора было привести в порядок.

Инскипп открыл рот, издал какой-то нечленораздельный звук и снова закрыл его. Он понял, что чем больше он будет меня прерывать, тем длиннее будет моя речь. Я кивнул, отмечая его сообразительность, и продолжал:

— Итак, вы решили сломить мой дух под видом изучения истории деятельности Корпуса. Надо сказать, ваш план провалился. Покопавшись в архивах, я обнаружил там массу интересного. Особенно меня заинтересовала система КП — каталог памяти. Такая машина, что собирает поступающую информацию со всех планет Галактики, обрабатывает ее соответствующим образом и отправляет в архив. Там я и натолкнулся на этот корабль. Космические корабли всегда интересовали меня...

— Еще бы, — грубо прервал меня Инскипп. — Сколько ты их угнал за свою жизнь.

С обидой посмотрев на него, я медленно продолжал:

— Не буду утомлять вас деталями, раз вам так не терпится все узнать. Одним словом, я наткнулся на этот план.

Как только я вытащил план из кармана, он вырвал его у меня из рук.

— Что ты хочешь этим сказать? — пробормотал он, внимательно изучая чертеж. — Обычный транспортный корабль, приспособленный для перевозки пассажиров. Причем здесь Имперский крейсер?

Трудно презрительно кривить губы и говорить одновременно, но у меня это получилось.

— Естественно, ни один дурак не будет сообщать в регистр Лиги, что строит военный корабль. Но, как я уже сказал, в кораблях я немного соображаю. Мне показалось, что его размеры слишком уж велики для той цели, для которой он якобы предназначается. И так слишком много существует кораблей, которые только зря переводят топливо. Незачем строить новые. Поразмыслив, я дал команду машине, чтобы мне представили полный список кораблей такого размера, которые когда-либо строились. Представьте себе мое удивление, когда, попыхтев три минуты, машина выдала список, где числилось только шесть кораблей. Один построили для колонизаторов, направляющихся в другую галактику. Насколько мне известно, он все еще в пути. Пять других относились к кораблям класса Д, построенных для перевозки больших масс людей в эпоху Экспансии. Сейчас такие громадины никому не нужны. Я никак не мог взять в толк, зачем кому-то понадобился такой корабль. Отключив в системе КП временной ограничитель, я просмотрел всю историю освоения космоса, чтобы найти подходящие аналоги. И я их нашел. Это оказался военный корабль из Золотого Века Имперской Экспансии. Машина даже выдала мне чертеж.

Инскипп вырвал его у меня из рук и принялся сравнивать оба чертежа. Глядя через его плечо, я указывал на наиболее интересные детали.

— Обратите внимание, планировка машинного зала слегка изменена, чтобы увеличить емкость грузового трюма для хранения достаточного количества оружия.

Надстройка легко убирается, и на ее месте устанавливаются орудийные башни. Корпуса кораблей одинаковы. Пара незначительных изменений — и неуклюжий транспортный корабль превращается в быстроходный крейсер. Все это можно сделать во время сборки. Пока Лига сообразит, что к чему, корабль будет готов. Разумеется, все это может оказаться чистой случайностью, несмотря на то что чертежи совпадают в шести местах. Но я готов спорить на все что угодно, что это не так.

Но Инскипп спорить не стал. С его-то опытом он сразу сообразил, что дело тут нечисто. Натягивая штаны, он буквально засыпал меня вопросами.

— Как называется эта миролюбивая планета, стремящаяся возродить этот кошмар из прошлого?

— Циттануво. Вторая планета звезды Б в Северной Короне. Единственная планета, где живут колонисты.

— Никогда о такой не слышал, — сказал Инскипп, когда мы спускались в кабинет на его личном лифте. — Это и хорошо и плохо. Не впервые неприятности происходят там, откуда их не ждешь.

Как и всякий человек, фанатически преданный своему делу, он без всяких угрызений совести разбудил своих подчиненных, нажав на кнопку срочного вызова. Заспанные клерки быстро принесли все необходимые документы. Мы тут же принялись их изучать.

Скажу без ложной скромности, что скоро Инскипп пришел к тому же выводу, что и я. Отшвырнув папку в другой конец комнаты, он хмуро уставился в окно, за которым начинался рассвет.

— Чем больше я об этом думаю, — сказал он, — тем больше оно кажется мне подозрительным. У этой планеты нет никаких причин, чтобы строить военный корабль. Но они строят его, в этом я не сомневаюсь. Но зачем? У них процветающая культура, нет безработицы, в избытке тяжелые металлы и эффективная система хозяйствования. Ни врагов, ни междоусобиц, ничего подобного. И если бы не этот военный корабль, это была бы идеальная планета Лиги. Надо узнать о них побольше.

— Я уже позвонил в космопорт — от вашего имени, разумеется, — сказал я, — и приказал, чтобы приготовили скоростной курьерский корабль. Через час я отправляюсь на Циттануво.

— Не слишком ли ты торопишься, диГриз? — ледяным тоном спросил он. — Пока еще я здесь командую и сам могу решить, когда ты сможешь действовать самостоятельно.

Я не стал с ним спорить, так как все теперь зависело от его решения.

— Просто я решил помочь, шеф. Думал, вдруг вам понадобится дополнительная информация. Ведь речь пока не идет об операции. Это просто разведка. Я могу справиться с этим не хуже любого квалифицированного оперативника. К тому же я наберусь опыта, который мне необходим для работы в Корпусе.

— Ладно, — сказал он. — Хватит языком молоть. Отправляйся и узнай, что там происходит. Потом вернешься и доложишь. И больше ничего. Это приказ.

По его тону я понял, что он не надеялся на такой исход. И он был прав.

Глава пятая

В вещевом отделе и отделе документации меня снабдили всем необходимым. Солнце едва поднялось над горизонтом, когда моя ракета, как серебряная стрела, взмыла в небо.

Путешествие заняло всего несколько дней. За это время я изучил всю информацию, касающуюся Циттануво. И чем больше я узнавал об этой планете, тем меньше понимал, зачем им боевой корабль. Это не укладывалось ни в какие рамки. На Циттануво жили колонисты из системы Челлини, и я не раз бывал в подобных поселениях. Все они объединялись в свободный союз, и, хотя случались разногласия, до применения военной силы дело никогда не доходило. Уж если у них и было что-то общее, так это отвращение к войне.

И все-таки они тайно строили военный корабль.

Устав от бесплодных размышлений, я принялся играть сам с собой в трехмерные шахматы. Этим я занимался до тех пор, пока на экране не появилась Циттануво.

Один из моих девизов гласит: «Тайное надо делать явно». Фокусники называют это отвлечением внимания. Дайте людям взглянуть на то, что вы хотите спрятать. Поэтому, не спеша приблизившись к планете, я приземлился в полдень на самом крупном космодроме Циттануво. Я уже был одет соответственно своей роли и вышел из корабля, как только амортизаторы

перестали вибрировать. Накинув на плечи меховую накидку, я застегнул ее платиновой пряжкой и спустился по трапу. Приземистый робот модели М-3 грохотал сзади с моим багажом. Я сразу же направился к главному выходу, не обращая внимания на суету, царившую в таможенном отделе. И только когда какой-то мелкий чин подбежал ко мне, я сделал вид, будто только сейчас заметил таможенников.

Не успел он и рта открыть, как я разразился целой речью.

— Прекрасная планета! Изумительный климат! Идеальное место для жизни. Приветливые люди, готовые помочь незнакомцу, и все такое прочее. Это мне по душе. Я очень благодарный человек. Очень рад с вами познакомиться. Я — Великий Князь Сент-Анжело.

Горячо пожав ему руку, я сунул туда сотенную кредитку.

— А теперь, может, вы позовете таможенников, чтобы они прямо здесь осмотрели мой багаж? Не будем терять время. Мой корабль открыт, и они могут его проверить когда угодно.

Мои манеры, одежда, драгоценности, новенькие шикарные чемоданы, небрежность, с которой я раздавал деньги могли означать только одно. Столь богатый человек не стал бы заниматься мелкой контрабандой. Служащий что-то пробормотал мне с улыбкой, сказал несколько слов в телефонную трубку, и дело было сделано.

Заглянув для проформы в один или два чемодана, таможенники быстро наклеили бирки на мой багаж и пропустили через барьер. Я пожал всем руки, вложив каждому в ладонь по кредитке, и двинулся в путь. Меня уже ждало такси, и мне порекомендовали хороший отель. Усаживаясь в машину, я согласно кивнул, а робот в это время укладывал чемоданы в багажник.

Корабль был абсолютно чист. Все необходимое мне для работы лежало в моем багаже. Кое-что настолько опасное и смертоносное, что мне грозили бы крупные неприятности, если бы таможенники были повнимательней.

Придя в номер отеля, я переоделся и изменил внешность. Разумеется, после того, как робот проверил все помещения.

Замечательная штука, эти роботы Корпуса. С виду самые настоящие тупые М-3. Но это только внешне.

Мозги у них первоклассные, к тому же, весь корпус у них нашпигован различными приборами и приспособлениями. Робот медленно двигался по комнате, раскладывая мой багаж и дорожные принадлежности. Он следовал по определенной схеме, исследуя одновременно каждый дюйм поверхности. Закончив проверку, он доложил мне о результатах.

— Все комнаты проверены. Обнаружен только один оптический «жучок» на той стене.

— Может, не стоит указывать на него? — спросил я робота. — Полиции это может показаться подозрительным.

— Исключается, — с механической уверенностью произнес робот. — Я вывел его из строя.

Находясь в безопасности, я сбросил свои роскошные одежды и облачился в черную как ночь форму адмирала Великого Флота Лиги. Мне выдали ее со всеми знаками отличия, золочеными галунами и необходимыми документами. Мне она казалась слишком помпезной, но для Циттануво это было в самый раз. Как и на других планетах, здесь форме придавали большое значение. Рассыльные, дворники, клерки — все они имели свою характерную униформу. Так что мой черный мундир должен был придать мне соответствующий авторитет.

Перед выходом из отеля я накинул поверх формы длинный плащ, но не мог придумать, куда деть украшенную золотом фуражку и кейс с документами. Я до сих пор еще не знал всех возможностей псевдоробота М-3 и решил проверить.

— Эй, коротышка, — позвал я. — Есть ли в твоём стальном брюхе какие-нибудь ящики?

Мне показалось, что робот взорвался. У него было больше ящиков, чем у сотни кассовых аппаратов. Большие и маленькие, узкие и широкие, они выскочили из него в разные стороны. В одном из них лежал пистолет, в двух других — гранаты, остальные были пустыми. Засунув в них свою фуражку и кейс, я щелкнул пальцами. Ящики встали на свое место, и металлический корпус стал гладким, как раньше.

Я нацепил кепку, поплотнее запахнул плащ и был готов. За багаж я не беспокоился, он мог сам постоять за себя. В крайнем случае, все пистолеты, газовые бомбы, отравленные иглы просто взлетят на воздух

М-3 спустился на грузовом лифте. Я сбежал по ступенькам, и мы встретились на улице.

Еще светило солнце, и я не стал брать вертолет, а остановил такси. Выхав за город, мы не спеша направились к резиденции президента Ферраро и добрались туда, когда уже смеркалось.

Как и всякий повелитель богатой планеты, он жил в великолепном дворце. Правда, охрана оказалась никудышной, и мы с трехсотпятидесятикилограммовым роботом беспрепятственно преодолели ее, так что ни одна сигнализация не сработала. Президент Ферраро был холостяком и в это время ужинал. Это позволило мне спокойно исследовать его кабинет.

Я не нашел там ничего. Ничего связанного с войнами и строительством военного корабля. Будь я простым шантажистом, тут бы мне хватило компромата, чтобы всю оставшуюся жизнь ни в чем не нуждаться. Но меня, однако, интересовало нечто более значительное, чем политическая коррупция.

Когда Ферраро вошел в свой кабинет после ужина, там было темно. Проклиная слуг, он стал нащупывать выключатель. Прежде чем он нашел его, робот закрыл дверь и включил свет. Я сидел за его столом, положив на его личные бумаги свой пистолет. На лице я попытался изобразить зловещую гримасу. Не успел он очухаться, как я рявкнул:

— Идите сюда и садитесь. Быстро!

В этот момент робот дал ему пинка, так что у президента не осталось другого выбора. Увидев на столе свои бумаги, он вытаращил глаза и пробормотал что-то нечленораздельное. Пока он не оправился от испуга, я сунул ему свои документы.

— Я — адмирал Тар, командующий Великого Флота Лиги. Можете проверить мои полномочия.

Я не беспокоился — документы нельзя было отличить от настоящих. Ферраро внимательно просмотрел их и даже проверил печати ультрафиолетом. Это дало ему время прийти в себя, и он перешел в наступление.

— Как вы посмели ворваться в мой кабинет и рыться в моих бумагах?

— У вас крупные неприятности, — как можно зловеще произнес я.

От этих слов Ферраро побледнел. Я продолжал напирать.

— Я вынужден вас арестовать за воровство, вымогательство, заговор и многое другое, что прояснится после изучения этих документов. Взять его!

Последние слова предназначались роботу, который отлично справился со своей ролью. Сделав шаг вперед, он обхватил президента за запястье, но тот даже не заметил этого.

— Я все объясню, — в отчаянии взмолился он. — Не знаю, что у вас тут за бумаги, поэтому не стану утверждать, что они фальшивые. У меня ведь так много врагов. Если бы Лига только знала, сколько трудностей приходится преодолевать на этой отсталой планете...

— Достаточно, — остановил его я. — Все это в свое время расскажете на суде. Меня интересует только одно. Зачем вы строите военный корабль?

Президент был великим актером. Он выпучил глаза, открыл рот и рухнул в кресло, будто его огрели молотком по голове. Когда к нему наконец вернулся дар речи, слова уже были не нужны — всем своим видом он выражал оскорбленную невинность.

— Какой еще корабль? — пробормотал он.

— Военный крейсер, который строят на космической верфи Сенерентола. Якобы по этим чертежам. — Я бросил их на стол и указал ему на подпись. — А вот и ваши инициалы. Вы сами разрешили строительство.

Ферраро все еще никак не мог прийти в себя, пока изучал чертежи и свою подпись. Я не стал его торопить. Отложив чертежи в сторону, он покачал головой.

— Не знаю ни о каком военном корабле. Это чертежи нового грузового и пассажирского лайнера. Подпись действительно моя.

Формулируя следующий вопрос, я тщательно подбирал слова.

— Значит, вы понятия не имеете, что по этим чертежам строится крейсер?

— Я только знаю, что это чертежи обычного грузового корабля, который может использоваться и как пассажирский лайнер.

Казалось, что говорит невинный младенец. Что ж, его еще, наверное, никогда не хватали за руку. Откинувшись в кресле, я закурил сигару.

— Кстати, насчет робота, который вас держит. — Он обернулся, будто только сейчас заметив, что все

это время робот держал его за запястье как в наручниках. — Это не простой робот. На кончиках пальцев у него полно всяких интересных приборов — термодатчики, гальванометры и тому подобное. Пока мы беседовали, он измерял температуру вашей кожи, кровяное давление, потообразование и другие параметры. Иными словами, перед вами быстроедействующий и надежный детектор лжи. Сейчас мы послушаем, сколько вы нам всего наврали.

Ферраро дернулся от робота, будто это была ядовитая змея. Я выпустил кольцо дыма.

— Доложи, — приказал я роботу, — сколько он наврал?

— Много, — сообщил тот. — Семьдесят четыре процента всех его утверждений были лживыми.

— Отлично. — Я кивнул, приготовившись захлопнуть ловушку. — Значит, он знал о военном корабле?

— Субъект ничего не знал о военном корабле, — беспристрастно доложил робот. — Все его заявления, касающиеся строительства военного корабля, были правдивыми.

Теперь настала моя очередь таращить глаза, а Ферраро тем временем взял себя в руки. Он, конечно, не знал, что меня не интересуют его остальные махинации, но заметил мою растерянность. Усилием воли я заставил себя проанализировать ситуацию.

Если президент Ферраро ничего не знал о строительстве военного корабля, значит его использовали, как ширму. Но кто же тогда стоял за этим? Военная хунта, которая хотела отстранить его от власти? Я слабо разбирался в местных политических делах и решил взять Ферраро к себе в союзники. Используя компрометирующие документы, я мог бы управлять им, как марионеткой. Но этого не понадобилось. Как только я показал ему оба чертежа и объяснил, в чем их сходство, он сразу же все понял. Он больше меня хотел найти того, кто использовал его, как слепое орудие. По молчаливому согласию о компромате мы забыли.

Мы решили, что первым делом надо поехать на космические верфи Сенерентолы. Он уже принялся рассуждать, как он может использовать это против своих политических противников, но я дал ему понять, что Лига, и в особенности Флот Лиги, желали бы

приостановить строительство корабля. После этого он может спокойно играть в свои политические игры.

Урегулировав этот вопрос, он вызвал машину и взвод охраны. Мы торжественно покатали в сторону космических верфей. Дорога туда заняла четыре часа, и все это время мы обсуждали наши планы.

Управляющего звали Рокка, и он мирно спал, когда мы приехали. Увидев мундиры и наставленные на него пистолеты, он так испугался, что едва устоял на ногах. Полагаю, что он был таким же мелким мошенником, как и Ферраро. Человек с чистой совестью вряд ли бы так напугался. Долго не раздумывая, я подсоединил к нему свой ходячий детектор лжи и принялся задавать вопросы.

Еще не закончив допрос, я понял, что к чему. Я с ужасом осознал, что управляющий верфью ничего не подозревал о строящемся здесь военном корабле.

Человек с меньшим, чем у меня, жизненным опытом уже давно усомнился бы в своей правоте. Но голько не я. Корабль все еще продолжал совпадать с крейсером в шести ключевых местах. А в совпадения я не верил. Из двух зол надо выбирать меньшее. Не веря в случайности, я доверился своему инстинкту.

Сравнив оба чертежа, я снова обратил внимание на надстройку. Чтобы превратить пассажирский лайнер в военный корабль, от нее надо было избавиться в первую очередь.

— Рокка! — рявкнул я, как настоящий космический волк. — Посмотри на эту штуковину на носу корабля. Ее все еще строят?

Он покачал головой.

— Нет, чертежи изменили. Здесь мы установили защитное устройство от метеоритов, чтобы корабль мог проходить опасные участки.

Раскрыв кейс, я вытащил оттуда второй чертеж.

— Уж не так ли выглядит ваше устройство? — спросил я, швырнув чертеж на стол.

Он потер подбородок, рассматривая схему.

— Вроде бы, — нерешительно произнес он. — Но утверждать не могу. Этим занимались другие, а я отвечаю только за окончательную сборку. Но эта

штуковина похожа на ту, которую они установили. Полно всяких силовых кабелей...

Без всякого сомнения, это был крейсер. Я уже поздравил себя с удачей, когда до меня дошел смысл сказанного.

— Установили! — закричал я. — Вы сказали, установили?

Рокка, казалось, съежился от моего крика.

— Да, — пробормотал он. — Совсем недавно. Помню, там еще были кое-какие трудности...

— А еще что? — перебил его я. От напряжения я даже вспотел. — Двигатели, приборы управления — это они тоже установили?

— Разумеется, — ответил он. — Как вы узнали об этом? График предельно сжали, и это вызвало массу всяких трудностей.

Теперь я уже обливался холодным потом. Я чувствовал, что где-то допустил просчет. По плану они должны были закончить сборку корабля только через год. Но уж если они изменили чертежи, почему бы им не изменить и сроки?

— Хватайте оружие! По машинам! — закричал я. — К кораблю! Если его уже почти достроили, нам грозят серьезные неприятности! Очень серьезные!

Взревели моторы, завывли сирены. Скучавшие до этого охранники оживились. Мы летели через ночь, как на крыльях.

Но это не помогло. Мы все равно опоздали. Ночной сторож яростно махал нам руками, и мы остановились.

Корабля не было.

Ни Рокка, ни президент не могли в это поверить. Они изумленно бродили по пустой площадке. Я даже не стал вылезать из машины, а, откинувшись на сидении, жевал сигару, проклиная себя за тупость.

Истина была рядом, а я-то вбил себе в голову, что правительство строит корабль. Оно участвовало в этом деле, но всего лишь как прикрытия. Ни один мелкий политик не додумался бы до затеи с таким размахом. Я учуял крысу — стальную крысу. Кто-то действовал так же, как действовал я до того, как встал на путь истинный.

Теперь, когда этот грызун ускользнул от меня, я знал где и как его найти. Рокка, управляющий верфи, рвал на себе волосы, ругаясь на чем свет стоял. Президент Ферраро достал свой пистолет и хмуро

установился на него. Трудно сказать, что он замышлял — убить кого-нибудь или покончить с собой. Впрочем, меня это мало волновало. Его беспокоили только следующие выборы, когда избиратели и политические противники снимут с него шкуру за исчезновение корабля. Меня волновало нечто большее.

Я должен был отыскать крейсер до того, как он начнет бороздить просторы Галактики.

— Рокка! — крикнул я. — Быстро в машину. Мне надо просмотреть ваши отчеты — все до единого. Немедленно!

Он устало сел в машину и принялся давать указания шоферу, прежде чем до него дошел смысл моих слов. Вспомнив, что на улице ночь, он запротестовал.

— Но адмирал... В такое время? Все еще спят...

Я заворчал, и этого было достаточно. Все остальное он прочел у меня на лице. Схватив трубку телефона, он отдал соответствующие распоряжения.

Когда мы приехали, во всех кабинетах горел свет.

Обычно я ненавижу всякую бюрократическую писанину, но в тот момент я ее боготворил. Это была настоящая наука. Стоило пропасть одной заклепке, как тут же об этом составлялся отчет в пяти экземплярах. Затем это шло в соответствующий раздел архива — «заклепка», «потеря», «расследование». Все необходимые мне факты были похоронены в этих бумажных катакомбах. Оставалось только найти их. Я не стал терять время, докапываясь до причины постройки корабля, а принялся исследовать последние модификации, такие, как оружейная башня, чтобы сразу же выйти на преступников.

Как только клерки поняли, что от них требуется, они тут же принялись за работу, подстегиваемые чувством патриотизма и грозными окриками начальства. Стоило мне только указать им нужное направление, и все документы оказывались на моем столе.

Понемногу картина стала проясняться. Целая паутина подлогов, взяток, махинаций и обмана. Создать это мог только такой гениальный мошенник, как я. Во мне возникло чувство ревности. Как и все великое, идея была чрезвычайно проста.

Злоумышленник или несколько злоумышленников приспособили строительство корабля для собственных целей. Сначала речь шла о постройке транспортного судна, но затем в чертежи стали вноситься изменения.

Приказы проходили через многие инстанции, подтасовывались и видоизменялись. Все это было сделано гениально. Мне стоило немалого труда докопаться до источников этих приказов. Некоторые из них существовали только на бумаге. А другие вносили такие изменения, что я просто диву давался, как это раньше никто не заподозрил неладное. Потом мне объяснили, что у начальников этих отделов работала временная секретарша, когда их собственные болели. Все они получили пищевое отравление. Прямо эпидемия какая-то. И каждую из них по очереди замещала одна и та же девушка. Внеся изменения в планы строительства крейсера в одном отделе, она переходила в другой.

Эта девушка явно была помощницей главного преступника, который и придумал весь план. Он, как паук, дергал за ниточки, руководя всеми действиями. Я ошибался, полагая, что здесь работает целая банда. Преступник просто подделывал чужие подписи. А когда не мог это сделать, выполнял работу сам. Таинственный злоумышленник занимал должность помощника главного инженера. Одна из ниточек клубка вела к нему. У него тоже имелась секретарша, которая «болела» именно тогда, когда заменяла других девушек в нужных отделах.

Когда я наконец встал из-за стола, спина у меня горела так, будто туда вставили раскаленную проволоку. Проглотив таблетку, я посмотрел на измученных клерков, которые вместе со мной бодрствовали эти семьдесят два часа. Они сидели, прислонившись к мебели, и ждали моего решения. Даже президент Ферраро был здесь. Его шевелюра значительно поредела, а оставшиеся волосы торчали во все стороны.

— Вы обнаружили эту банду преступников? — спросил он, снова пытаясь вырвать клочок волос.

— Да, нашел, — хрипло ответил я. — Но не банду, а одного мастера криминального таланта. Все ваши продажные клерки и мизинца его не стоят. Ему помогала женщина. Всю работу они проделали вдвоем. Его зовут Пепе Неро, хотя имя явно вымышленное. А девушку зовут Анжелина...

— Стража! Схватить их!

Ферраро выскочил из комнаты. Я был вынужден обращаться к его спине.

— Это было бы наилучшим решением. Но в данный момент это затруднительно — ведь они не только по-

строили крейсер, но и украли его. Управление кораблем автоматическое, никакой команды не требуется.

— Что же вы собираетесь предпринять? — спросил один из клерков.

— Абсолютно ничего, — ответил я ему, как истинный космический волк. — Флот Лиги уже сжимает вокруг них кольцо, и скоро вы услышите об их поимке. Благодарю вас за помощь.

Глава шестая

Я молодецвато козырнул, и они вышли из комнаты. Хмуρο глядя им вслед, я на мгновение позавидовал их вере в мощь Флота Лиги. В действительности Флот был такой же липой, как и мое адмиральское звание. Этим делом занимался только Корпус. Надо было немедленно сообщить информацию Инскиппу. Я уже посылал ему псиграмму, но ответа пока не последовало. Может быть, когда он узнает о личности злоумышленников, дело сдвинется с мертвой точки.

Я зашифровал свое сообщение (код был несложным) и отнес его в передающий центр. Псиграммист находился в своем прозрачном кабинете, когда я вошел к нему, закрыв за собой дверь. Глядя перед собой отсутствующим взглядом, он тихо говорил в микрофон, посылая сообщение через просторы Галактики. Снаружи стенографисты записывали, расшифровывали и подшивали поступающие сообщения, но через изолированные стены не проникало ни звука. Когда псиграммист наконец закончил, я протянул ему листок бумаги.

— Лига, Центральная-14, срочно!

Он удивленно поднял брови, но вопросов задавать не стал. Имея в своем распоряжении целую команду псиграммистов, он установил контакт за несколько секунд. Он медленно читал шифровку, шевеля губами, но не произнося слова вслух. Его мысли распространялись вперед на расстояние в несколько световых лет.

Когда он закончил, я забрал у него листок, порвал его, а обрывки сунул в карман.

Ответ пришел почти сразу же. Очевидно, Инскипп ждал моего сообщения. Отключив микрофон, чтобы стенографисты ничего не слышали, я сам принялся записывать кодовые группы.

— ... ксибб дфил фдно, а если не выполнишь, можешь не возвращаться!

В конце сообщение шло открытым текстом, и психграммист улыбнулся, произнося эти слова. Я перестал писать и пригрозил ему, чтобы он не вздумал кому-нибудь сообщить эту секретную информацию. В противном случае я обещал его лично пристрелить — улыбка медленно сползла с его лица. Но мне от этого легче не стало.

Расшифрованное сообщение оказалось не таким уж и плохим, как я представлял раньше. До получения следующего приказа я должен был найти и вернуть украденный корабль. Лига обещала мне всяческую поддержку. Звание адмирала оставалось за мной до окончания работы. Я должен был постоянно держать Инскиппа в курсе дела. И только последние слова шифровки портили всю картину.

Я получил свое долгожданное задание. Однако на нормальном языке оно звучало, как ультиматум, — если я не найду корабль, мне не сносить головы. И ни слова благодарности за мои усилия по раскрытию преступления. Нет в мире справедливости.

Преисполненный жалостью к самому себе, я отправился спать. Раз моя основная работа теперь заключалась в ожидании, я мог ждать и во сне.

Да, теперь мне оставалось только ждать. Конечно, я занимался и другими вопросами — распорядился, чтобы мне предоставили крейсер, собирал дополнительную информацию о похитителях, но все это было второстепенным по сравнению с главной задачей — ждать плохих новостей. Оставлять Циттануво и бросаться в погоню не имело смысла, так как украденный корабль мог двигаться в любом направлении. С каждой минутой сфера его вероятного местонахождения росла в геометрической прогрессии. Команда моего крейсера

несла круглосуточное дежурство, и я запретил им отходить от корабля дальше, чем на сто ярдов.

Пепе и Анжелина умели замечать следы, и мне приходилось довольствоваться скудной информацией. Никто не знал откуда они, лишь небольшой акцент выдавал в них чужаков. Имелась плохая фотография Пепе, толстощекого парня с хмурым взглядом. Фотографию девушки разыскать не удалось. Сгорая от нетерпения, я заставлял психиграммиста сообщать мне обо всех происшествиях в космосе. Мы со штурманом отмечали их точками на карте, проверяя, не попадают ли они в сферу возможного нахождения украденного корабля. Некоторые попадали, но при дальнейшем расследовании это оказывалось просто совпадением.

Я приказал сообщать мне обо всех происшествиях в любое время дня и ночи. Однажды дежурный разбудил меня и протянул листок бумаги. Протерев глаза, я прочитал первые две строчки и тут же нажал на кнопку тревоги, расположенную рядом с моей постелью. Надо сказать, флотские ребята знали свое дело. Не успел я дочитать сообщение, как завывли сирены, команда задраила люки, и крейсер взлетел. Оправившись от перегрузки, я дочитал сообщение до конца. А потом перечитал еще раз более внимательно.

Именно этого я и ждал. Свидетелей трагедии не было, но мониторные станции зарегистрировали вспышку энергии, как при использовании оружия большой мощности. При помощи триангуляционного метода были определены координаты, по которым обнаружили грузовое судно «Мечта Оггета». В его корпусе зияла дыра величиной с железнодорожный туннель. Груз плутония исчез.

Читая сообщение, я почувствовал руку Пепе. На его крейсере отсутствовала команда, и он действовал наверняка. Если бы он угрожал другому кораблю или вел с ним переговоры, его шансы на успех значительно снизились бы. Поэтому он просто приблизился к ничего не подозревавшему грузовозу и расстрелял его из своих чудовищных пушек. Восемнадцать человек команды погибли на месте. Теперь воры стали и убийцами.

Необходимо было принимать решение. Но я боялся совершить ошибку. Пепе оказался безжалостным убийцей. Он брал все, что хотел, устраняя всех со своего

пути. Я должен сделать так, чтобы трупов было как можно меньше.

Конечно, идеальным вариантом было послать против него вооруженный до зубов флот и изрешетить его из орудий. Прекрасная мысль, только вот где найти этого Пепе? Крейсер, разумеется, огромный корабль, но в масштабах Галактики он просто пылинка. Пока он будет держаться вдали от пассажирских маршрутов и планет с радарными станциями, нам его не отыскать.

Как же мне его найти? А когда найду — как захватить? Эта адская штука уничтожит самый мощный корабль Флота. Этот вопрос мучил меня днем и не давал спать ночью, но ответа я не находил.

Решение пришло со временем. Раз я не знаю, где может находиться Пепе, надо сделать так, чтобы он появился там, где нужно мне.

У меня имелись кое-какие преимущества. Самое главное заключалось в том, что я заставил его сорваться с места, когда он был еще не готов. Ведь не случайно он улетел с Циттануво именно в тот день, когда я прибыл на планету. Его план наверняка включал систему предупреждения о приближающейся опасности. Двигатели крейсера, системы управления и основное вооружение были установлены за несколько недель до моего прибытия. Но полностью работа не была закончена. Один свидетель утверждал и даже нарисовал, как во время взлета с крейсера свисали кабели силовой установки.

Мое появление вывело Пепе из равновесия. Теперь я должен толкнуть его так, чтобы он упал. Надо думать так же, как он, предвидеть его следующий ход и — поймать в ловушку. Вор ловит вора. Теория прекрасная, но на практике она сразу же забуксовала.

Чтобы прояснилось в голове, пришлось выпить и закурить сигару. Выпуская кольца дыма, я глядел в потолок и размышлял. В конце концов не все можно сделать с помощью крейсера. Нельзя, скажем, грабить банки, взламывать сейфы и печатать фальшивые деньги. Для пиратства крейсер в самый раз, но больше он ни на что не годится.

— Прекрасно... Но почему ему понадобился именно военный корабль?

Говорить с самим собой — плохой признак, но сейчас мне было все равно. Я заикнулся на мысли о космическом пиратстве, но вдруг — бац! — меня осенило.

Зачем ему понадобился именно военный корабль? Годы труда и титанические усилия, чтобы получить корабль, которым едва ли смогут управлять два человека. Затратив в десять раз меньше усилий, Пепе мог бы построить себе меньший по размерам корабль, который тоже прекрасно подходил бы для пиратства.

Но только для пиратства. Пепе был нужен военный корабль, и он его получил. Это значило, что он задумал нечто большее, чем простое пиратство. Что именно? Этот Пепе был одержим маниакальной идеей собственного превосходства, как заиклившийся компьютер. Когда-нибудь станет известно, как ему удалось избежать официального тестирования. Но не это меня волновало. Моя задача — поймать его.

План действий постепенно складывался в моей голове, и я дал ему время как следует созреть. Сначала я должен быть уверен, что хорошо знаю Пепе. Не так-то легко поймать человека, который обвел вокруг пальца целую планету, строя военный корабль, да к тому же и угнал его. Крейсеру нужна команда и база, где можно запрапляться горючим.

О горючем он уже позаботился. Свидетельство тому — продырявленный корпус «Мечты Оггета». В Галактике полно планет, на которых он может устроить себе базу. С командой дело обстояло сложнее — где ее найти в наше мирное время? Но и тут я продумал несколько вариантов. Пару налетов на тюрьмы и психбольницы — и у вас команда, которой позавидует любой пиратский капитан. Однако этот парень имел в виду нечто более крупное, чем обыкновенное пиратство. Может быть, он хотел править какой-нибудь планетой или целой системой? Или чем-нибудь побольше? От этой мысли мне стало не по себе. Если он действительно задумал нечто подобное, остановить его будет нелегко. Во время Королевских Войн горстка авантюристов, имея в своем распоряжении пару кораблей, установила такую Империю. А хитрости у них было поменьше, чем у Пепе. В конце концов с ними справились — ведь у них все держалось на авторитете одного человека, — но какой ценой!

Вот такой план задумал Пепе, я чувствовал это нутром. Возможно, я ошибался в деталях, но это неважно. Я понял, чего он хотел и как хотел этого добиться. В преступлении, как и в любой другой сфере

человеческой деятельности, существуют свои законы. Уж я-то об этом знал.

— Вызовите ко мне офицера связи! — заорал я в микрофон селектора. — И пару стенографистов! Быстро — речь идет о жизни и смерти!

Последняя фраза совсем не соответствовала моему образу. Я застегнул воротничок, поправил медали и расправил плечи. Когда в дверь постучали, я снова был адмиралом.

По моему приказу корабль вышел из искривленного пространства, чтобы наш психграммист мог связаться с другими операторами. Капитан Стенг недовольно ворчал, что мы зря висим в космосе с выключенными двигателями, теряя драгоценные дни, а половина его команды выполняет какие-то ненормальные приказы. Он никак не мог понять, чего я добиваюсь. Поэтому я и был адмиралом, хоть и временным, а он оставался простым капитаном.

Выполняя мои распоряжения, штурман снова начертил на карте сферу возможного нахождения похищенного корабля. Туда входили планеты, до которых похитители могли долететь за один день. Их было немного, и психграммист по очереди устанавливал с ними контакт, передавая сообщения флотским офицерам по связи с общественностью. Постепенно сфера расширялась, захватывая новые планеты, связаться с которыми наш психграммист уже не мог. К тому времени я подготовил текст основного сообщения и указания по его использованию. Психграммист передал все это на Центральную-14. Там штатные психграммисты стали выходить на связь с планетами, список которых мы постоянно пополняли.

Все мои сообщения касались одной и той же темы. В самых различных формах и стилях я излагал одну и ту же мысль. Я хотел, чтобы основная информация об этом появилась во всех газетах и журналах планет, входящих в сферу возможного нахождения похищенного корабля.

— Что, черт побери, все это значит? — раздраженно ворчал капитан Стенг.

Он давно уже решил, что вся наша операция обречена на провал, и большую часть времени проводил в своей каюте, размышляя о том, как все это отразится на его послужном списке. От скуки или любопытства он прочитал одно из моих сообщений.

— «Миллиардер ищет свой собственный мир... Роскошная космическая яхта с запасом топлива на сто лет...» — Лицо капитана побагровело, и он отшвырнул листок в сторону. — Какое отношение вся эта чушь имеет к нашей операции?

Со мной он разговаривал вежливо, но, видно, уже заподозрил, что я не настоящий адмирал. Впрочем, приказы пока еще отдавал я, и наши отношения носили официальный характер.

— Эта чушь и есть та приманка, на которую клюнет наша рыбка, — объяснил я. — Ловушка для Пепе и его сообщницы.

— А кто этот таинственный миллиардер?

— Он перед вами, — сказал я. — Мне всегда хотелось быть богатым.

— А эта космическая яхта, где она?

— Строится на верфи в Удридде. Как только мы закончим предварительную подготовку, то немедленно отправимся туда.

Капитан Стенг бросил листки с сообщениями на стол и тщательно вытер руки, как будто боялся подцепить какую-нибудь инфекцию. Он силился понять, что у меня на уме, но у него ничего не получалось.

— Непонятно, — пробормотал он. — Откуда вам знать, что этот убийца прочитает хотя бы одну из записок? А если и прочитает, почему он клюнет на это? Мне кажется, вы зря теряете время — он выскользнет у нас из рук. Надо объявить тревогу и оповестить все корабли. Привести в боевую готовность Флот и выслать патрули на все пассажирские линии...

— Он легко скроется от них, а может просто уничтожить. Ни один наш корабль не может сравниться с его громадиной. Это не выход. Пепе хитер, как игровой автомат, запрограммированный на выигрыш. В этом его сила, но и слабость тоже. Такие типы считают, что их никто не перехитрит. А именно этим я и собираюсь заняться.

— Весьма скромное заявление, — заметил капитан Стенг.

— Стараюсь не скромничать, — отпарировал я. — Ложная скромность порождает некомпетентность. Я поймаю бандита и скажу вам, как я это сделаю. Скоро он снова нанесет удар, и, где бы он ни совершил

нападение, будут газеты с моим сообщением. В любом случае он заберет все газеты и журналы. Отчасти, чтобы удовлетворить свое самолюбие, но главным образом, чтобы получить необходимую информацию. Таковую, как расписание движения кораблей.

— Это всего лишь предположения. Откуда вам знать?

Меня уже начинала раздражать его уверенность в моем неминуемом провале. С трудом сдерживая себя, я сделал последнюю попытку.

— Да, это предположение, но оно основывается на фактах. С «Мечты Оггета» бандиты забрали все газеты и журналы, мне сразу это бросилось в глаза. Мы не в силах предотвратить следующее нападение разбойничьего крейсера, но после этого мы сможем заманить его в ловушку.

— Не знаю, не знаю, — ответил капитан. — Помоему...

Я так никогда и не узнал, что же он хотел сказать, но совсем не сожалел об этом. Он настолько уже мне надоел, что еще немного, и я бы вышел из роли адмирала.

Рев сирены прервал его на полуслове, и мы со всех ног бросились в радиорубку. Капитан Стенг прибежал первым. Еще бы, это был его корабль, и он знал там все короткие пути. В руках психграммист держал стенограмму сообщения и доложил нам о случившемся одной фразой. Глядя мне в глаза, он холодно отчеканил:

— Они снова нанесли удар. Напали на флотский спутник снабжения и убили тридцать четыре человека...

— Если ваш план не сработает, *адмирал*, — хрипло прошептал мне на ухо капитан, — я лично прослежу, чтобы с вас сняли шкуру!

— Если мой план не сработает, *капитан*, с меня нечего будет сдирать. А теперь, если вы не возражаете, мы направимся на Удридде, где я немедленно переседаю на свою яхту.

Недоверие и подозрительность моих помощников раздражали меня до крайности. Я руководствовался теперь злостью, а не логикой. Я постарался взять себя в руки и привести в порядок мысли.

— Отставить выполнение последней команды! — крикнул я, снова входя в роль космического волка. —

Выйдите на связь и узнайте, забрали ли они нашу приманку во время налета.

Пока психграммист с отсутствующим взглядом бормотал себе под нос, я неторопливо просматривал лежащие на столе бумаги. Рядовые и офицеры напряженно ждали результата, почти не скрывая своей ненависти к моей персоне. Ответ пришел через десять минут.

— Ответ положительный, — сообщил психграммист. — За двадцать часов до нападения к спутнику подходило судно, которое, среди всего прочего, оставило там и газеты с вашей статьей.

— Очень хорошо, — спокойно констатировал я. — Передайте общий приказ прекратить печатать эти статьи. Приказ передать только через психграммистов. Категорически запрещаю использовать другие средства связи Флота. Никто не должен нас подслушивать.

Я вышел из радиорубки с видом хозяина положения. Нельзя, чтобы они видели мое лицо, на котором выступил холодный пот.

Мы направились на Удридде, где меня ждала моя яхта миллиардера под названием «Эльдорадо». Управляющий верфи показал мне корабль, тщетно пытаясь скрыть свое любопытство. Испытывая садистское наслаждение, я ни словом не обмолвился о цели моего путешествия, отомстив таким образом Флоту. Проверив системы управления и специальную аппаратуру, я выгнал всех с яхты. В систему автоматического навигатора была заложена программа с необходимыми курсами. Оставалось только нажать на кнопку, и яхта отправится в путь. Я нажал на кнопку.

Это был прекрасный корабль. Строители позаботились обо всем. От носа до дюз яхта была покрыта чистым золотом. Из всех благородных металлов золото производит самый большой эффект. Внутреннее убранство кают поражало своим великолепием. Вряд ли за такое короткое время можно было проделать такую работу, очевидно, Флот просто отдал мне чью-то шикарную яхту, установив на ней необходимое оборудование.

Все было готово. Либо Пепе сделает неверный шаг, либо я направлюсь на свою райскую планету миллиардера. В этом случае мне лучше там и остаться.

Теперь, когда я находился в космосе, меня стали одолевать прежние сомнения. План, который еще недавно я считал идеальным, показался мне никуда не годным.

— Не дрейфь, моряк, — сказал я вслух адмиральским голосом. — Ничего не изменилось. Учитывая обстоятельства, лучшего плана тебе не придумать.

А так ли это? Мог ли я быть уверенным, что Пепе, летая на своей громадине и питаясь флотским пайком, проявит интерес к роскоши и комфорту? А если он равнодушен к роскоши, может, ему захочется прибрать к рукам чужую планету? В объявлениях, которые были напечатаны во всевозможных газетах, я указал все то, на что он может польститься. Наживка была на крючке. Но клюнет ли он?

Трудно сказать. Я нервничал, постоянно думая об одном и том же. Навязчивые мысли так и лезли мне в голову. Следующие четыре дня тянулись мучительно долго.

Глава седьмая

Когда завыл сигнал тревоги, я почувствовал огромное облегчение. Меня, разумеется, могли убить в мгновение ока, но я относился к этому равнодушно.

Пепе заглохнул наживку. Только его крейсер мог дать такую отметку на экране, находясь на большом расстоянии. Включив двигатель на полную мощность, он стремительно приближался ко мне. Яхта слегка качнулась, когда крейсер создал вокруг меня силовое поле. Одновременно заработал зуммер приемника. Я дал ему немного позвенеть, а затем включил радио. Из динамика загрохотал голос:

— ... что вы под прицелом орудий военного корабля! Не пытайтесь бежать, посылать сигнал о помощи или предпринимать другие действия...

— Кто вы такие, и, черт возьми, что вам надо? — завопил я в микрофон.

Я включил сканнер, чтобы они видели меня. Мой же экран оставался темным, они не собирались показывать себя. С одной стороны это облегчало мою задачу — я играл роль перед невидимой аудиторией. Они видели мою роскошную одежду и шикарную каюту. Мои руки оставались вне поля их зрения.

— Неважно, кто мы такие! — снова загрохотало радио. — Выполняй приказы, если тебе дорога жизнь. Не прикасайся к пульта управления, пока твоя яхта не пришвартуется. Затем будешь выполнять мои распоряжения.

Послышались два приглушенных щелчка, когда магнитные клещи захватили корпус яхты. Она накренилась, когда ее поволокли к крейсеру. Я в ужасе закатывал глаза, озираясь в поисках выхода, поглядывая одновременно на экраны внешнего обзора. Яхту прижало к исполинскому корпусу военного корабля. Я нажал кнопку, давая команду роботу с автогенным устройством.

— А теперь я вам кое-что покажу! — рявкнул я в микрофон — испуганный миллиардер исчез. — Прежде всего, я повторю ваше предупреждение — выполняйте приказы, если хотите жить. Я покажу вам, почему...

Когда я повернул выключатель, на экране появились картинки, идущие друг за другом в строгой последовательности. Сначала вид корпуса корабля с магнитными бомбами. Меня уже на экране не было. Теперь работал сканнер, установленный в генераторном зале. Бросив взгляд на монитор, я принялся натягивать скафандр. Я делал это быстро, одновременно продолжая давать пояснения.

— Сейчас вы видите генераторы корабля, — сказал я. — Девяносто восемь процентов энергии идет сейчас на питание электромагнитов. Вам не удастся отсоединить от себя яхту. Впрочем, я бы и не советовал этого делать.

Надев скафандр, я продолжал говорить в микрофон шлема. На экране монитора появилась следующая картинка.

— Сейчас перед вами водородная бомба. Стоит вам только отключить магнитное поле, как она взорвется.

Схватив переносной монитор, я помчался к шлюзовой камере.

— А это уже другая бомба, — продолжал объяснять я, одним глазом глядя на экран, а вторым кося на медленно открывающуюся дверь камеры. — Ее датчики присоединены к корпусу яхты. Если вы выстрелите в яхту или попытаетесь проникнуть на нее, сразу же сработает детонатор.

Я уже находился в космосе, приближаясь к гигантскому крейсеру.

— Что вам надо? — Это были первые слова, которые Пепе произнес после своих угроз.

— Мне надо поговорить с вами. Есть одно дельце, которое принесет выгоду нам обоим. Но сначала я

покажу вам остальные бомбы, чтобы вы правильно понимали смысл нашего сотрудничества.

Мне нужно было во что бы то ни стало и дальше отвлекать их внимание, на этом основывался весь план. Мониторы продолжали выдавать заранее подготовленные картинки. Давая краткие описания своего арсенала, который мог уничтожить оба наши корабля, я пролез в дыру, сделанную в корпусе крейсера. Согласно чертежам, тут отсутствовала броня и не было сигнальных датчиков.

— Ладно-ладно... Я верю, что ваша яхта нашпигована смертоносными бомбами. Достаточно демонстраций. Скажите, что вы задумали?

На этот раз я оставил его без ответа, так как, выключив микрофон, уже мчался, как гончая, по коридорам крейсера. Если верить чертежам, впереди находилась рубка управления. Пепе должен быть там.

Войдя внутрь, я ткнул дуло пистолета ему в затылок. Анжелина стояла рядом, вглядываясь в экран.

— Игра закончена, — произнес я. — Медленно вставай, и никаких движений руками.

— Что это значит? — раздраженно спросил он, глядя на экран. Девушка первая поняла, что произошло. Резко повернувшись, она указала на меня.

— Он здесь!

Они совершенно не были готовы к такому повороту дела, и теперь испуганно смотрели на меня.

— Ты арестован, король преступного мира, — сказал я. — И твоя подружка тоже.

Закатив глаза, Анжелина упала на пол. Может быть, она и притворялась, но мне было все равно. Я продолжал держать Пепе на мушке, когда он поднял ее и усадил в амортизационное кресло возле стены.

— Что... Что же теперь будет? — пробормотал он. Толстые щеки тряслись, а в глазах появились слезы.

Это зрелище оставило меня равнодушным, я ведь помнил, сколько трупов он оставил на своем пути. Споткнувшись, он рухнул в кресло.

— А что они сделают со мной? — спросила Анжелина, открыв глаза.

— Понятия не имею, — честно ответил я. — Это решит суд.

— Но ведь это он заставил меня все делать, — заплакала она.

Девушка была молодая, красивая, с темными волосами, и заплаканные глаза совсем не портили ее.

Пепе закрыл лицо руками, и плечи его затряслись. Я направил пистолет в его сторону.

— Хватит, Пепе. Я не верю твоим слезам. Сюда направляются корабли Флота. Минуту назад они получили автоматический сигнал тревоги. Думаю, им приятно будет увидеть человека, который...

— Не отдавайте меня им! Пожалуйста! — Анжелина вскочила на ноги и прижалась спиной к стене. — Меня посадят в тюрьму, изменят мой мозг! — Она дрожала, двигаясь вдоль стены.

Я снова повернулся к Пепе, не желая ни на секунду выпускать его из поля зрения.

— Ничем не могу помочь, — ответил я девушке. Повернув голову, я увидел, что она исчезла за потайной дверью.

— Не пытайтесь убежать! — крикнул я ей вслед. — Это ни к чему не приведет!

Пепе хрюкнул, и я быстро повернулся к нему. На лице у него не было никаких следов слез. Он уже не плакал, а смеялся.

— И вас она обвела вокруг пальца, мистер Умный Полицейский. Бедная, маленькая Анжелина с кроткими глазами. — Он согнулся от приступа хохота.

— Что это значит? — рявкнул я.

— До вас еще не дошло? Все, что она вам рассказывала — чистая правда, за исключением одного. Именно она разработала весь план, руководила постройкой корабля, а затем и украла его. Она втянула меня в это дело, управляя, как марионеткой. Я влюбился в нее, радуясь и презирая себя одновременно. Я рад, что все наконец закончилось. По крайней мере, я дал ей возможность убежать. Я думал, что лопну от смеха, когда она прикинулась невинной жертвой!

Я похолодел.

— Это ложь! — хрипло произнес я, сам не веря в свои слова.

— Зачем мне лгать? Ваши ребята разложат мой мозг по кусочкам и все равно докопаются до правды. Мне нет нужды притворяться.

— Ей не удастся спрятаться, мы обыщем весь корабль.

— А ей и незачем прятаться, — ответил Пепе. — В одном из отсеков стоит быстроходный катер. Она уже отчаливает. — Пол под нами задрожал.

— Флот поймает ее, — сказал я, пытаюсь убедить себя самого.

— Возможно, — сказал Пепе. Он перестал смеяться и выглядел теперь очень усталым. — Может быть, они ее и поймут. Но я дал ей шанс. Моя игра проиграна, но она знает, что я любил ее до конца. — Он поморщился, как от внезапной боли. — Впрочем, вряд ли ее это интересует.

Я продолжал держать его под прицелом, и никто из нас не пошевелился до тех пор, пока не подошли корабли Флота и тяжелые башмаки не загрохотали по коридорам. Я захватил крейсер и покончил с космическим разбоем. Вряд ли меня упрекнут в том, что я упустил девушку. Если ей удастся уйти от кораблей Флота, вся вина за это ляжет на них, а не на меня.

Я победил по всем правилам.

Но особой радости не чувствовал. Внутренний голос подсказывал, что с Анжелиной мы еще встретимся.

Глава восьмая

Жизнь была бы намного приятнее, если бы мои мрачные предчувствия не оправдались. Нельзя винить Флот за то, что Анжелина обвела их вокруг пальца, — они не первые и не последние, кто недооценил эту девушку с наивными глазами. Себя я тоже старался не винить. Я уже допустил одну ошибку, позволив ей уйти, но второй раз ошибаться не собирался. Я не совсем поверил в историю, которую рассказал мне Пепе. Возможно, он хотел сбить меня с толку и отвлечь внимание. По характеру я очень недоверчивый человек. Так что я не стал рисковать и направил дуло пистолета ему между глаз, держа палец на спусковом крючке до тех пор, пока флотские пехотинцы не ворвались в рубку и не арестовали его. Как только Пепе оказался у них в руках, я тут же послал сигнал тревоги, сообщая о побеге Анжелины. Не успели еще корабли получить сигнал, как ее катер появился на экране моего радара.

Я облегченно вздохнул. Жаль было бы упускать ее, если она действительно являлась вдохновителем всей операции. Анжелина, Пепе и военный корабль — чудесный подарок я преподнесу Инскиппу. Кольцо кораблей Флота неумолимо сужалось, и у нее не было ни малейшего шанса скрыться от них. Уж в таких-то делах Флот знал толк, рано или поздно они ее схватят. Передав военный корабль Флоту, я вернулся на свою шикарную яхту, налил полный бокал шотландского

виски из бортовых запасов (такого не отыскать нигде в радиусе двадцати световых лет от Земли) и закурил длинную сигару. Удобно устроившись перед экраном, я наблюдал за погоней.

Анжелина отчаянно пыталась сорваться с крючка, совершая немыслимые развороты. Как ее только не расплющило от пятнадцатикратных перегрузок. Но все уловки ни к чему не привели. Кольцо продолжало сжиматься. Анжелина просто тянула время. Но никто не обращал на это внимания до тех пор, пока группа захвата не ворвалась на ее корабль.

Конечно, он был пуст.

Только через десять дней, собрав по крохам всю информацию, мы установили, что же произошло на самом деле. Беглянка действовала так безжалостно и жестоко, что я сразу узнал знакомый почерк еще до того, как врачи подтвердили, что Пепе говорит правду. Анжелина все время опережала нас. Вылетев на катере с крейсера, она и не собиралась скрываться, а, наоборот, на полной скорости полетела к ближайшему флотскому кораблю. Никто из двенадцати членов экипажа не имел ни малейшего понятия, что же произошло на крейсере, так как я еще не передал сигнал тревоги. Надо было сделать это сразу, как только она убежала. Тогда никто бы из этих двенадцати не погиб. Нам никогда не узнать, каким образом ей удалось усыпить их бдительность. Наверное, рассказала им душещипательную историю, как ей чудом удалось скрыться от бандитов. Как бы там ни было, она захватила корабль. Пятеро погибли от ядовитого газа, остальных она пристрелила. Мы узнали об этом, когда обнаружили этот корабль дрейфующим в нескольких парсеках отсюда. Захватив корабль, она установила автопилот катера на выполнение головокружительных сальто, чтобы сбить нас с толку. Пока мы азартно охотились за катером, она постепенно отстала от других кораблей и скрылась в неизвестном направлении. Дальше ее след терялся, хотя, судя по всему, она захватила еще один корабль. Что за корабль и куда она на нем улетела, оставалось загадкой.

Вернувшись в штаб-квартиру Корпуса, я попытался объяснить это Инскиппу. Сидя с непроницаемым лицом, он холодно смотрел на меня, и я поймал себя на том, что стараюсь оправдаться.

— Что ж, всех все равно не победишь, — сказал я. — Мне удалось захватить крейсер и Пеппе — да пребудет его стертая личность в покое. Анжелине удалось бежать, обведя меня вокруг пальца. Тут я признаю свое поражение. Но и ребят с Флота она тоже перехитрила!

— Чего ты так злишься? — бесцветным голосом сказал Инскипп. — Никто не обвиняет тебя в нарушении долга. Такое впечатление, что у тебя совесть нечиста. Ты хорошо поработал. Чудесная работа. Прекрасная... для первого задания...

— Опять за свое? — нахмурился я. — Пытаетесь прощупать, насколько я созрел? А его зачем сюда привели? — Я кивнул в сторону Пеппе Неро, сидевшего за соседним столиком.

Он медленно ел, что-то бормоча себе под нос с отсутствующим взглядом. Ему промыли мозги и ввели туда информацию о новой личности. От старого Пеппе осталось только тело, которое любило Анжелину и похитило крейсер.

— Психиатры сейчас работают над новой теорией «тело — личность», — спокойно ответил Инскипп, — так что мы держим его под наблюдением. Если в его новой личности снова проявятся его криминальные черты, возможно, мы завербуем его в Корпус. Что ты на это скажешь? Или он раздражает тебя?

— Дело не в нем, — отрезал я. — После той бойни, которую он устроил ради своей подружки-психопатки, можете хоть гамбургер из него сделать. Но он напоминает мне, что Анжелина все еще на свободе и замышляет новые преступления. Я хочу отправиться на ее поиски.

— И речи быть не может, — ответил Инскипп. — Я уже тебе об этом говорил. Вопрос исчерпан.

— Но я бы мог...

— Что бы ты мог? — Он прищелкнул языком. — У каждого полицейского Галактики имеется ее фотография, и поиски не прекращаются ни на секунду. Или ты полагаешь, что справишься с этим лучше?

— Вряд ли, — проворчал я. — Ладно, катись все к черту. — Отодвинув тарелку, я встал и как можно естественнее потянулся. — Пойду-ка я лучше домой, возьму бутылку чего-нибудь покрепче и утоплю в ней все свои печали.

— Вот так-то лучше. И забудь про Анжелину. Я жду тебя завтра у себя в кабинете ровно в девять. Трезвым.

— Рабовладелец, — застонал я и, повернувшись, направился по коридору в сторону жилых помещений. Отойдя на безопасное расстояние, я вышел через боковую дверь и помчался в космопорт.

Этот урок мне преподала Анжелина. Если у тебя есть план — немедленно приводи его в действие. Не давай ему залеживаться, иначе он покроется плесенью. Другие люди поймут, что у тебя на уме. Сейчас я пытался перехитрить одного из самых проницательных, и от одной только мысли об этом мне стало не по себе. Я сознательно нарушал приказ Инскиппа и вообще решил уйти из Корпуса. Хотя это и не совсем соответствовало действительности — ведь я хотел закончить работу, которую мне поручил Корпус. Но у них на этот счет было свое мнение.

Дома у меня оставались инструменты, различные приспособления и приличная сумма денег, которые так нужны были для работы. Придется от них отказаться. К тому времени, когда Инскипп задумается, с чего это я вдруг резко изменил свою точку зрения, я хотел быть уже далеко в космосе.

Механик при помощи грузового робота устанавливал корабль на стартовой площадке. Подойдя поближе, я спросил официальным тоном:

— Это мой корабль?

— Нет, сэр. Это для агента Нильсона. А вот и он сам.

— Сбегай в диспетчерскую и уточни все, как следует. Не теряй времени.

— Новое задание, Джимми? — спросил Нильсон, подходя ко мне.

Я смотрел вслед механику, пока тот не скрылся за углом.

— Все то же самое, — ответил я. — Как твои успехи в теннисе? — Я замахнулся воображаемой ракеткой.

— Все лучше и лучше. — Повернувшись, он стал осматривать корабль.

— Я покажу тебе один новый удар, — сказал я и резко ударил его по шее ребром ладони.

Он рухнул как подкошенный, и я оттащил его за бочки со смазочным материалом. Затем осторожно

взял из его ослабевших пальцев коробочку с лентами курсов.

Еще до возвращения механика я забрался на корабль и задраил за собой люк. Сунув курсовую ленту в блок управления, я запросил разрешения на взлет. Мне показалось, что я ждал целую вечность. Лоб покрылся испариной. Наконец зажглась зеленая лампочка.

Первый этап прошел успешно. Как только стартовые ускорители выключились, я схватил отвертку и набросился на пульт управления. Там всегда находилось дистанционное управление, чтобы при необходимости управлять кораблем из центра. Я обнаружил это еще во время моего первого полета на корабле Корпуса. Любопытство — полезная штука. Отсоединив контакты, я направился в машинное отделение.

Возможно, я был излишне подозрителен. Или слишком невысокого мнения о человечестве и об Инскиппе тоже. Впрочем, он руководствовался собственными правилами. Более доверчивый человек не обратил бы внимания на самоликвидатор, установленный в двигателе. В случае захвата корабля, он подрывался по радиосигналу из центра. Я не думал, что они решатся на такой шаг по отношению ко мне, но тем не менее решил обезвредить бомбу.

Самоликвидатор представлял собой цельный блок, встроенный в корпус двигателя. Крышка поддавалась сразу же, и перед глазами у меня предстала путаница проводов, ведущих к взрывателю. Его шестигранная головка была плотно закручена, и я ободрал кожу на пальцах, пытаясь хоть немного повернуть ее. Пальцы кровоточили, когда я наконец выкрутил ее из гнезда. Взрыватель повис на проводах, как зуб на оголенном нерве.

Внезапно он взорвался, оглушив и окутав меня облаком черного дыма.

С удивительным спокойствием я посмотрел сквозь рассеивающийся дым на черную дыру в заряде взрывчатки. Ее хватило бы, чтобы превратить в пыль корабль со всем его содержимым.

— Инскипп, — хрипло произнес я, но мой голос сорвался. — Инскипп, я понял тебя. Ты хотел уволить меня из Корпуса. Но я сам подаю в отставку!

Глава девятая

Трудно передать словами облегчение, которое я испытывал. Я снова действовал сам по себе и не подчинялся ничьим приказам. Я даже принялся напевать себе под нос, выводя корабль из искривленного пространства, чтобы заложить новую ленту курса. Я выбрал ее наугад, и теперь перехватить меня было невозможно. База Специального Корпуса осталась далеко позади.

Куда лежал мой путь, я еще не знал. Тут надо было немного поразмыслить, хотя цель была ясна с самого начала. Поиски Анжелины. Сначала мне показалось глупым брать на себя работу Корпуса. Раз они сами не захотели мне ее поручить, пусть сами ее и выполняют. Но потом я понял, что Корпус тут ни при чем. Маленькая Анжелина обвела меня вокруг пальца, а Скользкий Джим диГриз такие вещи не прощает. Она станет для меня призовой медалью. Пусть это эгоистично. Но эгоизм — единственная движущая сила для людей нашей профессии. Исчезнет он — исчезнет все. Я пока еще не решил, что сделаю с Анжелиной, когда найду ее. Возможно, передам ее полиции, ведь подобные ей люди бросают тень на наше ремесло. Впрочем, зачем делить шкуру неубитого медведя.

Нужен был план, и я принялся искать необходимые для этого вещи. На какое-то ужасное мгновение мне показалось, что на корабле нет сигар. Но затем блок

снабжения заскрипел и выдал мне их из дальнего угла морозильника. Не совсем подходящее место для хранения сигар, но это лучше, чем ничего. Из спиртных напитков Нильсон предпочитал особый сорт крепкого виски, который я принялся поглощать с большим удовольствием. Промочив горло, я закурил сигару, закинул ноги на стол и принялся размышлять.

Для начала я мысленно перенесся в то место, откуда исчезла Анжелина. Лучше, конечно, было бы на самом деле отправиться туда, но не такой уж я дурак. Уж наверняка там ошивается пара кораблей Флота, готовых открыть пальбу при первом удобном случае. Впрочем, для подобных задач существует компьютер, куда я и ввел нужные координаты. Я не стал рыться по справочникам — эти цифры огнем горели перед моими глазами. Компьютер обладал огромной памятью и мгновенно проделывал любые операции. Он блаженно заурчал, когда я попросил его сообщить координаты всех звезд, расположенных рядом с исходной точкой. Через тринадцать секунд он уже просмотрел все свои каталоги и весело звякнул, сообщая об окончании работы. Я выписал номера лишь первой дюжины звезд — остальные находились слишком далеко — и выключил компьютер.

Теперь я должен думать так же, как Анжелина. Представить себя убийцей, за спиной у которого двенадцать трупов и за которым идет непрерывная охота. Куда ни глянь, одни враги. Несомненно, компьютер украденного флотского корабля выдал ей точно такой же список. Куда лететь? Надо немедленно принимать решение. Куда-нибудь смотаться. Подальше отсюда. Один взгляд на список — и ответ готов. Две ближайшие звезды располагались в одном и том же секторе в пятнадцати градусах друг от друга. Расстояние до них было примерно одинаковым. А вот до третьей звезды расстояние было раза в два больше, да и находилась она совершенно в другом секторе.

Надо лететь к двум звездам. Это самое разумное решение, которое можно принять в такой спешке. Вперед, к звездам, их мирам и пассажирским линиям, где можно раздобыть другой корабль. От флотского корабля надо избавиться, как можно быстрее, ведь его ищут по всей Галактике. Захватить новый корабль, а затем... Что затем?

Тут мое логическое мышление зашло в тупик, и мне пришлось выводить его оттуда при помощи виски и свежей сигары. Блаженно прикрыв глаза, я снова погрузился в раздумья. Итак, захватить корабль и направиться к ближайшей планете. В космосе Анжелине постоянно грозит опасность. Надо приземлиться и изменить свою внешность. Взглянув на планеты, вращающиеся вокруг ближайших двух звезд, я сразу же сделал свой выбор. Планета с варварским названием Фрейбур.

Там еще вращалось с полдюжины других обитаемых планет, но они отпадали. Либо населения было мало, и новый человек мог привлечь всеобщее внимание, либо организация находилась на таком высоком уровне, что скрыться там не представлялось возможным. У Фрейбура отсутствовали все эти недостатки. Планета вступила в Лигу всего двести лет назад, и общество там пребывало в состоянии безмятежного хаоса. Смесь старого и нового, доконтактной культуры и постконтактной цивилизации. Прекрасное место для Анжелины, чтобы затеряться, а затем в нужное время снова появиться в новом облике.

Придя к подобному умозаключению, я почувствовал двойное удовлетворение. Это было не просто упражнение для мозгов, я и сам находился примерно в таком же положении, что и Анжелина. Инцидент с самоликвидатором лишний раз доказывал, что Корпус ценит свои корабли и что он низкого мнения о дезертирах. Фрейбур подходил для меня, как нельзя лучше. Выпивка и сигары подействовали на меня, и я безмятежно уснул.

Когда я проснулся, пора было выходить из искривленного пространства и менять курс. Но прежде я должен был кое-что проверить. Кое-что из того, чему не учили в школе Специального Корпуса. Одна из особенностей искривленного пространства заключается в необычном распространении волн. Особенно радиоволн. Они не просто распространяются во все стороны. Стоит передать сигнал на одной частоте, как тут же он принимается обратно на всех остальных частотах. Этот экзотический эффект не представляет никакого интереса, разве что для специалистов по искривленному пространству, однако позволяет узнать, не установлены ли «жучки» на корабле. Логично предположить, что все корабли Специального Корпуса

оснащены «жучками». Спрятанный передатчик, работающий на постоянной частоте, сразу же выведет их на мой след. Его-то я и собирался найти, прежде чем приближаться к планете.

Динамики хрипели и шумели. Я проклинал свое бывшее начальство. Прежде чем тратить время на поиски, надо было убедиться, что подобный передатчик существует. Источник сигнала был слишком слабым, чтобы передаваться на большие расстояния. Установив пару экранирующих щитов, я убедился, что таинственный сигнал есть ни что иное, как радиация, исходящая от самого приемника. После экранирования эфир затих. Вздохнув с облегчением, я вывел корабль из искривленного пространства.

Установив нужный курс, я направил корабль к цели. Порывшись в корабельном оборудовании, я кое-что подобрал для себя. Необходимо было изменить свою внешность, чем я и занялся. Я с превеликим удовольствием воссоздал образ Скользящего Джима. Расширили в ноздри, подушечки за щеки, немного красителя на голову — и старый боевой конь готов к работе.

Хмуро посмотрев на свое отражение в зеркале, я выругался и снял весь грим так же тщательно, как и накладывал. Одно из моих основных правил гласило — никогда не расслабляться. Механическое повторение всегда приводит к неприятностям. Инскипп прекрасно знал мою прежнюю личность, так что меня сейчас ищут и под этой, и под той внешностью.

Тщательно принявшись за работу, я создал себе абсолютно другой образ — изменив черты лица и прическу. Мне не трудно будет его поддерживать в дальнейшем. Чем сложнее грим, тем сложнее уход за ним. Что меня ждало на Фрейбуре, я не знал и не хотел усложнять себе жизнь излишними сложностями. Я хотел безо всяких забот попытаться выяснить, не оставила ли там свой след Анжелина.

До конца полета оставалось еще два дня, и я с пользой потратил это время на изготовление различных приспособлений, которые могли мне пригодиться на Фрейбуре. Гранаты, пистолеты, кольца с взрывателями — обычный набор. Не успел я убрать за собой, как раздался сигнал, извещавший, что путешествие подошло к концу.

Единственным городом с космодромом на Фрейбуре был Фрейбурбад, расположенный на берегу огром-

ного озера — единственного источника питьевой воды на планете. Глядя, как солнечные блики играют на его поверхности, мне внезапно захотелось искупаться. Очевидно, потому, что я решил утопить корабль. Вернее, спрятать его на дне озера, чтобы всегда иметь под рукой.

Я спустился к горной гряде, и вряд ли на экранах радаров появилась отметка от моего корабля. Пролетая над озером после наступления сумерек, я заметил навигационный радар космопорта, но приближаться к берегу в мои планы не входило. Дождь лил как из ведра, уменьшая видимость и мое желание искупаться. Я приводнился недалеко от берега. За это время я собрал в сумку все свои приспособления. Весила она немало, но не оставлять же на корабле то, что мне может пригодиться. Сумка была из водонепроницаемой ткани, а я натянул скафандр и открыл дверь шлюзовой камеры. Дождь и темнота обрушились на меня, когда я поплыл к невидимому берегу. Сзади раздалось бульканье, и мой корабль медленно погрузился в воду.

Плывать в скафандре так же легко, как и заниматься любовью в условиях невесомости. Силы уже оставляли меня, когда я наконец добрался до берега. Сбросив скафандр, я получил большое удовольствие, наблюдая, как он плавится в огне трех термитных шашек. Еще с большим удовольствием я пинком сбросил его шипящие останки в озеро. Дождь смыл все следы костра. А в такую погоду вряд ли свет от него можно было заметить издали. Забравшись под водонепроницаемую накидку, мокрый и жалкий, я ждал рассвета.

Наверное, я задремал, потому что, когда открыл глаза, было уже светло. Что-то было не так, и прежде чем я сообразил, что меня разбудило, чей-то голос произнес:

— В Фрейбурбад собрались? Конечно, куда еще можно идти? Я и сам туда направляюсь. У меня лодка. Старая, но крепкая. Уж лучше на лодке, чем пешком...

Голос продолжал бубнить, но я его не слушал. Я проклинал себя за то, что этот тип с долгоиграющим голосом застал меня врасплох. Он плыл рядом с берегом. Его низко сидящая в воде лодка была завалена мешками и тюками, над которыми торчала голова хозяина. Пока его губы шевелились, я согнал с себя

остатки сна и внимательно рассмотрел его. У него была нечесаная борода, торчавшая во все стороны, из-под подобия шляпы смотрели маленькие темные глазки. Охвативший меня сначала испуг улетучился. Если парень не подсадная утка, то эта случайная встреча может оказаться как нельзя кстати.

Когда бородач замолк, чтобы перевести дыхание, я решил принять его предложение и, схватившись за край лодки, подтянул ее к себе. Взяв вещи и держа руку на пистолете, я прыгнул в лодку. Мои предосторожности оказались излишними. Незнакомца звали Зуг, это мне удалось выяснить из его не прекращавшегося монолога. Повернувшись к корме, он завел мотор. Это был выдавший виды атомный теплообменник, простой, но довольно эффективный. Никаких подвижных деталей, он просто засасывал воду из озера, доводил ее до кипения и с силой выталкивал через другое отверстие. Работал он почти бесшумно, поэтому я и не проснулся, когда Зуг подплыл на лодке.

Личность Зуга не вызвала никаких подозрений, хотя я все время держал пистолет под рукой. Мне просто повезло, что я встретился с ним. Поток слов ни на секунду не прекращался, и я понял, что служило тому причиной. Судя по всему, Зуг был охотником и после нескольких месяцев одиночества вез на продажу меха и шкуры. При виде человека у него начался словесный понос, который я и не пытался остановить. Из его монолога я узнал много полезного.

Я беспокоился о своей одежде. В конце концов я решил надеть космический комбинезон нейтрального серого цвета. Такие можно встретить — с небольшими вариациями — на всех планетах Галактики. Зуг не обратил на него никакого внимания. Это говорило о многом — ведь он разбирался в одежде. Свою куртку он, очевидно, сам сшил из выделанной шкуры. Иссиня-черного цвета, она, должно быть, была красивой, пока вся не покрылась грязью. Штаны были сделаны из сукна машинной выработки, а ботинки, как и у меня, из вечного пластика. Уж если на его наряд не обращали внимания, то за свою одежду я могу не волноваться.

Снаряжение у Зуга было таким же пестрым, как и его одежда. Смесь старого и нового. Что еще ожидать от планеты, лишь недавно вошедшей в Лигу. Электростатическое ружье соседствовало с пучком стальных стрел для арбалета. Судя по всему, этот болтун

пользовался и тем, и другим с одинаковой легкостью. Устроившись на мягких тюках, я наслаждался, разглядывая пейзаж в утреннем тумане и слушая непрерывную болтовню.

К полудню мы добрались до Фрейбурбада. Зуту больше нравилось говорить, чем слушать, поэтому несколько моих неопределенных высказываний о том, что я собираюсь делать в городе, вполне удовлетворили его любопытство. Ему очень понравились пищевые концентраты из моего запаса, и в ответ он угостил меня домашней бражкой, которую сам гнал в своем горном жилище. Вкус у нее был ужасным, а во рту осталось ощущение, будто там пошуровали наждаком, смоченным в серной кислоте. Но после нескольких глотков это ощущение исчезло, и мы в прекрасном расположении духа продолжили путешествие, пока не пришвартовались у пропахшей рыбой пристани в пригороде Фрейбурбада. Когда мы вылезали из лодки, то чуть не перевернули ее. Это показалось нам ужасно забавным. Думаю, вы понимаете, в каком состоянии мы тогда находились. Добравшись до города, я сел на лавку в парке, чтобы мои мозги слегка проветрились.

Повсюду была та же смесь старого и нового. Рядом с пластиковыми зданиями стояли кирпичные дома с потрескавшейся штукатуркой. Сталь, стекло, дерево и камень присутствовали в равных пропорциях. Люди также были одеты в самые разнообразные наряды. Скорее я обращал на них внимание, чем они на меня. Только робот-газетчик не отставал от меня, выкрикивая на ухо заголовки, пока я не купил газету, чтобы отвязаться от него. По-видимому, здесь была в ходу валюта Лиги, так как робот не выразил протеста, когда я сунул кредитку в щель на его груди, и даже дал сдачу в фрейбурских гильденах. Без сомнения, курс обмена был просто разорительный. По крайней мере, именно такой курс я бы и установил, если бы сам закладывал программу в робота.

Новости меня не интересовали, а вот объявления я просмотрел с гораздо большим интересом. Глядя на рекламы шикарных отелей, я мысленно сравнивал цены и предлагаемые удобства.

Это заставило меня ужаснуться, лоб покрылся испариной. Как быстро мы теряем старые привычки. Всего лишь месяц я на стороне закона, и уже рассуждаю, как честный человек!

— Ты преступник, — пробормотал я, стиснув зубы, и плюнул на табличку «Не плевать». — Ты ненавидишь закон и прекрасно без него обходишься. Ты самый честный человек в Галактике. Ты не можешь нарушить закон, который сам устанавливаешь для себя. Ведь если закон тебе не подходит, ты просто меняешь его.

Это была чистая правда, и я ненавидел себя, что так быстро все позабыл. Короткий период работы в Корпусе чуть не разрушил все мои антиобщественные наклонности.

— Придумай какую-нибудь гадость! — громко выкрикнул я, напугав девушку, прогуливавшуюся по дорожке.

Дабы она убедилась, что правильно расслышала мои слова, я оскалился самым гнусным образом, и она поспешно скрылась. Это уже лучше. Сам я направился в противоположную сторону в поисках возможности совершить какой-нибудь мерзкий поступок. Прежде чем искать Анжелину, я должен восстановить свой прежний образ.

Такую возможность я нашел сразу же. Через десять минут я обнаружил подходящий объект. Все необходимое оборудование лежало у меня в сумке. Рассовав по карманам то, что понадобится мне для работы, я запер сумку в автоматической камере хранения.

Первый Банк Фрейбура просто умолял, чтобы его ограбили. Здесь все располагало к грабежу — три выхода, четыре охранника и толпа народа. Четыре живых охранника! Да ни один банк не стал бы платить им жалованье, если бы имел электронную сигнализацию. Я напевал себе под нос, стоя в очереди к кассиру — тоже живому человеку. Полностью автоматизированные банки грабить не трудно, просто используется другая техника. Но самая легкая добыча — это банки, где вместе с машинами работают и люди.

— Разменяйте десятизвездник Лиги на гильдены, — сказал я кассиру, швырнув блестящую монету на стойку.

— Да, сэр.

Мельком взглянув на монету, он сунул ее в щель кассовой машины и стал отсчитывать мне гильдены еще до того, как на табло загорелась надпись «Деньги настоящие». Кассир выкладывал передо мною деньги,

а я медленно считал их. Делал я это механически, так как все мои мысли были сконцентрированы на монете достоинством в десять кредиток, которая сейчас совершала путешествие по машинным внутренностям. Когда я убедился, что она приземлилась в подземном сейфе, я нажал кнопку передатчика у меня на запястье.

То, что произошло, можно описать только одним словом — прекрасно. Подобные моменты долго остаются в памяти, вызывая счастливые воспоминания. Я не жалел о тех часах, которые понадобились, чтобы распилить монету, сделать ее полой и засунуть внутрь взрывчатку со встроенным в нее радиоприемным устройством. Какой великолепный взрыв! За глухим ударом в недрах сейфа послышался треск и скрежет. Одна из стен огромного сейфа рухнула, и оттуда рекой хлынули деньги, сопровождаемые клубами дыма. Кассовый аппарат звякнул, что-то в нем заклинило, и все остальные денежные аппараты как с ума посходили. Поток монет различного достоинства устремился на изумленных посетителей, которые, впрочем, быстро справились с удивлением и принялись набивать карманы. Их счастье длилось недолго. Тот же сигнал взорвал дымовые и газовые бомбы, которые я заранее разложил по урнам. Пока царила суматоха, я подбросил парочку бомб кассирам. Этот газ я сделал сам, смешав слезоточивую смесь с компонентами, вызывающими рвоту. Он сразу же возымел действие. (В банке, конечно, не было детей. Я не могу быть жестоким по отношению к юным созданиям, которые не могут себя защитить.) Через пару минут и клиенты, и служащие банка уже ничего не видели, и были слишком заняты собой, чтобы обращать на меня внимание.

Когда газ стал подбираться ко мне, я наклонился и надел защитные очки. Теперь я был единственным в банке человеком, который не потерял способность видеть. Дышал я через носовые фильтры, которые предусмотрительно вставил заранее, и мог не беспокоиться за содержимое моего желудка. Кассир, сидевший напротив меня, куда-то исчез, и я ловко нырнул в окошко, проехавшись по стойке на животе.

Теперь можно было и делом заняться, ведь деньги валялись повсюду. Я не стал обращать внимания на мелочь, а направился прямо к сейфу, откуда извергался золотой поток. Через пару минут я наполнил сумку

и собирался уходить. Дым возле дверей понемногу рассеивался, но я исправил это недоразумение, швырнув туда еще несколько гранат.

Все шло как по маслу. Только один придурковатый охранник портил всю картину. Сообразив, что здесь что-то не так, он принялся палить во все стороны. Странно, что он никого не успел прихлопнуть. Я отнял у него пистолет и стукнул его им по затылку.

Теперь дым у дверей стал таким плотным, что через стекло ничего нельзя было увидеть. С улицы тоже не было видно, что происходит в банке. Смекнув, что дело нечисто, два полицейских ринулись внутрь, держа пистолеты наготове... но тут же стали такими же беспомощными, как и все остальные. Тут я принялся помогать бедным посетителям, подталкивая их к дверям. Когда там собралась небольшая толпа, мы все выбрались на улицу. Я снял очки и не открывал глаз, пока не оказался на свежем воздухе. Сердобольные люди помогли мне подняться. Я поблагодарил их, смахнул с глаз слезы и пошел своей дорогой.

Все очень просто. Все очень просто, когда у тебя есть план и ты не рискуешь по глупости. Настроение у меня резко поднялось, а кровь весело бежала по жилам. Я снова жил преступной жизнью, и от этой мысли у меня стало легко на душе. Теперь найти след Анжелины — пара пустяков. Для меня не существовало никаких преград.

Я снял комнату в отеле для космонавтов недалеко от порта. Переодевшись, я отправился наслаждаться радостями жизни. В округе располагалось немало различных заведений, и я добросовестно обошел их все до единого. В одном из них я съел отбивную, а в остальных выпивал по рюмочке. Если Анжелина была на Фрейбуре, она несомненно посещала эти места. Я чувствовал, что могу напасть на ее след именно здесь. Преступников всегда тянет в подобные места.

— Может, угостишь меня? — равнодушно спросила меня проститутка, и я с таким же равнодушием отрицательно покачал головой.

С наступлением сумерек эти бледные создания ночи постепенно выходили на промысел. Я получил уже немало предложений, ведь я прикидывался отдыхающим космонавтом — лучший источник наживы для подобных женщин. Эта была последней из тех, кто подходил ко мне. Смазливое личико, да и фигурка

получше, чем у остальных. С возрастающим интересом я посмотрел ей вслед. Короткая, обтягивающая юбка с разрезами по бокам. Туфли на высоких каблуках и покачивающиеся бедра произвели на меня ошеломляющее впечатление. Подойдя к бару, она прислонилась к стойке, рассматривая посетителей, и я не мог оторвать от нее глаз. Блузка была сделана из узких блестящих полосок, закрепленных только сверху и внизу. При ходьбе они расходились, обнажая соблазнительные участки белоснежной кожи. Думаю, что на мужчин это действовало неотразимо.

Прошло немало времени, прежде чем мои глаза, начав осмотр с лодыжек, наконец достигли ее лица. Оно было привлекательным. И знакомым...

Сердце бешено застучало у меня в груди, и я чуть не свалился со стула. Это было невероятно, но факт...

Это была Анжелина.

Глава десятая

Она обесцветила волосы и слегка изменила черты лица. Ровно настолько, чтобы ее нельзя было узнать по фотографии или описанию, имевшимся в полиции. Теперь ее никто не мог опознать.

Кроме меня, конечно. Я видел ее на похищенном крейсере и разговаривал с ней. Но самое главное заключалось в том, что она понятия не имела, кто я такой. Она видела меня только мельком, и то в скафандре с затемненным стеклом шлема. К тому же, в то время ей надо было думать о том, как спастись, а не разглядывать меня.

Я чувствовал себя на вершине блаженства. Даже зловонный воздух притона показался мне ароматом. Расслабившись, я удивлялся иронии судьбы. Однако, надо сказать, она знала, что делала. Я и не предполагал увидеть ее здесь, хотя старался предусмотреть все варианты. Зная, что у нее с собой полно ворованных денег, я и мысли не допускал, что она примет образ проститутки, перебивающейся случайными заработками. Выдержка у нее будь здоров, тут ничего не скажешь. Она безукоризненно играла свою роль. Не будь она убийцей — какую команду мы бы с ней составили!

Мое сердце снова застучало, когда я понял, в какой тупик завели меня чувства. Анжелина приносила несчастье всем, кого встречала на своем пути. В ее хорошенькой головке работал первоклассный, но пре-

ступный мозг. Мне бы лучше думать не о ее соблазнительной фигурке, а о тех трупах, которые она оставляла за собой. Оставалось сделать только одно — схватить ее и передать Специальному Корпусу. Я даже не вспомнил, как относился к Корпусу, а Корпус ко мне. Это неважно. Главное, надо чисто сработать, пока я не передумал.

Подойдя к стойке бара, я сел рядом с ней и заказал две двойных порции местной кислятины. На всякий случай я понизил голос, изменил манеру разговаривать и подпустил акцент. Анжелина слышала мой голос и могла легко узнать его, поэтому предосторожности никогда не помешают.

— Пей, куколка, — сказал я, поднимая свой бокал и ухмыляясь. — Потом пойдем к тебе. У тебя есть комната?

— Найдется, если у тебя есть десятка. В кредитках Лиги, разумеется.

— Конечно, — проворчал я, притворившись оскорбленным. — На что, по-твоему, я покупаю это пойло?

— Ты же не в забегаловке, где платишь после, — с прекрасно разыгранным равнодушием произнесла она. — Гони монету, тогда и пойдем.

Я бросил ей монету, и она поймала ее на лету. Взвесив на ладони, она попробовала ее на зуб и спрятала в сумочку. Я надеялся, что восторг, с которым я наблюдал, как она играет свою роль, она принимает за страсть. И только когда она повернулась ко мне спиной, я заставил себя вспомнить, что я здесь не ради удовольствия, а должен исполнить свой долг. Чтобы не расслабляться, я стал думать о трупах, что плавали в глубинах космоса. Осушив стакан, я вышел за ней на шумную улицу, любуясь ее грациозной походкой.

Оказавшись в лабиринте темных аллей, я насторожился. Анжелина хорошо играла свою роль, но я сомневался, что она спит с космонавтами, волею судьбы оказавшимися в местном порту. Скорее всего, у нее был сообщник, который поджидал ее клиентов, зажав в руке какой-нибудь тяжелый предмет. А может быть, мне не давала покоя моя всегдашняя подозрительность. Рука сжимала в кармане пистолет, но воспользоваться им мне так и не пришлось. Мы прошли по одной улице, а затем повернули под арку. Она первая вошла в дом. Никто из нас не произнес ни слова.

Когда она открыла дверь в свою комнату, я немного успокоился. Комната была безвкусно обставлена и так мала, что сообщник вряд ли мог тут спрятаться. Анжелина направилась к постели, а я повернулся и проверил, заперла ли она за собой дверь. Дверь была заперта.

Когда я повернулся, на меня смотрело дуло пистолета 0,75-го калибра, такого большого, что она держала его обеими руками.

— Что это еще за шутки, — возмутился я, отгоняя мысль, что где-то совершил непростительную ошибку. Я все еще сжимал в кармане пистолет, но доставать его было равносильно самоубийству.

— Я убью тебя, даже не спрашивая имени, — улыбнулась она, сверкнув белоснежными зубами. — Ты сорвал мою операцию с крейсером.

Она все не стреляла, а ее улыбка становилась все более зловещей. Она наслаждалась, следя за выражением моего лица, когда я проклинал себя за тупость. Охотник и жертва поменялись местами. Она заманила меня в ловушку, и я ничего не мог поделать.

Видя, как мысли отражаются у меня на лице, Анжелина мелодично рассмеялась. Она была артисткой до мозга костей и ждала момента, когда я наконец осознаю всю безвыходность своего положения. Когда мое отчаяние достигло предела, она нажала на спусковой крючок.

Затем еще раз, и еще...

Четыре пули в сердце, и последний выстрел между глаз.

Глава одиннадцатая

Нельзя сказать, что я пришел в сознание, скорее ощутил себя в кровавом, пульсирующем болью тумане. С болью пыталась соперничать тошнота, но боль победила. Положение осложнялось еще и тем, что мои глаза были закрыты, а попытка открыть их принесла мне невыносимые страдания. Наконец мне это удалось, и я увидел над собой очертания лица, выплывавшего из красного тумана.

— Что случилось? — поинтересовалось лицо.

— Именно это я хотел спросить у тебя, — произнес я и замолчал, пораженный, что у меня такой слабый и дрожащий голос.

Что-то коснулось моих губ, и я увидел окровавленную салфетку, удаляющуюся от моего лица.

Я усиленно заморгал глазами, и размытое пятно превратилось в молодого человека, одетого в белый халат. Доктор, сообразил я. Мы находились в движении, очевидно, меня везли в машине скорой помощи.

— Кто это стрелял в тебя? — спросил доктор. — Нам сообщили о выстрелах, и скажи спасибо, что мы приехали как раз вовремя. Ты потерял много крови — мы уже сделали переливание — кроме того, имеются множественные переломы лучевой и локтевой кости, одно пулевое ранение в руку и другое в области правого виска — вероятно, повреждение черепа. Судя по всему, сломаны ребра и повреждены внутренние

органы. Кто-то испытывает к тебе сильную неприязнь. Но кто?

Кто? Моя дорогая Анжелина, вот кто. Искусительница, ведьма, убийца, вот кто хотел отправить меня на тот свет. Теперь я все вспомнил. Огромное дуло пистолета, в котором запросто поместится звездолет. Ослепляющее пламя, летящие в меня пули и невыносимая боль, когда мой гарантированный пуленепробиваемый жилет принял на себя мощь выстрелов. Я вспомнил, как надеялся, что она ограничится этим, и как надежда растаяла, когда дымящееся дуло пистолета уставилось мне в лицо.

Я вспомнил, как в отчаянии я закрыл лицо руками и отклонился в сторону, пытаюсь спастись.

Надо же, мне это удалось. Ударившись в кость руки, пуля срикошетировала и лишь царапнула череп вместо того, чтобы проделать в нем дырку. В результате — море крови и бездыханное тело на полу. И тут Анжелина допустила единственную ошибку. Грохот выстрелов в крошечной комнатухе, кровь и вполне натуральный труп, наверное, испугали ее. Стремясь как можно скорее скрыться с места преступления, она не удосужилась убедиться в моей смерти.

— Лежи, — приказал доктор. — Будешь шевелиться — я вкачу тебе укол, который отключит тебя на неделю.

Только теперь я заметил, что сижу на носилках и смеюсь, как ненормальный. Я легко дал себя уложить, так как при каждом движении мою грудь пронзала боль.

Мой мозг уже начал строить планы, как с наибольшей выгодой воспользоваться сложившейся ситуацией. Не обращая внимания на боль, я прикидывал, как бы не упустить счастье и заставить Анжелину поверить, что я действительно мертв.

Мы уже подъезжали к больнице, когда я умудрился стащить ручку и стопку медицинских бланков с полочки над моей головой. Моя правая рука действовала, хотя каждое движение отдавалось болью. Робот прикрепил носилки к каталке и повез меня в приемный покой. Сунув какие-то бумаги в держатель над моей головой, доктор на прощание помахал мне рукой. Я вежливо улыбнулся в ответ, а робот продолжал толкать каталку.

Как только доктор скрылся из виду, я вытащил бумаги и быстро пробежал их глазами. Судьба подарила мне уникальную возможность; главное, чтобы хватило времени ею воспользоваться. Это было заключение врача, составленное в четырех экземплярах. Пока данные не ввели в компьютер, меня не существовало. Из этого статистического отчета я должен был заново родиться в больнице. Но родиться мне было ни к чему. Я сбросил подушку на пол, и робот остановился. Он не обращал никакого внимания на то, что я лихорадочно пишу и не высказал никакого возмущения, когда я еще пару раз скидывал подушку. За это время я изготовил фальшивку.

Этот доктор Маквбклз — по крайней мере именно это можно было прочесть в его росписи — совершенно не умел составлять документы. Он оставил много пустого места между последней строчкой заключения и своей подписью. Я заполнил его, подражая почерку доктора.

«Обширное внутреннее кровоизлияние, шоковое состояние, — написал я. — Умер по пути в больницу.» — Это звучало достаточно убедительно. Я быстро дописал: — «Все попытки реанимировать пострадавшего окончились неудачно.»

У меня возникли сомнения в правильности написания слова «реанимировать», но если доктор Маквбклз пишет слово «пациент» через «о», то он вполне мог ошибиться и здесь. Последнюю фразу я написал для того, чтобы меня не тыкали всякими иглами и электродами, пытаясь вернуть к жизни.

— Тут У.П. — «Умер по пути», Свенд, — произнес кто-то, шурша бумагами у меня над головой.

Я услышал, как робот покатиł прочь, безразлично восприняв тот факт, что писавший и швырявший подушки больной внезапно скончался. Что мне нравится в роботах, так это отсутствие любопытства. Я стал думать о смерти, надеясь, что мое лицо примет соответствующее выражение. Кто-то схватил меня за ногу, стаскивая ботинок вместе с носком. Рука сжала ступню.

— Бедняга, — сочувственно сказал голос. — Еще теплый. Может, позвать реаниматоров?

Какой назойливый тип.

— Не-а, — послышался более рассудительный голос. — Они уже пытались это сделать по дороге сюда. Тащи его в морг.

Ужасная боль пронзила мою ногу, и я чуть не испортил все представление. Невероятным усилием воли я заставил себя не шевелиться, пока этот идиот закручивал проволоку вокруг моего большого пальца. На проволоке болталась бирка, и я от всей души пожелал, чтобы такую же бирку привесили ему на ухо. Боль перекинулась на грудь, голову и руки, когда я изображал окоченевший труп, лежа на трясущейся каталке.

Где-то позади открылась тяжелая дверь, и меня обдало холодным воздухом. Я чуть-чуть приоткрыл глаза. Если трупы на этой бойне рассовывают по индивидуальным холодильникам, я был готов внезапно воскреснуть. Я совсем не собирался отдать концы в морозильной камере с дверью, которую можно открыть только снаружи. Удача все еще сопутствовала мне, так как мой мучитель ввез меня на каталке в большой зал. Повсюду стояли мраморные столы, на которых лежали усопшие, прибывшие сюда раньше меня.

Без церемоний меня сбросили на холодную поверхность стола. Шаги постепенно стихли, тяжело хлопнула дверь, свет погас.

Тут я совсем пал духом. Слишком много событий для одного дня — меня успели ранить, контузить и покалечить. Поэтому пребывание в темной комнате, полной трупов, подействовало на меня весьма угнетающе. Не обращая внимания на боль в груди и бирку на пальце ноги, я кое-как слез со стола и отправился искать дверь. Я пережил немало неприятных минут, блуждая в потемках среди трупов, но наконец наткнулся на стену. Мои пальцы нащупали выключатель, и я зажег свет. Естественно, мое настроение сразу же улучшилось.

Дверь была, лучше не придумаешь — без окошка и с ручкой изнутри. Имелся даже засов, и я долго ломал голову над тем, кто же мог им воспользоваться. Впрочем, я сам решил задвинуть его, чтобы никто не нарушил мой покой.

В комнате было полно народу, но на меня никто не обращал внимания. Первым делом я снял проволоку с пальца и как следует растер его. На желтой бирке стояли буквы У.П. и от руки написанный номер, точно такой же, как и на подделанном мною бланке. Я не мог упустить такой возможности. Сняв бирку с самого

изуродованного трупа, я прикрепил к нему свою. Сунув его бирку себе в карман, я решил немного развлечься и поменять бирки у всех остальных. У трупа с самыми большими ногами я снял правый ботинок и натянул его на свою окоченевшую левую ногу. У всех трупов бирки висели на больших пальцах левой ноги, и я громко выругался, проклиная эту ненужную педантичность. Я был голым по пояс — верхнюю часть костюма и пуленепробиваемый жилет сняли врачи. Пришлось позаимствовать теплую рубашку у одного из моих молчаливых друзей, который в ней уже не нуждался.

Только не думайте, что все было так просто, меня буквально шатало из стороны в сторону. Закончив свое дело, я выключил свет и приоткрыл дверь холодильника. Воздух в коридоре показался мне раскаленным, как в доменной печи. Вокруг не было ни души, и я побрел к ближайшей двери. За ней оказалась кладовая, где единственной полезной вещью был стул. Я уселся на него и немного передохнул, а затем снова отправился на поиски. Следующая дверь была закрыта, но третья открылась, и я оказался в темной комнате, где кто-то ровно дышал во сне. То, что мне и нужно.

Не знаю, кто это был, но поспать он любил. Я обшарил всю комнату и долго возился, натягивая на себя чужую одежду, а он так и не проснулся. Тем лучше для него, а то я не раздумывая проломил бы ему череп. Мне все уже порядком надоело, к тому же боль снова дала о себе знать. Нахлобучив на голову шляпу, я вышел из комнаты. В конце коридора сновали люди, но никто не обратил на меня внимания. Я вышел из больницы и побрел под дождем по улицам Фрейбурбада.

Глава двенадцатая

По вполне понятным причинам события той ночи и последующих нескольких дней почти не остались в моей памяти. Возвращаться в отель было опасно, но пришлось пойти на риск. Вряд ли Анжелина знала, где я живу, а если и знала, то скорее всего теперь это ее не интересовало. Я умер, и она потеряла ко мне всякий интерес. Судя по всему, я оказался прав, так как после возвращения в отель меня никто не беспокоил. Я попросил управляющего, чтобы вместе с едой мне каждый день приносили по две бутылки виски. Пусть меня считают запойным пьяницей. Алкоголь и еда постепенно возвращали меня к жизни. Заглатывая пригоршнями антибиотики и болеутоляющие лекарства, я считал себя счастливым.

На третье утро я почувствовал себя человеком, хотя и слабым. Рука еще ныла при каждом движении, синяки на груди приобрели золотисто-фиолетовый оттенок, но голова почти не болела. Пора было подумать о будущем. Я отхлебнул немного виски, которое годилось разве что для промывки труб, и позвонил, чтобы мне прислали газеты за последние три дня. Допотопная система доставки чихнула, и газеты вывалились на стол. Внимательно просмотрев их, я понял, что мой план сработал гораздо лучше, чем я ожидал.

Все газеты пестрели сообщениями о моем убийстве. Ни один из этих недотеп-репортеров не удосужился взглянуть на труп, все сведения о моей смерти они

почерпнули из врачебных документов. И все. Никаких Скандалов О Пропаже Трупа В Больнице или Иска По Поводу Того, Что В Гробу Не Дядя Фрим. Если даже мои проказы в морге и обнаружили, то больница не стала предавать их гласности, хотя наверняка за это кому-то влетело.

Анжелина, моя меткая красавица, теперь наверняка считала меня мертвым. Просто прекрасно. Как только я снова смогу отправиться на ее поиски, работать будет проще: ведь она уверена, что мои бранные останки сгорели в местном крематории. У меня было достаточно времени, чтобы не спеша продумать план во всех деталях. Пора внести ясность — кто охотник и за кем охотятся. Я получу от ее ареста такое же удовольствие, как и она, когда палила в меня из своей портативной гаубицы.

Неприятно, но факт — она все время опережала меня. Сначала утнала крейсер у меня из-под носа, устроила несколько разбойных нападений в космосе, а затем выскользнула у меня из рук. Но самое унижительное то, что охотясь за ней, я сам попался в расставленную ею ловушку. Анализируя события последних дней, я был вынужден признать этот очевидный факт. Убегая с захваченного крейсера, она притворилась истеричкой. На самом же деле она внимательно изучала мою внешность, каждую интонацию моего голоса. Анжелина, запечатлев в памяти мой образ, постоянно просчитывала, как я стану действовать, отправившись за ней в погоню. Выбрав самое безопасное место, она принялась ждать моего появления. Она была готова к встрече со мной, а я — нет. Все это уже в прошлом. Теперь моя очередь сдавать карты.

Я обдумал и взвесил множество самых разнообразных планов. Но прежде чем приступить к их осуществлению, мне необходимо полностью изменить свою внешность. Иначе Анжелину мне не поймать. К тому же, это пригодится мне, чтобы не попасть в лапы Корпуса. Нам об этом не говорили на занятиях, но я был уверен — покинуть Специальный Корпус можно только ногами вперед. Хотя я еще полностью не пришел в себя, голова у меня уже соображала. Мне не хватало фактов, и я сделал небольшое пожертвование в фонд местной библиотеки в виде вступительного взноса. К счастью, там оказались фотокопии всех городских газет за многие годы. Я познакомился с

ярким образчиком желтой прессы с милым названием «Жареные факты». «Жареные факты» были рассчитаны на непритязательную аудиторию — словарный запас газеты насчитывал не более трехсот слов; в ней смаковались различные зверства, а также трагические происшествия. Большую часть страниц занимали сообщения об авиакатастрофах, разумеется, со множеством цветных фотографий. Печатались, конечно, и различные криминальные истории, доказывающие, что Фрейбуру еще далеко до развитых галактических цивилизаций. Среди этих леденящих душу историй я обнаружил то преступление, которое искал.

Человечество всегда экспериментировало с законодательством, придумывая такие термины, как «непредумышленное убийство» или «убийство при смягчающих вину обстоятельствах», как будто убитого можно было оживить. Хотя мода на преступления и наказания менялась, к некоторым из них общество всегда относилось с отвращением. Речь идет о врачебных преступлениях. Я слышал, что некоторые дикие племена убивают своих знахарей, если больной умирает. Здесь есть определенная доля здравого смысла. Эта ненависть к костоломам вполне объяснима. Заболевая, мы полностью отдаем себя в руки врача. Мы доверяем абсолютно незнакомому человеку самое дорогое, что у нас есть. Если он это доверие не оправдывает, у родственников жертвы или чудом выживших пациентов возникает естественное возмущение.

Обычного гражданина Вульфа Сифтерница раньше называли «многоуважаемый доктор Сифтерниц». «Жареные факты» рассказывали с сочными подробностями, как он совмещал жизнь хирурга и повесы, пока нож в его дрожащих руках не отрезал ТО вместо ЭТОГО, и жизнь выдающегося политика не укоротилась на несколько лет, за которые он мог бы сделать столько полезных дел на благо общества. Нет оснований не верить доктору Вульфу, что он опохмелился перед операцией, значит, фатальная судорога в пальцах была вызвана не похмельным синдромом, а белой горячкой. Его лишили права заниматься врачебной деятельностью и оштрафовали на такую сумму, что все его сбережения быстро исчезли. Ведь суд признал его виновным не только в халатности, но и в более серьезных врачебных преступлениях. Судьба жестоко обошлась с Вульфом, именно такой человек и был мне нужен.

Когда я уже более-менее мог стоять на ногах, я решил нанести ему официальный визит.

Для профессионала с моими способностями отыскать в чужом городе на далекой планете человека, живущего на полуправильном положении, — пара пустяков. Дело техники, а с ней у меня все в порядке. Когда я барабанил в замызганную деревянную дверь дома, расположенного в трущобах, я собирался сделать первый шаг в осуществлении своего плана.

— У меня к тебе дело, Вульф, — сказал я мутноглазому типу, открывшему мне дверь.

— Проваливай ко всем чертям, — ответил он, пытаясь захлопнуть дверь перед моим носом.

Я помешал ему, предусмотрительно подставив ботинок, и без всяких усилий вошел в дом.

— Я не занимаюсь врачебной практикой, — проворчал он, глядя на мою забинтованную руку. — И полицейских стукачей не лечу; так что вали отсюда.

— Не надо повторяться, — сказал я ему. — Я пришел, чтобы предложить вам совершенно законную сделку с соответствующей оплатой наличными. А если она вдруг окажется незаконной, то кого это волнует. — Не обращая внимания на его протесты, я заглянул в соседнюю комнату. — Согласно абсолютно достоверной информации, вы живете здесь в незаконной связи с девушкой по имени Зина. То, что я хочу вам сказать, совершенно не предназначается для ее прекрасных ушек. Где она?

— Ушла! — заорал он. — И ты тоже убирайся! — Схватив за горлышко бутылку, он сделал угрожающий жест.

— А как тебе это понравится? — спросил я, швырнув на стол пачку новеньких кредиток. — А вот это? И это? — Я добавил еще две пачки.

Бутылка выскользнула у него из пальцев и покати-лась по полу, а глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит. Я прибавил еще несколько пачек и этим полностью завоевал его внимание.

Уговаривать его не пришлось. Как только он понял, что я не шучу, осталось лишь согласовать детали. Вид денег отрезвил его, и, хотя его все время била дрожь, рассуждал доктор вполне здраво.

— И еще, — сказал я, поднимаясь со стула. — Ты расскажешь об этом своей ненаглядной Зине?

— Вы с ума сошли? — с неподдельным изумлением спросил Вульф.

— Я думаю, ты не расскажешь ей. Но если только мы вдвоем будем знать об этой операции, то как ты объяснишь свое отсутствие и источник внезапного богатства?

Это еще больше возмутило его.

— Объяснять? Ей? Да она не увидит ни меня, ни денег, как только я уйду из этого дома. Что произойдет ровно через десять минут.

— Понятно, — сказал я.

Довольно неблагородно с его стороны так относиться к несчастной девушке, которая содержала его с помощью самого древнего в мире ремесла. Я решил как-нибудь помочь бедняжке. Потом, конечно. Первым делом я должен был проследить, чтобы Джеймс Боливар диГриз исчез навсегда.

Не скупясь, я заплатил за все хирургическое и операционное оборудование, заказанное Вульфом. По возможности я старался покупать автоматические приборы, так как ему предстояло работать одному. Загрузив все это во взятый напрокат фургон, мы вместе отправились в загородный дом. Мы оба боялись упустить друг друга из виду, и это понятно. Доверительные отношения не складывались, и труднее всего было решить финансовый вопрос. Этот доктор Вульф решил, что как только он закончит работу, я ткну его по черепу и заберу обратно свои деньги. Он и не подозревал, что пока существуют банки, проблем с наличностью у меня не возникнет. В конце концов я согласился на все его условия, и мы приступили к нашей ответственной работе.

Дом находился в пустынной местности, на вершине утеса на дальнем конце озера. Еду нам привозили раз в неделю вместе с лекарствами и необходимыми медицинскими принадлежностями. Операция началась.

Современная хирургическая техника избавила меня от боли и неприятных ощущений. Я был прикован к постели и иногда накачивался таким количеством транквилизаторов, что дни проходили в сонном тумане. Между двумя периодами радикальной хирургии я решил подбросить таблетку снотворного в стакан Вульфа с безалкогольным напитком. Полнейшее воздержание от спиртных напитков на время всей операции было одним из обязательных условий нашей сделки.

Когда это становилось для него невыносимым, я поддерживал его волю с помощью очередной пачки денег. Все это сильно действовало ему на нервы, и я пришел к выводу, что крепкий сон ему не повредит. Мне также хотелось провести небольшое расследование. Убедившись, что доктор заснул, я открыл дверь в его комнату и обшарил ее снизу доверху.

Полагаю, что пистолет он взял просто на всякий случай, но мало ли что может прийти в голову такой неуравновешенной личности. Мне уже надоело изображать из себя мишень. Пистолет был карманного типа, калибр 0,50, небольшая, но опасная штучка. Отлаженный механизм, заряженные патроны, вот только стрелять он больше не будет после того, как я спилил боек.

Найденный фотоаппарат совсем не удивил меня, потому что давно уже не верю в благородство. Вульффу было недостаточно, что я финансировал его, и он на всякий случай решил подготовить материалы для шантажа. На пленках была запечатлена моя внешность до и после операции. Все пленки — даже неотснятые — я положил под рентгеновский аппарат и как следует засветил их.

Пока в голову Вульфа не приходили горестные мысли об отсутствии горячительных напитков и пышнотелых женщин, он отлично справлялся со своими обязанностями. Изогнув и укоротив мои бедра, он изменил мой рост и походку. Руки, лицо, череп, уши — все было переделано, чтобы создать нового человека. Искусное применение определенных гормонов вызвало изменение пигментации, моя кожа и волосы потемнели, изменилась даже сама структура волосяного покрова. Вершиной мастерства доктора Вульфа была кропотливая операция на моих голосовых связках. Голос стал более низким и грубым.

Когда все закончилось, Скользящий Джим диГриз умер, а вместо него родился Ханс Шмит. Не совсем оригинальное имя, но я собирался пользоваться им только для общения с доктором Вульфом до того, как я приступлю к реализации своего плана.

— Хорошо, просто замечательно, — сказал я, глядя в зеркало и ощупывая руками чужое лицо.

— Господи, наконец-то я смогу выпить, — простонал Вульф, сидевший позади меня на упакованных чемоданах. В последние несколько дней он пристра-

стился к медицинскому спирту, пока я не добавил туда моего любимого рвотного порошка. Теперь он не мог дожждаться момента, когда сможет как следует напиться. — Давайте оставшиеся деньги, которые мне причитаются, и поехали отсюда.

— Спокойствие, доктор, — ответил я, передавая ему пачку денег.

Сорвав банковскую упаковку, он быстро принялся считать деньги, нежно дотрагиваясь до них пальцами.

— Не стоит терять время, — сказал я ему, но он не обратил на мои слова никакого внимания.

Я позволил себе написать на каждой банкноте «УКРАДЕНА» чернилами, которые начинают светиться, когда в банке их проверяют ультрафиолетом.

Его пальцы замерли, а лицо побледнело. Я предупредил его, чтобы он не волновался — ведь это так влияет на сердце.

— Что значит, украдены? — наконец пробормотал он.

— Это значит, что я расплатился с тобой украденными деньгами. — Его лицо стало еще бледнее. Я был уверен, что с таким кровообращением ему не дотянуть и до пятидесяти. — Не волнуйся. Остальные купюры, которые я тебе дал раньше, не помечены. Я уже расплачивался ими раньше без всяких осложнений.

— Но... зачем? — запинаясь, спросил он.

— Законный вопрос, доктор. Точно такую же сумму — с непомеченными кредитками — я отослал твоей старой подружке Зине. Она ведь столько для тебя сделала, надо уметь отдавать долги.

Он не сводил с меня глаз, пока я скидывал с утеса медицинское оборудование. Я старался не поворачиваться к нему спиной, все остальные меры предосторожности были приняты еще раньше. Когда выражение отчаяния исчезло с его лица, а на губах заиграла скрытая усмешка, я понял, что пришло время выложить все до конца.

— Воздушное такси прибудет с минуты на минуту. Мы улетаем вместе. Вынужден тебя огорчить — в Фрейбурбаде у тебя не будет времени, чтобы отыскать Зину и вытрясти из нее деньги, как ты задумал. — Виноватое выражение его лица лишний раз подтвердило, что он еще новичок в подобных делах. Я продолжал, надеясь, что он с благодарностью послушает, как поступают настоящие преступники. — Все рассчитано

по минутам. Так получилось, что сегодня из космопорта почти одновременно вылетают два корабля. На одном полечу я, а на другом — ты. Я оплатил твой билет, хотя вряд ли дождусь от тебя благодарности. — Он взял билет с брезгливостью старой девы, дотрагивающейся до мертвой змеи. — Надо торопиться, чтобы скорее смыться, извиняюсь за рифму. Через несколько минут после старта твоего корабля в полицию доставят письмо, в котором описывается твоя роль в операции.

Милый доктор Вульф переваривал информацию, пока мы ждали такси, и, судя по мрачному выражению лица, не мог найти для себя никакой лазейки. В такси он отвернулся к окну и всю дорогу молчал. В космопорту он не попрощался со мной и даже не проклял меня напоследок, а сразу же сел на свой корабль. Я же просто направился к своему, но заходить в него совсем не собирался. У меня не было ни малейшего желания улетать с Фрейбура и тем более, сообщать полиции о незаконной операции. Эта маленькая ложь помогла мне спровадить доктора-алкоголика в полет. Его ждало одиночное путешествие к циррозу печени. Мне же было незачем улетать, наоборот, у меня были веские основания, чтобы остаться.

Анжелина все еще находилась на этой планете, и я не хотел, чтобы кто-нибудь помешал мне ее отыскать.

Возможно, это покажется хвастовством, но за это время я хорошо узнал Анжелину. Шарик в наших порочных мозгах вращался в одном направлении. Я чувствовал, что вполне могу предугадать ее дальнейшие действия. Во-первых, она счастлива, что наконец прикончила меня. Ей трупы доставляют такую же радость, как другим девушкам — новые платья. Теперь, когда она считает меня мертвым, разыскать ее не составит труда. Разумеется, она уже предприняла обычные меры предосторожности против полиции и других агентов Корпуса. Но ведь они не знают, что она на Фрейбуре, моя смерть никак не была связана с Анжелиной. Ей нет смысла убегать отсюда, на этой планете она легко найдет себе подходящий образ и соответствующую внешность. Нет никаких сомнений, что она захочет остаться на Фрейбуре. Такое впечатление, что эта планета специально создана для незаконных операций. Я немало шатался по Вселенной, но такой лакомый кусочек мне еще не попадался. Жуткая

смесь старого и нового. В старом, феодальном Фрейбуре с его замками любой незнакомец сразу бы привлек к себе внимание. Современные планеты Лиги с их компьютерами, механизацией, роботами и бдительной полицией тоже не лучшее место для незаконных операций. И только там, где эти две культуры смешиваются, появляется обширное поле деятельности для таких людей, как я.

На Фрейбуре довольно спокойно, вы можете вполне доверять заключению экспертов Лиги. Прежде чем завезти сюда антибиотики и компьютеры, они убедились, что здесь поддерживается должный порядок. Но для смекалистых людей всегда найдется возможность чем-нибудь поживиться. Главное — знать, где искать. Анжелина это знала, и я тоже.

Однако через несколько недель безуспешных поисков до меня наконец дошло, что мы ищем разные вещи. Не могу сказать, что все это время я провел без пользы, так как обнаружил массу возможностей для незаконного обогащения. Если бы не Анжелина, я бы навсегда остался в этом воровском раю. Но мысль об ее местонахождении постоянно мучила меня, как больной зуб.

Видя, что интуиция не помогает, я обратился к научным методам. Арендовав самый лучший компьютер, я загрузил в его блоки памяти целую библиотеку и поставил перед ним массу задач. Израсходовав кучу киловатт-часов энергии, я стал специалистом по экономике Фрейбура, но в поисках Анжелины не продвинулся ни на шаг. В ней бушевала неумная страсть к власти и контролю, но я понятия не имел, в чем может заключаться ее деятельность. Существовало много возможностей захвата власти на Фрейбуре, но расследование показало, что Анжелина ими не воспользовалась. Король Виллельм IX держал в руках все бразды правления на планете. Полное изучение Виллельма, его семьи и близких королевских родственников вскрыло один сочный скандал, но не обнаружило Анжелину. Я зашел в тупик.

И только когда я стал искать утешение в бутылке, меня вдруг осенило. Паралич нервных клеток в моем пропитавшемся алкоголем теле и стал источником идеи. Только дурак может утверждать, что соображать лучше на трезвую голову. Впрочем, тут все обстояло совсем по-другому. Я уже не думал, а просто дал волю

чувствам. Злость к Анжелине приглушила во мне все остальные чувства. Я душил подушку, представляя, что это ее шея, и вдруг воскликнул:

— Она же просто сумасшедшая! Чокнутая! — Когда я обессиленно свалился в постель, все закружилось вокруг в бешеном хороводе, и я пробормотал: — Просто психованная. Я сам должен сойти с ума, чтобы знать, что ей дальше взбредет в голову.

Тут мои глаза закрылись, и я уснул. Мысли медленно просачивались через пропитанный алкоголем мозг и постепенно складывались в стройную систему.

В голове что-то замкнуло, и я сел в постели с широко открытыми глазами, пораженный страшным открытием. Понадобится вся моя сила воли, чтобы сделать это.

Чтобы найти Анжелину, я должен стать сумасшедшим.

Глава тринадцатая

При свете холодной утренней зари идея не стала выглядеть более привлекательной, но и не стала менее очевидной. Я стоял перед выбором — делать это или нет. В том, что Анжелина была сумасшедшей, не было никаких сомнений. Все ее поступки отличались полным безразличием к человеческой жизни. Она презирала людей и с удовольствием убивала их. А может, и с равнодушием. Сомневаюсь, чтобы она вела счет своим преступлениям. По сравнению с ней я сопливый новичок. Я никогда не прибегал к убийству, мало того, в моей деятельности в этом не было никакой необходимости.

Да, диГриз никогда не убивал! Мне не стыдно признаться в этом, наоборот, — я горжусь. Я всегда трепетно относился к человеческой жизни — величайшей ценности на свете. Анжелина любила только саму себя и свои желания. И больше ничего. Исследуя ее сущность, я мог бы представить образ ее мышления.

По крайней мере, теоретически это не составляло никакого труда. У меня был опыт работы с психотропными наркотиками, и я хорошо представлял себе их действие. За несколько столетий наука изобрела лекарства, которые могли создать у человека любой образ мышления. Есть желание недельку побыть в роли параноика? Достаточно одной таблетки, и вы почувствуете, что это такое. Некоторые принимали эти наркотики, чтобы расслабиться, но я всегда их сторо-

нился. Человека с таким тонким строением серого вещества, как у меня, на это могли толкнуть лишь очень серьезные причины. Например, необходимость найти Анжелину.

Главным качеством этих наркотиков было то, что их действие ограничивалось временными рамками. Стоит лекарству выйти из организма, как все галлюцинации пропадают. По крайней мере, я надеялся на это. Ни в одном рецептурном справочнике не указывалась та смесь, в которой я нуждался. Поистине титаническая работа — искать в справочнике описания всех этих милых привычек Анжилины и находить для них соответствующий препарат. Пришлось даже обратиться за профессиональной помощью, не раскрывая, разумеется, истинной цели моего любопытства. В конце концов передо мной стоял флакончик с мутноватой жидкостью и магнитофон, на котором были записаны соответствующие внушения. Их полагалось слушать в процессе действия лекарства. Оставалось только сделать последний шаг. Впрочем, прежде надо было предпринять кое-какие меры предосторожности. Я снял комнатку в дешевом отеле и попросил, чтобы меня не беспокоили. Я впервые отважился на такой поступок и на всякий случай оставил записку на видном месте. Приготовления заняли у меня несколько часов, и наконец я понял, что просто тяну время.

— Не так-то просто стать сумасшедшим по своей воле, — сказал я своему бледному отражению в зеркале. Отражение согласно кивнуло, и мы оба закатали рукава и приготовили шприцы. — Будь что будет, — произнес я, введя иглу в вену, и до упора нажал на поршень шприца.

Результат поразил меня, если этими словами можно передать мое разочарование. В ушах зазвенело, в затылке появилась боль, но все это быстро исчезло, и я чувствовал себя, как и прежде. Я понял, что надо чем-то заняться, и стал читать газету, пока не устал. Мне стало скучно. Я отправился спать, включив магнитофон, который нашептывал мне в уши непреложные истины: «Ты самый умный, самый лучший, и горе тому, кто в этом сомневается» или «Умнее тебя нет никого на свете, а все остальные — дураки».

Наушники врезались в уши, не давая заснуть, вкрадчивый голос вывел меня из терпения. Ничего не изменилось, эксперимент сорвался, и неудача разозли-

ла меня. Я сломал наушники, и мне стало легче, потом скомкал магнитофонную ленту и совсем успокоился.

Уже несколько дней я не брился и основательно зарос щетиной. Намазав щеки кремом, я заглянул в зеркало и обомлел. Новое лицо подходило мне лучше, чем старое. Из-за родовой травмы или уродства родителей — я ненавидел их за то, что кроме как родить меня, они ничего полезного не сделали — лицо не соответствовало моей личности. Новое лицо было гораздо лучше. Более красивое и более мужественное. Я должен был поблагодарить за этот шедевр доктора Вульфа. Поблагодарить пулей. Чтобы он никогда не навел на меня полицию. Наверное, в тот день стояла жара, и у меня был солнечный удар, раз я позволил ему уйти живым.

На столе лежал листок бумаги с одним единственным словом, написанным моим почерком. Я никак не мог припомнить, зачем его там оставил. «Анжелина» было написано на нем. Анжелина! С каким удовольствием я сжал бы ее нежное белое горло руками и душил до тех пор, пока у нее не вылезли бы глаза. Ха! Я засмеялся, представив себе эту картину. Впрочем, нельзя подходить к такому важному делу столь легкомысленно. Я обязан найти ее, и ничто меня не остановит. Она обвела меня вокруг пальца и хотела убить. Она, безусловно, заслуживала смерти. Жаль, конечно, губить такой талант, но что поделаешь. Я разорвал листок на клочки.

Вдруг я почувствовал, что стены и потолок комнаты давят на меня, и решил поскорее выйти. Я пришел в бешенство, когда не обнаружил ключ. Я помнил, что вытащил его из двери, но куда дел — забыл. Когда дежурный портье наконец-то поднял трубку, я хотел высказать ему все, что я думал об их отеле, но воздержался. С подобными типами надо разговаривать при помощи кулаков. Пневмотруба выплюнула запасной ключ, и я наконец вышел из комнаты. Мне нужно было поесть, выпить и поразмышлять в спокойной обстановке.

В ближайшей забегаловке я нашел все, что нужно, после того, как выгнал оттуда всех проституток. Жалкие существа! Анжелина в своей роли выглядела в сто раз лучше, чем все это стадо вместе взятое. Анжелина. Я думал лишь о том, как отомстить ей. Выпивка согрела желудок, а мысли об Анжелине — душу.

Неужели я действительно когда-то хотел передать ее полиции или даже убить? Как я мог? Никогда еще я не встречал такой умной женщины. А как она выглядела в том платье! Разве можно такое забыть? Приручить бы ее чуть-чуть, и мы бы составили с ней чудесную пару! От этой мысли я покраснел и залпом осушил стакан.

Я должен был отыскать ее. Она ни за что не улетит с такой планеты, как эта. Девушка с ее амбициями здесь может легко достигнуть желаемого. Это именно то место, где она должна находиться. Очевидно, она всегда жалела, что родилась женщиной. Зная, что она выше толпы, она снова и снова доказывала это себе и всем остальным. Своим появлением я оказал Анжелине неоценимую услугу. Стыдно вспомнить — я вел себя как неотесанный болван. Покончив со мной, Анжелина могла расслабиться и спокойно заняться своими делами. Кроме меня ей больше никто не мог угрожать.

Вдруг мною овладело какое-то смутное беспокойство. Я напряг память и понял. Действие укола заканчивалось! Нужно срочно возвращаться в отель. Надо же, а раньше я боялся, что это опасная штука, а на самом деле — этот наркотик безвреднее аспирина. Но в то же время — лучше него нет ничего во всей Галактике. Передо мной открылись безграничные возможности, мозг прояснился, а мысли стали логичными. Никогда больше не вернусь в прежнее состояние, когда в голове царит вечная путаница.

Заплатив бармену, я нетерпеливо постукивал пальцами по стойке, пока он медленно отсчитывал сдачу.

— Умнее всех, что ли? — громко сказал я, чтобы все присутствующие меня услышали. — Если клиент спешит, значит нужно его обсчитать? Не хватает двух гильденов.

Я держал деньги на ладони, а когда он наклонился, чтобы пересчитать их, я заехал ему по физиономии. Заодно, понизив голос, чтобы слышал только он, я высказал все, что о нем думаю. Во фрейбургском слэнге полно оскорбительных выражений, и я выбрал самые сочные из них. Жаль, что я торопился, а то бы преподал ему хороший урок. Повернувшись, я уже собрался уходить, продолжая следить, что творится за моей спиной, в зеркале, висящем напротив. Я поступил правильно. Бармен достал из-под стойки здоровенный

обрезок трубы и занес над моей головой. Я стоял неподвижно, представляя собой замечательную мишень, но когда его рука пошла вниз, сделал шаг в сторону, и труба прошла в миллиметре от меня.

Тогда я схватил его за руку и просто сломал ее о стойку бара. От его воплей на душе у меня полегчало. Стоило, конечно, сломать что-нибудь еще, чтобы он заорал как следует, но меня поджимало время.

— Видели, как он подло напал на меня? — спросил я у ошеломленных посетителей, продвигаясь к двери. Из-за стойки доносились приглушенные стоны бармена. — Я схожу за полицией. Присмотрите, чтобы он никуда не убежал.

Разумеется, он так же хотел убежать, как и я сообщить в полицию. Я уже был далеко, прежде чем посетители сообразили, что же произошло на самом деле.

Я не мог бежать, чтобы не привлекать к себе внимания. Направляясь в отель быстрой походкой, я весь взмок от напряжения. В комнате я первым делом посмотрел на стол, где стоял флакончик и лежал завернутый в марлю шприц. Огромным усилием воли я сдержал дрожь в руках.

Рухнув после укола в кресло, я схватил флакончик и увидел, что жидкости там осталось на донышке. Надо было срочно пополнить запасы наркотика. Я хорошо запомнил формулу и без труда мог приготовить очередную порцию. Правда, аптеки в этот час закрыты, но это лишь облегчало работу. Историки утверждают, что оружие изобрели раньше, чем деньги. В чемодане у меня лежал пистолет 0,75-го калибра, при помощи которого я мог приобрести гораздо больше, чем на все деньги Галактики.

Это была моя ошибка. У меня появились какие-то смутные предчувствия, но я решительно отмел их. Видимо, после укола я сильно расслабился. Я хотел поскорее раздобыть необходимые компоненты и быстро вернуться в отель. Размышляя, как получше мне это проверить, я открыл чемодан и протянул руку к лежащему поверх одежды пистолету. Внутренний голос мне что-то говорил, но я не обратил на него внимания. Что-то было не так... Я уже схватился за рукоятку пистолета, когда в мозгу у меня прояснилось. Но это случилось слишком поздно.

Отшвырнув пистолет, я кинулся к двери, но не успел выскочить. Позади разорвалась граната с сонным газом, которую я сам положил под пистолет. Уже проваливаясь в сон, я продолжал удивляться своей собственной глупости...

Глава четырнадцатая

Придя в себя после действия газа, я испытал огромное сожаление. В самом деле, наш мозг всегда удивляет нас. Действие моего дьявольского зелья прошло. Память заработала, когда я убрал постгипнотическую блокировку. Все подробности моего сумасшествия всплыли в памяти. Хотя эти воспоминания вызывали у меня тошноту, одновременно я сожалел, что больше не вернусь в подобное состояние. Тогда я чувствовал ни с чем не сравнимую свободу, и жизнь других людей ничуть не волновала меня. Извращенное, но чрезвычайно приятное чувство. Привыкаешь, как к наркотикам. Чувствуя отвращение, я испытывал желание повторить все сначала.

Несмотря на двенадцать часов вынужденного сна, я чувствовал себя полностью разбитым. Мне пришлось собрать все силы, чтобы добраться до постели. Я налил себе стакан виски из предусмотрительно припасенной бутылки. Потягивая стимулирующую жидкость, я старался привести в порядок свои мысли, а это была задача не из легких. Я много читал о темных желаниях, лежащих в нашем подсознании, а теперь и сам столкнулся с этим. Теперь пора проанализировать кое-какие мысли, которые выплыли на поверхность.

Стоит наконец разобраться в моем отношении к Анжелине. Нужно признаться, что я испытывал к ней сильное влечение. Любовь? Может, и любовь, назовите это, как хотите, но только не юношеская

страсть. Я не закрывал глаза на ее недостатки. Наоборот, я еще больше возненавидел их, когда узнал, как ее убийственно аморальная сущность отражается на моем сознании. Но логика и здравый смысл не имеют ничего общего с эмоциями. С одной стороны, я ее ненавидел, а с другой — никак не мог отделаться от влечения к личности, столь похожей на меня. Во мне заговорили низкие инстинкты — какая бы из нас получилась пара! Разумеется, это невозможно, но кто запретит мне мечтать об этом? Говорят, часто любовь и ненависть стоят рядом, так вот это был тот самый случай. Анжелина была чертовски привлекательной женщиной. Я сделал изрядный глоток виски.

Теперь я легко найду Анжелину. Мне даже стало не по себе от такой уверенности. За время помрачения моего ума я не узнал о ней ничего нового, однако уяснил, в какую сторону у нее сдвинуты мозги. Ее тянуло к власти, но вряд ли, действуя через короля, она могла добиться исполнения своих желаний. Теперь я это понял. Она предпочитала перевороты, убийства, заговоры и прочие беспорядки. Так случалось в старые времена, когда верховную власть на Фрейбуре захватывали силой. Корону мог получить любой представитель дворянства, и стоило королевской хватке чуть ослабнуть, как в результате дворцового переворота возникал новый монарх. Но все это происходило до того, как на Фрейбуре поработали специалисты — социологи из Лиги.

Мне стало ясно, что старые времена скоро вернуться. Чтобы удовлетворить свои амбиции, Анжелина была готова утопить этот мир в крови, посеять вражду и смерть. Теперь она готовила кого-то для этой работы. Какого-нибудь эгоистичного вельможу, который еще играл важную роль в полуфеодальном Фрейбуре и мечтал занять трон. Анжелина уже применяла подобный метод и, несомненно, воспользуется им еще раз.

Неясно было только одно. Кто этот человек?

После подобных погружений в глубины самоанализа во рту у меня стало так гадко, что даже алкоголь не помог избавиться от этого неприятного ощущения. Надо было как следует встряхнуться и разогнать застоявшуюся кровь. Выслеживая ставленника Анжелины, я как раз успокою свои нервы и подзаряджусь энергией. Подумав об этом, я сразу же воспрянул духом и, схватив газету, стал изучать светскую хрони-

ку. Через два дня должен был состояться Большой Бал. Чудесное прикрытие для задуманной операции.

Эти два дня я посвятил решению кое-каких задач, чтобы довести свой план до совершенства. На каждом королевском приеме обязательно присутствует болван, который учиняет какой-нибудь скандал, коего с нетерпением ждут все присутствующие. Только человек с такими яркими талантами, как у меня, может создать такой образ. Порывшись в справочниках, я нашел себе родину — отдаленную провинцию, где единственным богатством был местный диалект, над которым потешались фрейбурские шутники. Из-за этого население Мистельдросса отличалось драчливостью и невероятным упрямством. Тамошних дворян никто не знал, и это давало мне возможность присвоить себе имя графа Бента Дибстола. На местном диалекте мое фамильное имя переводилось как «бандит» или «сборщик налогов» и давало представление о тамошней экономике и происхождении родового титула. Пока военный портной подгонял мой сшитый на заказ мундир, я заучивал свою скучную биографию, отмечая места, которые смогут развеселить присутствующих.

Затем я послал увесистую пачку денег покалеченному бармену — ведь теперь бедняга работал с загнутой рукой. Он действительно обсчитал меня, но понес за это слишком суровое наказание. Успокоив таким образом совесть, я почувствовал себя гораздо лучше.

Полуночный визит в королевскую типографию обеспечил меня приглашением на бал.

Когда я одним из первых появился во дворце, мундир сидел на мне как влитой, а сапоги ослепительно сверкали. Королевская кухня пользовалась заслуженной репутацией, а предстоящая работа раздражала мой аппетит. Грохоча саблей и шпорами — на Фрейбуре подобным аксессуарам еще уделяли большое внимание — я склонился в поклоне перед королем и смотрел ему в глаза, пока тот пытался произнести какую-то нечленораздельную фразу. Его стеклянные глаза тускло блестели, что подтверждало слухи о том, что на каждый прием он приходит уже в стельку пьяный. Он ненавидел подобные сборища и предпочитал копать со своими жуками, поскольку был энтомологом-любителем и знал в этом деле толк. Затем я подошел к королеве, которая была моложе его лет на

двадцать и обладала весьма пышными формами. Ходили слухи, что ей до смерти надоели всякие жуки и она предпочитает гомо сапиенс. Я решил проверить это утверждение, пожав ей руку чуть сильнее, чем требовалось. В ответ я получил такое же пожатие и заинтересованный взгляд. После чего я направился к буфету.

Пока я ел, гости продолжали прибывать. Наблюдая за ними, я усердно поглощал яства и перепробовал все вина. Я уже насытился, когда все остальные только приступили к трапезе, и принялся ходить среди толпы. Особое внимание я обращал на женщин, которым это явно нравилось, потому что мое лицо и щегольской мундир выделяли меня среди остальных. Я, конечно, не рассчитывал сразу же обнаружить Анжелину, но решил не упускать ни малейшей возможности. Несколько женщин отдаленно напоминали ее, но стоило мне только поговорить с ними, как становилось ясно, что эти типичные представительницы голубой крови не имели ничего общего с моей космической разбойницей. Моя задача облегчалась тем, что все местные красавицы явно страдали ожирением, в то время, как Анжелина была гибкой и стройной. Я снова направился к бару.

— Следуйте за мной! Именем короля! — прогнул-савил мне в ухо чей-то голос, и меня грубо схватили за рукав.

Обернувшись, я свирепо посмотрел на типа, вцепившегося в мой мундир.

— Отпусти рукав, а то я разобью твою дурацкую рожу, — выдал я на сочном мистельдроссианском диалекте.

Он отдернул руку, будто дотронулся до раскаленной плиты, и покрылся красными пятнами.

— Вот так-то лучше, — добавил я. — Кто меня хочет видеть? Король?

— Ее величество королева, — пробормотал он.

— Отлично. Я и сам хотел с ней повидаться. Показывай дорогу.

Я прокладывал себе путь через толпу, а мой новый приятель семенил позади, тщетно пытаясь обогнать меня. Дойдя до группы придворных, окружавших королеву Хейду, я остановился, пропуская его вперед, и он, задыхаясь и вытирая лоб, представил меня королеве.

— Ваше величество, это барон...

— Граф, а не барон, — перебил я его на своем наречии. — Граф Бент Дибстол из бедного провинциального рода, чей титул несколько веков назад у нас обманом забрали негодяи и мошенники князя.

Я сурово взглянул на своего проводника, будто он был главным виновником, и он снова покраснел.

— Что это у вас за награды? — спросила королева низким голосом, напомнившим мне мычание коровы на лугу.

Она указала на мою широкую грудь, увешанную побрякушками, которые я купил сегодня утром у одного антиквара.

— Это галактические награды, Ваше Величество. Младший сын провинциального дворянина, обнищавшего в результате подлого заговора, не мог рассчитывать на продвижение по службе здесь, на Фрейбуре. Поэтому я решил провести лучшие годы своей жизни в Звездной Гвардии, участвуя в космических битвах и сражениях. Но вот этой медалью я действительно могу гордиться... — Перебирая пальцами позвякивающие железяки, я наткнулся на невзрачную штуковину, украшенную блестящими кометами. — Это Галактическая Звезда, самая почетная награда в Гвардии.

Я любовно посмотрел на медаль. Это действительно был гвардейский значок, выдаваемый то ли за выслугу лет, то ли за проявленное усердие на кухонных работах.

— Великолепная награда, — сказала королева.

В медалях она разбиралась не лучше, чем в нарядах, но чего можно ожидать на этой отсталой планете.

— Действительно. Мне бы не хотелось рассказывать, за что я ее получил, но если Ваше Величество прикажет... — застенчиво сказал я.

Я бессовестно врал им о своих подвигах, а они слушали, раскрыв рты. Я надеялся, что на следующий день обо мне начнут сплетничать и кое-что может дойти до Анжелины, где бы она ни пряталась. Вспомнив о ней, я почувствовал, как мое вдохновение иссякает, и, извинившись перед слушателями, вернулся в бар.

Остаток вечера я провел, рассказывая о своих замечательных подвигах каждому, кто попадал в поле моего зрения. Большинство из них слушали с удовольствием, смеясь надо мной. Единственный, кто не получал от этого удовлетворения, был я сам. Если

сначала мой план казался мне хорошим, то теперь я полностью в нем разочаровался. Я мог месяцами вращаться в дворцовых кругах без всякой надежды найти след Анжелины. Надо было ускорить этот процесс. В голове у меня засела одна мысль, но она граничила с безумием. Один неверный шаг, и меня либо убьют, либо навсегда отлучат от королевского двора. С последним я еще как-нибудь смогу смириться, хотя это затруднит поиски моей драгоценной беглянки. Чтобы избавиться от сомнений, я бросил монетку и, конечно, выпало то, что я загадал, так как еще до броска прижал ее пальцем к ладони. Пора было приступать к активным действиям!

Еще до прихода сюда я рассовал по карманам несколько мелочей, которые могли пригодиться на приеме. Одна из них гарантировала мне великолепный предлог, чтобы приблизиться к королю. Сунув эту штукину в карман, я наполнил вином самый большой бокал и стал слоняться по полутемным переходам в поисках своей жертвы.

Если на приеме король Виллем уже появился пьяным, то сейчас казался полностью парализованным. Думаю, сзади в его белую королевскую мантию был вшит стальной стержень, потому что, могу поклясться, собственный позвоночник его уже не держал. Но он продолжал пить, качаясь из стороны в сторону, а его голова, казалось, вот-вот отвалится. Его окружала куча стариков, предававшихся воспоминаниям о былых временах. Стоило мне подойти поближе, как они стали бросать на меня уничтожающие взгляды. Я был выше их ростом и ярче одет, поэтому, когда король наткнулся на меня взглядом, он стал медленно поворачивать голову в мою сторону. Один из старцев уже встречался со мной, и был вынужден представить меня королю.

— Очень рад познакомиться с Вашим Величеством, — пьяным голосом пробормотал я. Король даже не заметил этого, но все остальные недовольно поморщились. — Я в некотором роде и сам энтомолог и, простите за выражение, хотел бы следовать по вашим королевским стопам. Полагаю, на Фрейбуре надо уделять большее внимание формениферам, лепидоптерам и другим видам. Они заслуживают большего уважения. Надо почаще использовать их изображения на флагах, в геральдике...

Я продолжал нести всякую чушь и заметил, как присутствующие стали проявлять нетерпение. Король, который едва ли улавливал одно слово из десяти, устал кивать, и его внимание стало рассеиваться. Старички не знали, как им избавиться от пьяного. Кто-то взял меня за локоть, и тогда я выложил козырную карту.

— Думаю, это заинтересует Ваше Величество, — пробормотал я, шаря в кармане. — Этот уникальный экземпляр я хранил долгие световые годы и хочу, чтобы он занял достойное место в вашей королевской коллекции.

Вытащив плоскую пластиковую коробочку, я сунул ее королю под нос. Он с трудом сфокусировал на ней свои водянистые глаза и тихо ахнул. Остальные тоже сгрудились вокруг меня, и я дал им возможность несколько секунд полюбоваться великолепным экземпляром.

Должен сказать, что это был великолепный жук. Правда, он не путешествовал со мной через долгие световые годы — я сделал его сегодня утром. Большинство частей было от других насекомых, а там, где природа сплеховала, я восполнил этот недостаток кусочками пластмассы. Тело жука было размером с ладонь, с тремя рядами разноцветных крыльев. Снизу крепилось множество ног, взятых, по крайней мере, у дюжины других насекомых. От внимания окружающих не ускользнули такие детали, как массивное жало, три глаза и хвост в виде штопора. Я специально сделал коробочку из цветного пластика, чтобы, скорее скрыть, чем подчеркнуть детали.

— Посмотрите получше, Ваше Величество, — сказал я, раскрывая коробочку.

Мы оба покачивались из стороны в сторону. Держа в одной руке и бокал, и коробочку, я другой рукой вытащил монстра. Я сжал его большим и указательным пальцем, а король нагнулся, расплескивая вино из своего бокала. В этот момент я сделал неуловимое движение большим пальцем, и жук, как живой, нырнул в королевский бокал.

— Спасите его! Спасите его! — заорал я. — Это редчайший экземпляр.

Сунув пальцы в бокал короля, я принялся вылавливать жука. Вино пролилось на золоченые манжеты Виллельма. Толпа ахнула, слышались злые голоса. Кто-то грубо схватил меня за плечо.

— А ну-ка, убери свои грязные лапы, — закричал я, сбрасывая руку.

Насекомое выскользнуло у меня из пальцев и шлепнулось на королевскую грудь и стало медленно сползать, теряя по пути крылья, ноги и другие части. Наверное, я пользовался клеем низкого качества. Пытаясь спасти жука, я опрокинул свой бокал с вином на королевскую мантию. Толпа загудела.

Король, однако, отнесся ко всему довольно спокойно. Раскачиваясь, как дерево в бурю, он смог пробормотать лишь: «Я говорю... Я говорю...» Он даже не проявил никакого неудовольствия, когда, вытирая носовым платком вино с его груди, я, как бы случайно, наступил ему на ногу. Толпа окружила меня. Кто-то схватил за руку, но я вырвался, стукнув короля Виллельма IX в его монаршую грудь, и от удара его королевская вставная челюсть выпала на пол. Тут такое началось.

Все старички разбежались кто куда. Молодые дворяне встали на защиту своего короля, и мне пришлось показать им пару приемчиков, которым я научился на других планетах. Недостаток техники они восполняли избытком энергии, и началось настоящее столпотворение. Женщины визжали, мужчины ругались, а короля унесли на руках. Тут мои дела пошли совсем плохо, хотя я давал не меньше, чем получал сам.

Последнее, что осталось в моей памяти, это то, как несколько человек держали меня, а один бил изо всех сил. Я саданул ему по физиономии ногой, но меня скрутили, и в глазах у меня потемнело.

Глава пятнадцатая

Несмотря на мое грубое поведение, тюремщики обращались со мной вежливо. А я по мере сил мешал им выполнять свою работу. Не для того я добровольно сел в тюрьму, чтобы стать образцовым заключенным. Я здорово рисковал, сыграв такую шутку с королем. Оскорбление королевской особы относится к тем преступлениям, которые обычно караются смертью. К счастью, темный Фрейбур уже пропитался цивилизованностью Лиги, и местные власти из кожи вон лезли, чтобы показать свою приверженность законам. Но я упрямо стоял на своем. Когда мне приносили еду, я проглатывал ее, а тарелки демонстративно разбивал, протестуя против незаконного ареста.

Крючок с наживкой был заброшен. Я хотел создать себе соответствующую рекламу, и все мои синяки были лишь малой платой за подобное удовольствие. Несомненно, обо мне говорили. Говорили, как о предателе своего класса, неистовом драчуне, нарушителе спокойствия, каким-то чудом появившемся в этом тихом мире. Короче говоря, таких людей ненавидят добропорядочные жители Фрейбура, но именно таким человеком должна была заинтересоваться Анжелина.

Несмотря на кровавое прошлое Фрейбура, здесь почти не осталось настоящих мужчин. В низших сословиях их по-прежнему хватало — в портовых трактирах кишмя кишели обезьяноподобные личности с пудовыми кулаками и мозгами размером с горошину.

Анжелина могла найти там любых добровольцев. Но одни лишь штурмовые отряды не помогут ей добиться победы. Ей нужны союзники и помощники из высшего сословия, а, судя по моим наблюдениям, на Фрейбуре людей с такими талантами не густо. Поэтому я и постарался показать все свои качества, которые могли ее заинтересовать, причем сделал это так, чтобы она не заподозрила, что весь этот спектакль разыгран специально для нее. Западня была открыта, и я ждал, когда в нее попадется птичка.

В замке загремел ключ.

— К вам посетители, граф Дибстол, — сказал охранник, открывая решетчатую дверь.

— Пусть катятся ко всем чертям! — заорал я. — Я не хочу никого видеть на вашей гнусной планете!

Не обращая внимания на мою просьбу, он впустил в камеру начальника тюрьмы и двух престарелых типов в черных одеяниях с мрачными лицами. Я демонстративно отвернулся. Они подождали, пока охранник уйдет, а затем самый худой из них открыл папку и двумя пальцами вытащил оттуда листок бумаги.

— Я не собираюсь подписывать прощальную записку самоубийцы, чтобы вы потом прихлопнули меня во сне, — грубо сказал я.

Он слегка опешил, но постарался не обращать внимания на мои слова.

— Несправедливое заявление, — торжественно произнес он. — Я королевский прокурор и никогда не прибегаю к подобным мерам.

Все трое одновременно кивнули, как будто их дернули за веревочки. Эффект был настолько поразительным, что я тоже чуть не кивнул.

— Добровольно я не расстанусь с жизнью, — быстро повторил я. — Это мое последнее слово.

Но королевского прокурора, немало повидавшего на своем веку, трудно было сбить с толку. Кашлянув, он зашелестел бумагами.

— Вас обвиняют в совершении серьезных преступлений, молодой человек, — забубнил он, изобразив на лице скорбную маску. Я безразлично зевнул. — Однако, я надеюсь, что вас не предадут суду, — продолжал он, — ибо это причинит вред другим лицам. Сам король заинтересован в этом, он искренне желает закончить дело мирным путем. Я пришел сюда, чтобы исполнить его желание. Подпишите эту просьбу о

прощении, и вас посадят на корабль, сегодня вечером вылетающий с Фрейбура. С вас будут сняты все обвинения.

— Хотите избавиться от меня, чтобы скрыть пьяные драки, которые происходят во дворце? — презрительно спросил я.

Лицо королевского прокурора покрылось багровыми пятнами, но он сдержал себя. Если меня вышвырнут с планеты, все мои усилия пойдут прахом.

— Ваши речи оскорбительны, сэр! — возразил он. — Не забывайте, что вы и сами в этом замешаны. От чистого сердца предлагаю вам принять снисходительность Его Королевского Величества и подписать. — Он протянул мне бумагу, но я разорвал ее на клочки.

— Чтобы я еще извинялся? Никогда! — закричал я. — Я защищал свою честь от пьяниц и воров, потомков тех, кто лишил мой славный род его законных прав!

Тогда они ушли, причем начальнику тюрьмы, как самому молодому из всех, я показал дорогу пинком в зад. Все шло по плану. Дверь с лязгом закрылась, и я — мятежный и воинствующий сын земли Фрейбургской — остался сидеть в камере. Я сделал все возможное, чтобы привлечь внимание Анжелины. Если же она не заинтересуется мною, я рискую провести остаток дней в этих мрачных стенах.

Ожидание всегда плохо действовало мне на нервы. Я могу предаваться размышлениям в спокойные моменты, но по натуре — я человек действия. Одно дело приготовить план и смело претворять его в жизнь. Совсем другое — сидеть в сырой тюремной камере и размышлять, сработает ли план и не вкралась ли какая ошибка в расчеты.

Может, сбежать отсюда? Дело нетрудное, но я решил воспользоваться этим лишь в самом крайнем случае. Выйдя на свободу, мне придется скрываться, и Анжелина не сможет вступить со мной в контакт. От нетерпения я сгрыз на руках все ногти. Следующий шаг должна сделать Анжелина, мне же оставалось терпеливо ждать. Я надеялся, что она примет правильное решение, проанализировав мои неистовые выходки.

Через неделю я стал потихоньку сходить с ума. Королевский прокурор больше не показывался, и мне никто не предъявлял никаких обвинений. Они не

знали, что со мной делать, и надеялись, что я сбегу из тюрьмы. Что я уже и был готов сделать. Выйти из этой убогой тюрьмы не составляло никакого труда. Но я ждал весточки от моей любимой преступницы. Я проигрывал в голове различные варианты. Может, она окажет какое-нибудь давление на нужных людей при дворе, и меня освободят? Или передаст напильник, чтобы я выбрался отсюда своими силами. Эта возможность казалась мне наиболее подходящей, и каждый раз я с нетерпением разламывал хлеб, надеясь отыскать что-нибудь внутри. Однако ничего не находил.

На восьмой день Анжелина сделала свой ход в наиболее привычной для нее манере. Ночью я проснулся от какого-то странного предчувствия. Никакого шума не было слышно, и я на цыпочках подошел к двери и через решетчатое окошко увидел приятную картину. В конце коридора на полу валялся ночной охранник, а над ним стоял человек в черном, сжимая в мускулистой руке увесистую дубинку. Затем появился второй человек в таком же одеянии, и они вдвоем потащили охранника к моей камере. Один из них вытащил из кармана кусок красной ткани и вложил его в бесчувственные пальцы охранника. Когда они подошли к моей камере, я отскочил от двери и бесшумно нырнул под одеяло.

В замке заскрежетал ключ, и в камере зажегся свет. Я сел в кровати, моргая, будто только что проснулся.

— Кто вы? Что вам надо? — спросил я.

— Быстро вставайте и одевайтесь, Дибстол. Мы освободим вас, — сказал головорез, сжимая в руке дубинку.

Я задумчиво почесал подбородок, затем спрыгнул с кровати и прижался спиной к стене.

— Убийцы! — зашипел я. — Так вот что придумал подлый король Вилли? Хотите накинуть мне на шею петлю, а потом заявить, что я сам повесился? Что ж, без боя я не сдамся!

— Не будьте идиотом! — прошептал мужчина. — И не надо орать. Мы пришли, чтобы освободить вас. Мы — друзья.

Еще двое в черном вошли в камеру, а в коридоре мелькнул четвертый.

— Друзья? — закричал я. — Убийцы, вот вы кто! Вы дорого заплатите за это преступление!

Человек из коридора что-то прошептал остальным, и они направились ко мне. Мне хотелось получше рассмотреть главаря. Это был мужчина невысокого роста, если это только был мужчина. Одежда на нем висела свободно, а на голову был натянут чулок. Анжелина как раз такого роста. Но прежде чем я успел что-нибудь рассмотреть, головорезы набросились на меня. Я врезал одному в живот и отскочил в сторону. Но в тесной камере преимущества были на их стороне. Я был бос и без оружия, а они не стеснялись использовать свои дубинки. Я с трудом сдержал улыбку, когда они повалили меня на пол.

Я для вида сопротивлялся, когда они тащили меня туда, куда я и стремился попасть.

Глава шестнадцатая

От полученных ударов в голове у меня шумело, но когда один из них раздавил у меня под носом ампулу с каким-то зельем, я потерял сознание. Поэтому я понятия не имел, долго ли меня везли и в какой части Фрейбура нахожусь. Мне, наверное, ввели антидот, потому что первым, кого я увидел, был костлявый тип со шприцем в руке. Он поднял мне веко, и я отбросил его руку.

— Собираешься пытаться меня перед смертью, свинья! — закричал я, вспомнив свою роль.

— Не беспокойтесь, — раздался позади меня низкий голос, — вы среди друзей. Среди тех, кто так же, как и вы, выступает против существующего режима.

Голос совершенно не был похож на голос Анжелины. Как и его владелец, тучный мужчина с кислым лицом. Врач выскользнул из комнаты, оставив нас одних, и я подумал, что мой план провалился. Этот толстяк с маленькими глазками и массивной челюстью мне кого-то напоминал — приглядевшись, я узнал в нем одного из представителей фрейбургского дворянства. Глядя на это уродливое лицо, я попытался вспомнить, кто он такой.

— Рденрандт... Граф Рденрандт, — сказал я, припоминая, что я о нем читал. — Если бы вы не были первым кузеном Его Величества, может, я вам бы и поверил. Трудно представить, что вы можете украсть

из королевской тюрьмы человека для своих собственных целей...

— Какая разница, что вы там себе представляете, — злобно огрызнулся он. Он легко терял контроль над собой, но все же взял себя в руки. — Хоть Виллельм и является моим кузеном, это не значит, что я считаю его достойным правителем планеты. Вы много говорили о ваших правах, которых когда-то лишили ваш род. Это действительно так или вы просто очередной придворный болтун? Подумайте, прежде чем ответить — вам предстоит сделать важный шаг. Есть люди, которые, как и вы, жаждут перемен.

Мне надо было сыграть роль импульсивного энтузиаста, преданного друга или смертельного врага. Схватив его руку, я принялся трясти ее изо всех сил.

— Если вы говорите правду, то вы приобрели соратника, готового идти с вами до самого конца. Но если вы лжете, и это очередная королевская уловка, тогда, граф, приготовьтесь сражаться!

— Незачем сражаться, — сказал он, с трудом освобождая свою руку. — По крайней мере, друг с другом. Впереди нас ждет трудная дорога, и нам надо ценить взаимное доверие. — Он хрустнул пальцами и хмуро посмотрел в окно. — Искренне надеюсь, что на вас можно положиться. Фрейбур теперь не похож на тот мир, которым правили наши предки. Лига превратила наших людей в сопляков. Не на кого положиться.

— А те головорезы, которые вытащили меня из тюрьмы? Они ведь неплохо справились с работой.

— Они могут работать только мускулами! — Он плюнул на пол и нажал кнопку на ручке кресла. — Мозгов у них ни на грамм. Таких я могу найти сколько угодно. А мне нужны люди, которые могут помочь мне привести Фрейбур к светлому будущему.

Я не стал упоминать о человеке, который руководил головорезами прошлой ночью. О том, что стоял в коридоре. Если Рденрандт не собирался упоминать об Анжелине, мне тоже лучше молчать. Раз уж ему так хотелось удостовериться, что мозги у меня работают, я решил ему немного подыграть.

— Это вам пришло в голову сунуть в руку охранника обрывок мундира? Прекрасная мысль.

Прищурившись, он внимательно посмотрел на меня.

— А вы наблюдательны, Бент.

— Дело привычки, — ответил я, одновременно пытаясь изобразить скромность и самодовольство. — Этот кусок материи с пуговицей в руке охранника выглядел так, будто его оторвали в драке. Материал красного цвета, а ваши люди, как я заметил, были одеты во все черное. Вы решили сбить всех с толку...

— Я не могу нарадоваться, что вы решили присоединиться к нам, — сказал он, обнажив неровные зубы. Очевидно, он считал, что именно так выглядит улыбка. — Как вы знаете, люди старого князя носят красную форму...

— А старый князь является главным помощником Виллельма IX, — закончил я за него. — Вам совершенно не повредит, если он выйдет из доверия короля.

— Совершенно, — повторил Рденрант, снова демонстрируя свои кривые зубы.

Мне он уже порядком надоел. Но уж если его выбрала Анжелина своим ставленником, значит, лучшего нельзя было найти. Но вряд ли такой самодовольный тупица обладал достаточным воображением, чтобы по достоинству оценить все замыслы Анжелины. Хотя, думаю, ей нужны были его деньги и титул. Снова мне стало интересно, где же сама Анжелина?

Что-то загрохотало в дверях, и я подпрыгнул от неожиданности. Но это был всего лишь робот, так гремевший и скрипевший, что я удивился, как он вообще функционирует. Граф приказал монстру отправиться к стойке бара, и когда робот повернулся, я увидел, что у него из плеча торчит труба. В воздухе чувствовался запах дыма.

— Он что... работает на угле? — удивился я.

— Именно, — ответил граф, наполняя бокалы. — Прекрасный пример, до чего довело нашу экономику правление Виллельма Безмозглого. В столице, разумеется, таких роботов не встретишь!

— Надеюсь, — сказал я, тараща глаза на клубы дыма, извергаемые механизмом. Весь корпус робота был покрыт пятнами ржавчины и угольной пыли. — Конечно, я долго отсутствовал... Все меняется...

— Не так быстро! И перестаньте тут строить из себя галактического аристократа, Дибстол. Я был в Мистельдроссе и видел, как живут в вашем захолустье. У вас вообще нет роботов, даже таких. — Граф злобно пнул робота, и тот зашатался. Чтобы не упасть, он открыл свои клапаны и направил поток пара в

ножные поршни. — Скоро уже двести лет, как Лига выкачивает с планеты все богатства, а нас держит на привязи — и ради чего? Чтобы король Фрейбурбада купался в роскоши. А сюда они присылают только системы управления и мозги роботов. Остальное приходится делать самим — вот и получаются такие уродливые монстры. Странные у них понятия о прогрессе!

Он осушил свой бокал. Я не стал объяснять ему основы галактической торговли, престижа различных планет и множественных уровней межкоммуникаций. Эта затерянная планета тысячу лет развивалась вне галактической культуры, пока с ней не установили контакт после периода Распада. Приходилось медленно приобщать их к культуре, чтобы никакие катаклизмы не нарушили естественный процесс. Разумеется, сюда могли хоть завтра завезти миллиард роботов. Но улучшило бы это экономику? Уж лучше снабжать их основными блоками, из которых они сами могли собирать роботов. А если им не нравится конечный результат, пусть вместо того, чтобы жаловаться, улучшают дизайн.

Граф, конечно, думал по-другому. Анжелина тонко сыграла на его предрассудках и личных амбициях. Все еще глядя на робота, граф наклонился и постучал пальцем по шкале прибора, установленного на боку этого ходячего механизма.

— Это же надо! — закричал он. — Давление упало до восьмидесяти фунтов! Сейчас он рухнет на пол и подожжет весь дом! Заправься, идиот, быстро!

Какие-то реле щелкнули в корпусе робота. Он нагнулся и поставил поднос с бокалами на стол. Сделав большой глоток, я с наслаждением наблюдал за происходящим. Еле передвигая ноги, робот подошел к камину. Он открыл дверцу у себя на животе, и оттуда вырвалось пламя. Поддев угольным совком приличную порцию антрацита, робот забросил ее себе в топку и закрыл дверцу на животе. Из его трубы повалил густой черный дым. По крайней мере, у робота хватило соображения не вытряхивать золу прямо здесь.

— Пошел вон, болван! — заорал граф, заходясь от кашля.

Дышать в таком дыму было невозможно. Я снова наполнил свой бокал. Граф Рденрандт начинал мне понемногу нравиться.

Он бы мне нравился гораздо больше, если бы я обнаружил здесь Анжелину. Все здесь явно указывало на ее присутствие, но самой ее видно не было. Меня провели в соседний зал, где я познакомился с некоторыми офицерами из гвардии графа. Один из них, Курт, молодой, но бедный дворянин, показал мне окрестности. Место представляло собой помесь феодального замка и маленького городка, отделенного от главного города высокой крепостной стеной. Тут не наблюдалось никакой военной активности, правда, несколько солдат лениво стреляли по мишеням. Все это выглядело слишком мирно. Но все же меня привезли с какой-то целью. Не случайно же я сюда попал. Я принялся осторожно расспрашивать Курта, и он откровенно отвечал на мои вопросы. Как и большинство провинциальных дворян, он недолго любил центральную власть, но полностью зависел от нее. Его завербовали, и он поддерживал затею графа, хотя смутно понимал, к чему это все приведет. Сомневаюсь, что ему приходилось убивать на своем веку. Хотя он с готовностью отвечал на все мои вопросы, один раз я все же уличил его во лжи.

Мы поприветствовали проходящих мимо женщин, и Курт сказал, что это жены офицеров.

— А вы тоже женаты? — поинтересовался я.

— Нет. Все времени не хватало. А сейчас не до этого. Когда все закончится и жизнь войдет в нормальное русло, тогда и о семье можно будет подумать.

— Отличная мысль, — согласился я. — А что граф? Он женат? Когда надолго уезжаешь, всегда забываешь такие вещи, как жены, дети и тому подобное.

Услышав мой вопрос, Курт слегка вздрогнул.

— В принципе, да. В смысле, граф был женат, но с женой произошел несчастный случай, и теперь он уже не женат... — Он запнулся и быстро перевел разговор на другую тему.

Где бы ни появлялась Анжелина, там всегда присутствовала пара-тройка трупов. Нетрудно догадаться, что именно она стояла за «случайной» смертью жены графа. Если бы смерть произошла по естественной причине, Курт не стал бы уходить от разговора. Он больше не говорил на эту тему, а я не допытывался. Я напал на след. Хотя самой Анжелины я не видел, здесь все говорило о ее присутствии. Теперь это дело времени. Надо побыстрее отвязаться от Курта и отпра-

виться на поиски головорезов, которые вытащили меня из тюрьмы. Я угощу их выпивкой, покажу, что не в обиде за их тумак. А затем попытаю у них все о человеке, который руководил ночной операцией.

Но Анжелина сама сделала первый шаг. С грохотом и шипением один из угольных роботов принес мне записку. Меня хотел видеть граф. Я пригладил волосы, одернул рубашку и направился к нему в кабинет.

Я приятно удивился, что в такое раннее время граф уже пьян. К тому же, в его сигарете был не только табак — в комнате витал приторный запах наркотиков. Все это означало, что граф собирается рано проститься с этим миром, но скорбных мыслей по этому поводу у меня не возникало. Вряд ли он догадался о моих чувствах, потому что я вытянулся по стойке смирно, преданно выпучив глаза.

— Пришло время действовать, сэр? Вы поэтому послали за мной? — спросил я.

— Садись, садись, — пробормотал он, указывая мне на стул. — Не торопись. Хочешь закурить? — Он подвинул ко мне коробку, и я с отвращением посмотрел на тонкие коричневые сигареты.

— Благодарю вас, сэр. Но я на время бросил эту привычку. Чтобы разить врага, нужен глазомер и твердый палец на спусковом крючке.

Мысли графа витали где-то далеко, и вряд ли до него дошли мои слова. Оглядывая меня с ног до головы, он задумчиво жевал губами. Наконец в его затуманенном мозгу возникло какое-то решение.

— Что ты знаешь о семье Радебрекен? — ошарашил он меня внезапным вопросом.

— Абсолютно ничего, — искренне ответил я. — А что?

— Пойдем со мной. — Вставая с кресла, он чуть не свалился.

Пройдя через многочисленные комнаты замка, мы остановились у двери, похожей на все остальные. Правда, перед этой дверью стоял здоровенный верзила, небрежно скрестив руки на груди. В правой руке он держал пистолет.

— Все в порядке, — почему-то недовольным тоном сказал граф. — Он со мной.

— Я должен его обыскать, — ответил охранник. — Таков приказ.

Интересная штука. Кто командует графом в его собственном замке? Чего тут непонятного. Кроме того, я узнал голос охранника — это был один из тех, кто вытащил меня из тюрьмы. Ловко обыскав меня, охранник отступил в сторону. Граф открыл дверь, и я пошел за ним, стараясь не наступать ему на пятки.

Насколько все-таки практика отличается от теории. Хотя я и ожидал увидеть здесь Анжелину, меня как током ударило. У меня даже волосы зашевелились на голове. Я так долго ждал этого момента. Большим усилием воли я напустил на себя безразличный вид. Хотя не совсем уж безразличный — ведь перед молодым здоровым парнем сидела такая красотка.

Конечно, эта девушка лишь отдаленно напоминала Анжелину. Но, вне всякого сомнения, это была она. Она изменила черты лица и прическу. Но новое лицо было таким же ангельским, как и прежнее. Фигура осталась такой же, хотя и в нее Анжелина внесла некоторые изменения. В отличие от меня, она довольствовалась лишь поверхностным перевоплощением.

— Это граф Дибстол, — представил меня Рденрандт, похотливо уставившись на нее своими затуманенными глазенками. — Тот, с которым вы хотели встретиться, Энжела.

Итак, она оставалась ангельским созданием, только под другим именем. Плохая привычка, но я не стал ей об этом говорить. Я знал немало людей, которые попались на том, что их новое имя слишком было похоже на старое.

— Спасибо, Касситор. — Ничего себе имя — Касситор! Если бы меня звали Касситор Рденрандт, я бы тоже все время ходил с кислым лицом. — Очень любезно с вашей стороны привести сюда графа Бента, — сказала она тихим и бесцветным голосом.

Касси, очевидно, ожидал более теплого приема и теперь переминался с ноги на ногу, что-то бормоча себе под нос. Но Анжелина-Энжела опустила температуру еще на пару градусов, занявшись перекладыванием бумаг на столе. До графа наконец дошло, что его выпроваживают, и он ушел, продолжая бормотать себе под нос. На сей раз я уловил одно очень короткое и неприличное слово из местного жаргона. Мы остались одни.

— Зачем вы ввали, что служили в Звездной Гвардии? — тихо спросила она, продолжая заниматься своими бумагами.

Я снисходительно улыбнулся и сдул пылинку с рукава.

— Ну не мог же я рассказать этим чудесным людям, чем я действительно занимался все это время? — с наигранным простодушием ответил я.

— И чем же вы занимались, Бент? — тем же ровным голосом продолжала она.

— Это уж мое дело, — в тон ей ответил я. — Раз мы играем в вопросы и ответы, мне бы хотелось узнать, кто вы и почему пользуетесь большей властью, чем сам граф Касситор?

Не обратив внимания на мою реплику, Анжелина вернула разговор в прежнее русло.

— Пока здесь команду я, так что отвечайте на мои вопросы. Вряд ли вы поразите меня своими ответами. Вы удивитесь, что я так много о вас знаю.

Нет, любовь моя, я совершенно не удивлюсь. Но надо было немного поартачиться.

— Это ведь вам принадлежит мысль о заговоре. — То было скорее утверждение, чем вопрос.

— Да, — ответила она, положив карты на стол и, вероятно, надеясь на такую же откровенность с моей стороны.

— Ну, если вы хотите знать, — ответил я, — то я занимался контрабандой. Интересное занятие, если знаком с конъюнктурой. Несколько лет я посвятил этому прибыльному бизнесу. Но затем некоторые правительства увидели во мне конкурента. Они считали, что право обманывать народ принадлежит только им. Пришлось мне вернуться в родное захолустье, чтобы немного передохнуть.

Мой ангелочек захотел проверить правдивость моих слов и подверг меня пристрастному допросу, проявив большую компетентность в вопросах контрабанды. Я без труда отвечал на ее вопросы, так как заработал на этом нелегальном деле астрономические суммы. Правда, я не хотел выглядеть слишком опытным жуликом, и описал ей карьеру удачливого, но еще неопытного контрабандиста. Я изо всех сил старался войти в роль, чтобы мой рассказ звучал правдиво. Это был ответственный момент, ничего в моей биографии или поведении не должно было напоминать о Скользком Джиме

диГризе. Я хотел показаться местным мошенником, рвавшимся на покорение Вселенной.

Обратите внимание — атмосфера, в которой велся разговор, была непринужденной. Выпивка, сигареты. Она хотела, чтобы я расслабился и допустил промашку. Что я и умышленно сделал пару раз, слишком уж похваляясь своими успехами, чтобы она отнесла это на счет юношеского задора. А затем я и сам задал ей вопрос.

— А какое отношение имеет к вам местное семейство Радебрехен?

— Почему это вас интересует? — холодно спросила она.

— Ваш улыбчивый друг Касситор Рденрандт спрашивал меня о них, прежде чем привести сюда. Я сказал, что ничего не знаю. Они имеют к вам какое-то отношение?

— Они хотят меня убить, — ответила она.

— Убить вас? Такую красавицу? — Я постарался изобразить на лице обольстительную улыбку. Но она не обратила на нее никакого внимания. — Чем я могу быть вам полезен? — спросил я деловитым тоном, раз моя мужская привлекательность не заинтересовала ее.

— Я хочу, чтобы вы стали моим телохранителем, — сказала она. А когда я улыбнулся и открыл рот, добавила: — Только избавьте меня от пошлых комплиментов по поводу моего тела, которое вы с удовольствием будете охранять. Я достаточно наслушалась подобной чепухи от Касситора.

— Просто я хотел сказать, что принимаю ваше предложение. — Это была ложь, так как именно такая фраза и крутилась у меня на языке. Я напомнил себе, что не должен расслабляться в присутствии Анжелины. — Расскажите мне о людях, которые замышляют убить вас.

— Дело в том, что граф Рденрандт был женат, — поигрывая бокалом, произнесла Анжелина. — Его жена совершила самоубийство довольно глупым образом, бросив на меня тень. Ее семья — Радебрехены, разумеется, — считают, что это я ее убила, и хотят отомстить мне. В этой глухой провинции Фрейбура еще сохранились традиции вендетты, и эти богатые идиоты слепо придерживаются их.

Теперь мне все стало ясно. Граф Рденрандт — прирожденный приспособленец — решил увеличить

свое состояние, женившись на девушке из богатой семьи. Все шло нормально, пока не появилась Анжелина. Жена оказалась лишней, и Анжелина, не зная местных традиций, связанных с вендеттой, убрала со своей дороги препятствие. Что-то сорвалось или граф где-то ошибся, одним словом, Радебрехены решили отомстить. Теперь мой ангелочек хочет поставить меня между собой и убийцами. Очевидно, ей очень не хочется покидать эту планету. Я решил идти ва-банк.

— Это было самоубийство? — спросил я. — Или вы убили ее?

— Да, я убила ее, — ответила она.

Все карты лежали открытыми на столе. Решение было за мной.

Глава семнадцатая

А что еще мне оставалось делать? Я позволил, чтобы в меня стреляли, избивали, кидали в тюрьму не для того, чтобы просто арестовать ее. Разумеется, я арестую ее потом, ведь в замке графа сделать это просто невозможно. К тому же я хотел получше разобраться в мятежной деятельности графа, так как подобного рода вещи находятся в компетенции Специального Корпуса. Уж если я собираюсь вернуться в его ряды, мне стоит прихватить с собой парочку трофеев, чтобы доказать свою лояльность.

Впрочем, я не горел желанием вернуться в Корпус. Трудно забыть, как они со мной обошлись. Не все так просто. Приходилось учитывать кучу различных факторов. Например, я наслаждался общением с Анжелиной и, находясь рядом с ней, забывал о трупах, плавающих в безднах космоса. Конечно, они являлись по ночам, чтобы терзать мою совесть, но я так устал за день, что засыпал раньше, чем они успевали сделать свое дело.

Жизнь представлялась мне постелью из роз, и я хотел наслаждаться, пока лепестки еще не завяли. Наблюдать, как Анжелина работает, было истинным удовольствием. Если бы меня прижали к стене и заставили говорить чистую правду, я бы признался, что кое-чему у нее научился. Без всякой помощи она одна организовала заговор на мирной планете, и, судя по всему, ее ждал успех. Я помогал, чем мог. Несколько

раз она обращалась ко мне за советом и всегда следовала моим рекомендациям. Конечно раньше я никогда не участвовал в мероприятиях по свержению правительств, но преступные законы универсальны, и надо только уметь их правильно применять. Впрочем, такое случалось редко. В течение первых недель большую часть времени я выполнял обязанности простого телохранителя, защищая свою патронессу от возможных покушений. Ситуация была настолько ироничной, что вызывала у меня улыбку.

Однако в нашем маленьком мятежном раю не обошлось и без змия, имя которому — Рденрандт. Скоро я пришел к выводу, что он никакой не заговорщик. Чем меньше времени оставалось до начала восстания, тем бледнее он становился. Ко всему этому примешивались и его физические пороки. Назревал конфликт.

Леди Анжелина и граф обсуждали свои дела, а я сидел в приемной. Когда выпадала возможность, я всегда бессовестно подслушивал. И на этот раз, проводив Анжелину в комнату, я неплотно прикрыл дверь. Носком ботинка я открыл ее пошире, и до меня донеслись голоса. Они громко спорили, и мне даже не приходилось прислушиваться. Граф кричал, и я понял, что он готов шантажировать Анжелину. Затем его тон изменился, он что-то тихо бормотал, и я не мог уловить ни слова. Похоже, он что-то обещал и бессовестно льстил. Ответ Анжелины я услышал сразу — громкое и четкое «нет». От его рева я подскочил на месте.

— Ну почему? Всегда только «нет»! С меня достаточно!

Послышался треск рвущейся одежды, и что-то тяжелое с грохотом свалилось на пол. Одним прыжком я влетел в комнату. Секунду я наблюдал за картиной сражения. Одежда Анжелины была разорвана на плече, и костистые пальцы графа вцепились в ее тело. Сжимая в руках пистолет, я кинулся ей на помощь, но Анжелина опередила меня. Схватив со стола бутылку, она ловко ударила графа по голове. Тот упал как подкошенный. Она уже поправляла свою порванную блузку, когда я подбежал к ней.

— Спрячьте пистолет, Бент. Все кончено, — спокойно произнесла она.

Я исполнил ее приказ только после того, как убедился, что граф лежит без движения. Жаль, у меня просто руки чесались врезать ему как следует. Мой ангелочек уложил его одним ударом. Когда я поднялся, Анжелина уже выходила из комнаты, и я бросился за ней. Бросив мне: «Ждите здесь», она скрылась в своей спальне.

Не нужно обладать большой фантазией, чтобы предвидеть грядущие неприятности. Очнувшись, граф наверняка изменит свое мнение об Анжелине и всяких там заговорах. Я размышлял об этом, когда дверь приоткрылась и Анжелина пригласила меня войти.

На ней было длинное платье, скрывающее синяки. Внешне она выглядела спокойно, но в глазах горел неистовый огонь. Я заговорил о том, что, несомненно, волновало ее сейчас.

— Может, отправить графа в семейный склеп к его родовитым предкам?

Она покачала головой.

— Он еще пригодится. Я взяла себя в руки, возьмите и вы себя.

— За меня не беспокойтесь. Но почему вы думаете, что он не откажется от дальнейшего сотрудничества? Ему еще долго придется мучиться от головной боли.

Она отмахнулась, подобные мелочи ее не интересовали.

— Я еще могу на него влиять и заставлять делать то, что хочу. В определенных вопросах, разумеется. Он ограниченный человек. Я не знала об этом, когда выбрала графа на роль руководителя заговора. Боюсь, что надежды, которые я на него возлагала, не оправдаются. И все из-за его трусости. Мы будем использовать его только в качестве прикрытия, но вся власть будет принадлежать нам.

Я не стал спешить с ответом и обдумал ее слова со всех сторон.

— Что значит это слово «мы»? Каким образом я вписываюсь в эту картину?

Откинувшись на спинку кресла, Анжелина убрала со лба золотистый локон. Затем она лучезарно улыбнулась мне.

— Я хочу, чтобы вы участвовали в этом деле, — крадучиво проворковала она. — В качестве партнера.

Сначала мы держим впереди графа, а после победы убираем его. Дальше действуем только вдвоем. Согласны?

— Ну... — нерешительно произнес я. — Ну, — снова повторил я, уже усвоив смысл сказанного. Впервые за всю свою жизнь я почувствовал, что мне не хватает слов. Я принялся мерить комнату шагами, пытаюсь собраться с мыслями.

— Конечно, дареной ракете в дюзы не смотрят, но почему я? Простой, работающий телохранитель, который спит и видит, как бы вернуть обратно свои поместья и титул. И такой скачок — от посыльного до президента. С чего бы это все?

— Зачем спрашивать, когда тебе и так все известно? — сказала она и улыбнулась так, что температура в комнате поднялась градусов на десять. — Ты в этом деле разбираешься не хуже меня, к тому же, тебе это нравится. Вдвоем мы организуем такой переворот, какого еще не знали во всей Галактике. Ну как?

Пока она говорила, я расхаживал взад-вперед. Затем она встала и взяла меня за руку, прекратив мое бесполезное передвижение по комнате. Меня обожгло от этого прикосновения. Улыбнувшись, она приблизила ко мне свое лицо и произнесла так тихо, что я едва расслышал:

— Это будет прекрасно... Ты и я... вместе.

Еще бы! Случаются моменты, когда слова не нужны, и тогда говорит ваше тело. Сейчас был именно такой момент. Мои руки сами обняли Анжелину и прижали к моему телу, а наши губы встретились.

На какое-то мгновение она крепко обняла меня, и ее губы ожили. Но это закончилось так быстро, что я даже засомневался — было ли все это на самом деле или нет? Теплота куда-то исчезла, и чары пропали.

Она не сопротивлялась и не вырывалась из моих объятий, но ее губы вдруг стали безжизненными, а глаза пустыми. Так она и стояла, пока мои руки сами собой не опустились. Я отошел в сторону, а она села в кресло.

— Что-нибудь не так? — не своим голосом спросил я.

— Всем вам подавай смазливое личико... — По ее щекам катились слезы. Никогда она еще не высказывала своих искренних чувств. — Неужели все мужчины одинаковы?

— Неправда! — воскликнул я, непонятно почему разозлившись. — Ты сама хотела поцеловать меня... Не отрицай этого! Что с тобой произошло?

— А ее бы ты поцеловал? — крикнула Анжелина, охваченная чувствами, которых я не в силах был понять.

Сдернув с шеи цепочку, она швырнула ее мне. На ней висел маленький медальон, еще хранивший теплоту ее тела. Я лишь мельком успел взглянуть на фотографию внутри медальона, как Анжелина, передумав, вырвала цепочку у меня из рук. Вытолкнув меня из комнаты, она захлопнула дверь и загрохотала засовами.

Охранник удивленно поднял брови, но я не обратил на него внимания и отправился к себе. На какую-то долю секунды мои эмоции заглушили голос разума, и то же самое, очевидно, случилось с Анжелиной. Но что означала ее внезапная холодность? И что это за фотография? Зачем она носит ее с собой?

И хотя я лишь мельком взглянул на нее, этого было вполне достаточно. На фотографии была изображена молодая девушка, возможно, ее сестра. Бедняжка, один из тех ужасных примеров того, что в природе возможны любые комбинации. Она была безобразно уродлива, другого слова и не подберешь. Дело не в горбатой спине, кривой челюсти или огромном носе. Все черты составляли единое отталкивающее целое. Мне она не понравилась. Но при чем тут?...

И тут меня словно обухом по голове ударило. Какой же я был дурак! Анжелина на мгновение позволила мне заглянуть в свое темное прошлое.

Конечно, девушка на фотографии и была Анжелиной.

Теперь все стало на свои места. Много раз, глядя на нее, я поражался, как за такой ангельской внешностью может скрываться такой извращенный ум. Теперь я понимал, что первоначально этот ум находился совершенно в другой оболочке. И мужчины страдают от уродства. Что уж говорить про женщин. Как жить на свете, если каждое зеркало — враг, а люди при встрече спешат отвернуться? А как быть, если к тому же природа наградила пронизательным внутренним «я», которое все видит, все сознает, делает соответствующие выводы, замечая даже малейшие признаки отращения?

Другая девушка могла и покончить с собой, но только не Анжелина. Я мог лишь предполагать, какой путь выбрала она. Ненавидя себя и презирая весь мир с населяющими его людьми, она без малейших утрызений совести шла на любое преступление, чтобы добыть деньги. Деньги на операцию, чтобы исправить хотя бы один физический недостаток. Потом ей понадобились деньги для последующих операций. Возможно, кто-то стал на ее пути, и она, не задумываясь, убила его, может быть, даже получив от этого удовольствие. Медленный путь через преступления и убийства к красоте. И за время этого пути, мозг, родившийся в уродливом теле, претерпевал кошмарные изменения.

Бедная Анжелина. Я мог бы пожалеть ее, если бы забыл о трупах, которыми она усеяла весь свой путь. Какая трагическая судьба у этой бедной одинокой девушки — выигрывая одно сражение, она проигрывала другое. Деньги, которые она платила за операции, помогли придать ее телу превосходные — даже ангельские формы. Но мозг во время этого процесса деформировался и скоро стал таким же уродливым, как раньше тело.

Но если можно изменить тело, почему нельзя изменить мозг? Может быть, я смогу что-нибудь для нее сделать?

Размаху моих мыслей мешали тесные стены комнаты, и я вышел на свежий воздух. Близилась полночь, все ворота и двери были закрыты, а внизу, наверное, уже выставили охрану. Не желая давать ненужные объяснения или пользоваться отмычкой, я поднялся наверх. В этот час сады, разбитые на крыше, пустыньны, и я смогу побыть там в одиночестве.

На Фрейбуре нет луны, но ночь стояла ясная, а звезды освещали все вокруг. Охранник на крыше отдал мне честь, и я заметил, как в его руке мелькнул огонек сигареты. Надо бы сделать ему замечание, но голова у меня была занята другими мыслями. Завернув за угол, я облокотился на парапет и невидящим взглядом уставился на темные вершины гор.

Но что-то беспокоило меня, и через минуту меня осенило. Охранник! Он курил, хотя на посту это запрещено. Есть у меня такой недостаток, как излишняя придирчивость. Во всяком случае, меня это раздражало, и я хотел вернуться, чтобы сказать ему пару ласковых слов.

Однако на прежнем месте я его не нашел. Что ж, должно быть, он ходит по маршруту и не теряет бдительности. Я уже хотел возвратиться, как вдруг заметил сломанные цветы, свисавшие с края крыши. Я глазам не мог поверить, ведь граф так заботился о своем саде, обходя его каждый день. А когда я увидел среди цветов темное пятно, у меня появилось нехорошее предчувствие.

Это был часовой — мертвый или без сознания. Я не стал это выяснять. Только с одной целью здесь мог появиться кто-нибудь чужой. Чтобы убить Анжелину. Ее комната располагалась на самом последнем этаже, прямо подо мной. Бесшумно подбежав к краю крыши, я перегнулся через парапет. Пятью метрами ниже белела площадка ее балкона, на котором притаилась какая-то черная бесформенная фигура.

Мой пистолет остался в комнате. Это был один из тех немногих моментов, когда меня застали врасплох. Моя забывчивость могла стоить Анжелине жизни.

Все эти мысли пронеслись в голове за те секунды, пока я ощупывал парапет. Пальцы наткнулись на блестящий шарик, из которого тянулась невидимая нить, тонкая, но прочная, как канат. Убийца спустился при помощи небольшого приспособления, выпускающего из себя нить на манер паука. Нить представляла собой мономолекулярную субстанцию, способную выдержать вес человека. Я не мог спуститься по ней, иначе мне как бритвой разрежет руки.

Оставался только один способ попасть на крохотный балкон, висевший над двухкилометровой пропастью. Решение еще не сформировалось в моей голове, когда я залез на парапет. На мгновение я остановился, пытаясь удержать равновесие. Окно подо мной бесшумно распахнулось, и я прыгнул вниз, стараясь попасть в убийцу.

В полете меня развернуло, и вместо того, чтобы прыгнуть на него, я лишь задел его по плечу. Мы оба растянулись на балконе. От удара балкон дрогнул, но древние каменные опоры выдержали. Падение слегка оглушило меня, но я надеялся, что его плечу досталось не меньше, чем моим ногам. Некоторое время я не мог пошевелиться и только хватал ртом воздух. Падая, я выбил у него из рук длинный тонкий кинжал. Убийца потянулся за ним. Он схватил его, и я бросился в бой. Зарывав, он нанес мне удар, разорвав ткань на рукаве.

Не успел он опомниться, как я схватил его за руку и одним движением вывернул ее.

Мы боролись молча, как в каком-то кошмарном сне. Мы оба еще не пришли в себя, но дрались отчаянно, не на жизнь, а на смерть. Из-за ушиба ноги я не мог подняться, и он всем телом навалился на меня. Я изо всех сил пытался удержать его руку со смертоносным кинжалом. В тишине было слышно только наше хриплое дыхание.

Убийца стал брать верх. Лезвие ножа опускалось все ниже и ниже. Хотя пот заливал мне глаза, я заметил, что его вторая рука безжизненно висит. При падении я сломал ему кость, а он даже не издал ни звука.

Когда на кон поставлена жизнь, ни о какой честной борьбе не может быть и речи. Изловчившись, я высвободил ногу и ударил коленом по его сломанной руке. Он содрогнулся. Я ударил еще раз, сильнее. Он изогнулся, и я дернулся в сторону, чтобы он потерял равновесие. Чтобы не упасть, он согнул руку в локте, и я изо всех сил повернул его кисть в обратную сторону.

Моя затея почти удалась, но он был сильнее меня, и лезвие лишь поцарапало ему грудь. Когда я попытался повторить свой прием, он вдруг дернулся и затих.

Сначала я подумал, что он просто хитрит, но это было не так. Когда он упал на бок, я почувствовал, как в спазме у него затвердели все мышцы. Я разжал хватку, только когда за моей спиной в окне зажегся свет. Только теперь я увидел ужасное желтое пятно на лезвии кинжала. Мгновенно действующий паралитический яд. Там, где лезвие задело рукав моей рубашки, тоже виднелась желтая полоска. Я знал, что этот яд смертелен, когда просто касается незащищенного участка кожи.

Осторожно, пытаясь сдержать дрожь в руках, я медленно снял рубашку. И только бросив ее на труп, позволил себе упасть навзничь и отдышаться.

Нога уже действовала, хотя и ужасно болела. Но раз она выдерживала мой вес, перелома не было. Повернувшись, я заковылял к окну и распахнул его. Свет осветил лежащий позади меня труп. Анжелина спокойно сидела в постели, положив руки на одеяло. Только по глазам было видно, что она поняла в чем дело.

— Он мертв, — прохрипел я и сплюнул. — От собственного яда.

Я принялся ходить по комнате, проверяя, как действует моя нога.

— Я спала и не слышала, как он открыл окно, — сказала она. — Спасибо.

Актриса, лгунья, мошенница, убийца. Она могла сыграть сотни ролей, придать любой оттенок своему голосу. Но последнее слово она произнесла искренне. Попытка убийства произошла почти сразу же после сцены с медальоном. Ее защита ослабла, и она дала волю настоящим чувствам.

Волосы рассыпались у нее по плечам, скрывая бретельки ее полупрозрачной ночной рубашки. От этого я совершенно потерял голову. Став на колени перед кроватью, я обнял Анжелину за плечи и заглянул в глаза, пытаясь найти ответы на все вопросы. Разорванная цепочка с медальоном лежала рядом на тумбочке. Я взял его.

— Неужели ты не понимаешь, что эта девушка осталась только в твоей памяти, — сказал я. Анжелина не шелохнулась. — Все прошло. Ты была ребенком, а теперь стала женщиной. Той девушки давно не существует!

Размахнувшись, я швырнул медальон а окно.

— Ты не похожа на эту девушку из прошлого, Анжелина! — почти закричал я. — Ты — это ты и больше никто!

Я поцеловал ее, на этот раз она меня не отталкивала. Я нуждался в ней, а она — во мне.

Глава восемнадцатая

Уже светало, когда я перенес тело убийцы в графские покои. Меня лишили удовольствия разбудить его — это уже сделал начальник охраны, обнаруживший убитого часового на крыше. Смерть наступила от удара отравленным кинжалом. Охранники вместе с графом столпились возле погибшего, высказывая свои догадки о причине его смерти. Они заметили меня, лишь когда я бросил тело убийцы рядом с убитым часовым. От неожиданности они вздрогнули.

— А вот и убийца, — не без гордости сообщил я.

Граф Касситор, судя по всему, узнал этого головореза, так как задрожал всем телом и выпучил глаза. Очевидно, это был какой-то родственник по линии жены — шурин или деверь. Думаю, он никогда не верил, что семейство Радебрекен исполнит свою угрозу мести.

Но нервность начальника караула навела меня на мысль, что я ошибся. Он переводил взгляд с трупа на графа и обратно. Мне стало интересно, какие мысли роятся в его тупой башке. Дело было явно нечисто, и я задумал выяснить, в чем загвоздка. Я решил при первой же возможности по-приятельски поболтать с начальником караула. Пожевав губами и похрустев пальцами, граф приказал убрать трупы.

— А вы, Бент, оставайтесь, — сказал он, когда я собрался уйти вместе с остальными.

Я уселся в кресло и стал ждать, пока он закроет дверь на ключ. Затем он направился к бару и выпил залпом полный стакан местного пойла. Наливая себе второй, он вспомнил обо мне и предложил отведать этой отравы. Разумеется, я не стал отказываться. Потягивая отвратительную жидкость, я размышлял, чем же так обеспокоен граф.

Проверив, все ли двери закрыты, граф захлопнул единственное окошко. Открыв специальным ключом нижний ящик своего стола, он вытащил оттуда небольшой электронный прибор с кучей индикаторов и телескопической антенной.

— Ничего себе! — заметил я, когда он выдвинул антенну.

В ответ он лишь исподлобья взглянул на меня и стал настраивать прибор. Лишь когда на индикаторе загорелась зеленая лампочка, он заговорил.

— Знаете, что это такое? — спросил он, указывая на прибор.

— Конечно, — ответил я. — Правда, на Фрейбуре таких не видел. И не думал, что они здесь есть.

— А их тут и нет, — пробормотал он, добиваясь максимальной яркости зеленой лампочки. — Это единственный прибор на всей планете, и я хочу, чтобы вы никому о нем не рассказывали. Никому, — повторил он.

— Меня такие вещи вообще не интересуют, — равнодушно ответил я. — Думаю, что у каждого человека есть право на свои тайны.

Я сам любил тайны и пользовался такими определителями подслушивания не один раз. Они сразу же засекали любые электронные подслушивающие устройства и сообщали об этом условным сигналом. Можно, разумеется, обмануть такой определитель, но это нелегко. Пока никто не знал, что у графа имеется такой приборчик, он мог быть уверен, что его никто не подслушивает. Но кто мог его подслушивать? Граф находился в центре замка и прекрасно знал, что «жучки» работают только на близком расстоянии. Я смекнул, что дело здесь нечисто, и уже догадывался, кого опасается граф.

— Вы неглупый человек, граф Дибстол, — сказал он, имея в виду, что я значительно глупее его. — Вы много путешествовали, бывали на других планетах. Конечно, вы видите, в каком отсталом и угнетенном мире мы живем. Поэтому вы и согласились помочь мне

сбросить это ярмо с шеи нашей планеты. Ради победы не страшны никакие жертвы.

От напряжения он даже вспотел и вернулся к своей ужасной привычке хрустеть пальцами. Там, куда Анжелина заехала ему бутылкой, голова была заклеена пластырем. Я надеялся, что она у него раскалывается от боли.

— Эта чужестранка, которую вы охраняете... — Повернувшись в сторону, граф продолжал наблюдать за мной краешком глаза. — Она, конечно, оказала нам значительную помощь, но сейчас ставит нас в затруднительное положение. Один раз на нее уже покушались, будут и другие попытки. Радебрехены — древнее и уважаемое семейство. Присутствие здесь этой женщины оскорбляет их самолюбие. — Отхлебнув из бокала, он выложил главный козырь. — Думаю, что вы сможете выполнить ее работу. Не хуже ее, а, может быть, и лучше. Что скажете?

Очевидно, я просто блистал талантами или же на этой планете не хватало заговорщиков. За последние двенадцать часов мне уже второй раз предлагали сотрудничество в установлении нового порядка. Я твердо знал, что Анжелина предлагала мне это искренне, а вот от предложения Касси Рденрандта довольно дурно пахивало. Я решил подыграть, чтобы выяснить окончательные намерения графа.

— Почту за честь, великий граф, — рассыпался я в благодарностях. — Но что делать с чужестранкой. Не думаю, что она будет в восторге от вашего решения.

— Мне все равно, что она там себе думает, — проворчал он, дотрагиваясь пальцами до ушибленной головы. Справившись со своими чувствами, он продолжал, лицемерно ухмыляясь: — Мы не будем с ней суровы. Посадим ее в тюрьму. У нее есть несколько преданных охранников, но мои люди справятся с ними. А вы арестуете ее в нужное время. Просто передадите ее тюремщикам. С одной стороны, там она будет в безопасности, а с другой — не будет мозолить глаза и навлекать на нас неприятности.

— Прекрасный план, — как можно искреннее произнес я. — Жаль, конечно, сажать в тюрьму эту бедную женщину, но раз этого требуют интересы дела... Цель оправдывает средства.

— Вы правы. Мне бы тоже хотелось так четко формулировать свои мысли. У вас поразительные способности говорить цветистыми фразами. Давайте-ка я запишу ее. Значит, цель оправдывает...

Он принялся старательно царапать пером по бумаге. Вот так знал историю человек, стремившийся осуществить заговор! Я пытался припомнить еще парочку подходящих афоризмов, но меня вдруг охватила внезапная ярость. Я вскочил с кресла.

— Нам нельзя терять время, граф, — сказал я. — Арестуем ее сегодня, в шесть часов вечера. У вас будет достаточно времени, чтобы обезвредить ее охрану. Я буду с ней, и, как только получу от вас сигнал, тут же арестую ее.

— Молодец. Вы, как всегда, человек действия, Бент. Я согласен с вашим планом.

Мы пожали друг другу руки, и я напряг всю свою волю, чтобы не раздавить его вялую влажную ладонь. Затем я немедленно отправился к Анжелине.

— Нас здесь не подслушают? — спросил я.

— Нет, комната экранирована.

— У твоего бывшего приятеля графа Касси имеется определитель подслушивания. Так что он вполне мог установить «жучки» в твоей комнате.

Это не произвело на Анжелину никакого впечатления. Сидя перед зеркалом, она расчесывала волосы. В другое время, я бы залюбовался подобной картиной, но сейчас было не до того.

— Я знаю об этом, — спокойно ответила она, продолжая причесываться. — Это я сделала так, чтобы он попал ему в руки. Но граф, разумеется, об этом не догадывается. Не знает он и того, что на определенных частотах детектор не работает. Я внимательно слежу за его действиями.

— Значит, ты слышала, как он предложил мне перебить твою охрану, а тебя заточить в каземат?

— Нет, не слышала, — с присущими ей спокойствием и самообладанием сказала Анжелина. Она улыбнулась мне в зеркало. — Я вспоминала о том, что произошло между нами этой ночью.

Ох, уж эти женщины! Все у них вперемешку. Может, им это помогает, но для тех из нас, кто считает, что логика и чувства — разные вещи, это неприемлемо. Я постарался убедить ее в серьезности положения.

— Ладно, если такие мелочи тебя не интересуют, — безразличным тоном сказал я, — возможно, тебя удивит кое-что другое. Убийцу подослали не Радебрехены. Это дело рук графа.

Наконец-то Анжелина перестала причесываться, и ее глаза расширились. Она не стала задавать глупых вопросов, а ждала, что я скажу дальше.

— Думаю, ты до конца не понимаешь, как отчаянно ненавидит тебя граф. Когда ты огрела его бутылкой, его терпение лопнуло. Это было последней каплей. Начальник охраны опознал в убийце одного из людей графа. Теперь понятно, как ему удалось пробраться на крышу и узнать, где твоя комната. Покушение произошло сразу же после твоей ссоры с этим сварливым Касситором.

Пока я говорил, Анжелина снова принялась расчесывать свои кудряшки. Ее безразличие уже начинало действовать мне на нервы.

— Ну? Что ты на все это скажешь? — раздражаясь, спросил я. — Что ты собираешься делать?

— А не кажется ли тебе, что меня больше интересует, что собираешься делать ты?

За этим внешне спокойным вопросом стояло очень многое. Заметив, что она наблюдает за мной в зеркало, я отошел к окну и стал смотреть на злополучный балкон и покрытые снегом вершины. Что я собираюсь делать? Да, ну и вопросик она мне подкинула.

Что я вообще собирался делать? Со всех сторон на меня сыпались предложения занять ведущую роль в заговоре, к которому я не имел ни малейшего отношения. Или имел? Зачем я вообще здесь? Чтобы арестовать Анжелину и передать ее Специальному Корпусу? Похоже, я давно об этом забыл. Надо срочно принимать решение. Моя маскировка пока действовала, но надолго ли ее хватит? Не будь Анжелина уверена в моей смерти, она бы давно уже меня раскусила. Ведь я-то легко узнал ее, несмотря на пластическую операцию.

И тут меня словно обухом ударило. Существует такой термин, как «избирательная забывчивость», когда мы стараемся выбросить из головы неприятные воспоминания. Не могла же моя маскировка держаться так долго. И тут я вспомнил слова, которые произнес прошлой ночью.

— Ты не похожа на ту девушку, Анжелина, — шептал я. — Все это осталось в прошлом... Анжелина. Она не поправила меня.

Только ее уже звали не Анжелина. Здесь ее знали как Энжелу. Когда я к ней повернулся, то выглядел довольно растерянным. Она ничего не сказала, а лишь загадочно улыбнулась. Правда, расчесываться перестала.

— Ты знала, что я не граф Бент Дибстол, — с трудом выдавил из себя я. — Когда ты догадалась?

— Давно. Как только ты здесь появился.

— Ты знаешь, кто я?...

— Если ты имеешь в виду настоящее имя, то нет. Но я помню, как ты меня разозлил, сорвав всю мою затею с крейсером. И помню, с каким удовольствием я застрелила тебя во Фрейбурбаде. Так как же тебя зовут?

— Джим, — ответил я, не в силах отвести от нее взгляд. — Джеймс диГриз, по прозвищу Скользкий Джим.

— Замечательно. А мое настоящее имя — Анжела. Это отец мой так пошутил, поэтому я обрадовалась, увидев его в гробу.

— Почему ты не убила меня? — спросил я, догадываясь, кто приложил руку к смерти ее отца.

— Зачем, дорогой? — искренне спросила она. — В прошлом мы оба допускали ошибки. Понадобилось столько времени, чтобы понять, что мы с тобой — одного поля ягоды. Я ведь тоже могу спросить, почему ты меня не арестовал? Все ведь началось именно с этого?

— Да... но...

— Что «но»? Именно эта мысль привела тебя сюда, но ты не выдержал борьбы с самим собой. Поэтому я притворилась, что не узнала тебя. Ты повзрослел и выкинул из головы всякие мысли о полиции. Я не знала, чем все закончится, но надеялась на лучшее. Я не хотела тебя убивать, даже в случае необходимости. С самого начала я знала, что ты меня любишь. Это отличалось от звериной похоти безмозглых мужланов, которые тоже клялись мне в любви. Им нравилась лишь оболочка — мое тело, а ты любишь меня всю, потому что мы с тобой одинаковы.

— Мы не одинаковы, — попытался возразить я, но она лишь улыбнулась. — Ты убиваешь... И тебе это

нравится — в этом наше основное различие. Неужели ты не понимаешь?

— Чепуха! — возразила она, отменяя эту мысль легким движением руки. — Вчера ты тоже убил человека — отличная работа, — но никакого раскаяния я не вижу. По-моему, тебе даже понравилось.

Не знаю почему, но я чувствовал, как петля затягивается на моей шее. Все, что она говорила, было неправильно, но что конкретно, я затруднялся сказать. Как найти выход? Какое принять решение?

— Давай улетим с Фрейбура, — наконец предложил я. — Забудем этот глупый заговор. Ведь погибнут люди, прольется кровь...

— Мы улетим, если найдем подходящее местечко, — сказала Анжелина, и в ее голосе зазвучала сталь. — Но это не главное. Прежде чем наслаждаться счастьем, в твоей голове надо кое-что подправить. Слишком много внимания ты уделяешь смерти. Неужели ты не понимаешь, как это глупо? Через двести лет ты, я и все живущие сегодня в Галактике отправимся в мир иной. Что изменится, если помочь некоторым отправиться туда чуть пораньше? При первой же возможности они сделают с тобой то же самое.

— Ошибаешься, — возразил я, понимая, что философия жизни и смерти намного сложнее.

Но в этот момент я никак не мог сформулировать свои мысли. Анжелина действовала на меня, как сильный наркотик, парализуя волю и освобождая чувства. Я прижал ее к себе и стал целовать, зная, что это решит многие вопросы, но затруднит принятие основного решения.

Раздался пронзительный зуммер. Анжелина тоже услышала его. Я нехотя расслабил объятия. Плюхнувшись в кресло, я отсутствующим взглядом смотрел, как она подошла к видеофону. Отключив изображение, она подняла трубку. Я не слышал, о чем говорил ее собеседник, так как Анжелина отключила динамик. Сказав пару раз «да», она вдруг бросила на меня взгляд. Я понятия не имел, с кем она говорила, впрочем, меня это совершенно не интересовало. Хватало других проблем.

Повесив трубку, она еще какое-то время молча стояла рядом с видеофоном. Я ждал, что она заговорит, но она молча подошла к комоду и выдвинула

ящик. Там было полно всяких вещей, но она достала то, что я меньше всего ожидал увидеть.

Пистолет. Его широкое дуло смотрело на меня.

— Зачем ты это сделал, Джим? — спросила она, и в глазах у нее заблестели слезы. — Зачем ты это сделал?

Вряд ли она услышала бы мой невнятный ответ. Ее мысли витали совершенно в другом месте, хотя дуло пистолета продолжало смотреть мне прямо в лоб. Затем, стряхнув оцепенение, она вытерла глаза.

— Впрочем, ты ничего не сделал, — твердым голосом сказала она. — Я сама виновата. Поверила, что ты не такой, как все остальные. Ты преподал мне хороший урок. В благодарность за это я убью тебя сразу, а не заставляю мучиться, как мне бы этого хотелось.

— Что это все значит, черт побери! — закричал я, ничего не понимая.

— Хватит изображать из себя невинность, — сказала она, доставая из-под кровати маленький, тяжелый чемоданчик. — Это звонили с радарного поста. Я сама установила там нужную аппаратуру и подкупила операторов, чтобы они сразу подали мне сигнал. Как ты знаешь, здесь приземлились несколько космических кораблей, и замок оцеплен. Твоя задача заключалась в том, чтобы отвлекать меня до последнего. Тебе это почти удалось.

Перебросив через руку плащ, она попятилась к стене.

— Если я поклянусь тебе, что не имею к этому никакого отношения, согласишься ли ты моему честному слову? Я ничего об этом не знал.

— Прямо вылитый космический бойскаут, — насмешливо сказала Анжелина. — Почему бы тебе не признаться во всем, все равно через двадцать минут ты умрешь.

— Я сказал тебе правду, — ответил я, прикидывая, смогу ли я вырвать у нее пистолет. Это было невозможно.

— Прощай, диГриз. Приятно было с тобой познакомиться. Напоследок хочу тебя обрадовать. Все твои старания были напрасными. За мной — дверь, ведущая в потайной ход, о котором никто не знает. Пока сюда доберется полиция, я буду уже далеко. И знай — я буду убивать, убивать и убивать. Никто меня не сможет остановить.

Продолжая целиться мне между глаз, Анжелина нажала на потайную кнопку в стене. Панель отодвинулась, открыв черный проем.

— Не надо устраивать сцен, Джим, — с усмешкой сказала она, глядя на меня через прорезь прицела. Палец на спусковом крючке напрягся. — Не ожидала от тебя таких детских уловок — смотреть через мое плечо удивленно раскрытыми глазами, будто у меня за спиной кто-то стоит. Я все равно не повернусь. Живым тебе не уйти.

— Замечательные последние слова, — произнес я, прыгая в сторону.

Раздался звук выстрела, и пуля ударила в потолок. Стоявший за ее спиной Инскипп вывернул ей руку и забрал оружие. Анжелина с ужасом смотрела на меня, не оказывая никакого сопротивления. На ее запястьях защелкнулись наручники, а она все еще не могла пошевелиться. Я ринулся вперед, выкрикивая ее имя.

Появившиеся два здоровяка в патрульной форме увели с собой Анжелину. Инскипп быстро запер за ними дверь. Я остановился перед ней, не в силах бороться, как Анжелина минуту назад.

Глава девятнадцатая

— Выпей, — предложил Инскипп, опускаясь в кресло Анжелины и доставая из кармана плоскую фляжку. — Эрзац земного бренди, гораздо лучше местного растворителя пластмассы. — Он протянул мне стаканчик.

— Чтoб ты сдох... — И я добавил несколько крепких словечек из своего галактического лексикона.

Я попытался выбить стаканчик у него из рук, но он быстро опрокинул его в рот, ничуть не удивившись моему раздражению.

— Разве можно так разговаривать со своим начальником в Специальном Корпусе? — спросил он, снова наполняя стаканчик. — В нашей организации не придерживаются строгих правил, но есть же какие-то границы дозволенного.

Он протянул мне бренди, и на этот раз я его выпил.

— Зачем вы это сделали? — спросил я, раздираемый противоречивыми чувствами.

— Потому что этого не сделал ты, вот почему. Операция закончена. Ты успешно провел ее. До сих пор у тебя был испытательный срок, но теперь ты настоящий агент.

Порывшись в кармане, он выудил оттуда звезду из золоченой бумаги. Лизнув клейкую поверхность, он прилепил мне звезду на рубашку.

— Данной мне властью, — загнусавил он, — произвожу тебя в штатные агенты Специального Корпуса.

Выругавшись, я хотел сорвать с груди эту шутовину, но вместо этого рассмеялся. Чепуха какая-то. Именно так можно охарактеризовать проделанную мною работу.

— Я думал, что вы уже исключили меня из списков.

— Я не получил твоего прошения об отставке, — ответил Инскипп. — Впрочем, это не имеет значения. Из Специального Корпуса уйти нельзя.

— Да... Но вы забыли, что хотели подорвать меня на корабле, который я украл? Как видите, я вовремя успел обезвредить взрыватель.

— Ничего подобного, — ответил он, наливая себе еще бренди. — Ты так хотел поскорее увидеть Анжелину, что я подумал — а не позаимствует ли этот парень корабль еще до того, как мы сами тебе его дадим? На корабле, который ты увел, был специально установлен разболтанный взрыватель. Он — а не заряд — должен был взорваться через пять секунд после вывинчивания. Полагаю, это вселяет уверенность в способных и перспективных агентов. Чтобы их не мучила совесть.

— Значит, все это было подстроено? — зарычал я.

— Разумеется. Хотя я предпочитаю использовать термин «выпускной экзамен». Таким образом мы узнаем, действительно ли наши новички решили до конца посвятить себя делу служения закону и порядку. Тогда они и сами решают для себя этот вопрос. Мы не хотим, чтобы впоследствии они раскаивались в выборе пути. Ты ведь разобрался в себе, Джим?

— Кое в чем разобрался. Но не во всем, — ответил я, не решаясь пока заговорить об Анжелине.

— Прекрасная операция. Должен заметить, ты проявил недюжинную фантазию. — Инскипп нахмурился. — Но я не могу одобрить твое ограбление банка. Корпус располагает большими средствами, и стоило тебе только попросить...

— Одни и те же деньги, — возразил я. — Откуда берет их Корпус? От правительств различных планет. А они откуда берут? Разумеется, из налогов. Вот я и взял их прямо из банка. Страховая компания возместит банку все убытки, объявит о меньшей прибыли за год и заплатит меньше налогов правительству. Результат один и тот же.

Инскиппу все это хорошо было известно, и он даже не удосужился мне ответить. Я все еще не решался спросить об Анжелине.

— Как вы меня обнаружили? — спросил я. — Ведь на корабле не было «жучков».

— Наивное дитя природы. — В притворном ужасе Инскипп взмахнул руками. — Неужели ты полагал, что у нас есть хоть один-единственный корабль, на котором не установлены «жучки»? Если не знаешь, где его искать — никогда не найдешь. К твоему сведению, во внешней двери шлюзовой камеры, которая на вид литая, установлен мощный передатчик, излучающий сигналы на большое расстояние.

— Почему же я не слышал этих сигналов?

— Потому что он их не передавал. Дело в том, что в двери установлен и приемник. Так что передатчик работает только тогда, когда сам получит определенный сигнал. Мы дали тебе возможность оторваться, а потом стали следить. Сначала мы потеряли тебя в Фрейбурбаде, но потом напали на твой след в больнице, где ты устроил спектакль с трупами. Мы решили тебе помочь и уговорили врачей, чтобы они не поднимали шум. После этого мы взяли под пристальное наблюдение всех хирургов, так как твой следующий шаг был очевиден. Надеюсь, ты обрадуешься, узнав, что в твоей грудной клетке установлен миниатюрный передатчик.

Я посмотрел на свою грудь, но, конечно, ничего там не увидел.

— Жалко было упускать такую возможность, — продолжал Инскипп. — Однажды ночью, когда ты спал под воздействием снотворного, твой доктор наткнулся на вино, которое мы предусмотрительно вложили в один из продовольственных заказов. Конечно, он тут же оприходовал его, и один из наших хирургов сделал тебе маленькую операцию.

— Значит, с тех пор вы держали меня под наблюдением?

— Именно. Но ты все время действовал, как надо.

— Так зачем вы тогда сейчас сюда принесли? — огрызнулся я. — Я ведь не трубил в рожок.

Это был единственный вопрос, который сейчас меня волновал, и Инскипп задумался, прежде чем на него ответить.

— Значит так, — сказал он и отхлебнул бренди. — Держа новичка на привязи, я всегда отпускаю веревку, но не настолько, чтобы он на ней повесился.

Что мне оставалось ответить на это?

Голос Инскиппа стал мягче.

— Арестовал бы ты ее, если бы мы не появились?

— Не знаю, — выдавил я из себя.

— А я знал, что произойдет, — сурово произнес он. — Вся операция бы сорвалась, а убийца смылась бы с этой планеты.

— Отпустите ее! — закричал я, схватив его за грудки. — Отпустите ее немедленно!

— Чтобы она опять оказалась на свободе и принялась за старое? — спросил он.

Я не знал, что ответить. Отпустив Инскиппа, я задумался, а он принялся поправлять пиджак.

— У тебя было трудное задание, — сказал он, убирая фляжку. — Иногда нелегко определить границу между добром и злом. А когда к делу подключаются чувства, то и вообще невозможно.

— Что с ней сделают? — спросил я.

Он помедлил с ответом.

— Хоть раз скажите мне правду, — попросил я Инскиппа.

— Ладно, скажу правду. Обещать не могу, но наши психиатры постараются ей помочь. Если, конечно, найдут причину ее поведения. Но это не всегда удается.

— Я подскажу им, в чем причина.

Он слегка удивился, доставив мне этим небольшое удовольствие.

— В этом случае у нее есть шанс. Я лично распоряжусь, чтобы испробовали все средства, прежде чем решиться на замену личности. Если это произойдет, ее тело останется прежним. А тел в Галактике много. Если ее приговорят к смерти, она станет трупом, которых в Галактике ничуть не меньше.

Я выхватил у него фляжку, прежде чем он успел спрятать ее в карман.

— Я-то вас знаю, Инскипп, — сказал я, наливая бренди. — Вы прирожденный вербовщик. Сначала ловите преступников, а потом берете их к себе на службу.

— А что еще остается делать, — сказал он. — Из нее выйдет прекрасный агент.

— У нас получится отличная команда, — ответил я, и мы подняли бокалы.

— За преступления!

МЕСТЬ СТАЛЬНОЙ КРЫСЫ

Глава первая

Я стоял в унылой очереди налогоплательщиков, зажав в потной руке заполненные декларации и деньги. Наличные деньги, старомодные зеленые бумажки. Местная традиция, которая моими стараниями дорого обойдется здешним жителям. Я ожесточенно чесался, пытаясь унять страшный зуд под накладной бородой. Стоявший впереди мужчина отошел, и я оказался перед окошком. Палец прихватило клеем; пришлось потрудиться, чтобы оторвать именно его, а не бороду.

— Давайте, давайте, и побыстрее, — нетерпеливо протянула руку кассирша — стареющая дама с унылым лицом.

— Ну уж нет, — возразил я, отбросил прочь свои бумаги и выставил свой огромный 0,75 калибра безоткатный пистолет. — Это вы давайте. Гоните денежки, которые вытянули из этих тихих олухов.

Я злоеще улыбнулся, чтобы показать, что это не шутки. Улыбочка вышла что надо: мои зубы были выкрашены в кроваво-красный цвет. Это помогло ей принять верное решение. Она подавилась собственным визгом и принялась выгребать кассу. Деньги я рассовал по карманам пальто.

— Что вы делаете? — ужаснулся стоящий за мной человек, выпучив глаза.

— Денежки загребая. — Я бросил ему пачку банкнот. — Отчего бы и вам не взять немножко?

Он машинально поймал ее и уставился на деньги. Тут сработала сигнализация, и двери с треском захлопнулись. Кассирша умудрилась-таки нажать кнопку.

— Везет вам, — порадовался я, — однако не следует отвлекаться по мелочам, когда деньги выдаешь.

Она вскрикнула и стала было оседать, однако взмах пистолета и кровавая улыбка вернули ее к жизни, и денежки потекли опять. Вокруг заматались люди, энергичные охранники высматривали зачинщика беспорядка; пришлось нажать на кнопку радиореле. По банку прокатилась серия оглушительных взрывов: во всех урнах бахнули газовые бомбы, заранее мною разложенные. Клиенты дружно завизжали. Пришлось ненадолго прервать возню с деньгами, чтобы надеть очки. И рот пришлось закрыть — дышать надо носом: в ноздрях установлены фильтры.

Это было потрясающее зрелище. Слепящий газ практически мгновенно парализует зрительный нерв, на некоторое время, разумеется. Через пятнадцать секунд в банке ослепли все.

Кроме вашего покорного слуги — Джеймса Боливара диГриза, человека выдающихся и разнообразных талантов. Весело похмыкивая закрытым ртом, я сгреб оставшиеся деньги. Из-под конторки доносилось хныканье моей «благодетельницы». Вокруг царила страшная неразбериха, люди размахивали руками, падали. Удивительное ощущение — словно ты один зрячий в мире слепых. Снаружи уже собралась толпа. Удивленные зрители облепили окна и двери, наблюдая разыгравшуюся драму.

Я сделал ручкой и улыбнулся — толпа отхлынула от дверей. Оставалось прострелить замок, да так, чтобы никого не задеть. Дверь распахнулась. Прежде чем выйти на улицу, я заложил в уши затычки и бросил на тротуар визжалку.

Как только она заработала, все кинулись прочь. Вы бы тоже побежали, услышав эту штуку. Визжалка издает жуткие звуки, по мощности равные грохоту землетрясения. В слышимом диапазоне — словно нож по стеклу, а ультразвуки порождают панику и ощущение неминуемой смерти. Совершенно безвредно, но эффективно. По опустевшей улице я подошел к подъехавшей машине. Голова слегка гудела от ультразвука, просочившегося сквозь затычки. Я плюхнулся на си-

денье и с удовольствием расслабился. Анжелина погнала машину по улице.

— Все прошло гладко? — не отрывая глаз от дороги, спросила она и лихо свернула за угол.

Вдали завывали сирены.

— Гладко и мягко, как касторка под хорошее пирожное...

— Твои сравнения оставляют желать лучшего.

— Извини. Что-то желудок с утра расстроился. Зато теперь денег в карманах — девать некуда.

— Вот здорово! — От радости ее носик очаровательно сморщился.

Бесподобная улыбка. Мне страшно захотелось ее поцеловать, но пришлось сдержаться, чтобы не отвлекать от дороги. Я бросил в рот жевательную резинку — очистить зубы — и принялся снимать грим.

Машину тоже надо было преобразить. Анжелина свернула в тихий переулок, где не было ни души, припарковалась и нажала на кнопку.

О, техника может творить чудеса! Номерной знак перевернулся, но это так просто, что и говорить не стоит. Как только брызнули тонкие струйки каталитической жидкости, Анжелина включила дворники. Голубая краска превратилась в красную. А верх машины стал прозрачным — теперь мы сможем наслаждаться окружающими видами. Бесследно растворились и исчезли наклейки под хромированный металл — от этого изменился тип машины. Когда процесс закончился, Анжелина медленно тронула автомобиль в ту сторону, откуда мы примчались. Ее рыжий парик и мои гримировальные принадлежности исчезли в бардачке. Мне пришлось подержать руль, пока она надевала огромные солнечные очки.

— Куда поедем?

Навстречу, визжа сиренами, пролетели несколько полицейских машин.

— Я думаю, к морю. Солнце, воздух, пляж и все такое. Полезно и приятно.

— Чересчур полезно, ты не находишь? — Она с довольной улыбкой похлопала себя по округлившемуся животу. — Шесть месяцев, седьмой пошел, куда уж мне резвиться. Кстати... — Она метнула на меня быстрый взгляд и опять сосредоточилась на дороге. — Ты обещал, что у меня будет медовый месяц, как у всякой порядочной жены.

— Любовь моя, — проникновенно начал я, взяв ее руку, — при первой же возможности. Честной женщины мне из тебя не сделать — учитывая склад твоего ума, — но обещаю на тебе жениться и надеть роскошное...

— Ворованное!

— ...кольцо на этот нежный пальчик. Это я обещаю. Но как только мы попытаемся зарегистрировать свой брак, как только наши данные попадут в компьютер — игра кончена. Наш отпуск тоже.

— А ты будешь повязан на всю жизнь. Лучше уж я тебя сейчас охомуताю, а то потом с таким животом мне будет не с руки за тобой гоняться. Сейчас мы пообедаем на побережье и целый день будем наслаждаться свободой. А утром, сразу после завтрака, поженимся. Обещаешь мне это?

— Есть только одна проблема...

— Обещай, Скользкий Джим, я тебя знаю!

— Слово даю, вот только...

Она резко затормозила. Мне в лицо уставился мой собственный безоткатный 0,75 калибра пистолет. Он, оказывается, очень большой. Анжелина держала палец на спусковом крючке.

— Обещай, скользкий, шустрый, изолгавшийся пройдоха, а не то я разнесу тебе башку.

— Дорогая, ты ведь меня любишь!

— Конечно, люблю. Но если ты не станешь моим, то лучше уж тебе быть мертвым. Ну?

— Утром мы поженимся.

— До чего трудно убедить некоторых мужчин, — прошептала она, прижимаясь ко мне и засовывая пистолет обратно в мой карман.

Потом так страстно поцеловала меня, что я на секунду преисполнился оптимизма насчет завтрашнего дня.

Глава вторая

— Куда собрался, Скользящий Джим? — Анжелина выглядывала из окна нашей комнаты.

Я замер у калитки.

— Хочу окунуться, любовь моя. — Я беззаботно открыл калитку.

Бахнул выстрел, разнесший калитку в щепки.

— Распахни-ка халат, — попросила она ласково и дунула в дуло пистолета.

Пожав плечами, я распахнул халат, из-под которого торчали голые ноги. На мне, конечно, была одежда, просто брюки были закатаны до колен, а туфли лежали в карманах. Анжелина понимающе кивнула.

— Поднимайся наверх. Никуда ты не пойдешь.

— Конечно, не пойду. — От злости меня прямо в жар бросило. — Боюсь, ты неправильно меня поняла. Не такой я человек. Захотелось, понимаешь, пройтись по магазинам... и...

— Поднимайся.

Я потащился наверх. Божье наказание — это сказано про мою Анжелину. Медики из Специального Корпуса сумели избавить ее от склонности к убийству, распутать узлы в подсознании. Казалось, им удалось подготовить ее к новой, счастливой жизни. Но легкая встряска — и Анжелина стала прежней. Тяжко вздыхая, я взбирался по лестнице на негнущихся ногах.

И ощутил себя подлым негодяем, когда увидел, что она плачет.

— Джим, ты меня не любишь!

Классический прием, старый как мир, но безотказный.

— Люблю, — искренне возразил я. — Но это просто... рефлекс. Или что-то в этом роде. Я люблю тебя, но брак мне кажется чем-то вроде тюрьмы.

— Брак — это настоящая свобода, а никакая не тюрьма. — Она легкими прикосновениями поправила макияж, подвергнувшийся разрушительному воздействию слез.

Только сейчас я заметил на ней белое платье и белоснежные кружева в волосах.

— Это как в холодную воду окунуться. — Она успокаивающе потрепала меня по щеке. — Если это делать быстро, то холода не чувствуешь. Приведи в порядок брюки и не забудь надеть туфли.

Что я и сделал, а когда выпрямился, то увидел, что дверь в соседнюю комнату открыта и там уже стоят Вершитель Браков и два свидетеля. Как только грянули мощные аккорды органной музыки, Анжелина мягко взяла меня под руку. И настойчиво потянула вперед. Я на секунду замер — и шагнул навстречу неизвестности. Орган промывал последние ноты, морока рассеялась. Когда Анжелина подняла лицо для поцелуя, то я с трудом подавил стон.

Среди множества бутылок, стоявших в баре, мои пальцы безошибочно нащупали пузатую бутылку. Пот Сирианской пантеры — этот могучий напиток был запрещен на большинстве цивилизованных планет за производимый им мощный эффект. Большая рюмка подействовала почти сразу, я прямо ощутил ее сокрушительное воздействие. Поэтому не мешкая налил вторую.

Видимо, я долго так сидел, погруженный в хаотические мысли, потому что Анжелина — моя навеки Анжелина (тяжелый вздох) — появилась передо мной переодетая в свободные брюки и свитер, с уложенными чемоданами. И выхватила стакан из моей руки.

— Будет развлекаться, — беззлобно сказала она. — Вечером поспразднуем, а сейчас ехать надо. Брачная запись в любой момент может попасть в компьютерную сеть. Как только мелькнут наши имена — поднимется суэта, как в день получки. Последние два

месяца полиция вешает все преступления на нас — так что они тут же кинутся по нашим следам.

— Помолчи. — Я, пошатываясь, встал. — Это и так ясно. Выводи машину и поехали.

Я хотел помочь ей вынести вещи, но пока сформулировал свое предложение, она уже спустилась по лестнице. Делать нечего — поплелся к выходу. Машина нетерпеливо рычала, через открытую дверцу было видно, как Анжелина столь же нетерпеливо притопывает ногой. Как и все машины в Камате, эта приводилась в движение паровым двигателем, который топился при помощи хитрого приспособления, загружавшего в топку торфяные брикетки. На то чтобы поднять пар, обычно уходило не менее получаса. Все это промелькнуло у меня в голове, как только я уселся в машину. Значит, Анжелина все продумала заранее. Мой посильный и единственный вклад в общее дело состоял в том, что я напился, — так себе помощь.

— Отрезвляющие пилюли у тебя есть? — Голос мой звучал хриловато. Я еще не кончил говорить, а пилюля уже была на ладони. Маленькая такая, розовая, кругленькая, украшенная черным черепом со скрещенными костями. Это изобретение какого-то сумасшедшего химика работало словно некий метаболический пылесос. Через несколько секунд после растворения в желудке вещество попадало в систему кровообращения и удаляло не только алкоголь, но и все его побочные продукты. Несчастную жертву оставалось только пожалеть — трезвел человек практически мгновенно.

— Без воды я проглотить это не смогу, — промямлил я, тупо уставившись на пластиковую чашку в ее руке. Отступать было некуда. С дрожью я бросил смертоносную пилюлю в рот и осушил чашку.

Это только так говорят, что все происходит почти мгновенно — в реальном времени, видимо, так оно и есть. Субъективно это длится часы. Представьте, что вам в глотку вставили пожарный шланг и включили воду. Кажется, что изо всех отверстий тела, включая поры, начинают бить очищающие струи — и вы промыты начисто.

— У-ух, — слабо выдохнул я, выпрямился и промокнул платком лоб.

— Надеюсь, тебе полегчало?

Анжелина выехала на кольцевую развязку, бросила быстрый взгляд на карту и свернула на нужную дорогу.

— Все уже подняты по тревоге, включая армию и флот. Я подслушала радиопереговоры.

— Оторваться сможем?

— Сомневаюсь — если только тебя не осенит гениальная идея. Они уже сомкнули кольцо и теперь потихоньку сжимают его. Прикрывают даже с воздуха.

Я еще не успел оправиться после героического приема таблетки. Мой взбудораженный мозг, видимо, пока соединялся с голосовыми связками напрямую, без всякого участия рассудка.

— Отличное начало семейной жизни. Теперь понятно, почему я избегал женитьбы все эти годы.

Машина слетела с дороги прямо на лужок под синими деревьями. Анжелина выскочила, хлопнула дверью и уже доставала чемодан. Я и опомниться не успел. Попытался покаяться.

— Я осел...

— Тем более глупо было за тебя выходить! — Голос ледяной, ровный, глаза сухие. — Я тебя надула и заставила жениться только потому, что мне показалось, что и ты этого хочешь. Но, видимо, я ошиблась, поэтому лучше исправить ошибку в самом начале. Извини, Джим. Ты изменил всю мою жизнь, а мне хотелось преобразить твою. Мне было хорошо с тобой. Спасибо и до свидания!

К концу этой небольшой речи мой мозг обрел обычную форму. Я выскочил из машины и мягко взял ее за руки.

— Анжелина, то, что ты сейчас услышишь, я говорю в первый и последний раз в жизни. Постарайся понять и запомнить то, что я тебе скажу. Когда-то я был первым мошенником во всей Вселенной, но затем был вынужден поступить в Специальный Корпус и заняться ловлей преступников. Вот и тебя взял. Ты ведь была не просто мошенница, а безжалостная убийца с садистскими наклонностями. — Тут я крепче сжал ее руки, почувствовав, как она напряглась. — Ты должна знать это, потому что так оно и было. Но теперь все изменилось. Переменилась и ты, хоть и не без помощи врачей. Я люблю тебя такую. Но хочу напомнить, что любил тебя и прежде, и это объясняет

многое. И если я иногда взбрыкиваю и бранюсь по утрам — не придавай этому значения. Договорились?

Договорились. Она уронила чемодан прямо мне на ногу — я и вздрогнуть не посмел, — кинулась мне на шею, осыпала поцелуями и повалила в высокую траву. Я отвечал ей горячей взаимностью. Наверное, это эффект медового месяца. Отлично...

Когда парочка махоциклов, подвывая, остановилась у нашей машины, мы замерли. Эти машины использовались только в полиции, потому что могли развить скорость куда большую, чем паровички на торфе. Это были трехколесные экипажи с большим тяжелым маховиком между задними колесами. Ночью маховик раскручивают до максимальной скорости, и в течение дня он снабжает электроэнергией приводные электромоторы колес. Просто и эффективно, вот только несколько опасно.

— Поддер, это та самая машина! — Полицейский старался перекричать вой маховика.

— Надо доложить. Они не могли далеко уйти. Теперь-то мы их точно возьмем!

Ничто меня так не бесит, как наглая самоуверенность мелких служак. Уже взяли, во дают! Один из них высунулся из-за машины и уставился на наше уютное гнездышко. Он все еще тарачился, когда я ухватил его за шею и вытащил на траву. Было интересно наблюдать, как потихоньку вываливается его язык, наливается кровью лицо, закатываются глаза — но Анжелина все испортила. Она содрала шлем с головы полицейского, потом резко, но аккуратно ударила в висок каблуком туфли. Бедолага потерял сознание.

— А меня-то обвинял, — прошептала моя суженая. — Сам ты садист.

— Я доложил, все оповещены. Теперь им никуда не деться... — с энтузиазмом начал было оставшийся служака и уставился на дуло служебного пистолета своего приятеля. Анжелина вынула из сумочки капсулу снотворного и раздавила у него под носом.

— Что дальше, босс? — спросила она, с улыбкой поглядывая на две фигуры в черных мундирах, лежавшие рядышком на травке.

— Я вот что думаю. — Пришлось потереть подбородок и нахмурить бровь, чтобы выглядеть соответственно. — Наш беззаботный отпуск длится уже более четырех месяцев, но все хорошо, что хорошо кончат-

ся. Конечно, продлить его в наших силах. Но это было бы по меньшей мере неразумно — на нас могут обидеться. Кроме того — хоть мне и нравится твоя фигура — сейчас ты не в лучшей форме для всякой беготни, погони и прочей суеты. Может, нам лучше вернуться на службу?

— Я ждала, что ты предложишь именно это. Ограбление банка и утренняя слабость как-то не вяжутся. Наверное, вернуться будет лучше всего.

— К тому же все нам будут рады. Поскольку в отпуске нам было отказано, мы просто вынуждены были утнать этот почтовый корабль.

— Не говоря уж о том, что деньги на расходы пришлось воровать — ведь со счета мы ничего снять не могли.

— Правильно. За мной, вернемся с шиком!

Мы сняли с полицейских мундиры и бережно уложили спящих на заднее сидение машины. У одного из них нижнее белье было розовое в горошек, а у второго — более практичного черного цвета, но отделанное кружевами. У меня даже зародились определенные сомнения по части морального облика полиции на Камате, хотя вполне возможно, что здесь это обычное дело. И все-таки я был рад уехать. В мундирах, шлемах и очках мы безмятежно катили себе по дороге на махоциклах, приветствуя несущиеся навстречу машины и броневики. Не дожидаясь, когда поднимется переполох, я затормозил посреди дороги и остановил один из броневиков. Анжелина проехала чуть дальше, не желая никого шокировать видом беременного полицейского.

— Мы их засекли! — рявкнул я. — Вырубите приемник — у них есть радиоперехватчик. Следуйте за мной.

— Показывай дорогу! — встрепенулся водитель, его напарник радостно кивнул.

Видимо, они уже видели впереди славу и блеск медалей. Я поехал к лесному озеру по заброшенной дороге. Тут на берегу стоял ветхий сарай с пристанью.

Я махнул рукой и остановился. Потом побежал к машине, заговорщицки приложив к губам палец. Водитель опустил стекло и нетерпеливо высунулся наружу.

— Дышите глубже, — посоветовал я, забросив в кабину газовую гранату.

Клубы газа, судорожные вздохи — и две фигуры лежат на травке.

— Хочешь взглянуть, какое у них белье? — ехидно поинтересовалась Анжелина.

— Отнюдь. Мои заблуждения мне дороже, даже если они беспочвенны.

Махоциклы бодро прокатились по причалу и свалились в воду, подняв тучу брызг и пара. Кабина броневика проветрилась. Мы погрузились и поехали. Анжелина с аппетитом уплетала найденный в кабине бутерброд. Избегая главных дорог, мы направились в город, чтобы попасть в главное управление полиции. Я хотел повидаться кое с кем.

Подземный гараж управления был пуст, мы на лифте поднялись в здание. Безлюдно было и на этажах, кроме штабного помещения. Анжелина осталась меня ждать в пустом кабинете. Она развлекалась, вскрывая секретные файлы.

Опустив очки на нос, я вошел в обшарпанное пыльное помещение.

Никто даже не обернулся в мою сторону. Человек, который был мне нужен, прохаживался, посасывая потухшую трубку. Я шагнул вперед и отдал честь.

— Сэр, там кто-то вас спрашивает.

— Что? Что такое? — встревожился он.

Харольд Петерс Инскипп, директор и мозг Специального Корпуса, был сегодня явно не в духе.

Выйдя за дверь, я снял очки.

— Мы готовы вернуться, сэр, — отрапортовал я, — но только если вы сможете по-тихому вытащить нас с этой планеты. Не хочется связываться с местной полицией.

Инскипп так сжал челюсти, что перекусил мундштук трубки. Отплеываясь на ходу, он последовал за мной в кабинет, где нас поджидала Анжелина.

Глава третья

— Грррррм! — зарычал Инскипп, потрясая бумагами, которые трещали, как кастаньеты.

— Очень выразительно, — одобрительно заметил я, доставая из кармана сигару. — Однако маловато информации. Нельзя ли немного подробнее? — И аккуратно отрезал кончик сигары, без единой трещинки. Идеально.

— Да вы отдаете себе отчет, во что обошлись ваши игры? Во сколько миллионов? Экономика Каматы...

— Ничуть не пострадала. Правительство возместит убытки всем потерпевшим и вычтет эту сумму из ежегодного взноса в бюджет Специального Корпуса. У которого и так денег больше чем нужно. Кроме того, здесь есть свои выгоды. Интригующее развлечение для населения, повышение газетных тиражей, хорошая тренировка для засидевшихся полицейских — это отдельная история, — полевые учения, доставившие массу удовольствия всем участникам. Вместо того чтобы попусту сердиться, власти могли бы заплатить нам за это волнующее представление.

Я раскурил сигару и выпустил колечко ароматного дыма.

— Перестань умничать, мошенник. Если мы передадим тебя и твою молодую жену властям Каматы, то вам и через шестьсот лет из тюрьмы не выбраться.

— Это невозможно, Инскипп, сами вы мошенник. У вас не хватает полевых агентов. Мы вам нужны

больше, чем вы нам. Давайте прекратим пустую болтовню и перейдем наконец к делу. Я уже понес наказание. — Я оторвал от мундира пуговицу и бросил ему. — Сорвите все мои награды и лишите звания. Полностью признаю свою вину. Давайте дальше.

Он напоследок рыкнул, бросил бумаги в урну и вытащил большую красную папку. Она угрожающе загудела у него в руках. Устройство безопасности опознало отпечаток большого пальца и отключилось. Папка раскрылась.

— Это очень важное, сверхсекретное задание.

Разве я когда-нибудь получал другие?

— К тому же чрезвычайно опасное.

— Вы просто втайне завидуете моей красоте и желаете сжечь меня со свету. Не томите, Инскипп. Хватит играть, рассказывайте по существу. Мы с Анжелиной в любом случае справимся лучше, чем ваши престарелые, дряхлые агенты.

— Эта работа для тебя одного. Анжелина несколько...

Лицо его стало пунцовым, и он уткнулся в бумаги.

— О-го-го! — завопил я. — Грозный, бесстрашный Инскипп, глава тайных галактических сил. Не может спокойно произнести слова «беременна»! А «крошка»? Нет, а «секс»? Ладно, быстро скажите три раза вслух «секс, секс, секс» — это вам поможет.

— Заткнись, диГриз, — проворчал он. — Хотя женился, и то ладно, видно, в тебе осталась капля порядочности. Анжелина останется! Эта работа для одного, и ты отправишься один. Но учти, она может остаться вдовой.

— Ей черное не к лицу, и только потому вы этого не дождетесь. Рассказывайте.

— Для начала кое-что посмотрим.

Он вынул из папки кассету и опустил в прорезь стола. Сверху опустился экран, свет погас. Начался фильм.

Съемка велась ручной камерой, цвет иногда пропадал, выглядело все очень непрофессионально. Но это был лучший любительский фильм из всех, что я видел — материал был хорош. И, несомненно, подлинный.

Кто-то с кем-то воевал. Был погожий день, в голубом небе висели белые облачка. И черные клубы разрывов зенитных снарядов. Но огонь был не очень плотным, он не мог остановить лавину военных транс-

портников, которые быстро снижались и заходили на посадку. Это был средних размеров космопорт, неподалеку стояли несколько грузовых кораблей. Низко над землей промчался летательный аппарат, взметнулись бомбовые разрывы — видимо, над укреплениями защитников. До меня вдруг дошла вся невероятность происходящего.

— Но ведь это космические корабли! — ахнул я. — И транспортники тоже космические. Что за ослы затеяли межпланетную войну? Неужели они надеются победить? И какое отношение все это имеет ко мне?

Фильм закончился, вспыхнул свет. Инскипп разглядывал свои сложенные на столе руки.

— К вашему сведению, господин Всезнайка, это вторжение завершилось успешно — как и несколько других. Этот фильм был снят контрабандистом, одним из наших постоянных осведомителей. У него хороший скоростной корабль, и только поэтому ему удалось ускользнуть.

Это меня сразило. Я сделал глубокую затяжку и попытался вспомнить все, что знал о межпланетных войнах. Собственно, вспоминать-то особо было нечего. Потому что это была полная бессмыслица. Может быть, иногда в Галактике местные условия и складываются удачно: ну, скажем, есть звездная система с двумя обитаемыми планетами. Если одна из них отсталая, а другая технически развита — то первую можно захватить. Но только при условии, что нет серьезного сопротивления. Расстояние делает войну невыгодной. Приходится выводить в космос целую армию с оружием, боеприпасами, да еще и с запасом питания — а это огромный расход энергии, стоимость транспортировки просто колоссальная. А если захватчики встретят решительное сопротивление, то вторжение теряет всякий смысл. И это в пределах одной системы, где планеты по галактическим меркам практически соприкасаются. Войну между планетами из разных звездных систем невозможно себе даже представить.

Но нет ничего невозможного, если люди берутся за дело всерьез, как мы только что видели. Такие вещи, как насилие, война, кровопролитие, до сих пор остаются привлекательными для темных сил человечества, несмотря на многовековой мир. Тревожные мысли охватили меня.

— Вы хотите сказать, что произошло успешное вторжение?

— И не одно.

При этих словах на лице Инскиппа появилась нехорошая ухмылка.

— А вы лично и Лига в целом желаете это прекратить?

— В точности так, Джим.

— И столь важное задание доверяют такому шалопаю, как я?

Он вынул из моих пальцев окурок сигары, кинул его в пепельницу — и торжественно пожал мне руку.

— Это дело как раз для тебя. Иди и возвращайся с победой.

Я выдернул руку из предательского пожатия, вытер пальцы о штаны и снова взял свой окурок.

— Сдается мне, что мои похороны будут самыми пышными за всю историю Корпуса. Может быть, позвольте узнать некоторые подробности или предполагается путешествие на грузовом корабле с завязанными глазами, да еще в одну сторону?

— Терпение, мой мальчик, терпение. Ситуация выглядит следующим образом. В средствах массовой информации об этом ничего не сообщалось по политическим соображениям. На захваченных планетах к тому же очень строгая цензура. Как нам удалось узнать — между прочим, человек заплатил жизнью за эту информацию, — ответственность падает на Клианду, это третья планета в системе Эпсилон Инди. В этой системе всего около сорока планет, но только три из них пригодны для жизни. Несколько лет назад Клианда захватила две соседние планеты, но нам тогда показалось, что тревожиться еще рано. Однако с тех пор аппетиты клиандцев выросли, а это уже настораживает. До сих пор межзвездные войны считались невозможными, но Клианда уже захватила пять планет в ближайших системах и, похоже, не собирается останавливаться. Непонятно, как это им удалось, но это факт. У нас есть агенты на захваченных планетах, но узнать удалось очень немного. Было принято решение на самом высоком уровне — поверь мне, ты бы встал и отдал честь, если бы услышал имена этих людей, — внедрить человека на Клианду, который смог бы разобраться на месте и тем самым помог бы разрубить сей гордиев узел.

— Если отбросить все ваши сложные и путанные метафоры, то и полному дураку ясно, что это просто самоубийство. Вместо этого мы могли бы...

— Нет, Скользкий Джим, ты полетишь. Отвертеться тебе не удастся.

Однако я попытался отвертеться. Но ничто не помогло. Мне вручили копии всех отчетов, ментаграмму языка и ключ от патрульного корабля, на котором и предстояло лететь. Домой я вернулся в мрачайшем настроении. Анжелине, видимо, надоело причесываться и красить ногти, и она развлекалась метанием ножа в цель. Получалось у нее отлично. Даже из-под руки она могла попасть в любую из мишеней по выбору.

— Надо бы сделать мишень в виде Инскиппа, — буркнул я. — Это будет намного интереснее, да и куда приятнее.

— Неужели этот гадкий старикашка посылает моего ненаглядного на задание?

— Этот старый, вонючий козел хочет моей смерти. Задание настолько секретное, что я никому не имею права о нем рассказывать, даже тебе. Поэтому — вот бумаги и читай сама.

Пока она читала, я зарядил ментаграмму в ментограф. Эта штука запишет клиандский язык прямо мне на корку мозга, без мучительного и долгого учебного процесса. Первый сеанс займет около получаса, затем потребуются еще дюжина сеансов покороче, для закрепления материала. После чего я смогу говорить на языке вполне свободно, правда, схлопочу приступ жуткой головной боли в результате электронного вмешательства в мозг. Одно хорошо: когда прибор работает, сознание полностью отключается, что мне сейчас и нужно.

Последовал миг забытья, и вот Анжелина уже осторожно снимает шлемофон с моей головы и протягивает таблетку. Пришлось полежать немного с закрытыми глазами, пока не утихла боль. Мягкие губы коснулись моего лица.

— Они хотят избавиться от тебя, но ты не сдавайся. Ты обязательно победишь и когда-нибудь займешь кресло Инскиппа.

— Со щитом иль на щите, так, что ли? Победа или смерть? А обо мне ты подумала?

— Постоянно думаю, но такова уж нелегкая женская доля. Я не хочу мешать твоей карьере.

— Спасибо, что объяснила, а то я и не знал бы, что делаю карьеру.

— ... и сделаю все, чтобы тебе помочь.

— Ты не сможешь полететь со мной по причине, которая уже вполне очевидна.

— Знаю, но мысленно я буду всегда с тобою. А как ты собираешься попасть на эту планету?

— Сяду на свой юркий патрульный кораблик, быстро подлечу и, прикрываясь радарным экраном, войду в атмосферу.

— И разлетишься на отдельные атомы. Почитай отчет того парня, что выбрался оттуда последним, и придумай что-нибудь получше.

Прочитал. Кошмар. Бросил отчет в кучу бумаг.

Все понятно. Эта планета целиком милитаризована. Похоже, там даже домашняя живность скачет в мундирчиках. Вламываться туда подобным образом — значит начинать игру по их правилам, да еще на их поле. К чему они не привыкли — так это к мягкому и хитрому подходу, к изысканному мошенничеству и искусному обману. Другими словами: пролезай, втирайся, делай свое дело и поскорей смывайся.

— Не нравится мне все это, — нахмурилась моя любимая. — Будь осторожен, Джим, береги себя. Мне сейчас вредно волноваться.

— Единственное, о чем тебе стоит волноваться, так это о судьбе той жалкой планетки, когда на нее обрушится Скользящий Джим.

Я чмокнул ее в щеку и вышел, гордо подняв голову и расправив плечи.

Ах, если бы в душе была хотя бы десятая доля этой наигранной уверенности! Дело предстояло — хуже некуда.

Глава четвертая

Я тщательно продумал все приготовления к этой сложной операции. Не раз мне приходилось с каменным лицом выслушивать стенания Инскиппа по поводу дороговизны мероприятия. Но в конце концов не ему, а мне придется лезть в петлю. Хотелось подстраховаться от любых неожиданностей, чтобы надежно обеспечить себе физическое выживание. Но даже самые сложные дела когда-нибудь кончаются. Вот наконец продуманы последние детали, сделаны последние распоряжения. И овца отправилась на бойню.

Б-е-е-е. Я сидел в баре межпланетного корабля «Каннетава» с бокалом в руке, катая в пальцах потухшую сигару, и чувствовал себя совсем голым. Посадка на Клианде была объявлена через час. Я был абсолютно голым, в переносном смысле, конечно. Потребовалось огромное напряжение воли, чтобы дисциплинированно оставить все запрещенные вещи. Никаких мини-бомб, газовых капсул, микропил, подслушивающих устройств. Ничего. Даже любимая отмычка извлечена из-под ногтя большого пальца. Даже...

Тут я скрипнул зубами и осмотрелся. Посетители бара самозабвенно напивались, на меня никто не обращал внимания. Я вытащил из кармана бумажник и ковырнул один из швов. И натурально, обмер. Ах память, память... Она не только позволяет запомнить, но и помогает забыть. Мое подсознание отчаянно сопротивлялось. Только разум мог согласиться с такой

дикостью, как высадка на Клианду безо всяких привычных приспособлений. Я отработанным жестом сжал бумажник. В руку скользнула миниатюрная, удивительно прочная отмычка. Настоящее произведение искусства. Я даже хлебнул за ее здоровье, на прощание. И по пути в каюту выбросил ее в урну. Она отправится обратно, а я сойду на эту исключительно негостеприимную планету.

В каждом отчете отмечалось, что на Клианде самая свирепая таможня во всей Галактике. Контрабанда там попросту исключена. Не стоит и пытаться. Я просто должен быть тем, за кого себя выдаю. Торгашом, представителем компании «Фразолетто-Мучо Лтд», поставившей оружие. Эта компания действительно существует, и я действительно ее представитель, тут не подкопаешься. Пусть попробуют.

Они, конечно, попробовали. Посадка на Клианду ничем не отличалась от посадки в тюрьму. Как только группа пассажиров сошла с трапа, всех сразу загнали в зловещую серую комнату. Под жесткими взглядами вооруженных до зубов охранников мы сбились в жалкую кучку. Наш багаж свалили рядом. Пока «Каннетава» не взлетела, ничего не происходило. Затем нас стали вызывать по одному.

Можно было немного понаблюдать, и я с радостью воспользовался этой возможностью. Важные военные, не обращая на нас ровно никакого внимания, слонялись туда-сюда, грохоча тяжелыми ботинками и побрякивая оружием. Мундиры были все одного цвета, на первый взгляд, совсем не военного — смесь алого с темно-красным. Но я быстро понял, что это цвета крови, венозной и артериальной. Они вызывали навязчивое отвращение. Все охранники были здоровяки с огромными челюстями и маленькими пороссячьими глазками. Они носили шлемы из фибростали с черными козырьками и прозрачными забралами. Каждый был вооружен универсальной винтовкой системы «гаусс» — жуткое оружие. Эти винтовки снабжены электробатареями огромной емкости. При нажатии на спусковой крючок в канале ствола создается сильное магнитное поле, которое разгоняет заряд не хуже любого патрона взрывного действия. У такой винтовки есть несколько преимуществ: высокий темп стрельбы, возможность стрелять практически бесшумно и любым типом зарядов — от отравленных игл до разрывных пуль. Это

оружие часто упоминается в отчетах Корпуса, но до сих пор его никто не видел. Я сразу прикинул, как рассеять эту тайну.

— Пас Ратунков, — выкрикнул чей-то голос.

Вздвогнув, я вспомнил, что это мой псевдоним. И неуверенно взмахнул рукой, когда охранник направился в нашу сторону. Видимо, они специально ставят на ботинки железные подковки, так сказать, для усиления эффекта. Мне захотелось занять парочку таких башмаков. Клианда начинала мне нравиться.

— Вы Пас Ратунков?

— Это есть я, к вашим услугам. — Я тщательно коверкал местный язык на иностранный манер.

— Возьмите багаж и следуйте за мной.

Он тут же развернулся, но я отважился его окликнуть:

— Извините, сэр, но мне не унести все сразу.

Презрительно окатив меня ледяным взглядом, он ткнул винтовкой в дальний угол тюремного покоя.

— Тележка там.

Пришлось тащиться за тележкой. Это была замызанная платформа на маленьких колесиках, снабженная электроприводом. Я быстро погрузил вещи и отыскал взглядом своего проводника. Тот уже стоял у распахнутой двери, положив палец на спусковой крючок. Электромотор взвыл на предельных оборотах, и я галопом поскакал вслед за тележкой.

Досмотр начался.

Это теперь легко говорить. Все равно что сказать: «Я бросил атомную бомбу и пошел дальше». Впервые в жизни меня подвергали такому тщательному обыску. Приятно было сознавать, что свою отмычку я нашел первым.

В белой комнате с белыми стенами было десять человек. Шестеро занялись моим багажом, а четверо — непосредственно моей персоной. Для начала меня раздели и загнали во флюороскоп. С увеличительным устройством. Через несколько секунд состоялось совещание над снимками моих зубных пломб. Было решено, что одна из них необычно велика и форма у нее несколько странная. Невесть откуда явилось жуткое зубо врачебное кресло. Операция началась немедленно. Зуб временно заклепили цементом — надо отдать им должное, — пока пломбу исследовали на спектро- скопе. Когда выяснилось, что пломба сработана из

обычного сплава, они ничуть не расстроились. Досмотр продолжался.

Пока мое тело подвергалось изучающему массажу, один из инквизиторов приволок ворох бумаг. В основном это были псиграммы, полученные в ответ на запросы местных властей. Они связались с моими работодателями, Фразолетто-Мучо, и выяснили все о моей работе. На все вопросы я ответил в основном правильно, только пару раз пискнул невпопад, когда исследователи добрались до чувствительных частей тела. Все шло хорошо, наконец мое досье было закрыто.

Во время всей этой катавасии я краем глаза наблюдал за своими чемоданами. Они пострадали еще больше. Каждый из них раскрыли, вещи вывалили на белоснежные столы. Затем чемоданы разобрали на части. На мелкие части. Швы распорол, замки разобрали, ручки сняли. Потом обломки запаковали в пластиковые мешки и сдали в хранилище. Очевидно, для более детального исследования. Одежда удостоилась лишь беглого осмотра. Вскоре выяснилось почему. Потому что больше я ее не увижу до самого отъезда.

— Вам выдадут клиандскую одежду, — объяснил один из инквизиторов. — Носить ее — одно удовольствие.

В этом я сильно усомнился, но счел за благо промолчать.

— Это религиозный символ? — спросил другой, держа в руках фотокарточку.

— Это портрет моей жены.

— Разрешается иметь только религиозные символы.

— Она у меня сущий ангел.

Это их убедило, с великой неохотой карточку вернули. Разумеется, не оригинал — это было бы слишком опасно. Мне выдали фотокопию. Анжелина на копии выглядела куда более сердитой, а может, мне просто показалось.

— Все личные вещи, включая документы, будут вам выданы перед отъездом, — холодно проинформировали меня. — На Клианде вы обязаны носить местную одежду и соблюдать здешние законы. Вот ваши личные вещи.

Из всего багажа мне были выданы только три предмета первой необходимости.

— Это ваше удостоверение.

Я радостно схватил его, словно некое свидетельство реальности собственного существования, да и совсем голым стоять было холодновато.

— А что в этом ящике? — скрипучим голосом спросил инспектор. Все бросили работу и плотным кольцом окружили подозрительный ящик. Выражение лиц означало, что мне уже вынесен смертный приговор вне зависимости от ответа. Я слегка отпрянул, в испуге закатив глаза.

— Господа, я не сделал ничего плохого... — вырвалось у меня.

— Что это?

— Оружие...

Послышались негромкие возгласы, один из инспекторов даже завертелся, будто ища винтовку, чтобы прикончить меня на месте.

Я испуганно забормотал:

— Но, господа, вы должны меня понять. Я прибыл на эту планету по делам. Наша фирма «Фразолетто-Мучо Лтд» — старейший и широко известный производитель военной электроники. Это образцы нашей продукции. Некоторые из них очень хрупкие. Открывать разрешается только в присутствии специалистов.

— Я специалист по оружию! — Один из них шагнул вперед. Я его еще раньше заметил благодаря лысой голове и жуткому шраму, пересекавшему один глаз.

— Рад с вами познакомиться, сэр. Меня зовут Пас Ратунков. — Мое имя не произвело на него ровно никакого впечатления, а своего он не назвал. — Если мне вернут ключи, буду рад ознакомить вас с содержимым.

Прежде чем позволить мне приступить к показу, они приволокли камеру, чтобы заснять всю процедуру. Я открыл замок и откинул крышку ящика. Специалист по оружию уставился на образцы, разложенные по отделениям. Я пустился в объяснения:

— Наша фирма является разработчиком и единственным производителем блоков памяти для дистанционных взрывателей. Это самая компактная и универсальная модель на сегодняшний день. — С помощью пинцета я извлек взрыватель размером с булавочную головку. — Это модель для использования в стрелковом оружии. Выстрел активизирует взрыватель, который детонирует, когда снаряд попадает в цель. А вот это взрыватель

для тяжелых орудий и ракет. — Все придвинулись, снедаемые любопытством, когда я вынул пластинку Мем-4 и принялся расписывать достоинства взрывателя. — Очень прочная конструкция, способная выдерживать невероятное давление, тысячекратные перегрузки, взрывы. Его можно настроить на цель определенного типа и запрограммировать на определенное время срабатывания с момента выстрела. Взрыватель к тому же снабжен системой распознавания, что исключает взрыв вблизи своих объектов. Уникальная модель.

Я положил взрыватель на место и захлопнул крышку ящика. По рядам зрителей прокатился счастливый вздох восхищения. Вот такие вещи они любят по-настоящему. Специалист по оружию уважительно приподнял ящик.

— Для демонстрации вам его выдадут.

Досмотр шел к концу. Больше ничего интересного не предвиделось. Ребята безо всякого интереса выдавливали из тюбиков зубную пасту и выковыривали из баночек крем. Вконец утомившись, они свалили мои вещи в кучу, затем кинули мне новую одежду.

— На одевание четыре с половиной минуты, — объяснил инспектор. — Возьмите эти сумки.

Одежду никак нельзя было назвать стильной. Серого, немаркого цвета белье было сшито из материала, на ощупь напоминавшего смесь дерюги с наждачной бумагой. Я вздохнул и начал одеваться. Верхняя одежда представляла собой цельный комбинезон с желтыми и черными поперечными полосами. В нем я стал похож на гигантскую осу. Что ж, если на Клианде это считается хорошим тоном, то ничего не поделаешь. Да и выбора нет. Я схватил выданные мне сумки, при этом тонкие ручки пребольно впились в ладони, и потащился к выходу.

— Машина там. — Стоявший на выходе охранник указал на беспилотный экипаж с куполообразной крышей, находившийся в огромном ангаре, выкрашенном все в тот же серый цвет. При моем приближении дверца машины распахнулась.

— С удовольствием воспользуюсь машиной, — дружелюбно кивнул я, — знать бы еще, куда ехать.

— Машина знает. Садитесь.

Не самый блестящий собеседник в этой Галактике. Я забросил внутрь сумки и уселся. Дверь автоматически захлопнулась, на панели робощофера вспыхнули

огоньки. Машина тронулась, впереди распахнулись тяжелые ворота. Потом еще одни и еще. И все толстые да крепкие, как в банке. Наконец мы выбрались на открытое пространство. Я зажмурился от солнечного света. Затем принялся с интересом осматривать окрестности.

Клианда, если судить по этому городу — мир модернизированный, механизированный и очень занятой. Дороги были забиты машинами и грузовиками, которые, видимо, управлялись роботами — уж больно равномерно и с четкими интервалами они двигались. Тротуары тянулись вдоль дороги и над ней. Мелькали вывески, витрины, мундиры. Мундиры! Одним этим словом невозможно описать сверкающее многоцветное великолепие. Все были наряжены в мундиры разнообразных фасонов и расцветок. Что, видимо, обозначало принадлежность к различным ведомствам и службам. И никто не был одет в черное с желтым. Еще одна непредвиденная проблема, но я лишь пожал плечами. Утопающему дождик не помеха. Да, дело будет нелегким, от начала до конца.

Машина выскочила из общего потока, нырнула в туннель и остановилась у богато украшенной двери. Над входом большими золотыми буквами было начертано: «Злато-Злато», что можно приблизительно перевести с клиандского как «роскошный». Приятная неожиданность. Увешанный лентами и значками швейцар рванулся было к двери, но, разглядев мое одеяние, презрительно скривил губы, отпустил ручку двери и отправился восвояси. Вместо него появился субъект в темно-сером костюме. На плечах у него были серебряные знаки отличия в виде скрещенных кинжала и топора, а вместо пуговиц — серебряные черепа. Не очень располагающая внешность.

— Паков, — буркнул жутковатый тип. — Я ваш телохранитель.

Я выбрался из машины и, подхватив — самолично, прошу заметить — сумки, потащился за этим сторожевым псом в холл, как выяснилось, отеля. Мое удостоверение было принято исключительно нелюбезно, однако комнату мне все-таки отвели. Коридорный мальчишка с кислой миной проводил меня. Видимо, у меня был статус условно уважаемого торгового представителя инопланетной компании. Не скажу, что мне это сильно понравилось. Осиные цвета моего наряда

выдавали чужака, следовательно, и обходиться со мной будут как с чужаком.

Апартаменты были роскошны: пуховой мягкости кровать, насекомых до черта. Я имею в виду жучков для подслушивания и подсматривания. Они были везде. Каждая вторая ручка на мебели — микрофон, лампы слегка поворачивались, отслеживая мое перемещение. Когда я отправился бриться, через полупрозрачное зеркало в ванной на меня уставился телеглаз; даже на рабочем конце зубной щетки был встроен телеобъектив — видимо, чтобы раскрыть неведомые тайны, скрытые в дуплах коренных зубов. Очень умно!

Это им так казалось. А меня очень развеселило. Я от души рассмеялся, притворившись, что кашляю, чтобы не дразнить попусту своего телохранителя. Который неотвязно таскался за мной по всему номеру. Похоже, спать он будет на полу у моей кровати.

Все это бесполезно. Как писали древние, свобода смеется над тюремщиками. Джим диГриз обычно тоже. Потому что он страшно много знает — извините за нескромность — о подсматривании и подслушивании. Это был тяжелый случай. Положим, установлено страшное количество жучков. А что делать со всей этой информацией? Компьютерный анализ для подсматривания не годится, а это означает, что нужно привлечь множество людей. Но всему есть предел, иначе число персонала будет увеличиваться в геометрической прогрессии. Потребуется наблюдатели за наблюдающими и т. д. Вне всякого сомнения, за мной будет следить огромный штат, это участь иностранцев. Соответствующим образом будут оборудованы машина, обычные маршруты передвижения, а не только мое жилище.

Но весь город жучками не обвешаешь, да это и бессмысленно. Мне придется играть свою роль, пока не появится возможность вырваться за пределы просматриваемых зон. Пока не появится план бесследного исчезновения. Шанс у меня будет только один, который должен сработать безукоризненно, иначе однойдохлой крысой в мире станет больше.

Паков следил за каждым моим шагом. Последнее, что я видел перед сном, и первое, на что наткнулся взгляд по утру, — это маленькие острые глазки. Меня это устраивало. С Паковым придется распрощаться в первую очередь, а пока его присутствие успокаивающим образом действовало на моих наблюдателей.

Пусть себе спокойно спят. Я тоже выглядел спокойным — но только выглядел. А на самом деле внимательно изучал город, пытаюсь отыскать крысиную лазейку.

И на третий день нашел. Это был один из многих вариантов и, как скоро подтвердилось — самый лучший. Был разработан соответствующий план, и в назначенный вечер, довольный, я завалился спать. Улыбку, конечно, заметили в инфракрасном диапазоне — но что может рассказать улыбка?

Четвертый день начался как обычно с завтрака в номере.

— Что-то аппетит сегодня разгулялся, — порадовал я хмурого Пакова. — Видимо, сказывается благотворная атмосфера вашей прекрасной планеты. Придется взять добавку.

И взял. Съел еще один завтрак. Когда выпадет случай поесть, я не знал и решил заправиться впрок.

Все шло как обычно. В назначенный час мы вышли из отеля, сели в поджидавшую нас машину. Она двинулась по заложенному в бортовой компьютер маршруту — на военный полигон, где я демонстрировал эффективность взрывателей Фразолетто-Мучо. Уже было разворочено немало мишеней, а сегодня предстояло взорвать очередную партию. Это было страшно увлекательно.

Мы промчались по автостраде, затем свернули на боковую улицу. Движение здесь было слабое — как обычно, — пешеходов не было совсем. Мелькали перекрестки, а внутри у меня все сильнее затягивался знакомый тугой узел. Ну, все или ничего — пора, Скользкий Джим.

— Апчи! — довольно натурально чихнул я и полез в карман за носовым платком.

Паков насторожился. Он всегда был начеку.

— Пыль проклятая, черт ее подери, — пожаловался я, — взгляните, это случайно не генерал Трогбар?

Натаскан Паков был отменно. Взгляд его оторвался лишь на секунду. Но мне большего и не требовалось. В платок был завернут увесистый столбик монет. Единственное оружие, которым мне удалось обзавестись под неусыпным надзором властей. Я изготовил его ночью, под простыней. Как только Паков отвел глаза, сверток врезался ему в висок. Он с тихим стоном обмяк.

Стон еще звучал, а я уже давил на кнопку аварийной остановки. Сработали тормоза, мотор затих, и машина остановилась. В двенадцати шагах от намеченной точки. Точно в яблочко. Выскочив из машины, я рванул что было сил.

Потому что, как только я обезвредил Пакова и нажал аварийную кнопку, на пульте слежения вспыхнул сигнал тревоги — салон машины был напичкан микрообъективами. Команда преследователей стартовала одновременно со мной. В запасе у меня были считанные секунды, самое большое — минута.

Хватит ли времени?

Пригнув голову, я на полной скорости нырнул в служебный проезд. Он тянулся позади зданий и выходил на соседнюю улицу. Роботы загружали в контейнеры мусор, не обращая на меня никакого внимания. Это были простые машины типа М, запрограммированные на самую примитивную работу.

Другое дело погонщик. Это был человек с электрохлыстом для управления роботами. Хлыст щелкнул и обвился вокруг меня, в бок кольнул электрический разряд.

Глава пятая

Довольно неприятно, мягко говоря, но я укол едва ощутил. Напряжение было небольшое, как раз такое, чтобы управлять роботами а не разрушать блоки памяти. Я ухватился за хлыст и резко дернул.

В полном соответствии с планом. Каждый день, проезжая мимо, я видел погонщика и его стадо на одном и том же месте. Что-что, а порядок на Клианде в чести. Погонщик, детина с толстой шеей и зверской физиономией, просто обязан был кинуться на бежавшего чужака — и он не обманул моих надежд.

Когда я рванул хлыст на себя, погонщик потерял равновесие и сделал шаг вперед, разинув рот. Пришлось треснуть ему по отвисшей челюсти. Рот захлопнулся.

Верзила зарычал, тряхнул головой и, вытянув руки, бросился на меня.

А вот так мы не договаривались, это не по плану. Он должен был тут же рухнуть и дать мне возможность осуществить задуманное до подхода главных сил. Откуда мне было знать, что у него не только интеллект как у булыжника, но и прочность черепа соответствующая? Меня прошиб пот, и я едва успел увернуться. Его руки схватили воздух. Уходило время, которого и так не было. Надо обезвредить этого медведя, и как можно быстрее.

И я его обезвредил. Не очень изящно, зато надежно. Сделал боковую подсечку и вспрыгнул ему на

спину, чтобы ускорить падение. Потом схватил за голову и трахнул о мостовую. Целых три раза — опасаясь, правда, что дорожное покрытие треснет раньше, чем эта башка, — только после этого он хрюкнул и затих.

Вдали завывала сирена. Я вспотел еще разок. Роботы продолжали грузить мусор, не обращая внимания на людские проблемы.

На погонщике была форма очень символичного грязно-зеленого цвета. Комбинезон застегивался одной-единственной застежкой-молнией. Я расстегнул ее и раздел недвижимое грузное тело. А сирены были все ближе и ближе. А тут пришлось еще стаскивать ботинки, чтобы снять штаны. Операция довольно утомительная, а главное — очень не ко времени.

Эхо сирены отразилось от стен проезда, взвизгнули тормоза.

В страшной спешке я натянул комбинезон поверх осиного костюма и наглухо застегнул молнию. Послышался топот бегущих ног. Схватив хлыст, я полоснул ближайшего робота.

— Погрузи тело в контейнер! — приказал я и отступил назад, следя, как он грузит бывшего хозяина.

Как только его ноги исчезли в баке, появился первый солдат в красном мундире.

— Чужак! — завопил я, указывая хлыстом вдоль проезда. — Он туда побежал. Очень быстро. Я не смог его догнать.

Солдаты побежали тоже очень быстро. И это хорошо, потому что ботинки погонщика валялись у всех на виду. Я швырнул их в контейнер вслед за хозяином. Потом принялся охаживать хлыстом шестерых роботов.

— Переходим на следующий участок! — приказал я в надежде на то, что они запрограммированы на дежурный обход.

Так оно и было. Грузовой робот двинулся вперед, остальные гуськом потянулись за ним. Я с хлыстом в руке замыкал колонну. Наша маленькая процессия вышла на улицу, забитую солдатами и полицейскими. Вокруг сновали машины, водители орали на нас. Колонна роботов пробивалась через эту толчею на другую сторону улицы, мне ничего не оставалось, как поспешить за ними с застывшей улыбкой. Давать новые команды было боязно — чего доброго эта ме-

ханическая команда устроит сидячую забастовку прямо на проезжей части. Мы миновали машину, из которой вытаскивали ослабевшего Пакова. Пришлось отвернуться от него. На легкий холодок в спине я старался внимания не обращать. Если он узнает меня...

Казалось, прошло два дня, прежде чем первый робот скрылся в переулке и я оказался в относительно безопасном месте. Несмотря на прохладную погоду, пот лил с меня градом. Роботы приступили к работе, а я привалился к стене, чтобы хоть немного перевести дух. На злополучной улице машин становилось все больше. Да, кругом действительно были всерьез озабочены моей судьбой. Над головой прогрохотало звено самолетов.

Что дальше? Хороший вопрос. Очень скоро, как только след чужака будет утерян, кто-нибудь обязательно вспомнит о единственном свидетеле его побега. И они непременно захотят потолковать с погонщиком роботов. Пока этого не произошло, мне следует где-нибудь спрятаться — но где? В средствах я был сильно ограничен: команда роботов-мусорщиков, электрохлыст и два мундира — один под другим, — каждый из которых делает меня весьма заметной персоной. Электрохлыст годится лишь на то, чтобы погонять роботов, не та сила тока, чтоб использовать его в качестве оружия. Что же делать?

Внезапно рядом послышался скрежет, я отпрыгнул в сторону. Ржавая дверь скользнула вверх, и на улицу выглянул толстый человек в белом колпаке.

— Слободан, я приготовил для тебя бочку, — крикнул он и удивленно воззрился на меня. — Да ты не Слободан...

— Точно. Я не Слободан. Его здесь нет. Он в больнице. Грыжу удаляет.

Неужели это счастливый случай? Говорил я быстро, а думал еще быстрее. На соседней улице суеты было хоть отбавляй, однако сюда, в служебный проезд, пока никто не заглядывал. Я стегнул ближайшего робота хлыстом.

— Следуй за этим человеком, — приказал я и махнул рукой в нужном направлении. Белый колпак скрылся, робот последовал за ним, а мне оставалось пойти следом.

Прямо на кухню. Очевидно, это ресторан — кухня была огромна. Кроме нас, тут никого не было.

— Когда вы открываетесь? — поинтересовался я. —
Аппетит от работы разыгрался.

— Только вечером. Эй! Скажи этому роботу, чтобы отстал от меня. Пусть лучше заберет помои.

Повар метался по кухне, а робот преданно топал по пяткам. Прекрасная пара.

— Робот! — Я щелкнул хлыстиком. — Хватит тебе бегать за этим человеком. Возьми его за руки, чтобы не дергался.

Электронные рефлексы робота сработали гораздо быстрее, чем реакция повара. Стальные руки сомкнулись. Повар жалобно раскрыл рот — пришлось закрыть его колпаком. Он сердито замычал и принялся жевать кляп. И жевал все время, пока я привязывал его к стулу. Кляп пришлось тоже обвязать. Никто пока не появлялся — вот ведь повезло!

— Вон отсюда! — Я щелкнул по металлической спине и отослал робота прочь.

Роботы вкалывали, а я беззаботно полеживал, пока не пришло время давать новые указания.

— Возвращайтесь. На то же самое место, откуда утром пришли. Вперед!

Они четко, по-военному, развернулись и потопали восвояси. Слава Богу, хоть в другую сторону от улицы, на которой мы недавно были. Я вернулся на кухню. Опасаться пока нечего. Рано или поздно меня, конечно, вычислят через мусорщика, но где я покинул команду роботов — этого так сразу не узнать. Все складывалось просто прекрасно.

Связанный повар ухитрился повалить стул и теперь полз к выходу, извиваясь всем телом.

— Нехорошо, — пожурил его я, снимая со стены самый большой тесак.

Он испуганно замер, вытаращив глаза. Положив тесак и хлыст на видное место, я огляделся. Надо отдышаться и немного подумать. Хватит метаться и импровизировать. Внезапно издали донеслись стук в дверь и резкий звонок. Пришлось опять взяться за тесак. Похоже, вся операция пройдет под лозунгом: «Выдумывай и пробуй!»

— В чем дело? — поинтересовался я у повара, вынудив на секунду кляп.

— Это у главного входа. Кто-то пришел, — хрипло выдохнул он, не отрывая глаз от занесенного над его головой тесака.

Я вставил кляп на место, прокрался к двери и чуть-чуть приоткрыл ее. Там был пустой и темный обеденный зал. Со стороны главного входа доносились звон и стук. Из ресторана на шум никто не явился, видимо, никого тут не было, кроме нас с поваром.

— Чего надо? — попытался я изобразить манеру повара обращаться к людям.

— Служба ремонта холодильников. Вы нас вызывали. В чем дело? Какие проблемы?

— Большие! — Сердце мое радостно екнуло. — Захватите инструменты.

Механик приволок огромный ящик. Я впустил его, аккуратно закрыл дверь, а потом плашмя съездил ему тесаком по голове. Он немедленно свалился. Мундир у него был темно-зеленый, это немного лучше, чем наряд осы или мусорщика, да и выбора нет. Я быстро раздел его, а потом привязал к стулу напротив повара. Они затеяли молчаливый разговор взглядами. Впервые преследователи отстали от меня на целый корпус. Если повезет, то обоих пленников обнаружат не раньше чем через несколько часов, и только потом полиция выйдет на мой след. Я напялил зеленую униформу, приготовил несколько бутербродов, захватив ящик с инструментами, отдал честь обоим пленникам и покинул ресторан через главный вход. Там стоял большой моторобот и тихонько гудел. В руках у него был еще один ящик с инструментами. На его железной груди, как и у меня, красовался знак фирмы.

— Прокатимся с комфортом, — порадовался я. — Держи. — И едва успел отдернуть руку, когда его рука ухватилась за ящик.

В поездках по городу я часто встречал таких мотороботов, однако вблизи их видеть не приходилось. На спине у него было что-то вроде сиденья для оператора, но как туда взобраться — решительно не ясно. Может, он должен встать на колени, или где-то есть ступенька, или еще как? По улице проносились машины и роботы, быстрым шагом приближался отряд солдат. Меня опять прошиб пот.

— Я хочу ехать, и немедленно.

Ничего не произошло. Солдаты подошли еще ближе. Робот возвышался недвижимый как статуя. От него помощи не дождешься. Что-то надо делать. Я одной ногой уперся в выступ на его бедре, ухватился за сигнальный фонарь и вскарабкался в седло. Внутри

загудели моторчики — робот приспособливался к моему весу. Мимо протопали солдаты. Не обращая на меня внимания.

Сиденье было удобное, обзор прекрасный. Моя голова возвышалась над землей метра на три. Вот только непонятно, что делать дальше. Хотя если смотреть отсюда, то наверняка появятся какие-то варианты. На голове робота находился небольшой пульт управления. Я нажал кнопку с надписью: МАРШ. Робот задрожал и принялся маршировать на месте. Для начала неплохо. Довольно быстро обнаружилась кнопка ВПЕРЕД. Мы тронулись вперед легкой рысью. Вскоре вся полицейская кутерьма осталась далеко позади.

Нужен план. Мой механический скакун мчался через центр города, а я предавался размышлениям. Опять я один против целого мира. Очень поэтично, но нелегко. Утешает только то, что мне уже приходилось бывать в такой ситуации, а мир Клианды такого еще не видел. Вся система безопасности свидетельствовала о том, что иностранцев здесь бывает мало, а те, что появляются, находятся под строгим надзором. Вероятно, власти еще ни разу никого не упустили, и мой побег — это большая неприятность. Полетят головы. Прекрасно. Лишь бы не моя. В каком-то смысле даже есть некоторое преимущество. Властям обо мне ничего не известно, кроме легенды прикрытия. Если удастся раствориться в этом жутком мире, то обнаружить меня будет невозможно. До тех пор пока я буду лежать на дне. Активную деятельность придется ненадолго отложить. Сейчас надо спасать свою бесценную шкуру, а уж потом можно подумать о будущем.

Впереди показался выезд из города. И многочисленная охрана, которая внимательно обыскивала и осматривала всех выезжающих. Легкого нажатия на кнопку ВЛЕВО было достаточно, чтобы мой скакун устремился в боковую улочку, унося меня от опасности. Город я покину, как только захочу. Просто еще время не пришло.

К полудню мои познания о городе расширились, равно как и мозоли на заднице. Робот двигался все медленнее, очевидно, он нуждался в подзарядке.

Я бы тоже не отказался подзаправиться бутербродами из инструментального ящика. Нам обоим необходим отдых. Не исключено, что моих пленников уже

обнаружили и охота идет по новому следу. По пустынным боковым улочкам я пробрался в район заводов, чтобы отыскать укромное местечко. Тут было несколько заброшенных заводов и складов, которые вполне подошли бы для моих целей.

Так оно и было. На окнах висела паутина, петли ворот покрыты ржавчиной. Вокруг никого, а замок такой, что можно открыть пальцем в полной темноте. Вскоре дверь распахнулась. Так и есть — ни души. Мы скользнули внутрь, засов с легким щелчком встал на место. В дальнем углу двора покоился огромный древний механизм, словно заброшенный в джунглях идол. Валявшиеся у его подножия листы картона напоминали жертвенные подношения. Прекрасно. Перекусив, я успокоился. Осмотрел здание и отыскал пустую комнату без окон. Притащил туда фонарик, карандаш и чистый лист жертвенного картона. Пора предпринять следующий шаг.

Зажав в руке карандаш, я уставился на освещенный чистый лист картона и заговорил вслух:

— Слушай внимательно. Память начинает работать. Отсчет начнется с десяти. Моя усталость будет нарастать, и на счет «ноль» я усну. Ключевое слово для памяти — ...Занаду!*

— Десять, — бодро произнес я.

— Девять, — напала зевота.

На счет пять глаза сомкнулись. Не помню, дошел ли я до нуля.

*Занаду (лит.) — райская долина (например, в поэме С. Кольриджа «Кубла Хан») — Примеч. переводчика.

Глава шестая

Когда я проснулся, пальцы мои не гнулись, руку свело, глаза жгло нестерпимо. Большой лист картона был сплошь покрыт сложной, запутанной схемой. Подсознание — это отличное место, где можно прятать самые разные вещи. Я не только получил схему, но и понял, как ею пользоваться. План был потрясающе прост. Я даже позавидовал разработчику. Потребуется немного времени и куча электроники. Ее предстоит украсть. Я потянулся, размял онемевшие мускулы. День выдался тяжелый, а гипнотический транс — это вам не обычный сон. Завтра будет полегче, да и погоня немного поутихнет.

Следующие два дня были заполнены хлопотами. Стальная Крыса обрела нору, теперь нужно поработать. Город жил своей обычной жизнью. Поиски наверняка шли не ослабевая, но где-то вдали от моего убежища. Я паял, клепал, беззаботно воровал еду и необходимые предметы. Похоже, на Клианде преступности практически не было, как не было и никаких предосторожностей против воровства, которым я занимался довольно активно. Либо преступники были уничтожены как класс, либо они правят этой планетой. Последнее очень похоже на правду. Период моего уединения скоро подойдет к концу. Придется выйти из укрытия и заняться активным шпионажем, то есть своей непосредственной работой.

Удрать из города оказалось намного легче, чем я думал. Ненавязчиво отираясь у ворот, я выяснил, что проверкой занимаются военные, и занимаются с присутствующими им простотой и прямодушием. Обмен четкими приветствиями, проверка бумаг, беглый осмотр, шлепок печати — и проваливай. Надеюсь, что у меня тоже не будет особых трудностей. Пришлось захватить военный грузовик, чтобы придать операции военный вид. Это было вечером. Я поставил робота на дороге. Грузовик с визгом затормозил. Из окна, осыпая меня проклятиями, высунулся водитель. Многие ругательства я слышал впервые и постарался их запомнить на будущее. К счастью, он оказался один.

— Тебя тем же самым и по тому же месту, — огрызнулся я. — Нехорошо так со штатскими разговаривать. Положение чрезвычайное.

— Какое положение? — спросил он подозрительно.

— Чрезвычайное! — с воодушевлением ответил я.

Он сразу обмяк, как только игла впиалась ему в шею. Не зря же я сделал набег на склад медицинских препаратов. Я отодвинул его в сторону, загнал робота в кузов и понесся к своему убежищу за вещами. Мои пожитки прекрасно разместились среди ящиков с провизией, банок с ваксой и прочими военными припасами. Переодевшись в красный солдатский мундир, я уложил воина спать в своей зеленой униформе, сердечно распрощался с роботом — единственным своим приятелем на этой недружелюбной планете. Он в ответ промолчал, но я на него не в обиде. Поехали.

Военные с обычной для них сдержанностью приняли мои бумаги, проверили, отметили, и вот она — свобода. Я весело помчался навстречу ночи и второй фазе своего плана. Чтобы запутать следы, пришлось долго петлять, менять машины. Потом был длинный перегон через центральную пустыню к намеченной цели. Это была огромная скала, одиноко торчавшая среди песчаного моря. Формой она сильно напоминала горшок и по-клиандски называлась «Лунак». Что на местном языке означает «горшок». Судите сами о богатстве воображения местных жителей. Машина скрылась под маскировочной сеткой. Мне пришлось потратить целых семь дней, чтобы сделать все необходимое. Своими руками, правда, не без помощи землеройного робота, я выстроил ни много ни мало —

полностью автономное подземное убежище в ста метрах от Горшка.

На этом подготовка к третьей части операции была закончена. Она начнется этой ночью. Мой маленький самодельный радиопередатчик был настроен и готов к работе. Его антенна указывала точно в зенит. Ровно в полночь я отправил в космос узкий, направленный радиосигнал. Передатчик работал только тридцать секунд.

Вот и все. Кости брошены, следующий ход теперь за Ними. Они — это отдел Специального Корпуса, который готовил эту часть операции. Надеюсь, что подготовились они на совесть, но это выяснится только вечером следующего дня. Если все правильно (на слове «если» я закусил губу), то они — и только они — примут мой сигнал. Очень узкий и очень направленный. Такой сигнал невозможно засечь. Клиандцы ничего не должны узнать. В движение придут огромные силы. Мощные компьютеры сделают расчеты, полыхнут пламенем дюзы гигантских ракет. Выбранный метеорит придет в движение. Далеко в космосе, вне радиуса действия локаторов Клианды. Он двинется сюда, точно нацеленный на одинокую скалу под названием «Горшок». Ждать его придется целый день и еще ночь.

Чтобы не трепать нервы томительным ожиданием, я устроил себе маленький праздник. С хорошей едой, если консервированную пищу можно назвать хорошей, и доброй выпивкой — тут выбор был побольше. Обед с вином, затем крепкие напитки. На десерт я выкурил сигару и просмотрел на портативном проекторе пару непристойных фильмов из армейской фильмотеки, довольно крутых. Для солдат. Но сейчас в пустыне они смотрелись вполне прилично. А потом меня сморил сон.

Так прошла ночь, затем день, и снова наступила ночь. Как только стемнело, я выбрался наружу и принялся рассматривать через бинокль черное небо. Квадрат за квадратом. Ничего. До условленного часа было еще далеко, а я уже сгорал от нетерпения. Теперь весь план представлялся мне совершенно абсурдным. Вдобавок ко всему я чувствовал себя совершенно одиноким и заброшенным на чужой планете, за многие световые годы от цивилизации. Очень неприятное ощущение. Пришлось хорошенько хлебнуть из фляжки.

Если все идет нормально, то сейчас огромный каменный монолит несется к Клианде, курсом на столкновение. Когда его засекут локаторы системы обороны, то примут за обычный космический мусор. Он войдет в атмосферу и вспыхнет. Это исключит всякие подозрения, если они возникнут. Ни одно живое существо не в состоянии вынести такого сочетания перегрузки и температуры. Траекторию падения проследить будет практически невозможно из-за большого количества сопутствующих обломков. Метеорит пронзит атмосферу и с сокрушительным ударом врежется в землю. Расследование будет неспешным, и до прибытия исследовательской партии много чего должно произойти. Я надеюсь. Это все выглядит очень неплохо в теории, а на практике представляется полным сумасшествием.

Ровно в полночь на небе вспыхнула звезда. Я со вздохом облегчения отложил в сторону фляжку. Все шло точно по расписанию. Звезда разгоралась все ярче, еще ярче и еще. И летела прямо на меня. Расчеты делали первоклассные астрономы и компьютеры, это мне было известно — но не до такой же степени! Может, эта штука рухнет прямо мне на голову?

Не прямо. Метеорит слегка отклонился в сторону. Послышался жуткий рев, будто вскипел огромный чайник. Как только горящий болид скрылся за Горшком, раздался раскатистый взрыв, пламя на миг осветило окрестности. Я не мешкая вскочил в машину. Вперед!

Фары выхватили из темноты свежую воронку, над которой висели тучи дыма и пыли. На дне ее дымился обломок метеорита. Точно в десятку! Я отогнал машину за ближайший пригорок и нажал на кнопку передатчика. Раздался второй взрыв, куда более слабый. Над головой просвистели осколки. При помощи зарядов метеорит был расколот надвое. Амортизирующая жидкость, предохранявшая груз, быстро впиталась в землю.

Тут послышался быстро нараставший рев реактивных двигателей. Пришлось потушить фары. Черные треугольники мелькнули над головой и заложили вираж. Тут уж я в полной мере оценил как степень подозрительности клиандцев, так и четкость работы радарно-компьютерной службы. Времени оказалось не

так уж много. Стараясь не обращать внимания на жар, исходящий от метеорита, я спрыгнул в кратер.

Оборудование, запакованное в плоские контейнеры, было цело. При тусклом свете звезд я перетаскивал их в машину. Над головой кружили самолеты, пытаюсь обнаружить точное место падения болида. Немного же они могли рассмотреть на такой скорости, да еще ночью. Наверняка уже выслан менее скоростной самолет. Специально оборудованный для поисковых работ. При этой мысли у меня в голове раздался шум воображаемых пропеллеров. Это меня подстегнуло. Тяжело отдуваясь, я загрузил в машину последний ящик, дождался, когда самолеты проскочат мимо, и поехал к своей норе. Ехать пришлось на максимальной скорости, объезжая ямы и валуны, подпрыгивая на ухабах. Самолеты легли на обратный курс, пришлось остановиться и ждать, пока они опять пролетят, стараясь самому себе казаться меньше малого. Еще один бросок — и я у входа в убежище. Как только первые контейнеры скрылись под землей, послышался шум двигателей. Вдали блеснули огни фар. Я как попало побросал контейнеры вниз и уже собрался нырнуть вслед за ними, но тут над головой мелькнули огромные крылья и меня накрыл слепящий свет.

В глазах еще плясали блики, но я на ощупь включил зажигание, передачу и выскочил из рванувшейся вперед машины. Опять накатила волна света, я как подкошенный рухнул на бок и замер.

Свет проникал даже сквозь закрытые веки. Мне показалось, что прошла вечность, а не несколько секунд. Я кубарем скатился вниз, в кровь побив колени об острые углы контейнеров. Потом, словно крот, в крошечной тьме толкал и пихал ящики сквозь тесный ход. Сверху доносился рев самолетов, затем послышалась стрельба, загремели взрывы.

— Отлично, — выдохнул я. — Оружие делается для того, чтобы из него стрелять, вот они и стреляют. Я так и думал, что эти ребята любят пострелять, и рад, что не ошибся.

Громкий взрыв возвестил, что машине моей пришел конец. Лучше и быть не может. Я на ощупь отыскал передатчик и не спеша взобрался по лестнице.

Удобно расположившись на верхушке лестницы, упершись локтями в землю, я наблюдал за представлением. В небе были реактивные самолеты, трескали

пропеллеры. Гремели разрывы бомб, посвистывали пули. Красиво горела моя машина, выбрасывая языки пламени каждый раз, когда в нее попадал шальной снаряд или пуля. Треск выстрелов и грохот разрывов понемногу стихали. Чтобы оживить бой, я нажал на кнопку передатчика.

С вершины Горшка ударили скорострельные орудия, время от времени взлетали ракеты. Каждый второй снаряд был трассирующим, так что шоу удалось на славу. Самолеты перестроились и снова бросились в атаку. Вершина Горшка и земля вокруг него потонули в пламени. Для этой шутки я использовал исключительно клиандское оружие. Было забавно наблюдать, как армия воюет по сути дела сама с собой. В метрах тридцати от меня взорвалась бомба, за шиворот посыпался песок. Эта часть спектакля подошла к концу. Пора играть финал.

Я торопливо полез назад в нору, обрушивая за собой тучи песка, втащил лестницу и провода. Песок, вынутый при строительстве, удерживался над входом при помощи досок, и, когда я их выбил, он обвалился вниз с неожиданной скоростью. Я едва успел закрыть дверь. Потом сосчитал до десяти, чтобы обвал наглухо запечатал входную шахту, и нажал на кнопку.

Ничего не произошло.

А это была важная часть всей операции. Пока наверху рвутся бомбы и содрогается земля, лишнего взрыва никто не заметит. Того самого взрыва, который должен уничтожить все следы моей деятельности. Если заряд сейчас не взорвется, то найти меня и выкурить из норы будет очень и очень просто...

Тут меня осенило — нельзя быть таким глупым. Это очевидно — сигнал моего маломощного передатчика не может пробиться сквозь толщу песка. Я включил фонарь и сразу увидел торчавший из стены провод, на нем даже бирка висела с номером 2. Если бы не спешка проклятая...

Но спешить все-таки надо. Грохот наверху затихал. Видимо, автоматический противник на вершине Горшка был окончательно и полностью разбит. Если мой маскирующий взрыв не грянет прямо сейчас, то позже он будет выглядеть, мягко говоря, подозрительно. Я прикрутил провод номер 1 к антенне и опять нажал на кнопку. Повисла мертвая тишина.

Пока не грохнуло прямо над головой. Взрыв, казалось, перетряхнул все мои кости. Бетонная пещера загудела, как барабан, с потолка посыпались осколки и пыль. Теперь я в безопасности. Как таракан за печкой. Включив свет, я осмотрел убежище, в котором мне предстояло прожить пару недель. Автономный энергоблок, пища, вода, регенератор атмосферы — все, что нужно человеку для жизни. Кристаллические схемы, приборы, прибывшие в метеорите. Надо немного поработать, чтобы привести в порядок свою экипировку, и я буду готов сразиться с целым миром. Тем временем пустыню тщательно прочешут, погоня утихнет. Никогда им не додуматься до того, чтобы копнуть у себя под носом, никогда! С довольной улыбкой я откупорил бутылку за свое здоровье.

Глава седьмая

Уже не вор и не беглец. На тринадцатый день я открыл дверь и снова выбрался на поверхность. Этот символический акт означал окончание моего затворничества и начало новой жизни на Клианде. Имея всевозможные удостоверения и разнообразные мундиры, было легко играть любые роли в этом жутком обществе. Я старался держаться поближе к военным и копил силы для главной атаки.

Чтобы подготовить ее, мне понадобилось вылететь в Досадинглуп, небольшой провинциальный городок, расположенный по соседству с военной базой Глупост. Насколько мне было известно, там же находился главный космопорт, откуда стартовали межпланетные экспедиции. Вот почему я отирался около стойки регистрации мест — хотелось узнать, кто и где будет сидеть. В результате мое место оказалось рядом с очень интересной персоной.

Интересной только для меня, позвольте уточнить. С точки зрения любого нормального человека пилот-майор был не очень привлекателен. У него была огромная, зловеще выдающаяся вперед челюсть, а ямочка на подбородке казалась трещиной. Из-под мощных обезьяньих надбровных дуг подозрительно смотрели черные глазки, огромные ноздри заросли шерстью. Но меня не это волновало. Я рассматривал черную форму Космической Армады, многочисленные награды за отличную

службу, значок старшего пилота в форме ракеты с крылышками. Такой-то мне и нужен.

— Добрый вечер, сэр, очень рад. — Я опустился в соседнее кресло. — Приятно путешествовать с хорошим попутчиком.

В ответ он навел на меня свой нос-двустволку и презрительно фыркнул, что означало конец приятного разговора. Улыбнувшись, я пристегнул ремень. Самолет рванулся в ночное небо, тело мягко вжалось в кресло. На крейсерской скорости крылья почти полностью спрятались в фюзеляж. Я достал фляжку и две рюмки.

— Осмелюсь предложить вам, пилот-майор, выпить немного в знак признательности за вашу многотрудную службу во славу нашей Клианды.

На этот раз он не фыркнул, а нечистым ногтем ковырнул в зубах и вытащил на свет божий остаток обеда. Внимательное изучение показало, что остаток слишком велик, чтобы им бросаться, и майор с удовлетворением его проглотил. Да, у простого человека и удовольствия нехитрые. Я предложил ему кое-что получше.

— Ничего стоящего крепкому парню тут не подадут. А это — нарколет. — Я причмокнул от удовольствия.

Он в упор глянул на меня, и его губы сложились в непривычную для них улыбку.

— Хлебну, пожалуй, — произнес он грубым голосом.

Еще бы, маленькая фляжка такого напитка обошлась бы ему в месячное жалованье. Нарколет — самый дивный напиток из всех известных человечеству, изготавливается из редкого растения на маленькой планетке где-то на окраине Галактики, в очень ограниченном количестве. Успокаивающий, нежный, обвораживающий, пьянящий, бодрящий, возбуждающий, стимулирующий. Он вобрал в себя лучшие качества всех напитков, к тому же не дает никаких побочных эффектов и не вызывает никакого похмелья. Майор взял предложенную рюмку, втянул аромат устрашающими ноздрями и проглотил напиток одним духом.

— Недурно, — похвалил он.

В ответ на столь простодушный комплимент я улыбнулся и назвал свое новое имя. Он немного подумал и довольно быстро сообразил, что от него ждут того же.

— Пилот-майор Васька Хуля.

— Очень приятно, сэр, очень приятно. За ваше здоровье я выпью прямо из горлышка, рюмки для такого случая слишком малы.

Наш остроносый самолет еще не успел добраться до звукового барьера, а я уже почти полюбил майора. Это была здоровая, цельная человеческая глыба, без единой трещинки сомнения, без малой оспинки неудовлетворенности. Как паук не может быть плохим пауком, а пиявка не может быть плохой пиявкой, так и майор был совершеннейшим ублюдком. Дух его выиграл, язык развязался, и пилот-майора понесло.

— На двоих у нас было двенадцать бутылок, пачка забитых косяков, нормально на пару дней, мы сняли трех телок, одну про запас, ну так, на всякий случай, и давай их...

Или о представителях иных миров:

— Просто животные. С ними приличному человеку путаться никак нельзя. Конечно, Клианда это центр по-настоящему разумной жизни во всей Вселенной, единственная цивилизованная планета...

И так далее, и в том же духе. Мне оставалось только кивать головой, изображая восхищенное внимание. Великолепный экземпляр, как я уже отметил. Сильно он меня порадовал, когда сообщил, что его только что перевели на базу Глупост после переподготовки. Это было его первое назначение на такую крупную базу после долгих лет службы на передовой. Да, судьба играет человеком.

Надо было решаться на очень рискованный шаг — но упускать такой шанс нельзя. После долгих недель изучения общественного устройства Клианды я знал этот мир в совершенстве. Так мне казалось. Пришло время проверить свои познания на практике. Большею частью я вращался на задворках светского общества, а не среди военной элиты, а военные здесь — высшая каста. Они правили этим миром, и не только этим. Вопреки всем законам логики, истории и мирового

порядка. Надо собраться с силами и преодолеть последнюю преграду.

Я поступлю в армию. В чине пилот-майора. Самолет зашел на посадку, и я приступил к активным действиям.

— Васька, а тебе что, сразу надо прибыть на базу? — После крепкого мы перешли на «ты». Он отрицательно мотнул головой.

— Завтра явлюсь.

— Отлично. Не собираешься же ты провести последний вечер в холодной постели офицерской гостиницы?

Я принялся описывать все прелести теплой постельки. Упомянул и хорошую еду, и добрую выпивку, так, на всякий случай. Фляжка поднялась еще раз, и мой друг с энтузиазмом одобрил мой план.

Мы получили багаж и не мешкая отправились на роботакси в «Досадинглуп Роботник». Сеть таких отелей, полностью роботизированных, механизированных и компьютеризированных, покрывала всю планету. Люди из обслуживающего персонала появлялись там лишь изредка, чтобы проверить автоматику и забрать выручку из кассовых аппаратов. Мне довольно часто приходилось пользоваться отелями такого типа, по вполне понятным причинам, но людей встречать не приходилось. Случалось иногда сталкиваться только с другими постояльцами. Гостиницы «Роботник» — это настоящие островки уединения в океане всеобщего любопытства. Там, конечно, были свои неудобства, но я научился их не замечать. Вот в «Роботник» мы и отправились.

Когда мы подошли к двери, она гостеприимно распахнулась. Навстречу нам из ниши выкатился робот и запел:

Мы известны в целом мире.

Добро пожаловать в «Досадинглуп Роботник»!

О багаже я позабочусь.

Прикажете — все исполню!

Все это было исполнено мягким контральто в сопровождении оркестра духовых инструментов. «Дежурное блюдо» всех «Роботник»-отелей. Я это просто ненави-

дел. Поэтому пнул робота, чтобы не путался под ногами, и показал на роботакси.

— Багаж там. Пять мест. Тащи.

Тот откатился к машине, засунул внутрь цепкие манипуляторы. А мы вошли в холл.

— Разве у нас не четыре места? — Васька задумчиво нахмурил бровь.

— Ты прав. Наверное, я ошибся. — Но робот уже тащил наши четыре чемодана плюс заднее сидение, выдранное с мясом из салона такси. — ... Теперь уже пять.

— Добрый вечер... джентльмены. — Робот-портье слегка запнулся, считая нас и определяя наш пол. — Чем могу служить?

— Нам нужен самый лучший номер. — Я назвал вымышленное имя и адрес, опуская банкноты по 100 богинье в прорезь конторки.

В «Роботнике» было принято платить вперед, сдача выдавалась при отъезде. Коридорный робот, вооружившись ключом, проводил нас до номера, распахнул дверь, и вновь грянула торжественная музыка, словно возглашая второе пришествие.

— Спасибо и проваливай!

Я нажал кнопку на его груди с надписью: «Чаевые». Два богинье автоматически были поставлены мне в счет.

— Закажи еду и выпивку, — предложил я пилот-майору, показав на меню, висевшее на стене. — Все, что пожелаешь, но бифштексы и шампанское — обязательно.

Ваське эта идея понравилась. Пока я разбирал чемоданы, он хлопотливо нажимал на кнопки. С помощью наручного детектора мне удалось выяснить, что в номере стоит только один оптико-акустический жушок, в том же самом месте, что и в других отелях. Издержки стандартизации. Перед тем как открыть чемодан, я заслонил его креслом.

Дверца буфета распахнулась — прибыло шампанское и охлажденные фужеры. Васька с упоением жал на кнопки. Мой кредит, высвеченный на табло большими цифрами, стремительно таял. Чтобы отвлечь его от этого занятия, я выстрелил пробкой в стену прямо над его головой и наполнил бокалы.

— Выпьем за Космическую Армаду! — Я протянул ему бокал, незаметно бросив туда зеленую пилюлю.

— За Космическую Армаду! — Он разом осушил бокал и затянул воинственную песню о сверкающих ружьях, храбрых солдатах, пылающем солнце. Мне она не понравилась с первых слов. А ведь придется выучить.

— Ты выглядишь усталым, — оборвал я его. — Не хочешь ли поспать?

— Поспать?.. — Голова его сонно качнулась.

— Мне кажется, тебе вздремнуть не помешает.

— Вздремнуть...

Бокал выпал из его рук на ковер. Васька с трудом поднялся, дотащился до ближайшей кровати и обессиленно рухнул.

— Да ты совсем замотался. Спи спокойно, к обеду я тебя разбужу.

Гипнопилюля сделала свое дело. Васька послушно закрыл глаза и сразу захрапел. Если нас кто-то и подслушивал, то ничего подозрительного не услышал. Подали роскошный обед — его хватило бы на целый взвод. Старина Васька моих денег не пожалел. Я слегка перекусил перед работой. Потом открыл чемодан, приготовил необходимые инструменты и материалы.

Первым делом обезболивающая инъекция, чтобы «заморозить» лицо. Как только препарат подействовал, я усадил храпящего пилот-майора лицом к свету. Это будет совсем не трудно. Сложение у нас примерно одинаковое, а полное сходство и не требуется. Лишь бы было похоже на карточку в его удостоверении. На плохоньком фото был изображен некто, более напоминавший обритую наголо обезьяну, чем нормального человека. С подбородком пришлось повозиться изрядно. Обильные инъекции желеобразного пластика придали ему героические Васькины пропорции. Пока пластик не затвердел, я вылепил мелкие детали и занялся бровями. Немного пластика и искусственные черные волосы обеспечили желаемое сходство. Контактные линзы изменили цвет глаз, а распорные кольца увеличили ноздри. Оставалось только перенести отпечатки пальцев на слой прозрачного пластика, покрывающего мои подушечки. Но это уж совсем чепуха.

Пока я подгонял по фигуре парадный Васькин мундир, Васька успел перекусить. А потом заснул опять, но на этот раз в другой комнате, чтобы не храпеть у меня над ухом.

Я выпил и тоже завалился спать. Завтра будет тяжелый день — предстоит вживаться в новый образ. Начнется служба в Космической Армаде.

Если повезет, то я раскрою тайну выдающихся военных успехов Клианды.

Глава восьмая

— Извините, сэр, но я не могу вас пропустить, — произнес охранник.

Ворота были стальные, тяжелые. По верху высокой каменной стены тянулись ряды колючей проволоки.

— Что значит не могу? Мне приказано явиться на Глупост, — заорал я. — Давай жми на кнопку или что там у тебя и открывай ворота.

— Я не могу их открыть, сэр, база закрыта изнутри, здесь просто наружный караульный пост.

— Позови своего командира.

— Я уже здесь, — раздался голос рядом. — В чем дело?

Я обернулся и впился глазами в лейтенантский значок, а офицер в свою очередь уставился на мой знак пилот-майора. Этот раунд остался за мной. Он отвел меня в караульное помещение, где принялся названивать по видеофону. Наконец с экрана на меня сурово глянул полковник со стальными глазами.

— Пилот-майор, база закрыта, — отчеканил он.

— Но у меня приказ, сэр.

— Вы обязаны были явиться вчера, а не сегодня.

— Извините, сэр, тут, видимо, какая-то ошибка. У меня в приказе указано сегодняшнее число.

Я достал бумаги и сразу увидел, что явиться надо было действительно вчера. Здорово меня Васька подставил. Полковник зловеще улыбнулся, как удав лягушке.

— Если бы ошибка была в бумагах, пилот-майор, то исправить ее было бы проще простого. Но поскольку ошибка лежит на вашей совести, лейтенант, то это сильно меняет дело. Ступайте на пропускной пункт.

Экран погас. Ухмыляющийся лейтенант выдал мне новенький комплект лейтенантских значков. Пришлось своими руками понизить себя в чине. надеюсь, в Космической Армаде повышение получить так же просто. Постовой проводил меня к другой двери. Проверка бумаг и отпечатков пальцев заняла всего несколько минут. Наконец распахнулась последняя дверь, и я оказался на базе Глупост.

Появилась машина, солдат погрузил в нее мои чемоданы. Мы поехали к офицерским казармам, где мне отвели комнату. Всю дорогу я глазел по сторонам. Но ничего интересного не увидел. Кто видел хоть одну военную базу в своей жизни — тот видел все базы. Здания, палатки, марширующие солдаты, машины — всегда одного цвета и везде одинаковы. Однако мне нужно узнать кое-что поважнее. Солдат доставил мои чемоданы в комнату, откозырял и исчез. Тут со второй кровати раздался хриплый голос:

— У вас случайно выпить не найдется?

Присмотревшись, я разглядел в куче одеял тощего субъекта в темных очках. Видимо, эта фраза отняла последние его силы. Он застонал идохнул перегаром.

— Случайно найдется. — Я открыл окно. — Меня зовут Васька. Что вы предпочитаете?

— Остров.

Напиток с таким названием был мне неизвестен. Может быть, так зовут моего соседа. Я вытащил из своих запасов бутылку самого крепкого и налил пол-стакана. Он схватил его трясущимися пальцами и, весь дрожа, выпил. После этого ему полегчало настолько, что он даже смог сесть и протянуть стакан за следующей порцией.

— Вылетаем через два дня, — поведал сосед, осторожно принюхиваясь к напитку. — Это случайно не растворитель?

— Нет. Запах сделан специально для военной полиции. Куда летим?

— Шутить с утра изволите? Всем известно, что никто и никогда не знает — куда. Вы случайно не из службы безопасности?

Он заговорщицки подмигнул. С вопросами мне надо бы пока повременить. Я с улыбкой налил и себе.

— Шутка и правду неудачная. По правде сказать, я и сам неважно себя чувствую. С утра проснулся пилот-майором...

— И уже лейтенант. Быстро получил — легко потерял.

— Не так-то легко даются звания.

— Извините. Просто болтаю. Сам я вечный лейтенант, и другие ощущения мне неведомы. Будьте любезны, плесните еще чуток, а? Тогда я смогу одеться и мы пойдем в клуб и выпьем по-человечески. Нам предстоят жуткие сухие недели без единой капли, до самого возвращения.

Час от часу не легче. Стало быть, перед боем клиандские воины укрепляют свой дух простой водичей? Что же делать? Сделав приличный глоток, я погрузился в мрачные размышления.

Настоящий Васья Хуля будет обнаружен очень скоро. Как это предотвратить — ведь база закрыта?

Следующий глоток попал мне не в то горло. Я закашлялся. Остров участливо хлопнул меня по спине.

— Нет, это все-таки растворитель, — мрачно пошутил он, натягивая мундир.

В офицерский клуб я отправился в мрачайшем настроении. Остров отнес мою неразговорчивость на счет недавнего понижения в чине и не приставал. Что же делать? Надо бы выпить. Сейчас полдень, а бежать с базы лучше поздно вечером. Всему свое время. А сейчас надо хорошенько выпить с новыми товарищами по оружию да заодно заняться сбором информации. Для этого, собственно, я здесь и нахожусь. Перед уходом я сунул в карман пачку проалка. Если принимать по пилюле каждые два часа, то алкоголь полностью нейтрализуется, правда, появится жуткая изжога, но что делать? Буду пить и слушать. Первую таблетку я принял уже в дверях клуба.

Это было очень нелегко. Надо учесть, что пить мне пришлось непрерывно, да еще и других угощать, оставаясь при этом трезвым. Время перевалило за полдень, в клуб тянулись томимые благородной жаждой офицеры. У нашего гостеприимного стола собралось не меньше дюжины бойцов. Все охотно пили, но интересного рассказывали мало.

— Пейте ребята, пейте, — щедро угощал я, — там ведь этого не будет.

Разговоров, понятное дело, было много. Я кое-что узнал о боевых кораблях. Офицеры громко хвастались атаками, бомбардировками и славными боевыми победами. Единственное, что удалось выудить из этой болтовни, так это полный список побед. Мне было известно, что на Клианде сильная армия, но, глядя на это сборище пьяниц, невозможно было поверить, что она так сильна. Однако это факт. После бесконечных хвастливых историй о сокрушительных победах я начинал во все верить. Ребята здесь — настоящие орлы, а Космическая Армада — непобедима. Это было невыносимо. Орлы валились под стол, но их места занимали другие. Павших уносила прислуга. Я заметил, что остался последним из самых стойких, и решил оставить стол традиционным способом. Закрыв глаза, я откинулся на спинку стула в надежде, что этого будет вполне достаточно. Падать на грязный, заплеванный пол страшно не хотелось. В конце концов они заметили, что я отключился. Сильные руки ухватили меня под мышки, потащили и свалили на что-то.

Когда шаги прислуги затихли, я приоткрыл глаза. Вдоль стен полутемной комнаты стояли койки. Рядом безметежно похрапывал Остров, трогательно сложив губы наподобие буквы О. Остальные были заняты тем же. Я натянул перчатки и никем не замеченный вышел на улицу через заднюю дверь. Уже почти стемнело. Пора выбираться с базы, только не ясно, каким образом.

Ворота исключались. Стальные, закрытые на все засовы, с полным комплектом охраны. Пришлось пройти мимо. Вдоль стены через каждые сто шагов стояли часовые, а электронные устройства и того чаще. Темнота сгустилась, за стеной зажглись прожекторы. Их свет заиграл на колючках проволоки, протянутой сверху. Все это надежно предотвращало любое проникновение извне, равно как и побег изнутри. Я медленно шел, стараясь перебороть надвигающуюся депрессию. Миновал небольшой аэродром с двумя взлетными полосами и несколькими ангарами. Тут же стояли самолеты. Мне страстно захотелось угнать один из них, но — взлететь-то не проблема, вопрос, где садиться. Мне нужно попасть в город, а не к черту на кулички. Высокий металлический забор отделял аэро-

порт от космопорта. Можно запросто туда пробраться — однако что это даст? Вдали высилась все та же стена. Вспыхнули посадочные огни, воздух разорвал страшный рев. Обернувшись, я угрюмо наблюдал, как на посадку заходит штурмовик. Очень похожий на те, что бомбили мои позиции в битве при Горшке. Он коснулся полосы, завизжали тормоза, турбины взревели в тормозном режиме — а я уже мчался назад, обгоняя свои мысли.

Безумие? Возможно. Но я давно привык полагаться на интуицию и отточенные рефлексы в своей работе. В нелегкой работе мошенника и вора. Ноги несли меня вперед, а в голове уже сложился четкий план. Стало понятно — это ТО, ТО, что надо. Быстро, красиво, четко и рискованно. Я на бегу достал из кармана накладные усы и прилепил их.

Самолет уже заруливал на стоянку, я едва успевал. К штурмовику подкатила машина, прибежали механики. Один из них приставил к фюзеляжу легкий трап. Фонарь кабины раскрылся, словно пасть аллигатора. Я поднажал, догоняя пилота, который направился к машине. Когда я подбежал, тот уже сидел внутри. Здоровенный такой детина в тяжелом летном костюме с золотыми майорскими значками в петлицах.

— Извините, сэр, — выдохнул я, — но командующий приказал, чтобы вы срочно доставили ему пакет.

— Что за чертовщина? — закрычал он.

Выглядел майор усталым. Я мигом забрался на заднее сиденье.

— Вы что же, ничего не знаете?! О Боже! Водитель! Гоните, и побыстрее!

Водитель, как ему и положено, погнал. Я вытащил трубку из кармана и поднес ее к губам, тихонько позвав:

— Майор...

Недовольно ворча, он повернул голову. Я дунул.

Майор удивленно хрюкнул, дотронувшись рукой до иголки, вонзившейся в его щеку — и резко повалился вперед. Пришлось его подхватить.

— Водитель — стой! С майором что-то.

Водитель, человек явно без большого воображения, бросил быстрый взгляд и нажал на тормоз. Как только мы остановились, он тоже получил наркоиглу и вслед за майором погрузился в сон. Я уложил их рядышком на землю, снял с майора летный костюм и шлем. Затем

натянул костюм поверх мундира, застегнул шлем и опустил на глаза защитные очки. Вся операция заняла не больше минуты. Оставив парочку досыпать, я погнал машину обратно к самолету. Пока все идет хорошо, но основные трудности впереди. У стоянки самолетов я лихо затормозил.

— Внимание! — заорал я, подбегая к трапу. — Срочно подготовить самолет к взлету!

Вместо того чтобы отсоединять провода и шланги, механики обалдело уставились на меня. Пришлось дать доброго пинка самому ближайшему из них. Тот сразу все понял. Остальные тоже взялись за дело. Все, кроме седого сержанта с очень подозрительной миной. Он подошел поближе и смерил меня недоверчивым взглядом.

— Это персональный самолет майора Лопта, сэр. Вы случаем не ошиблись?

— Что за дурацкие вопросы? Давно не служили рядовым?!

Он на секунду задумался, затем без лишних слов удалился прочь. А я направился к самолету. Взобравшись по трапу, я увидел, что он сидит в машине и возится с передатчиком. Это была моя ошибка. Радио надо было вывести из строя. Как только я занес ногу в кабину, он бросил микрофон и заорал:

— Задержать его! Приказа на вылет не было!

Механик, державший трап, ухватил меня за ногу, пришлось ударить его в грудь. Усевшись в кресло, я отправил трап вслед за ним.

Ситуация быстро развивалась в нежелательном направлении. Я думал, что у меня будет больше времени, чтобы ознакомиться с системой управления. Летный стаж у меня был порядочный, но в кабине клиандского самолета мне сидеть еще не доводилось. Поэтому я не только не знал, где находится стартер, но даже освещение приборной доски смог включить далеко не сразу. А когда наконец включил, трап опять со стуком уперся в борт самолета. Мне всегда не нравились старые сержанты, военная косточка, основа армии, пропади они пропадом! Пришлось терять время — расстегивать костюм, лезть в карман.

Несколько гранат с веселящим и сонным газом на время вывели механиков из игры. Кто-то сразу заснул, кто-то принялся истерически хохотать. Но сержант держался на безопасном расстоянии и опять что-то

кричал в микрофон. Ну наконец! Я нажал небольшую черную ручку с надписью: PALJENJE. И сразу ожили, заревели двигатели. Пуля пробила открытый фонарь прямо над головой. Пригнувшись, я нажал на газ и заметил, что сержант тщательно прицеливается. Самолет медленно двинулся вперед.

Винтовка плюнула огнем, и пуля с треском зарылась в спинку кресла. Иногда мне везет, ничего не скажешь. Я развернул самолет хвостом к стрелку и пустил ему в лицо добрую струю реактивного выхлопа. Самолет задрожал и рванулся вперед. В воздух взметнулся заправочный шланг, разбрызгивая топливо во все стороны. Его так и не успели отсоединить. Одному Богу известно, где находилась кнопка управления заправочным клапаном, а искать времени не было. Логика подсказывала, что насосы закачивают топливо гораздо быстрее, чем оно выливается самотеком — но логика утешает далеко не всегда. Мысленно я уже увидел, как самолет замирает на взлетной полосе, а вокруг медленно сжимается вражеское кольцо. В висках бешено застучала кровь.

Мой приятель сержант, видимо, много успел наболтать по радио. Когда я вырулил на полосу, то увидел, что тягачи успели ее заблокировать. Сзади выползло нечто напоминающее бронемашину. Сбросив скорость почти до нуля, я принялся изучать приборы.

И никак не мог найти того, что нужно! Но тут заметил сбоку еще одну группу переключателей. В тусклом свете разобрать надписи было совсем не просто. ISBACIVANJE. Вот она!

Когда я поднял глаза, первый тягач был прямо перед носом. Люди разбегались во все стороны. Нашаривая ногой педаль тормоза, я круто переложил руль. Нажал на правый тормоз и заложил резкий разворот. При этом снес примерно полметра крыла о кабину тягача. Блеснула вспышка выстрела. Но самолет уже развернулся. Я нажал на газ и на полной скорости рванул в противоположную сторону.

Посадочные огни мелькали все быстрее и быстрее, пока не слились в непрерывную полосу. Одной рукой я держал штурвал, а другой пристегивал ремни. Одной застешки не хватало. Уже приближался конец полосы, когда меня вдруг осенило, что я попросту сижу на ней. Пристегнул ее, схватил штурвал обеими руками и съехал с полосы.

Нужную скорость самолет, конечно, не набрал. Когда я взял штурвал на себя, даже нос не оторвался. Самолет запрыгал по кочкам к той самой стене, на которую я весь вечер любовался.

Все быстрее и быстрее, навстречу неизбежному столкновению.

Глава девятая

Всегда важно рассчитать время. Чуть раньше и чуть позже, чем надо — равно губительно. Когда стена нависла над самолетом так, что уже можно было разглядеть швы между блоками — только тогда я нажал кнопку катапульты.

Бам! Все произошло очень быстро — но вовремя. Фонарь кабины исчез, отстреленный пиропатронами. Кресло так рвануло вверх, что мой бедный позвоночник, казалось, укоротился наполовину. Словно в замедленном кино, за одну бесконечную долю секунды я вылетел из самолета. И прямо перед собой увидел каменную стену. Поднялся над ней и взмыл в черное небо.

В высшей точке траектории за спиной раздался резкий хлопок. Вверх взметнулся белый султан парашюта. Я падал прямо на крыши домов.

Парашют раскрылся, и меня резко трянуло, а еще через несколько мгновений кресло ударилось о землю. Мягкая ткань медленно осела, накрыв меня легкими складками.

Должен с сожалением отметить, что я на миг растерялся. События разворачивались слишком стремительно, а последний эпизод меня просто ошеломил. Мотая головой, я отчаянно хватал ртом воздух, пока наконец не пришел в себя и не догадался отстегнуть ремни. Потом ползком выбрался из-под парашюта.

С противоположной стороны улицы на меня главели мужчина и женщина. Больше никого не было видно. Только сзади, за высокой черной стеной, языки пламени лизали темное небо, вверх вздымались клубы дыма, слышались глухие взрывы. Прекрасно.

— Идут испытания, — пояснил я зрителям и скрылся за углом.

В темном подъезде я снял летный костюм. Шлем аккуратно положил сверху. И неторопливой походкой направился в «Роботник».

— Прекрасно исполнено, Джим, — похвалил я сам себя и хлопнул по плечу — себя же.

И тут же понял, что придется вернуться на базу еще до рассвета, но до поры отогнал эту мысль. В первую очередь то, что в первую очередь. Надо надежно нейтрализовать настоящего Ваську Хуля, чтобы полностью принять его образ.

Когда я вошел в номер, мой приятель беспокойно ворочался на койке, мотая головой из стороны в сторону и пытаясь вырваться из ослабевших объятий гипнотического транса. Да еще и робот-уборщик добавлял суеты. Он уже пропылесосил комнату и теперь пытался заправить койку, на которой маялся Васька. Ногой я двинул ему по кнопке «Зайдите позже», затем заказал обед на две персоны. Чтобы дать передышку Васькиному подсознанию, пришлось ему внушить, что он не ел два дня и что это лучший обед в его жизни. Сопя, рыча и чавкая, он набросился на еду. Я тоже немного перекусил и, чтобы привести мысли в порядок, заказал себе крепенького.

Что же делать с моим приятелем, который столь безмятежно поглощает пищу? Сам факт его существования есть постоянная угроза моей безопасности. В этой жизни есть место только для одного Васьки Хуля. Убить его? Это проще простого. Потом разрезать на части и сжечь в печи. И останется от него лишь горстка безымянного праха. Сильное искушение, тем более, что за свою недолгую, но неправильную жизнь он сгубил немало безвинных душ. Это будет справедливое возмездие. Искушение, конечно, сильное, но не до такой же степени! Хладнокровное убийство для меня не выход. Убивать мне приходилось, но только для самозащиты. Надо признаться, что я глубоко почитаю жизнь в любых ее формах. Теперь, когда мы знаем, что выше неба есть только небо, всякие пред-

ставления о загробной жизни безвозвратно осели в книгах по истории, равно как и странные, полузабытые религиозные идеи. Исчезли и рай и ад. Мы встали перед необходимостью устраивать рай и ад здесь и сейчас и сильно в этом преуспели при помощи метатехнологии и прикладных наук. Теперь жизнь в цивилизованном мире несравненно лучше, чем в мрачную эпоху религиозных предрассудков.

Но вместе с улучшением жизни пришло ясное понимание того, что здесь и сейчас — это все, что мы имеем. Каждый из нас лишь на краткий миг получает в дар яркую искру сознания посреди жуткой тьмы вечности, и каждый должен распорядиться этим мигом сам. Это означает, что необходимо глубоко и свято чтить жизнь любого существа и что самым тяжким преступлением является уничтожение любой жизни. Но клианцам такой образ мыслей совершенно чужд. Вот почему мне доставляло огромное наслаждение вставлять палки в колеса их нехитрого военного механизма. Что я с удовольствием и делал. Вот почему я не могу разложить негодяя Ваську на молекулы, хотя это был бы самый простой выход. Опуститься до этого означало бы уподобиться клианцам и принять за истину варварское рассуждение, что цель оправдывает средства. Я вздохнул, отхлебнул из стакана, и все мечты о печке вылетели у меня из головы.

Но что же делать? Хорошо бы посадить его на цепь в глубокой пещере с запасами еды, но для этого как минимум нужна пещера. Не годится. Было бы времени побольше, можно было бы изменить его внешность и память и месяцев на шесть упрятать в тюрьму или психушку. Но на такую сложную затею времени совсем нет. Времени в обрез, до утра — в противном случае придется отказаться от мысли использовать Васькин образ. На базе, наверное, уже вовсю идет переключка, надо бы подумать, как туда вернуться, а не ломать голову над судьбой этого негодяя. Тут я заметил, что его живот раздулся до опасных размеров и быстренько укоротил ему аппетит. Васька сытно рыгнул, отвалившись на спинку кресла. С тихим шорохом в стене открылась панель. Из ниши выкатился робот-уборщик.

— Можно сделать у вас уборку? — спросил он.

Я в двух словах объяснил ему, что он может сделать, но таких команд в его программе не было. Он

растерянно жужжал и шелкал, пока не получил долгожданное разрешение. Я утрюмо наблюдал, как он суетился, заправлял кровати — и тут в кромешной тьме забрезжил проблеск идеи.

Васька безо всяких проблем прожил в «Роботнике» целый день. А сколько, в принципе, он может здесь прожить? Теоретически — бесконечно, если положить на его счет достаточно денег. Но без дополнительного внушения он через день-два выйдет из гипнотического транса. Или не выйдет? Прежде чем делать окончательные выводы, надо побывать в центральном пункте управления отелем. Идея может оказаться правильной.

Внушив Ваське, что перед ним самое восхитительное зрелище в его жизни, я усадил его смотреть историко-космическую оперу по стереовизору. Затем нагрузился инструментами и отправился. В стенах, конечно, есть служебные ходы для роботов, но они узкие, темные и пыльные. Это на крайний случай. Несмотря на то что отель полностью механизирован, построили его все-таки люди, и они же его должны ремонтировать при необходимости. Замаскированная дверь сравнительно быстро отыскалась в коридоре недалеко от холла. Она была выкрашена в цвет стены, видимо, для того, чтобы создать впечатление, что «Роботник» роботизирован целиком. Убедившись в отсутствии сигнализации, я вскрыл дверь. Замок был прост, как фермерская шутка. Никем не замеченный, я быстро проскользнул внутрь.

Видимо, таракан внутри радиоприемника чувствует себя точно так же. Крутом торчали разные электронные устройства, кабели и провода висели, словно электроспагетти. В компьютерах шуршали бобины с лентами, шелкали реле, трещали приводы. Я осторожно пробирался вперед, обходя всевозможные люки, внимательно глядя по сторонам, пока наконец не попал в центральный пункт управления. Перед пультом стояло кресло, в которое я и уселся. Внимательно изучил ручки да кнопки и сразу приступил к работе.

В первую очередь — электронные жучки в Васькином номере. Совсем не нужно, чтобы его видели и слышали. Нужную сеть найти было нетрудно, тут же был и контрольный монитор. Для проверки я его включил. Ясное дело, просматривался каждый номер. Там происходило немало интересного, но лично я предпочитаю участие зрелищу, к тому же я человек

женатый. Да и времени нет. Все цепи прослушивания соединялись в толстый кабель, который сквозь стену уходил, видимо, в полицейский участок или специальное бюро. Это навело меня на мысль. Жаль, нет времени на установку устройства подачи ложного сигнала. Придется импровизировать. Я просто отключил Васькин номер, а вместо него включил в сеть другой. Схема была построена так, что номера можно было просматривать только поочередно. Поэтому невелик был шанс, что кто-то заметит, что из двух номеров идет одинаковый сигнал. Один из десяти тысяч. К тому же половина номеров пустовала, что сильно повышало шансы на успех.

Теперь Ваську никто не увидит и не услышит. Номер и услуги я могу оплатить хоть на год вперед, деньги есть.

Остается только придумать, как его задержать в номере на достаточно долгий срок. Но эту проблему — воображение у меня богатое — я решил довольно быстро. Вмонтировал в цепь Васькиного номера маленький магнитофон с таймером и спрятал его среди многочисленных электронных устройств. Затем поспешил в номер, чтобы проверить дело рук своих.

Васька взволнованно следил за битвой могучих космических крейсеров. Сверкали лазерные пушки, гремели взрывы, и тут раздался записанный на пленку голос. Мой голос.

— Васька, слушай внимательно. У тебя был тяжелый день, ты хочешь спать. Ты зеваешь. Выключай свет и ложись. Спи спокойно, утро вечера мудренее.

Но это была ложь. Для Васьки утро не будет мудренее вечера. Это каждый раз будет одно и то же утро. Мой голос убаюкает его и загонит в еще более глубокий транс. Он начисто забудет прошедший день и проснется в последнее утро своего отпуска. Проснется с легким похмельем, захочет отдохнуть. Полежит, почитает, немного поест, посмотрит стереовизор и пойдет спать. Как говорится, в свое удовольствие. И так каждый день, пока не сломается магнитофон.

План был прост и эффективен. Половину оставшихся денег я потратил на оплату счета вперед, так что кредит вышел вполне приличный, затем с чувством огромного удовлетворения вывесил за дверью табличку: «Не беспокоить».

Наконец-то с Васькой улажено. Ощувив приближение депрессии, я включил свет, чтобы отыскать бутылку с напитком, вселяющим мужество и бодрость.

Как же все-таки проникнуть на базу? Там, вероятно, удвоили охрану и утроили бдительность.

Мозг окружала стена тяжелой депрессии, стена не хуже настоящей. Той самой, которую я совсем недавно перепрыгнул, с немалым, правда, шумом. Теперь хорошо бы вернуться, да так, чтобы этого никто не заметил. Хоть под стеной пролезай. Но это исключено — за пару часов туннель незаметно не выраешь. Угнать самолет? Прыгнуть с парашютом? Еще в воздухе пристрелят. Самое поганое дело возвращаться на базу именно сейчас. Когда выставлена усиленная охрана и повсюду рыскают солдаты. И тут я понял, что и как надо делать. Основной принцип дзюдо гласит: используй силу противника против него самого, на его же гибель. Но вот как это реализовать?

Ответ пришел быстро. Вот что значит грамотно сформулировать задачу! Я быстро запихнул в чемодан все необходимое, прихватил и взрывное устройство. Теперь можно заняться маскировкой. Ничего сложного не потребуется, так, лицо прикрыть. Боже, до чего приходится опускаться! Мундир исчез под длинным пальто, фуражку сменила широкополая шляпа, лицо скрыла моя старая, добрая, седая длинная борода. Вот я и готов. Тут я глубоко вздохнул, опрокинул маленькую на посошок и вышел вон. Закрыл за собой дверь, а ключ опустил в карман пальто. Не спеша вышел на улицу и зашагал прочь от отеля. Отойдя на приличное расстояние, остановил робота-такси, бросил чемодан на сиденье.

— База Глупост, главный вход, — приказал я, и такси рванулось вперед.

Глупо? Возможно. Но это единственный путь. В груди у меня испуганной бабочкой трепетал страх. Оно и понятно: впереди показалась толпа утруемых, вооруженных до зубов охранников.

Занимался рассвет.

— База закрыта! — заорал подбежавший лейтенант, рывком распахнув дверь машины. — Что вам тут надо?!

— База? — проскрипел я в ответ, скверно изобразив старческий фальцет. — Разве это не центр оздоровления морковным соком? Видимо, такси ошиблось...

Лейтенант негодуяюще фыркнул, отвернулся — а я кинул парочку газовых гранат между его ног. И сразу еще пяток. Как только первые две взорвались, я опустил из-под шляпы на лицо противогазовую маску.

Что тут началось! Гранаты были заряжены отличной смесью: ослепляющий и веселящий газы плюс камуфляжный дым. Ослепшие, весело кашляющие люди смешались, послышались первые выстрелы. Я пробрался сквозь толпу суесящихся солдат прямо к воротам. Опустил чемодан на землю, открыл крышку. Донышки кумулятивных мин были покрыты специальным составом, который намертво прилипал к стальным листам. В ворота ударила пуля и рикошетом прошила полу моего пальто. Я упал на землю, вытащил еще две гранаты и, не оглядываясь, швырнул их назад. Повалил дым. В полной темноте присоединил к головкам мин провод дистанционного взрывателя.

Время летело слишком быстро. За воротами меня уже наверняка ждали. Но отступать поздно, да и некуда. Я подобрал чемодан, потихоньку отошел в сторону и нажал на кнопку.

В темноте грохнул взрыв, тяжело ухнуло железо. Надеюсь, дыра получилась подходящая.

Спотыкаясь в темноте, я пробирался к воротам сквозь этот хаос.

Глава десятая

Дыра получилась что надо. Клубы дыма медленно распространялись по ту сторону ворот. Войска были тут как тут: по железным листам щелкали пули, иногда проскакивая в брешь. Сзади донесся крик раненого. Суматоха усиливалась. Я принялся швырять в дыру гранату за гранатой, стараясь не попасть под пули. Когда дым сгустился, быстро нырнул в пролом.

Шум на базе стоял невероятный. Выли сирены, трещали выстрелы, вопили люди — ад кромешный. Чтобы расширить зону действия, мне пришлось бросать гранаты во все стороны, как можно дальше. Оставшиеся я на всякий случай рассовал по карманам, еще пригодятся. Включил на чемодане устройство самоуничтожения и отбросил его в сторону — он взорвался ровно через пять секунд. Держась за стену, в полной темноте я побрел в сторону караулки. Еще до того как все началось, я заметил там несколько машин. Остается надеяться, что хоть одна из них еще стоит там. Когда дым поредел, я швырнул вперед парочку гранат. Вдруг в темноте заурчал мотор.

Забыв про осторожность, я рванул со всех ног. Кто-то налетел на меня и с воплем рухнул. Однако я удержался на ногах. И тут же зацепился за бордюр и упал, перекувырнулся, вскочил и продолжал бежать. Лишившись, однако, шляпы. Звук мотора стал громче. Сквозь дымовую завесу показались очертания фургона. Он как раз трогался с места. Я не мешкая швырнул

еще четыре гранаты. Как только взметнулись черные султаны разрывов, водитель резко затормозил. Я рывком распахнул дверь кабины. Водитель был в белом поварском наряде и колпаке. Я резко дернул его на себя и ударил в челюсть. Забрался на сидение и рванул машину вперед. Дым рассеялся. Занимался день.

— Отлично исполнено, — похвалил я сам себя и, чтобы не привлекать внимания, снизил скорость. Навстречу в колонну по два бежали солдаты. Пригнувшись, я принялся сдирать бороду. Пора опять становиться Васькой.

Неожиданный удар опрокинул меня на бок. Я чуть было не выпустил из рук баранку. Фургон вильнул и полетел прямо на солдат, те разбежались кто куда. Краем глаза я успел заметить, что сзади что-то блеснуло. Второй удар пришелся в плечо. Из окошка кузова торчала рука, сжимавшая увесистый котелок. Я резко нажал на газ, рука исчезла. В кузове кто-то грузно упал. В суете мне и в голову не пришло, что в кузове могут оказаться люди.

Прямо перед носом машины по стене распластался насмерть перепуганный офицер. Навалившись всем телом на баранку, я с трудом вывернул, чудом избежав столкновения. Несколько долгих мгновений мы смотрели друг на друга. Он наверняка успел разглядеть меня и теперь сможет точно описать мои приметы по рации. Может, оно и к лучшему. Время, казалось, ускорило свой бег. Когда снова появилась рука, я рубанул по ней ребром ладони и выбил котелок. Поднял его с пола и вернул обратно, но на этот раз с гранатой внутри. Надеюсь, это хоть немного успокоит хозяина. Следующий поворот пришлось пройти на полной скорости. Я выровнял вихляющий фургон и потрогал растущую шишку. Впереди показались бронемашин. Нажав на тормоз, я свернул в ближайший переулок. Пора избавляться от фургона.

Но что дальше? Находиться на улице небезопасно — можно навлечь на себя ненужные подозрения, а до офицерской казармы еще довольно далеко. Зато клуб совсем рядом. Но можно ли туда проехать? Вдруг там все еще спят мои вчерашние собутыльники? Такой шанс упускать нельзя. Если мне удастся пробраться на свою койку, то я буду вне всяких подозрений.

Клуб действительно оказался рядом. Я свернул в узкий переулок, остановил фургон и дальше отправил-

ся бегом. Срывая на ходу бороду, маску, пальто. Последнюю гранату я засунул в карман мундира, нахлобучил фуражку и свернул за угол. Из казармы по тревоге выбегали солдаты, но на меня никто не обратил внимания. Один поворот, другой, вот и клуб. Парадный вход был на замке, но задняя дверь наверняка открыта.

За углом слышались голоса.

— Это все?

— Не совсем, сэр. Двоих никак не разбудить, а один не хочет вставать.

— Я с ним сам поговорю.

Я быстро выглянул из-за угла. Похоже, опоздал. Офицер уже вошел в клуб, а на улице суетились солдаты, загружая хмельное офицерство в стоявший рядом фургон. Один из офицеров сидел на земле, обхватив руками голову, вяло отбиваясь от солдат, пытавшихся увлечь его в машину. Другой потихоньку блевал на стенку.

Шевели мозгами, диГриз, время не ждет. Я зажал в кулаке последнюю гранату и вышел из-за угла. Убедившись, что в мою сторону никто не смотрит, швырнул ее в сторону грузовика.

Она рванула, выбросив клубы дыма. Солдаты испуганно заверещали. Все глазели на взрыв. Всего восемь быстрых шагов — и я оказался у сидевшего на земле офицера, который, ни на что не отвлекаясь, тихонько постанывал. Сочувственно бормоча, я помог ему встать на ноги.

Тут на помощь нам пришли солдаты и потащили нас обоих в машину. Я споткнулся, но не упал — солдатские руки бережно подхватили меня. Все в порядке, оставалось сыграть только последний акт. Повар из фургона, конечно же, доложит о том, что героически треснул шпиона котелком по голове. Надо полагать, все головы будут проверены на предмет обнаружения ран. От шишки избавиться мне не удастся, но вот замаскировать ее можно. Это будет больно, но ничего не поделаешь.

Солдаты посадили меня наверх. Как только они отпустили руки, я рухнул вниз и пребольно треснулся головой о землю.

Удар получился несколько сильнее, чем мне того хотелось, на голову словно расплавленного свинца плеснули. Я потерял сознание.

А когда очнулся, то уже сидел, по лицу стекала кровь. Тут же появился солдат с перевязочным пакетом. После перевязки меня осторожно погрузили в кузов. Чувствовал я себя очень скверно, и это было хорошо. Меня окликнул знакомый голос:

— Васька...

Это был мой сосед Остров, весь помятый и несчастный.

— У тебя выпить нету? — задал он свой утренний вопрос.

Выпивки не было. Пришлось ему удовольствоваться моей сочувствующей улыбкой.

Когда после недолгой поездки наш пьяный экипаж разгрузился, послышались негодующие крики — офицеры увидели, что их привезли не домой, а во двор административного корпуса. Хоть для меня это и не было полной неожиданностью, но пришлось немного поорать за компанию. Ясное дело; прошлой ночью кто-то сбежал с базы, а утром, наоборот — кто-то на базу проник. Теперь всех будут пересчитывать по головам, пока отсутствующий или лишний человек не будет обнаружен. Нас по одному стали вызывать на проверку. Ожидание несколько затянулось, офицеры то и дело бегали в сортир. Сбегал туда и я. Для того чтобы вымыть руки, а заодно натереть глаза мылом. Оно жутко щипало, но я мужественно терпел несколько секунд, прежде чем промыть глаза водой. В зеркале отразились два горящих угля. Отлично.

Наконец я предстал перед усталым дежурным. Он бегло проверил документы и отметил мою фамилию галочкой. Все надеялись, что нас скоро отпустят. В ожидании многие уснули прямо на скамейках. Я тоже решил вздремнуть. Ночь выдалась тяжелая, а безмятежный сон в стане врага — лучшая маскировка для агента.

Меня разбудила внезапная тишина. Засыпал я под гул голосов, шарканье ног, стрекотанье конторских машин. Теперь все звуки потонули в бездонной тишине. Издалека донесся звук шагов, он становился все громче и громче. Шаги медленно приближались. Прямо ко мне и — слава Богу — мимо. Глаз я не открывал, старался дышать ровно. И только когда шаги удалились, осмелился немного приоткрыть веки.

Поразительная все-таки тишина. Я увидел чью-то спину в сером мундире и фуражку того же цвета.

Такой формы мне еще встречать не приходилось. Интересно, что происходит? Я, зевая, выпрямился, поскреб под повязкой голову. Человек тем временем дошел до конца комнаты, обернулся и окинул нас тяжелым взглядом. Спереди он оказался столь же безликим, как и сзади. Жидковатые светлые волосы, полный подбородок, незапоминающееся, гладко выбритое лицо. Он заговорил тоном строгого школьного учителя. Офицеры хранили гробовое молчание.

— Господа офицеры, вероятно, вы, а точнее, самые трезвые из вас слышали взрыв и заметили клубы дыма неподалеку от грузовика. Этот взрыв устроил человек, который проник на территорию базы и который находится среди нас. Мы практически ничего о нем не знаем, но есть подозрение, что это инопланетный шпион...

Это утверждение вызвало удивленный ропот. Человек в сером выдержал паузу.

— Предпринимаются энергичные усилия по его задержанию. Поскольку вы волею случая оказались здесь, я побеседую с каждым из вас в отдельности и выясню, что вы можете сообщить в помощь следствию. Может, мне посчастливится обнаружить среди вас... того самого шпиона.

Последняя фраза повисла в невыносимой тишине. Закончив психологическую подготовку, серый человек скрылся в кабинете и стал по очереди вызывать офицеров. Я сильно порадовался, что мне в голову пришла удачная мысль упасть с грузовика.

Похоже, меня не случайно вызвали третьим. Почему? Может, я фигурой походил на бежавшего шпиона — Паса Ратункова? Или повязка? А может, мое опоздание на Глупост? Какое-то основание для подозрений наверняка есть. Я вошел в кабинет и отдал честь. Человек в сером молча указал на стул.

— Подержите в руке эту вещь, пока мы будем разговаривать, — звучным голосом произнес он, передавая мне серебристый полиграф-передатчик размером с яйцо.

Настоящий Васька никогда бы не догадался, что это такое, поэтому и я не подал виду. Просто глянул с интересом — будто не подозревая о том, что эта штука передает сигналы на детектор лжи, стоявший на столе — и сжал в ладони. В голове у меня роились совсем не спокойные мысли.

Я пропал! Он вычислил меня! Он прекрасно знает, кто я на самом деле, и просто играет со мной!

Человек пристально взгляделся в мои покрасневшие глаза и презрительно скривил губы.

— По вам видно, что ночью вы повеселились на славу, лейтенант Хулья, — ровным голосом произнес он, устремив взгляд на шкалу детектора лжи.

— Так точно, сэр, понимаете... опрокинули с ребятами по паре рюмок напоследок.

Это я произнес вслух.

Про себя же вопил что было мочи.

Они пристрелят меня сразу, прямо в сердце! Я даже мысленно представил, как из дырявого моего сердца кровь толчками выплескивается на пыльный пол.

— Я вижу, вас недавно понизили в звании. Где вы храните шпионские принадлежности? Отвечайте, Пас Ратунков!

Как я устал... в гамаке бы сейчас покачаться, — думал я.

— Принадлежности, сэр?

Я мигнул распухшими веками и потянулся, чтобы почесать голову, но, коснувшись повязки, передумал.

Его глаза впились в меня. Серые такие глаза, почти под цвет формы. В спокойном взгляде читались сила и уверенность.

— Где это вы голову поранили? Странно, по описанию у шпиона точно такая же рана.

— Упал, сэр. С грузовика. Кто-то меня толкнул. Спасибо, солдаты перевязали. Вот! Можете сами у них спросить...

— Уже спросили. Напился, как свинья, упал. Уронил честь и достоинство офицера. Идите и приведите себя в порядок, смотреть противно. Следующего позовите.

Я с трудом поднялся, стараясь не смотреть в холодные серые глаза, и поплелся прочь. Якобы забыв про зажатый в руке серебристый аппарат. Потом, спохватившись, вернулся и положил его на стол. Человек в сером даже не поднял головы от своих бумаг. Сквозь жидкие волосы на голове виднелся тонкий шрам. Я вышел.

Чтобы надуть полиграф, необходимо долго и упорно тренироваться. В свое время я такую тренировку прошел. Правда, необходимы некоторые дополнительные условия. А они сегодня были налицо. Допрос

проводился без всяких предварительных тестов. Поэтому я в самом начале искусно разыграл панику — еще до того, как были заданы настоящие вопросы. Детектор все добросовестно записал. Всю мою дутую паническую реакцию. Я боялся. Действительно боялся этого человека, боялся детектора, всего боялся. Но когда он задал настоящий вопрос, на раскрытие шпиона, я уже был к этому готов и постарался максимально расслабиться. Детектор и это записал. Для обычного человека такой вопрос не имел никакого смысла, потому что предназначался исключительно для шпиона. Как только человек в сером увидел мою реакцию, то сразу прекратил допрос. Работы у него и так было невпроворот.

Когда я вернулся, Остров сидел, вытянувшись в струнку. От страха глаза его были как блюдца. Трезвый как стеклышко.

— Чего он от тебя хотел? — испуганным шепотом спросил он.

— Понятия не имею. Спрашивал что-то, спрашивал, я даже и не понял о чем, а потом отстал.

— Хоть бы меня не потянули.

— А кто он такой?

— Ты что, не знаешь? — Изумлению Острова не было предела.

Я устало пожал плечами, чтобы скрыть неловкость.

— Ты же знаешь, я здесь недавно...

— Все знают, кто такой Край.

— Так это он? — притворно изумился я, пытаюсь изобразить испуг.

Мне это, похоже, удалось — Остров быстро и нервно оглянулся по сторонам. Чтобы прервать этот тяжелый и непонятный для меня разговор, я встал и кинулся в сортир. Сами понимаете, шутка ли — с самим Краем говорил.

А и вправду интересно, что это за Край такой?

Глава одиннадцатая

Погрузка всем принесла облегчение: лучше уж добрая лихая война, чем подозрения и ползучие страхи, захлестнувшие Глупост в последние дни. Бесконечные допросы, проверки, а по ночам зловещий грохот сапог марширующего патруля. Я был бы по-настоящему горд, что учинил такой переполох, если бы сам не оказался жертвой режима. Машина уже слишком раскрутилась, менять планы было поздно, поэтому все шло по заранее утвержденному расписанию. Все бары закрылись за двое суток до наступления дня В, чтобы воины успели протрезветь. Несколько упрямцев, включая и меня с Островом, конечно, имели кое-что про черный день, но вскоре истощились и эти запасы. Наши чемоданы были отправлены на склад, для временного хранения. Взамен мы получили стандартные вещкомплекты военного образца. У меня была небольшая баночка порошкового алкоголя, замаскированная под зубной порошок, так, на всякий случай. Такой случай возникал всякий раз при одной только мысли о предстоящих сухих неделях. В общем, мы с Островом прикончили и этот порошок за сутки до наступления дня В. Наконец после очередной полночной переключки нас построили и повели на стартовую площадку. Черные ряды громадных кораблей в ожидании старта высились за воротами. Нас опять вызывали по одному и рассылали по местам.

Мне сначала это показалось страшно глупым — так начинать вторжение. Никаких тебе планов, никаких карт, ни учений, ни маневров — совсем ничего. Но потом до меня дошло — ведь это идеальный способ сохранить секретность операции. Пилоты все опытные. Войска рвутся в бой. Боеприпасы получены. Где-то наверху, в секретных сейфах, лежат готовые планы, маршрутные карты и ленты. Нам их не покажут, пока не выйдем в подпространство, а там связь с внешним миром принципиально невозможна.

Я с особенным удовольствием узнал, что назначен старшим пилотом на транспортный корабль, и надеялся с честью исполнить свой долг. Видимо, меня не случайно поселили вместе с Островом, потому что он появился в рубке буквально через несколько минут после меня и сообщил, что назначен вторым пилотом.

— Прекрасно, — обрадовался я. — Сколько ты налетал на таком типе кораблей?

Он виновато сообщил, что очень немного, но я ободряюще похлопал его по плечу.

— Тебе повезло. Старина Васька не такой, как другие, у меня нет большого самолюбия. Для старого собутыльника мне ничего не жаль. Я, пожалуй, доверю тебе взлет, а если все пойдет нормально, то и посадку доверю. А теперь подай мне бортовое расписание.

Остров так расчувствовался, что в знак благодарности вытащил наливную ручку, заправленную чистым 200-процентным спиртом, и мы с удовольствием выпили. С чувством огромного удовлетворения и с обожженными глотками — мы наблюдали за погрузкой войск. Спустя несколько минут в рубке появился седой бородатый полковник в полевой форме.

— Пассажирам вход воспрещен, — грозно рявкнул я.

— Заткнитесь, лейтенант. Я принес пленки с записью курса.

— Так давайте их.

— Или вы с ума сошли, или просто шутики у вас дурацкие. Да я вас под расстрел отдам!

— Извините, полковник, я сейчас плохо соображаю. Не выспался, знаете ли.

— Вижу. — Он слегка смягчился. — Некоторые послабления необходимы. Я так думаю. Но все уже позади. Слава Клианде!

— Слава Клианде! — дружно рявкнули мы в ответ.

Да, последние два дня были не из легких. Полковник озабоченно взглянул на часы.

— Время. Включить систему управления! — приказал он.

Я сделал знак Острову, он быстро нажал нужную кнопку. На экране появилась надпись: ЖДИТЕ. Мы подождали. Экран мигнул, и выскочила следующая команда: ЗАДАЙТЕ КУРС. Полковник вынул из сумки кассету с лентой. Нам пришлось расписаться в том, что кассету мы получили целой, в упаковке и с печатью. Остров вставил ее в бортовой компьютер. Покончив с делами, полковник удовлетворенно хмыкнул и вышел. Напоследок рывкнул вместо прощания:

— И смотрите у меня, если на старте перегрузка дойдет до 10g — отдам под трибунал.

— Пошел к черту, — дерзко парировал я, когда дверь за ним закрылась. Но даже эта жалкая выходка сильно подняла мой авторитет в глазах Острова.

Бестолковая спешка и томительное ожидание — вещи вполне обычные в любой армии. Теперь пришла очередь ожидания.

Наконец проверка готовности закончилась, и мы увидели, как корабли один за другим уходят ввысь. Транспортники всегда стартуют последними. И вот на экране вспыхнула зеленая надпись: СТАРТ. Мы отправились в путь. К безымянной планете, у неизвестной звезды — вот и все, что нам было известно. Компьютер сам считывал курс с ленты, информировать нас у него приказа не было.

Вся операция была тщательно засекречена, вплоть до момента высадки. Кораблем правил компьютер, выпивки не было никакой, мороженые продукты надоели до тошноты. Выяснилось, что в долгом путешествии, да еще без живительного алкоголя, Остров попутчик никудышный. О чем бы ни заходил разговор, заканчивался он неизменно рассказами о его школьных проделках. Спал я хорошо, особенно под эти рассказы, но Острова это несколько не смущало. Чтобы держать его в форме, я часто устраивал ему проверки по технике пилотирования, заодно и сам прилично освоил управление кораблем.

Управление было полностью автоматизировано. Экипаж состоял из меня да Острова. Дверь в пассажирский отсек была закрыта. Ключ хранился у нашего приятеля полковника. Он заглянул к нам пару раз за

все время, чем не сильно нас порадовал. На седьмой день он встал у меня за спиной, чтобы посмотреть, как мы будем выходить из подпространства.

— Получите, прочитайте и распишитесь.

Мы молча подчинились. Исполнив формальности, он вскрыл пакет. Мы увидели надпись: ВТОРЖЕНИЕ. Похоже, наступают горячие деньки. Инструкции были достаточно просты: мне предписывалось переключить управление на флагманский корабль. С одной стороны обзорного экрана светило желтоватое солнце, с другой — голубой сферой нависала планета. Полковник жадно уставился на планету, словно хотел тут же откусить от нее кусок. Дальнейший ход событий сомнений не вызывал.

Вторжение началось. Большая часть флота шла впереди нас. Корабли были скрыты космической тьмой, только изредка россыпью звезд вспыхивали дюзы, когда менялся курс. Транспортный отряд двигался плотной группой, повинуясь командам флагмана. Изображение планеты наползало на экран. Она выглядела вполне мирно, хотя, по моим расчетам, передовой отряд уже начал штурм.

Предстоящее вторжение меня не радовало — радоваться надвигающейся войне может только сумасшедший, но я надеялся найти ответ на вопрос, ради которого оказался здесь.

До сих пор я был убежден, что межпланетные войны невозможны, однако сейчас сам участвовал в одной из них. Словно посетитель зоопарка, который разглядывает диковинного зверя и приговаривает: «Таких зверей не бывает».

Межпланетные войны принципиально невозможны.

Но войска наступали, могучая армада сокрушала мои убеждения. Безымянная планета приближалась, заполняя собой экран. Уже были заметны первые признаки войны — крохотные вспышки света на фоне ночного полушария. Мои худшие подозрения полностью подтвердились. Остров тоже заметил вспышки и азартно потряс кулаком.

— Всыпьте им как следует, ребята! — заорал он.

— Заткнись! Твое дело за приборами следить! — рывкнул я, охваченный внезапным приступом ненависти. И тут же раскаялся.

Остров просто продукт системы. Если родители свиньи — то дети у них поросята. А Остров с малых

лет воспитывался в военном училище и, как ни странно, вспоминал об этом с удовольствием, хотя все истории, которыми он меня потчевал в дороге, носили явно садистский характер. Лишних вопросов он себе не задавал и свято верил в то, что клиандцы — богоизбранный народ, призванный нести свет цивилизации отсталым мирам. Удивительные вещи можно вбить человеку в голову, если колотить по ней с малолетства.

Нам разрешили взять управление на себя. Каждый транспортник должен был сесть в указанной ему точке. Настраивая радио, я мысленно проклинал маниакальную тягу клиандцев к секретности. Надо посадить набитый солдатами корабль — и неизвестно куда! Ясное дело, что на эту планету — этот факт они засекретить не могли, — но на какой континент? У какого города? Известно было только одно — корабли разведки установили радиомаяки. Мне сообщили частоту и позывные, и, как только они прозвучат, — надо заходить на посадку. Еще было известно, что точка посадки — космопорт. Вместе с последними инструкциями я получил большие, четкие снимки — клиандские шпионы работали четко — космопорта, сделанные с воздуха и с земли. Место посадки было обозначено красным крестом. Прекрасно.

— Есть сигнал!

Он звучал чисто и громко: да-да-ди-да.

— Всем пристегнуться — посадка, — объявил я и ввел данные в компьютер.

Он мгновенно рассчитал траекторию приземления. Низко загудел ходовой генератор.

— Предупреди полковника и держи с ним постоянную связь до самой посадки.

Сквозь утренний туман мы падали навстречу своей судьбе. Бортовой компьютер, следуя за указующим лучом радиомаяка, вел корабль по плавной дугообразной траектории. Первые признаки сопротивления я заметил, когда мы пробили слой облаков и показалась поверхность планеты. Вокруг корабля заплясали черные султанчики разрывов.

— Они стреляют!? — поразился Остров.

— А ты что думал? На то и война.

Я очень удивился, что опытный офицер испугался жиденького огня. Затем отключил компьютерное управление и выключил ходовой генератор. Мы вошли в

режим свободного падения. Теперь разрывы появлялись сзади и выше корабля: изменение скорости сбilo прицел орудий.

Когда внизу показался космопорт, я включил маневровые двигатели, чтобы откорректировать курс. Мы быстро падали. Компьютер обсчитывал данные высоты и высвечивал на экране красные сигналы тревоги. Я поспешно ввел программу посадки в режиме свободного падения с перегрузкой в 10g на нулевой отметке. Теперь корабль быстро проскочит зону обстрела: посадка пройдет на максимальной скорости, а торможение займет минимум времени.

Двигатели включились на высоте в три корпуса корабля от поверхности. Перегрузка вдавила нас в кресла. Я с трудом улыбнулся, представив на секунду перекошенную физиономию полковника. Компьютер отлично закончил посадку, двигатели отключились, как только опоры коснулись земли. Когда рев двигателей стих, я нажал кнопку выгрузки. С грохотом откинулись пандусы.

— Ну, теперь наше дело сторона, — сказал я, потянувшись всем телом.

Потом мы с Островом стояли и глазели через иллюминатор на высадку нашего воинства. И что самое удивительное — высадка проходила без всяких потерь с нашей стороны. Неподалеку виднелись воронки, на бреющем полете кружили штурмовики. Трудно было поверить, что сопротивление подавлено так быстро. Должно быть, на этой планете нет приличной армии. Только так и можно объяснить успешное наступление клиандцев: они захватывают планеты, которые не в состоянии обороняться. Это стоит проверить. После того как войска выгрузились, появился полковник на командирской машине. Надеюсь, он не сильно пострадал от перегрузок.

— Хорошо бы выпивки достать, — произнес Остров, облизывая пересохшие губы.

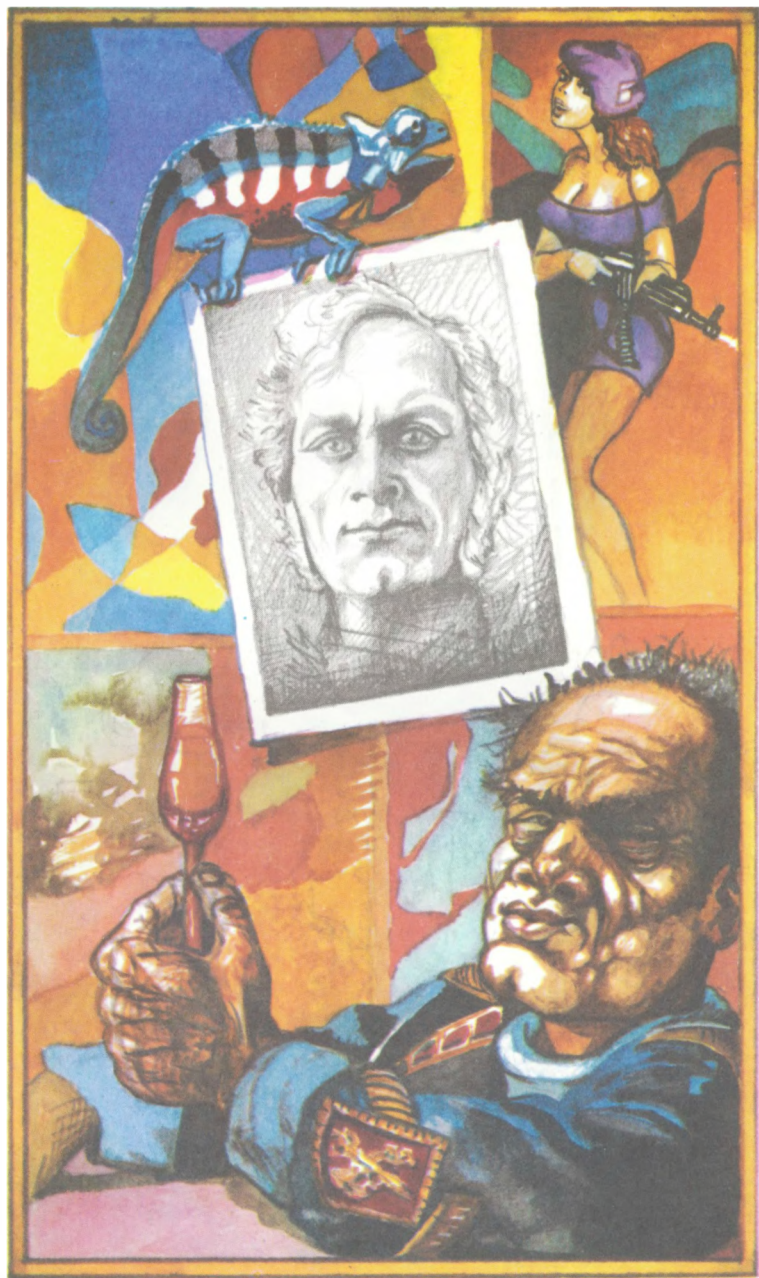
— Ты останешься здесь. Присмотришь за кораблем и подежуришь на связи, — распорядился я, пристегивая кобуру.

— Все старшие пилоты одинаковы, — занял он.

Похоже, на этот раз я попал в точку.

— Звание обязывает. Придет день, и ты тоже станешь первым. Я скоро вернусь.

— Выпивка обычно бывает в баре космопорта, — крикнул он вслед.

— Не учи ученого, — усмехнулся я, — а то я без тебя не знаю, где искать.

После посадки все внутренние двери открывались автоматически. Я по трапу спустился в пассажирский отсек и выбрался наружу. Свежий утренний ветер нес с собою запах пыли и взрывчатки. Дары клиандской цивилизации.

Вдалеке слышались выстрелы, с ревом пролетел самолет, но в остальном все было спокойно. Наступление прокатилось через космопорт, оставив после себя островок тишины. Вокруг не было видно ни души.

Я прошел таможенную зону и, повинуясь безошибочному инстинкту, быстро отыскал бар. Для начала выпил бутылку пива, а потом антареанского ладевандета. На стойке бара дружелюбно поблескивали ряды бутылок. Тут были и старые знакомые, и новые друзья. Я отобрал неплохую коллекцию. Хорошо бы найти какой-нибудь ящик или сумку — я открыл стенной шкаф и увидел там юношу, который с ужасом смотрел на меня.

— Не убивай меня! — выкрикнул он на эсперанто.

Поскольку на эсперанто я говорил свободно, то сразу ответил на понятном ему языке.

— Мы принесли свободу на вашу планету, тебе нечего бояться. — Я хотел подстраховаться на тот случай, если об этом разговоре станет известно моему командованию. — Как тебя зовут?

— Пир.

— А как называется эта планета?

Не очень подходящий вопрос для офицера оккупационной армии, но парень был слишком напуган, чтобы удивляться.

— Бурата.

— Прекрасно. Приятно услышать правдивый ответ. Расскажи-ка мне что-нибудь о Бурате.

Парень несколько растерялся. Видимо, такого вопроса он не ожидал. Он на минуту замешкался, потом выбрался из шкафа, пошарил внутри и молча протянул мне рекламный буклет. На объемной картинке был изображен океанский берег с пальмами. От прикосновения моей руки картинка ожила: волны бесшумно обрушивались на золотой пляж, деревья раскачивались в упругих струях свежего бриза. Плывущие по небу

облака превратились в буквы. «ПРЕКРАСНАЯ БУ-РАДА — ЭТО БЕСКОНЕЧНЫЙ ПРАЗДНИК», — прочитал я.

— Так, болтаем с врагом и мародерствуем, — раздался противный, до боли знакомый голос.

Я медленно обернулся и увидел своего недавнего приятеля — полковник стоял в дверях, поигрывая винтовкой. На его лице блуждала, что называется, зловещая улыбка.

— И посадка на 10g, — добавил он, припомнив свою тайную обиду. — Это, конечно, не повод для расстрела, но первых двух причин вполне достаточно.

Глава двенадцатая

Пир с воплем отпрянул к стене. Слов полковника он не понял, но быстро сообразил, что к чему. Заметив, что мои руки скрыты стойкой бара, я холодно улыбнулся. Обернулся к парню и жестом указал ему на дальний угол комнаты. Он послушно бросился туда. Во время этого отвлекающего маневра я спрятал буклет в карман и вытащил из кобуры пистолет. Когда я поднял глаза, полковник уже медленно поднимал винтовку.

— Вы ошиблись, — возразил я, — и тем самым нанесли оскорбление офицеру, который еще недавно носил звание пилот-майора. Я захватил бар по военным соображениям, чтобы солдаты чего доброго не перепились. Да еще и пленника взял. Вот что здесь происходит, полковник, и нечего на меня бочку катить.

Он все-таки поднял винтовку.

— Мне поверят на слово, что я пристрелил тебя, пытаюсь прекратить мародерство, да еще при попытке оказать сопротивление.

— Меня пристрелить не так уж просто, — процедил я сквозь зубы, положил ствол пистолета на стойку бара и прицелился точнехонько в полковничий лоб. — Стреляю я неплохо, и пули у меня разрывные. Так что обещаю снести сразу полголовы.

Такого решительного отпора от простого пилота он никак не ожидал и на секунду растерялся. Пир вскрикнул, послышался глухой удар. Похоже, он упал в обморок, но проверять было некогда. Неприятная

сцена затянулась. Трудно сказать, чем бы все закончилось, если бы не появился солдат с полевым передатчиком. Полковник схватил микрофон и принялся командовать, а я запихнул за пояс пару бутылок и нырнул в служебную дверь, перешагнув по дороге через Пира, который все еще не пришел в себя. Полковник даже не заметил моего исчезновения. Я спокойно добрался до корабля и послал бутылки в служебном лифте наверх, Острову.

— Можешь выпить без меня, но только одну, — приказал я ему по бортовой связи. В ответ раздался счастливый вопль.

Теперь я был свободен. Не худо бы воспользоваться таким случаем. Пока идет штурм, мне не мешает осмотреться. Конечно, можно нарваться на шальную пулю, но это, как говорится, издержки профессии. Как только штурм окончится, всякие передвижения будут строго ограничены. К тому же нет гарантии, что меня не отошлют обратно на Клианду. Буклет лежал в кармане мундира. Под воздействием тепла картинки ожили. Картинок было много, а карты и схемы практически отсутствовали. Это было настоящее чудо рекламного искусства: живые картинки звучали, издавали пленительные запахи неведомых цветов.

Была там и карта города, но слишком схематичная. Из нее удалось узнать, что космопорт называется Сукук и расположен он неподалеку от Сукук-сити. Я выбросил буклет и отправился на разведку.

Жуткое зрелище. Да, не скоро на солнечных пляжах Бурады снова появятся туристы. Проходя по разрушенным улицам, мимо почерневших от огня зданий, я размышлял, кому и зачем это нужно.

Война — занятие, безусловно, бессмысленное, но сейчас она казалась попросту отвратительной. Точнее сказать, ужасной: я увидел первые трупы. Послышалось шарканье ног — впереди показалась колонна пленных под охраной клиандских вояк. Раненых среди пленных было довольно много, но только некоторые из них были перевязаны. Проходивший мимо сержант отдал мне честь, вскинув руку в победном жесте. Я с трудом улыбнулся в ответ. Надо разыскать кого-нибудь из местных жителей, кто пока еще жив и на свободе, и попытаться хоть что-нибудь выяснить.

Но они нашли меня сами. Я свернул в боковую улочку с трудным названием Матбаацилик-сасуртмек.

На улице с таким названием трудно ожидать чего-нибудь хорошего. Мои предчувствия полностью подтвердились. И довольно быстро. За следующим углом я увидел молодую женщину, которая целилась в меня из огромного охотничьего ружья. Она не успела и рта раскрыть, как мои руки уже взметнулись вверх.

— Руки вверх или я стреляю!

— Уже вверху — разве не видно? Да здравствует Бурада! Ура-ура...

— Кончай шутить, солдафон вонючий, а то я тебя пристрелю.

— Поверьте, я на вашей стороне и искренне желаю мира Бураде и благополучия ее гражданам. Без различия пола и возраста.

Она презрительно фыркнула и указала ружьем на темную дверь. Даже в гневе она была прекрасна: пылающие глаза, разругавшиеся щеки. Черные волосы волной спадали на ее плечи. Несмотря на то что на ней был зеленый мундир и высокие армейские ботинки — она была очень женственна: никакая форма не могла скрыть такую роскошную фигуру. Я покорно направился к двери, как и было приказано. Она ловко вытащила мой пистолет. Я мог бы легко отнять оба ствола, но сдержался. В роли хозяйки положения она будет более разговорчива. Мы поднялись в полутемную комнату с небольшим окном. Здесь на столе лежала вторая девушка в форме. Глаза ее были закрыты, одна штанина отрезана начисто. На голой ноге виднелась неумело наложенная повязка. Кровь пропитала ее и растекалась лужей по столу.

— У тебя есть аптечка? — спросила моя конвоирша.

— Есть. — Я отстегнул аптечку от пояса. — Но сомневаюсь, что это ей поможет. Надо сделать переливание — она потеряла слишком много крови.

— Где? В лазарете оккупантов?

— Хотя бы. — Я проверил пульс, снял бинты, обработал рану антисептиками и наложил тугую повязку. — Пульс очень слабый. Не знаю, выживет ли она.

— Если не выживет — отвечать будешь ты! — В глазах девушки стояли слезы, а ружье упрямо смотрело мне в живот.

— Я сделал все, что мог, разве ты не видишь? Меня зовут Васька.

— Тазе, — машинально ответила она, — до переворота — гвардии сержант.

— До переворота? — растерялся я. — Ты имеешь в виду вторжение нашей армии?

— Да нет. Что-то я разболталась, пора тебя пристрелить...

— Не надо. погоди стрелять. Ты что, не веришь, что я на вашей стороне?

— Нет.

— Уверяю тебя — я агент и работаю против Клианды. Для того и внедрился в Космическую Армаду!

— Чтобы спасти свою шкуру, ты наплетешь что угодно.

— И тем не менее это правда.

Я понял, что на слово мне не поверят.

— Тазе... — слабо простонала девушка на столе, мы разом обернулись. — Тазе... — простонала она еще раз, и голова ее откинулась.

Я понял, что погибну тоже. Тазе вскинула винтовку, костяшки ее пальцев побелели. Действовать надо было быстро. Я нырнул под винтовку и подкатился к девушке. Бабахнул выстрел, но меня не задело. Я перехватил винтовку за ствол и ударил ребром ладони по руке. Потом провел еще несколько приемов, которые обычно к женщинам не применяют, но ситуация была исключительная. Я отобрал винтовку и пистолет. Тазе лежала у стены и рыдала, ведь я едва не сломал ей руку.

— Послушай, извини, — примиряюще сказал я, — мне больше ничего не оставалось делать. Ты ж меня чуть не пристрелила.

Я разрядил винтовку, проверил затвор.

— То, что я тебе сказал — правда. Я хочу вам помочь. Но сначала вы должны помочь мне.

Она растерялась, но слушала внимательно. Только изумленно заморгала, когда получила обратно винтовку и патроны.

— Будет лучше, если ты пока не будешь ее заряжать. А теперь постарайся мне поверить. Некую организацию очень беспокоят военные операции Клианды. А именно — захват чужих планет. Бурада — шестая в этом списке, и, судя по всему, оккупация закончится успешно.

— Но зачем они воюют?

Она явно заинтересовалась, можно было продолжать.

— Не столь важно — почему, по крайней мере, сейчас. Агрессия свойственна некоторым общественным формациям. Меня скорее интересует вопрос — как? Как им удалось захватить планету, несмотря на то что здесь есть система обороны?

— Во всем виноват Консолослук, — с жаром ответила она, потрясая ружьем. — Я не хочу сказать, что Женская партия не делает ошибок, но по крайней мере они не такие глупые.

— Объясни, будь так любезна. Боюсь, что я тебя не вполне понимаю.

— Я тебе и объясняю. Мужики! — Она сплюнула, в глазах вспыхнула ярость. — Женская партия несколько веков подряд благополучно правила планетой. Мы процветали, успешно развивали туризм, все были довольны. Конечно, мужчины получали право голоса на несколько лет позже, чем женщины, и не могли иметь престижную работу. Ну так что? На других планетах женщины поставлены в такие же и даже худшие условия. Но они бунтов не устраивают. Люди из партии Консолослук шныряли повсюду и распространяли лживые слухи. Права мужчин, дискриминация и все такое. Взбудоражили людей, получили несколько мест в парламенте, взбаламутили всю страну. Потом устроили однодневную революцию и захватили власть. Понадавали глупых обещаний. Очень им хотелось поиграть в государственных деятелей. Ничего себе деятели! Никакого понятия ни об управлении, ни об обороне. Когда еще и ваши высадились, то большинство из так называемых мужчин просто сбежали. Сдались без всякой борьбы, как трусы. Я, например, сдаваться не собираюсь.

— А может, они вынуждены были сдаться?

— Нет, они просто слабаки.

Я лихорадочно обдумывал услышанное. Неясные подозрения сменились предчувствием разгадки. Отдельные сведения стали складываться в моем сознании в единое целое, но радоваться было преждевременно. Идея еще не вполне оформилась, но если все сойдется — то все получится!

Я смогу выяснить, как клиандцам удастся покорять другие планеты. План был прост, как все гениальное.

— Мне понадобится твоя помощь, — сказал я Та-зе. — Мне надо кое-что разузнать, поэтому я пока останусь в Космической Армаде. Но Бурadu я поки-

дать не намерен. Клиандцы еще слабы здесь, здесь они и будут разбиты. Ты когда-нибудь слышала о Специальном Корпусе?

— Нет.

— Сейчас услышишь. В общем, эта организация собирается оказать вам помощь. Я работаю на них, а они меня страхуют. Они, конечно, засекли старт флота с Клианды и наверняка проследили за ним. Так все и планировалось. Сейчас на орбите Бурады, наверное, уже летает спутник связи. Он передаст наше сообщение прямо в Корпус, и сюда придет помощь. Ты можешь найти передатчик средней мощности?

— Да, но зачем? Почему я должна тебе верить? Может быть, ты лжешь.

— Может быть, но ты не имеешь права упускать такой шанс. — Я лихорадочно нацарапал записку. — Мне надо спешить. Я должен вернуться на корабль, пока меня не хватились. Сообщение ты передашь на этой вот частоте. Это очень просто. К тому же ты ничем не рискуешь, но можешь спасти свою планету.

Она с сомнением посмотрела на бумажку.

— Трудно поверить, что ты агент и хочешь нам помочь.

— Можете не сомневаться, он действительно агент, даю честное слово, — раздался голос за моей спиной. Я медленно обернулся, и сердце у меня замерло.

В дверях стоял Край, весь в сером. И еще двое, тоже в серой форме, стояли рядом, направив на меня ружья. Край выставил свой палец, словно пистолет.

— Мы давно за тобой следили, все ждали удобного случая, чтобы получить максимум информации. Теперь пришло время приступить к операции по уничтожению этого вашего Специального Корпуса.

Глава тринадцатая

— Похоже, становится модным входить без стука. Ха, ха, ха... — надсадно пошутил я, хотя мне было совсем не до шуток.

Край холодно улыбнулся.

— Вы имеете в виду полковника? Да, это я его приставил присматривать за вами. Может, хватит ломать комедию, Пас Ратунков или как там вас...

— Васька Хуля, лейтенант Космической Армады, если угодно.

— Пилот-майор Хуля был обнаружен в отеле «Досадинглуп Роботник». Так мы вышли на ваш след. Ваш замечательный план мог бы сработать, если бы не перегорела сеть оптической слежки. Монтер обнаружил Ваську, а когда выяснилось, что он путается в датах, то об этом доложили мне... А вот это я заберу.

Край выдернул записку из онемевших пальцев Тазе. Он чувствовал себя очень уверенно. Я схватился за грудь, закатил глаза и покачулся.

— Это слишком... — забормотал я. — Что-то с сердцем... не стреляйте... это конец.

Край и его парни холодно взирали на мое представление. Они и пальцем не шевельнули, когда я вскрикнул, будто от боли, весь изогнулся и выпал из окна.

Трюк был исполнен прекрасно. В туче брызг битого стекла я вылетел в окно, приземлился на плечо, сделал кувырок и вскочил на ноги, готовый бежать.

И увидел перед собой винтовку. Неулыбчивый человек в сером держал меня на прицеле. Он спокойно молчал, не торопясь начинать разговор, да и я не сразу нашелся, что сказать. Из разбитого окна слышался холодный голос Края:

— Девушку отправим в лагерь для военнопленных, а шпиона заберем с собой. Глаз с него не спускать, вы видели, на что он способен.

Нехорошо, мрачно подумал я. Очень нехорошо. Так удачно внедрился, узнал все, что нужно, а информацию передать не сумел, что лишает ее всякого смысла. Хуже того, Край может использовать ее в своих грязных целях. В таком мрачном настроении меня и затолкнули в машину. Бежать было решительно невозможно: люди в сером ни на секунду не опускали винтовок.

Поездка была короткой и на редкость неприятной. Похоже, что трофейный грузовик, на котором мы ехали, на Бураде использовали для перевозки мусора или даже чего-нибудь похуже. Но жуткий запах беспокоил как будто только меня. Серые парни этой вони не чувствовали и не сводили с меня глаз. Машина шла плавно и бесшумно. Двигатель работал на газе. Газогенератор вырабатывал электроэнергию, которая приводила в движение ходовые электродвигатели, расположенные в каждом колесе. Я лихорадочно строил планы: выпрыгнуть из кузова на ходу; порвать питающий кабель, проходивший по полу. Но все они казались нехороши, так мы и доехали безо всяких осложнений. Под дулами ружей меня проводили в здание командного пункта, отвели в пустую комнату и приказали раздеться. Затем с помощью портативного флюороскопа тщательно и бесцеремонно обследовали, извлекая из укромных уголков моего тела все микроприборы и микроприспособления, и только после этого выдали новую одежду.

Костюм был необычный. Цельный, сплошной комбинезон из мягкого эластичного пластика, который одновременно защищал и согревал тело. Идеальная тюремная роба — пластик был совершенно прозрачным. Такая одежда производила настолько сильный психологический эффект, что я поневоле проникся уважением к людям в сером. Вся процедура прошла в полной тишине, несмотря на мои попытки завязать разговор. Мой наряд венчал металлический ошейник.

Он тонким шнуром соединялся с небольшой коробочкой, которую держал один из серых парней. Все это выглядело довольно неприятно. Мои подозрения подтвердились довольно быстро. Все вышли, и мы остались вдвоем с парнем, что держал пульт.

— Я могу сделать вот так, — произнес он бесцветным, как и его форма, голосом и нажал на кнопку.

То, что я испытал, было очень неожиданно и очень больно. Свет невиданной силы ослепил меня. В ушах, казалось, загремел гром. Кожа горела огнем, словно облитая кислотой.

Когда зрение и слух вернулись, я лежал на полу. Чуть саднила разбитая голова. Лежать было так хорошо. Коробочка, видимо, генерировала нейротоксины определенной частоты. Нет нужды пытаться тело, можно просто подавать болевые импульсы непосредственно в нервную систему.

— Встать! — приказал мучитель, и я быстро повиновался.

— Приказывайте все, что вам угодно и когда только заблагорассудится. Вы хотели, чтобы я все понял, так вот — я все понял и готов повиноваться. Честное слово, я буду хорошо себя вести.

Пока, во всяком случае. Пока не найду лазейки из этой западни. Я покорно поплелся в другую комнату, где меня поджидал Край за огромным металлическим столом. Комната была очень пыльная. От мебели и картин остались только светлые пятна на стенах. Единственным предметом, не считая стола, был большой сверкающий крюк, вделанный в потолок. Неудивительно, что кольцо, болтавшееся на конце пульта, точно наделось на крюк. Я стоял перед своими тюремщиками, посаженный на цепь.

Край смерил меня изучающим взглядом. Это удалось ему без особого труда — ведь мой костюм был совершенно прозрачным. Меня это мало смущало — к наготу я относился совершенно равнодушно. Куда более неприятным был его холодный, бездушный взгляд. Выражаясь возвышенно, в данный момент я был в полной его власти. Неизвестно, что за пакость он задумал. Надо попытаться хоть что-нибудь выяснить.

— Что вы хотите узнать? — поинтересовался я.

— Совсем немного, но об этом позже.

— А почему не сейчас? Принимая во внимание современную технику гипноза, обработку наркотика-

ми, добрые старые пытки — вроде вашего нейроустройства — утаить что-либо от добросовестного следователя практически невозможно. Поэтому спрашивайте — а я буду отвечать.

И с превеликим удовольствием поведаю то немногое, что мне известно о Специальном Корпусе. Расположение баз хранилось в секрете даже от нас, агентов, на случай вроде этого.

Я очень удивился, когда он отрицательно покачал головой.

— Рассказывать ты будешь позже. Сначала я хочу убедить тебя в серьезности моих намерений. Прежде всего я задам тебе несколько вопросов, а потом завербую. И ты будешь на нас работать. Совершенно добровольно. И чтобы ты поверил мне, начну с того, что тебя не убьют. Сильные люди смело встречают смерть. Для них это самый простой выход. У тебя не будет такого выхода.

От таких речей мне всегда становилось скучно. Я ожидал обычного интенсивного допроса, но у него были более обширные планы. Пришлось оставить шуточный тон и говорить начистоту.

— Увольте. Я ненавижу вас и вашу организацию, не разделяю ваши цели и не намерен менять свои взгляды. Даже если я соглашусь работать на вас, вы никогда не сможете полностью мне доверять — давайте не будем обманывать друг друга с самого начала.

— Напротив, — произнес он и нажал кнопку на столе. Коробочка наверху загудела, наматывая шнур. Чтобы не задохнуться, мне пришлось встать на дыпочки. Ошейник пребольно впился в горло. — Скоро ты сам будешь меня умолять, чтобы тебе позволили сотрудничать с нами, и будешь плакать от отчаяния, когда я тебе откажу. Пока наконец твое заветное желание не исполнится. Это будет самый счастливый день в твоей жизни. А сейчас я продемонстрирую очень простое, но эффективное средство убеждения.

Ноги мои дрожали от усталости, но, чтобы не задохнуться, мне приходилось стоять на пальцах. Край поднялся, обошел меня сзади — потом вдруг схватил мои руки и прижал к краю стола. Из стола выскочили браслеты и намертво зажали мои кисти. Точнее говоря, предплечья, сами кисти как раз остались свободными. Мне оставалось только шевелить пальцами. Передо

мной появился Край. Он нагнулся и вынул что-то из ящика стола.

Это был топор. Металлический топор с длинной ручкой — такими в древности валили деревья. Край обеими руками ухватился за ручку и занес топор над головой.

— Что вы делаете? Остановитесь! — завопил я, уставившись на топор и извиваясь. Он с силой ударил.

Возможно, я закричал, и даже наверняка. Слишком уж сильной была боль.

Жутко было видеть свою отрубленную правую кисть, неподвижно лежавшую на крышке стола, на бившую из разорванных сосудов кровь. Топор опять взметнулся вверх. На этот раз я точно закричал и вопил до тех пор, пока он не опустился и не отхватил левую кисть. Кровь залила весь стол и медленно стекала на пол.

Сквозь боль и ужас, охватившие меня, я ясно видел лицо Края. Он улыбался. Впервые улыбался.

Тут я потерял сознание. А может, умер, не знаю. Весь мир провалился в черный колодез. Осталась только боль, но и она вскоре исчезла.

...Я открыл глаза и понял, что лежу на полу. Одному Богу известно, сколько прошло времени. Мысли путались в голове. Пришлось напрячь память, чтобы вспомнить недавние события. Вдруг ясно вспомнились отрубленные руки. Я резко сел и нервно потер ладони. Кисти были в полном порядке. Что происходит?

— Встать! — раздался голос Края.

Тут я понял, что сижу около стола, ошейник был по-прежнему на шее, и от него к потолку тянулся шнур. Я поднялся и посмотрел на стол. Крови не было.

— Готов поклясться... — начал было я и осекся, увидев на крышке стола две глубокие царапины, оставленные топором. Поднял руки и уставился на запястья.

Красные рубцы опоясывали мои руки, по краям шли точки от снятых швов. Но кисти были в полном порядке. Что же все-таки произошло?

— Теперь ты понимаешь, что я имел в виду? — бесцветным голосом произнес Край.

— Что вы сделали с мной? Не могли же вы сначала отрубить мне руки, а потом пришить их обратно?! Невозможно так быстро... — Тут я понял, что совсем запутался, и умолк.

— Ты не веришь, что это было на самом деле? Мне что, повторить?

— Нет! — я почти выкрикнул, испуганно шарахнувшись от стола.

Край довольно кивнул.

— Итак, обучение началось. Ты утратил чувство реальности. Ты не знаешь, что произошло — но не хочешь, чтобы это повторилось. Все идет нормально. В конце концов ты полностью утратишь связь с прежней реальностью, со своей прежней личностью. Когда это произойдет, ты станешь одним из нас. И только после этого мы займемся Специальным Корпусом. Ты не просто все расскажешь, но и примешь самое активное участие в разработке плана по его уничтожению.

— Ничего у вас не выйдет, — убежденно возразил я, хотя в душе такой уверенности не было. — Я ведь не единственный. Корпус активно работает против вас. Ваш крах — это только вопрос времени.

— Совсем наоборот, — возразил Край, сцепил руки и опустил их на стол перед собой, совсем как школьный учитель. — Мы уже давно следим за деятельностью Корпуса, и до сих пор нам удавалось держаться чуть впереди. Для того чтобы получить необходимую информацию, нам пришлось захватить и подвергнуть пыткам нескольких агентов Корпуса. Так мы узнали, что готовится операция, которую возглавит полевой агент. В данном случае — ты. После этого нам оставалось только ждать. И как только ты появился, мы тебя взяли. Все очень просто. А теперь с твоей помощью мы разгромим Корпус.

Он почти убедил меня. Предложенный им план выглядел вполне разумным, но я сразу отогнал эту предательскую мысль. Хватит с ним соглашаться, надо атаковать, это всегда лучше, чем защищаться.

— Грандиозный замысел. Надеюсь, вы сумеете проглотить такой огромный кусок, не подавившись. А вы не забыли, что Лигу поддерживают сотни планет? Вы отдаете себе отчет в том, что они могут с вами сделать?

— Сотни планет вместе — это только теоретически, на практике — это сотни отдельно взятых планет. Мы будем захватывать их одну за другой, по очереди, и рано или поздно они покорятся. Остановить нас невозможно. Наступление развивается по нарастаю-

щей. По мере расширения империи скорость наступления будет увеличиваться.

— Но у всякой скорости есть свой естественный предел, — вставил я, пытаясь взять ироническую ноту. — Ваша тактика мне понятна. Вы нападаете только на те планеты, которые в данный момент не способны оказать сопротивление. Не так ли?

— Совершенно верно. — Он согласно кивнул, и я продолжил:

— Вы выбираете планету, среди населения которой существует определенный слой диссидентов. Недовольные, как известно, были даже в раю, так что с диссидентами у вас проблем нет. Здесь, на Бураде, это были мужчины из партии Консолослук. Они жаждали прийти к власти. Вы дали им все необходимое. Ваши подпольные резиденты снабдили их деньгами, оружием, помогли организовать пропаганду, то есть подготовили переворот — и переворот свершился. Вы ничего взамен не просили, прекрасно понимая, что в случае оккупации сопротивление будет чисто символическим. Ваши агенты проследили за тем, чтобы армия сложила оружие в самом начале войны. Сражение было выиграно задолго до начала! Неудивительно, что ваши войки не привыкли к поражениям.

— Ты очень наблюдателен, именно так мы и действуем. Твой анализ проницателен и точен, в смысле описания нашей тактики.

— Как видите, я вас раскусил, — радостно брякнул я.

— Совсем наоборот. Это мы тебя раскусили. Ты единственный, кто смог понять нашу тактику, но рассказать об этом никому уже не сможешь.

— Ну, это еще неизвестно, — храбрился я.

— Тебе, может быть, и неизвестно, зато нам известно точно. Мы перехватили твое сообщение, стало быть, отправлено оно не будет. Пока в Корпусе будут дожидаться твоего рапорта, время будет упущено. Они просто не успеют ничего предпринять, потому что мы приступим ко второму этапу операции. У нас много союзников. Ведь на оккупированных планетах теперь у власти дружественные нам правительства. Мы в состоянии собрать огромную армию. Разумеется, из наемников. Они составят ударные части... Многие из них, конечно, погибнут, но мы будем побеждать

всегда — за счет огромного резерва живой силы. Интересный план, не так ли?

— Ничего у вас не выйдет! — воскликнул я, пытаясь заглушить гадкое чувство обреченности. — Рано или поздно, но Корпус разобьет вас!

Интересно, каким образом, если единственный агент в стане врага уже схвачен? Себя-то я убедил в неминуемой победе светлых сил, но на противника сил уже не осталось.

Край поднялся из-за стола и направился ко мне.

— Что же, пора приступать к обучению.

Не могу передать тот ужас, который охватил меня при этих словах.

Глава четырнадцатая

Меня отвели в камеру. Это была пустая, без единого окна комната, из мебели — только параша в углу. В потолке торчал крюк, к которому человек в сером прикрепил шнур от моего ошейника.

— Вряд ли я помру от голода, — сказал я, — потому что раньше подохну от жажды.

Он ничего не ответил и ушел, но вскоре вернулся с пластиковой бутылкой воды и стандартным пайком клиандской армии. Еда не самая роскошная, но все лучше чем ничего, жить можно.

Все время, пока я ел и пил, последняя мысль вертелась у меня в голове. Жить можно. Как бы там ни было, меня не убьют. Я им нужен, действительно нужен. Они понимают, что Специальный Корпус уже наступает им на пятки. Им придется приложить все силы, чтобы его остановить. Край наполовину убедил меня. Ничего не скажешь — убеждать он умеет. Я глянул на свои руки и содрогнулся. Да уж, *убедил*. Но зачем ему это нужно?

Затем, что я не просто пешка в его игре. Я могу переломить ход событий в любую сторону. Сейчас Клианда успешно расширяет свои владения — но все может рухнуть. Если Специальный Корпус получит мою информацию, то сможет нейтрализовать агентов Клианды и предотвратить оккупацию других планет. Возможно, клиандская армия, будет разбита здесь, на Буреде. Даже если я перейду на сторону противника,

Корпус им все равно не одолеть. Хотя это сильно осложнит ситуацию, потому что операция Края вступит во вторую стадию.

Но это означает, что серые люди допустили ошибку. Им следовало убить меня сразу, как только стало ясно, кто я такой. Конечно, если при помощи пыток им удастся меня сломить, то в их руках я буду представлять серьезную угрозу. Но тут есть одно «но». Они упустили из виду важный факт: пока я жив, я буду представлять собой смертельную угрозу для Клианды.

Они допустили ошибку. Ухватившись за эту мысль, я пережевывал ее так же тщательно, как свой паек. Конечно, я у них в плену. В плену? Ха! В плену только мое тело. А ум — конечно, нет. Посредством нейропыток и бесед они чуть было не подчинили себе мой интеллект. При одном только воспоминании об учиненной казни мой желудок спазматически сжался, и я потерял всякий аппетит. Надо выбросить эти мысли из головы. Мне же будет лучше.

Хотя нет: помнить об этом надо и думать надо. Но совсем не так, как им этого хочется. Это был трюк, не что иное, как трюк. Так это и следует понимать. Дожевывая остатки малоаппетитного обеда, я усиленно себя убеждал. Послушай, диГриз, ты достаточно много знаешь о законах реальности, чтобы безошибочно определить чужое вмешательство. Ты ведь и сам постоянно изменяешь реальность к своей собственной выгоде и к неудовольствию окружающих. А вот теперь и с тобой сыграли такую же штуку. *Кровь хлещет из отрубленных кистей!* Спокойно, спокойно. Воспоминаниями займешься позже. Сейчас надо заняться вещами вполне реальными.

Реальность. Никакими самыми расчудесными лекарствами отрубленные руки не залечишь ни за два часа, ни за два дня.

Где-то на подсознательном уровне я чувствовал, что между пыткой и выздоровлением прошло совсем немного времени. У каждого из нас в глубине мозга есть часы, которые постоянно отсчитывают суточные ритмы, не останавливаясь ни на секунду. Эти-то часы мне и подсказывали, что с момента моего ареста прошло совсем немного времени. Но что реально могло подтвердить это ощущение? Я провел рукой по лицу, затем по волосам. Щетина есть, но не очень длинная,

волосы в полном порядке. Но меня запросто могли постричь-побрить, нет, тут не зацепишься.

А ногти? Я всегда их подстригаю коротко, а коротко подстриженные ногти особых примет не имеют. Хотя погоди, подумай. Ну же, вспоминай. Ведь что-то было. Что-то незначительное, мелкое. Да! Во время посадки, в суете, я сломал ноготь на левом мизинце. Нет, не торопись смотреть, постарайся вспомнить точно. Сломался ноготь... не отвлекайся... совсем маленький кусочек. Воспоминание не очень приятное, но что поделаешь. Я оторвал надломленный кусочек, появилась крохотная капелька крови. Потом в суете все это забылось.

Я осторожно поднял левую руку и поднес к глазам. Так, мизинец, ноготь — и крохотная ранка.

Попался Край, старый ты плут!

Судя по ранке, я торчу здесь день или два, никак не дольше. Красные шрамы на руках — ну и что, шрамы как шрамы. Сделать такие — пара пустяков. А как же пытка? Край просто вмешался в мое сознание, возможно, при помощи гипноза, но это неважно.

Край и его команда совсем не такие умные, как кажется. Они наверняка проделывали такие штуки и раньше и, видимо, полностью убедили себя в безотказности этого метода. Возможно, точно так же они вербовали агентов на других планетах для подготовки вторжения. Вполне возможно. Но Край и его головорезы привыкли работать с обычными людьми, у которых практически отсутствует воображение, которые привыкли считать свое убогое существование истинной реальностью. Такие люди обычно считают, что их мир — единственно реальный мир, а город, в котором они живут, — лучший город в этом мире. Если выдернуть их из привычной обстановки и слегка нажать на мозги — то серое вещество сразу из ушей полезет. Такие слизняки — легкая добыча для серых.

Но только не благородный, гордый, гибкий, бесчестный и переменчивый Джим диГриз Скользящий. Человек с тысячью лиц, знаток многих культур, квалифицированный лингвист. И они хотели сломать мою реальность? Просто смешно. Ха, ха.

Но я не просто хохотал — я скакал и прыгал. Носился и радостно вопил: «Ура! Победа!» Однако из-за шнура с ошейником бегать можно было только кругами. Пришлось разнообразить удовольствие и по-

играть в гигантские шаги. Шнур был настолько тонок, что висеть на нем было практически невозможно. Но можно сделать петлю — качайся себе на здоровье. Таковую петлю я и сделал. Ухватился за нее, оттолкнулся ногой и полетел. Потом оттолкнулся сильнее — взлетел еще выше. Отличное развлечение. Тут рука моя соскользнула, петля развернулась.

На этом все могло и закончиться — мое тело всем своим весом обрушилось на металлический ошейник. Именно так производится казнь через повешение. Человек погибает не от удушья, а от разрыва ствола спинного мозга, когда тело, так сказать, вздергивают.

Все это мгновенно пронеслось в моем мозгу, пока я пытался ухватиться за шнур и смягчить рывок. Слава Богу, удар ошейника пришелся спереди шеи, не сбоку, а то вполне мог раздаться резкий хруст и — конец. Было очень больно, перед глазами все кружилось. Облегченное «уф!» получилось довольно сильным, потому что горло перехватило.

Я присел, отхлебнул воды и почувствовал себя несколько лучше — и только теперь удивился, что никто не пришел взглянуть на мое бесчинство. Камера наверняка прослушивается и просматривается, но, может быть, акробатика их не интересует? А может быть, все настолько заняты войной, что присматривать за мной некому? Если это в самом деле так, то грех не использовать такую возможность.

Из пустых пакетов и смятой бутылки получилась прекрасная подкладка для рук. Затем я свернул двойную петлю рядом с ошейником, крепко ухватился за нее, подпрыгнул что было сил и всем весом обрушился на шнур.

А заодно и на собственные руки. На десятом прыжке уже казалось, что руки выскакивают из суставов, чего нельзя было сказать о моей привязи. Задумано неплохо. Пульт, шнур, кольцо, крюк — деталей достаточно много, и поломка любой из них могла принести мне свободу. Но, похоже, мой скелет развалится еще быстрее. Я отдышался, стер со лба пот и предпринял тринадцатую попытку.

Счастливая чертова дюжина! Что-то щелкнуло, и металлическая коробка пульта больно треснула меня по голове.

Я был свободен. Надолго ли — не ясно, возможно, всего на несколько секунд. Теперь надо встать. Беги —

билась в голове мысль, — беги отсюда, пока за тобой не пришли. Но сначала надо повредить пульт, потому что эта штука может управляться дистанционно, по радио. Я внимательно осмотрел пульт и заметил, что лопнуло кольцо, за которое он подвешивался на крюк. На пульте было с полсотни красных кнопок. Одна только мысль о том, чтобы нажать одну из них, повергла меня в дрожь. Сверху были две кнопки побольше: красная и черная. Красная была нажата. Логически рассуждая, теперь надо нажать на черную, чтобы пульт отключился. Но воспоминание о боли мешало логически мыслить. Собравшись с духом, я нажал на черную кнопку.

Ничего не случилось. Это я почувствовал. Немного осмелев, нажал одну маленькую красную кнопку, потом другую. Опять ничего. Пульт превратился в безжизненный кусок металла. Надеюсь, что навсегда. Я намотал на руку шнур. Потом подошел к двери — не заперто. Либо охрана плохая, либо она слишком доверяет нейроприборам. Слегка приоткрыв дверь, я приник к щели. По коридору к моей камере шли два человека в сером. Они тащили жуткий на вид аппарат. Деталей мне разглядеть не удалось, но общее впечатление было не из приятных. Я бесшумно закрыл дверь. Новый этап в программе укрощения диГриза? Ручка двери повернулась, подтверждая мое предположение.

Мне хотелось приподнести сюрприз этой парочке, но не сразу, не с порога же. Спрятавшись за дверь, я дожидался, пока они управятся с громоздким пыточным аппаратом. Когда, кряхтя и ухая, они ввалились в камеру, я выскочил из-за двери, размахивая пультом.

Один из них как раз нагнулся, внимательно изучая прищемленную ногу, ему-то и досталось пультом по голове в первую очередь. Второй тем временем попытался вытащить пистолет, но мое колено врезалось ему пониже живота, и он рухнул не успев довести дело до конца. Я вынул пистолет из ослабевшей руки.

Большую часть времени, которое мне пришлось провести в этом здании, я был в сознании, и мне казалось, что я точно помню, где выход. Главный вход находится этажом ниже, но там охрана. Пистолет был заряжен. Тип патронов проверять было некогда — наверняка что-нибудь убийное. Меня это вполне устраивает. Я намотал на руку шнур, глубоко вздохнул — и нырнул за дверь.

Коридор был пуст — хорошее начало. Никого так и не встретив, я рысью добежал до лестницы и запрыгал вниз через две ступеньки. Ниже должен быть первый этаж — меня содержали на втором. Но память меня подвела, на деле все оказалось совсем не так. Лестница опускалась гораздо ниже следующего этажа. Когда этот факт наконец дошел до моего сознания, я остановился как вкопанный и осторожно глянул вниз.

Там было по меньшей мере еще восемь этажей.

В висках застучали маленькие молоточки. Опасения, что мое сознание засорено иллюзиями и ложными воспоминаниями, вполне подтвердились. Где правда, а где вымысел? Меня пронзила жуткая мысль, что все события попросту внушаются мне, чтобы доказать невозможность побега. Что если я так и буду спускаться вниз по бесконечной лестнице, а потом вдруг очнусь в камере, прицепленный к крюку? Если все обстоит именно так, то тут уж ничего не поделаешь. Надо действовать, несмотря ни на что, а там видно будет. Если здание реально, то лестница обязательно куда-нибудь да выведет. Вот и надо посмотреть — куда.

Четырьмя этажами ниже, когда от быстрого кружения по лестнице уже слегка помутилось в голове, я встретил первого человека. Человека в сером с винтовкой. Я ожидал этой встречи, а он — нет, и мой выстрел прозвучал раньше.

Отличный выстрел. Пистолет, оказывается, был заряжен разрывными пулями. Сраженный выстрелом, серый отлетел к стене и затих. Не дожидаясь, пока стихнет эхо выстрелов и оседет пыль, я бросился вниз по лестнице, невзирая на риск. Ждать было еще рискованнее.

Лестница закончилась в полуподвальном этаже. Я с разбегу врезался в стену. Сверху доносился грохот башмаков, раздавались крики. Взяв пистолет на изготовку, я открыл дверь и шагнул в темноту.

Сначала меня охватила полная растерянность, но потом глаза привыкли к темноте, и я увидел вдалеке слабый свет. Шершавые стены и пыль указывали на то, что это именно подвал. И прекрасно, этажом выше меня наверняка ожидал слишком теплый прием. Если удастся выбраться отсюда, то не все еще потеряно. Спотыкаясь о какой-то хлам, я пробирался к свету.

Невидимая полоса препятствий кончилась, но радости от этого было мало... Я увидел окно. Очень маленькое, все в пыли и дохлых мухах, да еще и под самым потолком. К тому же с прочной решеткой.

В темноте послышался топот ног, потом глухие удары. Посыпались проклятия. Что делать?

Понятно — что. Выбираться. Я шагнул назад, прикрыл лицо и выстрелами разнес решетку. А заодно и кусок стены вокруг окна. На это ушли последние патроны. Я выбросил ненужный больше пистолет и по куче щебня выбрался наружу.

И помчался вперед. Кто-то окликнул меня, но отвечать было некогда. Я летел из последних сил. Сбежать — несложно, сложнее — остаться на свободе. Босой, в костюме из прозрачного пластика, с ошейником, я представлял собой довольно необычное, если не сказать незабываемое, зрелище. Надо спрятаться, зарыться куда-нибудь, избавиться от ошейника, переодеться. Отдохнуть тоже не мешает.

На полной скорости я завернул за угол и налетел на человека. Мы оба рухнули. Я в полном изнеможении перекатился на спину, пытаюсь отдышаться. И только теперь разглядел лицо товарища по несчастью. И не поверил своим глазам.

— Остров, — выдохнул я, — дружище! Помоги, я попал в переделку. Видишь, как местные...

Тут Остров, человек вообще-то очень мягкий, превратился в сущего зверя. Лицо его исказилось, глаза выпучились — прямо ужас. Он навалился на меня и прижал к земле.

— Какие еще местные? — прохрипел старина Остров. — Тебя ищет Край. Везде ищет. Ты преступник.

Глава пятнадцатая

Я попробовал сопротивляться, но без особого успеха. Слишком устал. Мне, правда, удалось разок треснуть Острова по голове железной коробкой пульта. Его глаза закатились, однако хватки он не ослабил, пока не подоспел небольшой отряд людей в сером. Они оторвали Острова от меня и прикладами подняли меня на ноги. Поднимался я медленно. Преодолевая усталость и жуткое отчаяние. Да и спешить было некуда.

Их было шестеро плюс страшно сконфуженный Остров.

— Понимаешь, меня все время Край допрашивал. Он сказал, что Васька в розыске...

Он замолк, серые не обращали на него никакого внимания. Я — другое дело.

— Ты что, хочешь, чтобы я тебе спасибо сказал? Подонок. Друзей закладываешь?

Тут мои слова перешли в хрип, потому что один из серых сильно дернул за ошейник. Один из этих пяти. Я в растерянности заморгал глазами — готов поклясться, их только что было шесть.

Пока я соображал, что к чему, на шее одного из них сомкнулась пара чьих-то рук. Его рот в удушие раскрылся, глаза выпучились. Мне стоило больших усилий, чтобы самому не вытаращиться от изумления. Мгновение — и номер пятый исчез из поля зрения. Чтобы отвлечь на себя внимание остальных, я отчаянно

забился и даже исхитрился лягнуть Острова в коленную чашечку, чтобы и ему было чем заняться.

— Зачем ты меня бьешь? — жалобно заныл он.

Я улыбнулся в ответ, заметив, что настал черед номера четвертого.

Было что-то удивительное в этом бесшумно-эффектном исчезновении врагов. Это мне напомнило об одном охотнике, с которым я охотился уж и не помню на какой планете. Большой был профессионал. Дождавшись стаи птиц, он сначала подстреливал последнюю. Потом опять последнюю и опять. Так ему удалось подстрелить пять-шесть птиц, не спугнув всей стаи. Здесь применялся тот же принцип, причем не менее профессионально.

Но люди — не птицы. Номер четвертый забился и все испортил. Оставшиеся переполошились. Я подождал, пока они повернут свои головы, чтобы выяснить, что происходит, и врезал ближайшему из серых ребром ладони по шее. Усталость ослабила удар, пришлось добавить ему еще немного, чтобы успокоить. Пока я управлялся, вокруг раздавались глухие удары и сдвоенные крики.

А когда наконец выпрямился, то увидел, что все серые, включая и Острова, лежат без чувств, а мои спасители укладывают последнего. Это был здоровый мужик, он держался хорошо, но не долго, класс не тот. Что самое интересное, уложили его две женщины в цветастых бурадских платьях и туфлях на высоком каблуке. В одной из них я узнал сержанта Тазе. Что-то начало проясняться. Вторая женщина была поменьше ростом, хрупкого сложения, с хорошо знакомой мне фигурой и лицом, которое забыть невозможно. Это была... моя жена.

— Ну-ну, — Анжелина успокаивающе потрепала меня по щеке, одновременно целуя в другую. — Надеюсь, ты сможешь немного пробежаться, а то вон еще головорезы подтягиваются.

Тут же, словно в подтверждение ее слов, свистнула шальная пуля.

— Бежим... — прохрипел я и неуверенно заковылял, не вполне понимая, что происходит.

Хоть хватило ума не задавать лишних вопросов. Тазе обхватила меня рукой и потащила вперед. Анжелина отхватила ножом шнур. Мы мчались вперед весьма живописной группой: я в прозрачном костюме

и две девушки в скромных платьях, вот только некому было на нас полюбоваться.

— Давай-давай, пошевеливайся!

Тазе затащила меня за угол. Сзади слышались выстрелы. Я из последних сил переставлял ноги, тупо соображая, сколько смогу еще протянуть.

Тазе, видимо, знала, что делает. Она снова повернула и почти что заволокла меня по ступеням в дом. Она закрыла дверь на засов, и мы двинулись по коридорам в глубь здания, в то крыло, где окна выходили во двор. Тут было довольно высоко. Тазе, словно кошка, мягко прыгнула первой и помогла спуститься мне, Анжелине придерживала меня сверху. Было довольно странно ощущать себя игрушкой в женских руках. Тазе побежала вперед и распахнула большие ворота. Там стояла клиандская военная машина с генеральским флажком на антенне.

— Это уже лучше, — обрадовался я, еле переставляя бесчувственные ноги.

— Вы двое садитесь назад, — приказала Тазе, надевая каску и армейскую куртку.

Я даже и спрашивать не стал о судьбе прежнего владельца автомобиля. Забрался назад и прижался к Анжелине. Когда машина тронулась, я почувствовал себя в безопасности. И прежде чем задавать вопросы, позволил себе наконец поцеловать жену.

— А фигура у тебя стала лучше, — отдышавшись, заметил я.

— Ты, верно, рад будешь услышать, что стал папашей. У нас близнецы. Мальчики. Страшные обжоры, все в папу. Я назвала их в твою честь: Джеймс и Боливар.

— Как тебе уютно, дорогая. Кстати, не расскажешь ли, как ты здесь оказалась?

— Я оказалась здесь, чтобы позаботиться о тебе.

— Это понятно. — Я кивнул, даже не пытаясь вникать в женскую логику. — Абсолютно ясно. Последний раз я тебя видел, когда ты несла свой живот в больницу.

— Роды прошли прекрасно, я тебе уже говорила, ты что, не слушаешь? Потом я узнала, что клиандцы собираются захватить эту планету и ты, возможно, примешь участие в походе.

— Тебе что, Инскипп рассказал?

— Конечно, нет! — Она негодуяще фыркнула. — Я вскрыла секретные файлы его компьютера и все узнала. Он, конечно, крепко осерчал, но удержать меня не смог. И был прав, что не стал мне мешать. Даже обещал присмотреть за малышами. Мы вышли на орбиту, приняли твоё сообщение, и я сразу отправилась сюда, вот и все. Позволь, я сниму с тебя этот гадкий ошейник. Не понимаю, как ты позволил так с собой обращаться?

— В твоём рассказе мне не все ясно, — настаивал я. — Например: какое такое сообщение?

— Мое сообщение, — пояснила Тазе, которая слушала наш разговор. — Ты, верно, забыл, что я гвардии сержант. Мне удалось прочитать твою записку перед тем, как у меня её забрали. И уж, конечно, я успела запомнить текст и радиочастоты. Эти свиньи запихнули меня в лагерь для гражданских военнопленных, но я сбежала в ту же ночь.

Тазе рассказывала совершенно спокойно, хотя, если вспомнить недавние события — чего ей волноваться?

— Как только сообщение было получено, я отправилась сюда в разведывательной шляпке. — Рассказывая, Анжелина не переставала орудовать отмычкой. — Пришлось пробиваться с боем. Для покорителей Галактики эти ребята слишком посредственные пилоты. Здесь я встретила Тазе. — Тут Анжелина понизила голос и зашептала мне в ухо: — Как близко ты успел с ней познакомиться?

При этом она потянула за ошейник.

— Да мы виделись всего-то один раз, — прохрипел я. — К тому же она не в моем вкусе.

— Не ври, диГриз, тебе всегда нравились такие фигуристые девчонки.

Я растерянно заморгал и постарался вернуть разговор в прежнее русло.

— А как вы меня разыскали? Как вам это удалось?

— Довольно просто. — Ошейник наконец щелкнул и раскрылся. Я с облегчением потер занемевшую шею. — Серые занимают одно-единственное здание, мы долго за ним наблюдали, чтобы выяснить, как туда легче проникнуть. Только солдаты сильно мешали — все время к нам приставали. Зато мы получили от них всю необходимую информацию. И эту машину, кстати, тоже.

Я на мгновение представил себе, как эти в полном смысле слова сногшибательные красотки расправля-

ются со своими ухажерами. За судьбу водителя и его друзей можно было уже не волноваться.

— А теперь расскажи нам, что с тобой приключилось, — попросила Анжелина, устраиваясь поудобнее в предвкушении занимательной истории. — До смерти интересно узнать, что это за штука была у тебя на шее и чего ради ты разгуливаешь в таком до неприличия прозрачном наряде?

И я начал свое повествование, которое женщины без конца перебивали охами и ахами. А слушая эпизод с ампутацией рук, они просто окаменели от ужаса. Тазе даже машину остановила, чтобы поближе взглянуть на шрамы. Остаток истории они дослушали с остановившимися глазами. Мне даже жалко стало тех ребят в серых мундирах, которым еще суждено попасть этим дамам в руки. Когда я добрался до конца своего рассказа, мы как раз приехали. Распахнулись большие ворота и, пропустив нас внутрь, сразу захлопнулись. Тут было полно симпатичных девушек с оружием. Я даже пораился, что партия мужчин вообще могла сопротивляться такому правительству. Тут, верно, надо благодарить Клианду. Что касается всяких армий и правительств, то тут я радикальный анархист и твердо убежден — чем меньше этого добра, тем лучше. Но если без них никак не обойтись, то уж лучше пусть будут такие симпатяшки. Но тут я понял, что мои мысли опять утрачивают реальность, и решительно тряхнул головой. Меня проводили в комнату, где стояла армейская кровать. Я рухнул на нее как подкошенный.

— Одежду, — попросил я, — и что-нибудь выпить, все равно в какой последовательности.

И стыдливо прикрылся одеялом, чтобы не смущать попусту этих амазонок. Кроме того — рядом была моя жена. Она прекрасно понимала, что значит «выпить», и решительно отвергла стакан с водой, который одна из дам попыталась было мне вручить, и вытащила маленькую фляжку со спиртным. Напиток приятно обжег глотку; в голове, казалось, заплясали язычки пламени.

— Боюсь, мои мысли... мое восприятие реальности несколько нарушено, — признался я и, взглянув на Анжелину, понял, что она уже это заметила. — Они что-то со мной сделали. Надеюсь, это скоро пройдет.

— Ух, доберусь я до них, — процедила сквозь зубы Анжелина под одобрительный шепот присутствующих.

Я на мгновение устало прикрыл глаза, а когда открыл, в комнате уже никого, кроме Анжелины, не было. Горел мягкий свет, за окном было темно. Словно вырезали кусок фильма. Как это ни противно, но надо признать, что Край умеет вправлять мозги.

— Есть хочется, — сказал я Анжелине.

Она присела на кровать и взяла меня за руку.

— Ты много говорил во сне. Рассказывал какие-то жуткие вещи.

— Теперь мне намного лучше. Когда вернемся на базу, медики вычистят из мозгов всю эту гадость. А сейчас есть более важные вещи. Необходимо организовать мощное сопротивление, пока клиандцы не спохватились. И еще...

— Нет.

— Что значит «нет»?

Мне показалось, что я пропустил часть разговора. Неужели опять последствия обработки мозгов или это просто женская логика?

— Я повторяю: нет. Это уже не наша забота. Пока ты спал, я послала Инскиппу подробный доклад о планах клиандцев, об их тактике, о намерении разбить Корпус — обо всем, что ты успел рассказать.

— Надеюсь, ты не забыла упомянуть источник? — нахмурившись, поинтересовался я.

Она потрепала меня по руке.

— Конечно, нет, милый. Это целиком твоя заслуга, я и не думала присваивать ее.

Я сразу устыдился своих слов и извинился. Она в ответ тоже извинилась за то, что не учла состояния моего ума, мы выпили, и все уладилось. Я опять заговорил о делах.

— Значит, ты передала отчет. И что потом?

— Потом он попал на передающий корабль, а оттуда, по псисвязи, на стол Инскиппа. Он прислал ответ: «Отчет получен, благодарю за службу, немедленно возвращайтесь». Как видишь, нам приказано вернуться.

Я презрительно фыркнул и сделал глоток.

— Ты думаешь, я тут же улечу?

— Но ты нездоров. Тебе нужен хороший уход. Задание ты выполнял...

— Я тебя не о том спрашиваю. Как ты думаешь, я могу сейчас вернуться?

Анжелина попыталась рассердиться, но притворяться она умела плохо и обреченно пожала плечами.

— Конечно, нет. Не такой ты человек. Сначала мы должны разбить врага, освободить Бураду и покончить с агрессором.

— Не все сразу, но в общих чертах верно. Необходимо создать движение сопротивления, с нашей помощью Тазе с этим прекрасно справиться. Но есть более важная задача. Мы должны взять в плен Края или одного из его серых ребят.

— Отличная идея! А то они возомнили себя великими специалистами по части пыток. Надо преподать им небольшой урок. Мне помнится, как...

— Анжелина! Я вовсе не это имел в виду. В тебе заговорили старые привычки.

— Полная чушь! Признаюсь, я использовала пару старых приемчиков, но исключительно из добрых побуждений. Это меня полностью оправдывает.

— Конечно, так оно и есть, но тем не менее... Я ведь не о том веду речь. Одного из этих серых необходимо подвергнуть тщательному лабораторному обследованию. Когда ты сегодня с ними схватилась, ты не заметила ничего странного?

— Ничего особенного. Да и не до того было. Ну разве что одеты они слишком легко и какие-то холодные на ощупь.

— Верно. А еще они никогда не смеются, не проявляют вообще никаких эмоций. Разговаривают только в случае крайней необходимости. У них много всяких интересных особенностей.

— Дорогой, ты хочешь сказать, что это роботы? Или какие-нибудь зомби? Такие вещи встречаются только в детских книгах.

— Смейся, смейся. Конечно, не роботы, для этого они слишком одушевленные. Мне лично кажется, что это не гуманоиды, а враждебная нам форма жизни.

— А мне кажется, что тебе пора вздремнуть. Свет я погашу.

— Перестань острить! Черт тебя возьми! Это вовсе не плод больного воображения. Этот вопрос меня мучает с тех пор, как я впервые увидел Края. Это же так очевидно. Клиандские солдаты смертельно боятся Края и его подручных. Они даже избегают говорить о

нем. Люди в сером тщательно изолированы от клиандского общества и во всем отличаются от клиандцев. Как будто это совсем другие люди. Мне думается, что когда-то серые обследовали населенные людьми планеты и обнаружили, что Клианда больше других подходит для их целей. Строго иерархическое, милитаризованное общество, все члены которого носят форму. Чтобы захватить власть, надо просто внедриться на высший уровень. Похоже, им это удалось. Они не занимают постов ни в каких общественных институтах, вообще никаких постов, столь дорогих сердцу любого военного, и тем не менее правят этим миром.

— Но...

— погоди. Ты еще не веришь, но уже начинаешь сомневаться. Так ты поможешь мне добыть экземпляр для обследования?

— Помогу ли я?! — Она, как девчонка, захлопала в ладоши. — Да я сгораю от нетерпения. Правда, я могу его немного помять, но ведь главное, чтоб он хоть немного шевелился?

Прежде чем я успел что-либо ответить, в комнату вернулась Тазе с охапкой одежды.

— Быстро одевайся, — приказала она. — Это самые большие ботинки, которые нам удалось найти. Надеюсь, они тебе подойдут.

— А что за спешка? — удивился я.

— Есть причины. Вокруг здания стоят войска и тяжелые орудия. Мы в окружении.

Глава шестнадцатая

Ботинки были и малы и тесны, но я натянул их не мешкая.

— Нас выследили? — спросил я Тазе.

— Нет, конечно, нет. Я в этом деле не новичок. Машину мы сразу перегнали в другое место.

С трудом ворочая мозгами, я сражался со вторым ботинком. Тут раздался сигнал видеофона — все замерли, глядя на аппарат, как на ядовитую змею. После второго сигнала вспыхнул маленький экран, и оттуда глянуло бесстрастное лицо Края.

— Вам уже известно, что здание окружено, — спокойно произнес он. — Сопротивление бесполезно, диГриз. Если вы сдадитесь, никто из ваших друзей не пострадает...

Мой ботинок врезался в экран, изображение вспыхнуло и погасло. Я схватил аппарат и грохнул его о стенку. Меня прошиб холодный пот. То, что любой видеофон можно включить с центральной станции, было мне прекрасно известно, однако это был тот случай, когда знания утешают мало.

— Без паники! — крикнул я, обращаясь больше к самому себе, потому что Анжелина и Тазе были абсолютно спокойны.

Я скакал по всей комнате на одной ноге, пытаюсь натянуть ботинок. Наконец я налетел на кровать и сел. Тяжело дыша, я загибал пальцы.

— Забудем на время об этом звонке и попытаемся осмыслить, что же происходит. Первое: хвоста за нами не было. Второе: машину сразу отогнали, значит это тоже отпадает. Третье: Край знает, что я здесь, следовательно, они вшили в мое тело радиопередатчик. Как только мы выберемся отсюда, потребуется рентгеноскоп и услуги хирурга.

— Мне кажется, что все гораздо проще, — заявила Анжелина.

— Будь добра, объясни. Если ты соображаешь лучше, чем я, — в настоящий момент это не комплимент — то поделись.

— Пульт нейроаппарата. Ты говорил, что он может включаться дистанционно, по радио.

— Конечно! Радиопередатчик может быть составной частью пульта. Тазе, аппарат еще здесь?

— Да, внизу. Мы подумали, что он может еще пригодиться.

— Вот и пригодился. Когда мы уйдем, пульт останется здесь. Пусть себе думают, что мы находимся в здании. Если только удастся выбраться, второй раз они так легко меня не найдут. Тазе, расскажи вкратце, что это за здание и как нам отсюда выйти?

— Это завод, его бывшая хозяйка сейчас в нашем отряде. Выбраться отсюда невозможно, нам остается только сражаться до последней капли крови. Но мы дорого продадим наши жизни! Мы возьмем с собой в могилу много этих грязных сволочей!

— Отлично, отлично. Мы отдадим жизнь, когда это потребуется. Но диГриз сможет отыскать путь к спасению там, где другие впадают в отчаяние. Хозяйка фабрики здесь? Прекрасно, быстро позови ее сюда.

Тазе бегом отправилась исполнять приказ, а я повернулся к жене.

— Я полагаю, дежурный комплект снаряжения у тебя с собой? Типа того, что был у нас во время медового месяца.

— Конечно: бомбы, гранаты, взрывчатка, газовые заряды.

— Молодец, девочка. С такой женой я чувствую себя в полной безопасности.

Вбежала Тазе в сопровождении еще одной амазонки. Та была немного постарше, с благородной проседью в волосах, но так же полногрудая, с обольстительной фигурой зрелой женщины... Я перехватил холодный

взгляд Анжелины и попытался сконцентрироваться на более неотложных делах.

— Я Джеймс диГриз, межзвездный агент и шпион.

— Гвардеец Файда Фиртина, — рывкнула амазонка и, щелкнув каблуками, отдала честь.

— Отлично, Файда, рад с вами познакомиться. Вольно. Насколько мне известно, вы владелица этого здания.

— Так точно. Объединение по производству робутлеров «Фиртина Лтд». Продукция высшего качества.

— Чего?

— Робутлеров.

— Не считите меня назойливым, но что такое робутлеры?

— Прекрасный аппарат, необходимый в каждом приличном доме. Программнообучаемый говорящий робот со специальными функциями. Дворецкий, слуга и незаменимый помощник, который, собственно, и делает дом домом, снимает с плеч хозяйки тяжкий груз повседневных забот...

Дальше пошли сплошные цитаты из рекламного проспекта, но я уже не слушал. В голове начал было складываться план — но ход мыслей был прерван звуками стрельбы.

— Они предприняли пробную вылазку, — доложила Тазе, приложив ухо к передатчику, — но понесли потери и отступили.

— Продолжайте их сдерживать. Пока есть надежда взять меня живым, тяжелые орудия они в ход пускать не будут. — Я подозревал хозяйку фабрики, которой, похоже, не терпелось продолжить рекламную кампанию. — Файда, нарисуйте план первого этажа здания и прилегающих территорий.

Рисовала она быстро и аккуратно — сказывалась военная выучка, — точно отмечая окна, двери и прилегающие улицы.

— Как выглядят ваши робутлеры? — спросил я.

— Размерами и фигурой они напоминают человека, это самая оптимальная форма для домашней обстановки. К тому же...

— Прекрасно. А сколько есть готовых, прошедших испытания, с заряженными батареями?

Она задумчиво нахмурилась.

— Надо бы проверить по бумагам, но примерно сто пятьдесят-двести штук.

— Отлично, больше нам и не нужно. Вы не разоритесь, если они будут уничтожены во имя освобождения Бурады? Надеюсь, ваша страховка покроет убытки.

— Каждый робутлер фирмы «Фиртина» с радостью бы отдал за это свою жизнь, будь он наделен эмоциями. Но они принципиально не способны к насилию и не могут управляться с оружием.

— От них этого и не потребуется. Это наша проблема. Отряд робутлеров будет прикрывать наш отход. А теперь, девушки, подойдите поближе и я изложу вам свой план.

Наконец-то мозги старого диГриза заработали как надо. Казалось, стрельба удесятерила мои силы, встряхнула душу. Приготовления заняли несколько минут, и спустя полчаса наши войска были готовы к атаке.

— Все поняли задачу? — спросил я роботов, заполнивших весь нижний коридор.

— Да, сэр. Поняли, сэр. Спасибо, сэр, — очень вежливо ответили они.

— Тогда приготовьтесь. Это самое важное дело в вашей электронной жизни. Вы выступите по моему приказу и будете действовать, как я вам велю.

— Хорошо, сэр. Спасибо, сэр.

В основном отряде прикрытия роботов было больше сотни. Они стояли четкими рядами, тихо жужжа. Первые щеренги были наряжены в форму, которую удалось отыскать, остальные — кто в фуражке, кто в куртке, а некоторые даже в штанах. Большую часть одежды пожертвовали девушки, что для меня было вовсе не утешительно, учитывая мое семейное положение в настоящий момент. Вокруг было слишком много загорелых тел, чтобы нормальный мужчина мог остаться равнодушным. Было даже приятно немного побыть среди роботов. У них были ладные, крепкие фигуры. Каждый держал в руках отрезок трубы или кусок пластика, напоминавший ружье. Будем надеяться, что в суматохе они вполне сойдут за людей. Взглянув на часы, я поднес ко рту передатчик.

— Всем внимание. Готовность пятнадцать секунд. Приготовить бомбы. К окнам не подходить. Так, пригнулись, подошли... выдернуть предохранители... **ОГОНЬ!**

Девушки дружно метнули бомбы с верхних этажей, на улице послышались глухие разрывы. В основном это были дымовые бомбы с примесью слезоточивого и усыпляющего газа. Я выждал пять секунд, чтобы

дымовая завеса стала плотной, и только после этого распахнул ворота. Когда створки открылись, в помещение повалили клубы дыма.

— Смелей, ребята, вперед! — крикнул я.

Роботы как один подняли левую ногу, и отряд устремился вперед.

— Спасибо, сэр, — выпевали их металлические глотки, когда ряд за рядом они проходили мимо меня.

Из верхних окон грянули выстрелы, снизу раздался ответный огонь. Все шло по плану. Прошло пятнадцать секунд, пора начинать вторую атаку.

— Внимание всем оставшимся робутлерам! ВПЕРЕД! — крикнул я по радио.

По этому приказу из всех дверей и выходов здания в клубах дыма повалили робутлеры. У меня не было ни времени, ни оборудования, чтобы организовать радиоперехват переговоров противника, но и так легко было представить, что сейчас происходило. Надеюсь, что происходило.

Здание было окружено войсками неприятеля. В ярком полуденном свете нашу крепость можно было рассмотреть до мельчайших деталей. И вдруг все переменилось: дым, газ, крики со всех сторон. Так и есть — штурм! В дыму замелькали фигуры, надо стрелять. Бах! Бах! Смерть бурадским боевикам! Но эти прямо как из железа — по ним стреляют, а им хоть бы что. Началась паника. Пронесся слух, что атака предпринята сразу по нескольким направлениям. Какая из них настоящая, а какая — только прикрытие? Куда перебрасывать войска? Куда двигать подкрепления?

По моим прикидкам, паника должна была достигнуть пика через минуту. Потом дым рассеется, вместо трупов будут обнаружены разбитые роботы, и все станет ясно. Нам надо успеть выбраться до этого. После бомбовой атаки отряд Тазе быстро занял исходную позицию. Одна минута — это совсем немного времени для того, чтобы спуститься с верхних этажей вниз. Однако большая часть отряда была уже на месте. Тазе пересчитывала свое воинство.

— Все в сборе, — объявила она, поставив последнюю отметку в списке.

— Выступаем через пять секунд. — Я взглянул на часы и поднял руку. — Пошли! Анжелина, приготовь гранаты!

Небольшая дверь пожарного выхода распахнулась. Анжелина метнула в дым несколько гранат, чтобы усилить завесу. Разговоры смолкли, в наступившей тишине ясно слышались выстрелы и крики. Среди этого шума мне послышалось «Спасибо, сэр». Файда пошла первой, мы потянулись следом, положив руки на плечи друг другу. Я шел в середине цепи, следом за Анжелиной, держась за ее плечо. Думаю, это вышло случайно, не стала бы она специально лишать меня удовольствия подержаться за обнаженное плечо одной из бурадских красавиц. Двигаться в полной темноте было несколько неприятно, в основном из-за визга невидимых пуль, я надеюсь, шальных. Улица была очень узкая, с обеих ее концов стояли клиандские посты. Если бы они знали, что тут происходит, то немедленно открыли бы перекрестный огонь. Но в данный момент они занимались робутлерами. Нам надо было тихо пройти метров двадцать и добраться до жилого дома на противоположной стороне улицы. Если все пройдет нормально, то мы сможем пробраться дальше, на торговую площадь. Там мы разделимся и скроемся в лабиринте улочек и переулков, растворимся среди пешеходов, прежде чем обнаружится наше исчезновение. Надеюсь, все так и будет.

По шагам получалось, что я уже почти у цели. Значит, половина наших уже в безопасности. И тут совсем рядом внезапно раздался голос:

— Это ты, Зобно? Что там сержант говорил насчет роботов? Это точно роботы?

Наша цепочка замерла. Голос был мужской, говорил мужчина по-клиандски.

— Роботы? Какие еще роботы? — отозвался я, снял со своего плеча чью-то руку и положил ее на плечо Анжелины. — Вперед, — шепнул я ей на ухо.

Вышел из цепочки и, громко топая ботинками, пошел на голос.

— Да, он точно говорил про роботов, — сказал голос.

Цепочка за моей спиной с тихим шорохом пришла в движение. Я громко закашлялся, продвигаясь в сторону невидимого противника, выставив перед собой руки, чтобы при случае немедленно вступить в борьбу.

Все бы ничего, но вдоль улицы подул ветерок. В лицо повеяло свежестью, в дыму показался просвет. Я

установился на клиандского солдата в полной боевой выкладке, с винтовкой наперевес. На его лице застыло удивление. Понятно отчего. Вместо своего приятеля он увидел незнакомого субъекта. Небритого, с дрожащими пальцами и покрасневшими глазами, в шароварах и женских ботинках. Он прямо рот разинул.

Это оцепенение длилось ровно столько, чтобы я успел его достать. Пришлось схватить за горло — чтоб он не закричал, и за винтовку — чтоб он, чего доброго, меня не подстрелил. Так мы молча боролись, пока нас снова не накрыл дым. Мой противник не стрелял, не кричал, но и не сдавался. Он был крепок и мускулист, но, к счастью, не слишком сообразителен. Ухватившись за винтовку обеими руками, он пытался вырвать ее у меня. Когда наконец до него дошло, что можно управиться и одной рукой, а другой мне хорошенько врезать, я сделал подсечку и свалился на него сверху. Падая, он умудрился пару раз весьма чувствительно заехать мне в живот. Когда мы упали, я вышиб из него весь дух.

Я присел на бесчувственное тело, чтобы унять головокружение и боль в животе, но тут рядом раздался еще один голос:

— Что за шум? Кто здесь?

Я глубоко вздохнул и постарался ответить как можно увереннее:

— Это я, (отличный ответ, на все случаи жизни) оступился и упал. Палец вывихнул...

— Не ной, медаль получишь. А теперь заткнись.

Я заткнулся, взял винтовку, поднялся — и понял, что потерял всякую ориентацию в непроницаемом дыму.

Очень неприятное ощущение. Дым уже понемногу рассеивался, а я не имел ни малейшего понятия, куда двигаться. Ошибка в направлении может стоить жизни.

Меня охватила паника! Правда, только на одно мгновение. В тяжелой ситуации я всегда разрешаю себе немного попаниковать. Это улучшает кровообращение, стимулирует работу сердца, повышает адреналин и проч., то, что и требуется в такой ситуации. Но паниковать пришлось недолго. Время поджимало. После того как улеглись эмоции, захлопнулся рот и пропали мурашки на спине — заработал логический аппарат.

ПЕРВОЕ: Я не один. Беглецы уже скрылись в здании и теперь находятся в безопасности, но Анжелина не могла меня бросить. Она ждет меня снаружи, у спасительной двери, это ясно как день!

ВТОРОЕ: Она не потеряла ориентации, а я потерял. Значит, она найдет меня сама.

— Этот палец убьет меня, сержант, — заныл я и присвистнул якобы от боли. Один короткий свист, один длинный. По коду, который Анжелина прекрасно знала, это означало букву «а». О том, что мне нужна помощь, она и сама догадается.

— Прекратить свист и разговоры! — зарычал в ответ голос. — Ты кто такой?

Порывшись в памяти, я вспомнил имя, которое совсем недавно слышал.

— Это я, сержант, Зобно. Этот палец...

— Какой еще Зобно?! — вдруг возник еще один голос. — Зобно это я!

— Нет, я! — заорал я. — Кто это там вякает?

— А ну-ка оба сюда — быстро! — приказал сержант. — Через пять секунд стреляю!

Зобно затопал в темноте, а я — наоборот — безмолвно замер на месте, предчувствуя, как пули вопьются в мое тело, но тут кто-то дернул меня за рукав.

— Анжелина? — вздрогнув, прошептал я, в ответ она молча обняла меня. Я было потянулся к ней, но она уже тащила меня за руку. Сзади слышались голоса, потом бахнула винтовка, посыпались команды.

Я споткнулся о невидимую ступеньку, и проворные руки втащили меня в дверь.

Глава семнадцатая

ПРОВЕРКА... проверка...

Слова с трудом пробивались сквозь хриплое рычание нападавших на меня плюшевых мишек. Я мог бы их победить даже несмотря на то, что леденцовые палочки, которыми я орудовал, словно мечами, все время ломались. Но даже и без палочек, если ударить мишку, он сразу валится — удар не держит. Я бы справился с ними, если бы не эти чертовы деревянные солдатики. Из них вышел бы отличный костер, и я уже на шаривал спички, когда один из них вонзил мне в руку штык игрушечной винтовки. От резкой боли я заморгал, открыл глаза и увидел бородатое лицо доктора Мутфака, который внимательно смотрел на меня.

— Тревога, ах, как это не вовремя! Я сделал вам инъекцию, чтобы нейтрализовать действие гипнонаркотика. — Он выдернул иглу, и я невольно потерял руку. — Очень, очень не вовремя.

— Это не моя вина, — пробормотал я в полусне, мне все же хотелось сначала покончить с мишками.

— Лечение идет прекрасно, но его нельзя прерывать. Я погрузил вас в прошлое, в детство — да! — это было интересное, если не сказать путающее, детство! Вы должны позволить мне описать этот случай. Обычно плюшевый мишка символизирует тепло и уют, но ваше изломанное подсознание трансформировало этот образ во...

— Извините, доктор, но об этом позже, — пришла мне на помощь Анжелина.

Прямо золотая богиня, она появилась с балкона, где принимала солнечную ванну. Детали ее купальника по размерам не превосходили крыла небольшой бабочки.

Я сел и замотал головой, пытаясь разогнать наркотический туман. Мы были в красивой, роскошно обставленной комнате, с окном во всю стену, на самом верхнем этаже отеля «Ринга Балиги». Отель по праву считался одним из лучших на Буреде. Он располагался посреди лагуны, добраться сюда можно было либо по воде, либо по воздуху. В этом и состояло его главное преимущество — обо всех непрошенных гостях нас могли предупредить заранее. Вот и сейчас пришло предупреждение — система работала идеально. На время лечебных сеансов я всегда надевал плавки, на всякий случай, ну вроде сегодняшнего. Взявшись за руки, мы с Анжелиной побежали к лифту. На посадочной площадке послышался шум моторов. Едва мы ухватились за поручни, кабина скоростного лифта провалилась вниз.

— Сил-то у тебя хватит? — спросила Анжелина.

— Немного голова кружится, но это пройдет. Как ты думаешь, он хороший психиатр?

— Говорят, что лучший на планете. Если кто-то и может обнаружить все ловушки, которые поставил Край, то только он.

— Он мог бы работать чуточку быстрее. Мы уже три дня копаемся в моем детстве.

— Ты, должно быть, был жутким ребенком. Я узнала такие вещи...

Прежде чем я успел придумать достойный ответ, лифт остановился на уровне моря. Из закрытой купальни ступени вели прямо в океан. Здесь нас поджидал служитель. Мы быстро надели аппараты для подводного плавания и нырнули. Опустились на дно и поплыли дальше, пробираясь между рифов. Здесь нас никто не найдет. Я включил сонар.

— Обычная проверка, — сообщил оператор. — Если они двинутся на нижний уровень, я дам вам знать.

Мы с Анжелиной погрузились достаточно глубоко. Вокруг сновали разноцветные рыбки, колыхались водоросли. Теплая, прозрачная вода привела меня в чувство, голова стала легкой и ясной. Мы добрались до грота, окруженного кораллами, и опустились на песча-

ное дно. Это место мы отыскиали во время наших первых погружений. Я обнял Анжелину. Она прижалась ко мне, и наши маски соприкоснулись. Теперь можно поговорить.

— Что новенького было слышно про Края, пока доктор копался в моих мозгах?

— Они переехали. Видимо, вторжение прошло нормально, и теперь клиандские войска готовятся к оккупации. Они захватили огромное административное здание, Октагон. Оно называется так потому, что по форме представляет собой восьмигранник. Похоже, там теперь главный административный центр — вокруг все время суетятся люди в сером. Видимо, там они и обосновались.

— Интересно, почему же они переехали?

— Тебя, наверное, испугались.

Я фыркнул, хотя в маске это было нелегко.

— Все шутишь, однако в твоих словах больше правды, чем ты думаешь. Конечно, надо прекратить всю операцию клиандцев в целом, но сейчас следует особо заняться людьми в сером и для начала захватить хотя бы одного из них. Для этого мне необходимо проникнуть в здание.

— Ничего подобного.

Она ущипнула меня за бок. Я попытался было стряхнуть ее руку, но под водой это не так-то просто оказалось сделать. Пришлось щипнуть ее в ответ. Понятное дело, она оказалась более уязвимой. Некоторое время мы беззаботно резвились, пока я не вспомнил, с чего началась эта возня, и твердо вернулся к прерванному разговору.

— Почему бы мне не попробовать? Хорошенько замаскируюсь, по-клиандски я говорю прилично, систему знаю изнутри...

— А они прилично знают тебя. За входом следят камеры, напрямую соединенные с компьютером. Тебя можно опознать по фигуре, по голосу, по весу, по рисунку сетчатки, по походке. Все это изменить невозможно, и ты это прекрасно знаешь. Тебя возьмут прямо на входе.

— К сожалению, ты права, — пробормотал я. — Может, у тебя есть другой план?

— Есть. Я тоже говорю по-клиандски, и моих данных у них нет. К тому же на этой планете я единственный агент со стажем, кроме тебя, конечно.

— Нет.

— Почему же сразу нет? — Она нахмурилась и снова ущипнула меня. — Ты мой муж, но не хозяин — понятно? Работаю я не хуже, а иногда и лучше тебя, а дело надо делать. Умерь, пожалуйста, свое самомнение.

Конечно, она была права, но признаваться в этом не хотелось.

— Я же о тебе беспокоюсь.

Она тут же растаяла — всякая женщина любит знаки внимания — и благодарно приникла ко мне.

— Джим, ты все-таки любишь меня, хотя и странною любовью. Все будет в порядке, вот увидишь. У клиандцев служат женщины; во вспомогательных частях — хотя я не представляю себе, как они носят эту жуткую форму. Мы захватим одну из них, я возьму ее форму и документы, пройду в здание, отыщу Края...

— А ты не наделаешь глупостей?

— Ну что ты! В одиночку мне не управиться, я только все испорчу. Это будет разведка. Я все осмотрю, сделаю подробный план, выясню систему охраны и вернусь.

— Великолепно. — Я почувствовал прилив сил, все мои опасения исчезли. — Это совершенно необходимо для того, чтобы подготовить успешное похищение. Мы неожиданно ворвемся, схватим Края — и быстро назад.

Пискнул сонар, я включил связь.

— Они ушли. Можете возвращаться.

Взявшись за руки, мы не спеша поплыли обратно, наслаждаясь прогулкой. На берегу нас поджидал доктор Мутфак.

— Прекрасно. Сейчас мы продолжим сеанс. Надо до конца разобраться с плюшевыми мишками и двигаться дальше.

Он нетерпеливо притопывал ногой, пока мы с Анжелиной обнимались и целовались. Чтобы избавить Анжелину от ненужных переживаний, я быстро вернулся в комнату и предоставил себя в распоряжение доктора. Ни к чему ей лишний раз волноваться перед такой сложной операцией. Махнув мне на прощание, она отправилась одеваться. Я успел помахать в ответ, пока доктор Мутфак не всадил иглу. В этой душе нет места чувствам.

Похоже, лечение и в самом деле продвигалось успешно. Когда я опять проснулся, плюшевых мишек и след простыл. Вспоминались взрывавшиеся космические корабли, яркие вспышки света. За окном догорал закат. Доктор Мутфак собирал инструменты.

— Все прекрасно, — произнес он. — Лечение продвигается как нельзя лучше.

— Вам удалось обнаружить следы вмешательства Края?

— Следы!? — Его ноздри гневно раздулись, он нервно затеребил бороду. — Да у меня такое впечатление, что он ботинки вытирал о ваши мозги! Мясники они, настоящие мясники! Одно утешает — такие следы трудно не заметить. Изъяты целые куски памяти, а на участки искусственной амнезии наложены ложные воспоминания. Эти воспоминания несомненно представляют клинический интерес. Хотел бы я узнать, как они это делают. Из ваших слов явствует, что все было сделано быстро, но на удивление совершенно, вплоть до мельчайших деталей и ощущений.

— За это я ручаюсь.

— Я думаю, что вы даже не в состоянии отличить ложные воспоминания от истинных, вот в чем сила такого вмешательства в память. К настоящему времени я сумел удалить наиболее важные из них, которые причиняли вам наибольшее беспокойство, остальными займемся попозже. А сейчас взгляните на свои руки и расскажите мне, что это за красные полосы.

— Полосы как полосы, — ответил я. Потом почему-то вспомнилась камера, мелькнуло смутное воспоминание об отрубленных руках, не знаю почему. Обычные красные полосы. — Ложная память?

— Да, самый отвратительный ее фрагмент. Но об этом я расскажу в следующий раз. Сейчас вам необходимо отдохнуть.

— Отличная мысль, но сначала мне хотелось бы перекусить...

Вдруг распахнулась дверь, и в комнату влетела Тазе. Лицо ее было ужасно. У меня в груди шевельнулся страх. Я сел, наблюдая, как она возится с телевизором. Клиандцы организовали пропагандистскую программу, которую, впрочем, никто не смотрел.

Вспыхнул экран, и я увидел лицо Края. Он заговорил, едва сдерживая улыбку, если по отношению к нему так вообще можно выразиться.

— Это запись, ее повторяют все время, — пояснила девушка.

— ... и мы хотим, чтобы он это знал. Некоторые из вас знают человека по имени Джеймс диГриз. Свяжитесь с ним. Пусть он посмотрит эту передачу. Это сообщение специально для вас, диГриз. Мы хотим, чтобы вы вернулись. Анжелина в наших руках. Она цела и невредима — пока, — и до утра ей не причинят никакого вреда. ДиГриз, я предлагаю вам связаться со мной и договориться о встрече. Пока, Джим.

Глава восемнадцатая

В такие моменты мне всегда хотелось побыть одному. Тазе сразу все поняла и ушла, как только я показал на выход. Однако доктор попытался завязать разговор, пришлось взять его за шиворот и выбросить за дверь, которую Тазе услужливо приоткрыла. Потом я что было сил грохнул по телевизору. Акт бессмысленного разрушения принес мне некоторое облегчение. Я даже смог налить себе порцию крепкого. Со стаканом в руке я тяжело опустился в кресло, невидящим взглядом уставился в усыпанное звездами небо и принялся разрабатывать план. Это будет непросто — до утра оставалось совсем немного времени.

Смутная мысль, не дававшая мне покоя, оформилась в ясное решение. Придется мне вернуться и опять надеть ошейник — тут уж ничего не поделаешь. Что и говорить, о том времени у меня остались не самые лучшие воспоминания. При этой мысли мозг содрогнулся в черепной коробке. Моему серому веществу так сильно досталось в последнее время, что напрягать его совсем не хотелось. Но деваться было некуда. Ошейника не избежать в любом случае, стало быть, надо его как-то нейтрализовать. Это будет очень не просто. Я тщательно взвесил все возможности и, когда план был готов, вызвал Тазе, чтобы ввести ее в курс дела.

— Это невозможно! — воскликнула она, выслушав меня. Готов поклясться, что в огромных прекрас-

ных ее глазах стояли слезы. — Предать себя в руки этих негодяев. Ради женщины. Ах, если бы мужчины на этой планете были хоть немного похожи на тебя! Невероятно...

Подавив искушение насладиться теплым чудом женского сочувствия, я принялся копаться в сумках с оружием.

При виде гранат мисс Тазе мгновенно исчезла, а сержант Тазе проявила живейший интерес.

— Это для второй части операции, — пояснил я. — Первая часть состоит в том, чтобы проникнуть в здание и освободить Анжелину. Этим я займусь сам. Надеюсь, что попутно мне удастся захватить одного из серых, но, если нет — придется отложить это на время. Вторая часть операции состоит в том, чтобы выйти из Октагона. Тут потребуется ваша помощь. Мне нужен план здания, кроме того, хотелось бы поговорить с человеком, который знает его изнутри, желательно с бывшим охранником — так легче определить наиболее слабые точки. Вы сможете это устроить?

— Конечно, — бросила Тазе через плечо, направляясь к двери. Надежная девушка эта Тазе.

До рассвета оставалось два часа. Подготовка к первой части операции была закончена, а вот отход подготовить оказалось не так просто. Для нашего небольшого отряда Октагон был неприступной крепостью. Отсутствие летательных аппаратов и тяжелой техники дела тоже не упрощало. И сводило практически к нулю возможность отступления как по земле, так и по воздуху. Наконец отыскали и приволокли дрожащего техника из обслуживающего персонала здания. Он водил по схеме трясущимися пальцами.

— Туннель для кабеля, сэр, проходит под улицей, затем под стенами и выходит в полуподвал, сектор семнадцать. Это довольно большой туннель, там проложены силовые и телефонные линии.

— Он наверняка прослушивается и просматривается, — заметил я, — но это легко исправить. А теперь, уважаемые дамы, записывайте, повторять я не буду. Порядок операции следующий...

Все приготовления закончились за двадцать минут до рассвета. Первые группы отправились на исходные позиции, а я по видеофону связался с Краем. Соединили нас сразу. Я заговорил, не давая ему рта раскрыть.

— Я хочу поговорить с Анжелиной, и немедленно, хочу удостовериться, что с ней ничего не случилось.

Он, похоже, ждал этого, поэтому спорить не стал. Анжелина вошла в кадр. Я сразу заметил ненавистный ошейник со шнуром.

— У тебя все в порядке?

— Все нормально. Если можно себя нормально чувствовать в одной комнате с этим уродом, — спокойно ответила она.

— Они ничего с тобой не сделали?

— Ничего. Вот только ошейник надели и прикрепили к потолку, наверное, чтобы не сбежала. Но ты можешь себе представить, как этот негодяй угрожал мне. И что у него за мозги такие...

Тут она замерла, глаза ее закатились. Видимо, Край применил нейроудар. Недолго он проживет, если я доберусь до него. На экране опять появилось его лицо. Мне стоило больших усилий просто молча смотреть.

— Ты немедленно придешь, диГриз, и сдашься. У тебя осталось несколько минут. Ты знаешь, что может случиться с твоей женой. Если ты сдашься, мы ее немедленно освободим.

— А где гарантии, что вы сдержите слово?

— Никаких гарантий. Но у тебя все равно нет выбора, не так ли?

— Я приду, — пообещал я как можно более спокойно и отключил видефон, но успел услышать, как Анжелина вскрикнула: «Нет!»

— Одежда высохла? — спросил я, снимая башмаки и рубашку.

— Почти, — ответила Тазе.

Вместе с еще одной девушкой они просушивали клиандский мундир, выбранный мною для проведения операции. Перед просушиванием его вымочили в химической ванне.

— Ладно, и так сойдет. Ждать больше некогда.

Оставалось несколько сырых пятен, но это не имело большого значения. Мы вышли на причал, у которого нас поджидал катер. На другом берегу стояла машина. На заднем сиденье с черным саквояжем на коленях сидел доктор Мутфак и что-то бормотал.

— Не нравится мне все это, — пожаловался он. — Это грубое нарушение медицинской этики.

— Война, доктор, — это нарушение всех моральных и этических законов, и с этим ужасом необходимо

бороться любыми доступными средствами. Извольте выполнять, что вам приказано.

— Я все сделаю, можете не беспокоиться. Но имеет право человек обсудить этическую сторону вопроса?

— Обсуждайте на здоровье. Только шприц не забудьте наполнить.

Мы припарковались на темной улочке неподалеку от Октагона.

— Катализатор! — приказал я. — Только не пролейте. Наносите под мышками, там никто не заметит.

Я поднял руки и почувствовал, как брызнула теплая жидкость, затем быстро опустил их и зажал мокрую ткань. Выбрался из машины и сунул руку в окно, где в нее вонзилась игла. Ну вот и все. Когда я сворачивал за угол, машина уже исчезла.

Впереди на фоне светлеющего неба горой высился Октагон. Мы едва успели вовремя. Впереди был нужный мне подъезд, там поджидали два человека в сером. У обоих на поясе висели пистолеты. Выглядели они очень внушительно. Я молча подошел. Один из них защелкнул наручник на моем запястье, и меня повели внутрь, мимо безмолвных охранников. На лестнице я споткнулся и после этого стал переставлять ноги намного осторожнее. Видимо, подействовал укол. Разговаривать с конвоирами было не о чем, да и они по обыкновению были не очень разговорчивы. Они просто вели меня туда, куда им было приказано. Доставили в нужную комнату, вытащили пистолеты и сняли наручники.

— Снять одежду, — приказал один из них.

Я с трудом сдержал улыбку. У стены стоял флюороскоп и прочее оборудование. Процедура осталась прежней, эти парни привычек не меняют. Неужели они не понимают, что пристрастие к порядку их когда-нибудь погубит? Похоже, не понимают. Я сбросил одежду и отдал себя на растерзание.

Естественно, они ничего не нашли, потому что искать было нечего. Была одна вещица, но я был уверен, что им ее никогда не найти, — и они ее не нашли. Парни неспешно продолжали обыск, а я хотел только одного — чтобы все побыстрее кончилось. От укола голова слегка кружилась. Ощущение было такое, словно меня укутали ватным одеялом. Похоже, эффект от инъекции достиг пика и скоро пойдет на

спад. Я должен управиться с делами, пока действие укола существенно не ослабло, иначе все пойдет наsmарку.

— Одевайтесь, — с каменным лицом произнес конвоир, протягивая уже знакомые мне прозрачные шаровары.

Я нагнулся, чтобы скрыть улыбку. Получилось-таки! Они спокойно ждали, пока я возился с застегжками. Пальцы слушались плохо. Когда на шее защелкнулся ошейник, я вздохнул от облегчения. Мы приближались к цели, почти не отклоняясь от графика. Один из конвоиров взял в руки пульт и повел меня. Пришлось внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. К тому же такая демонстрация покорности была как нельзя кстати. Мы шли широкими коридорами, мимо лестницы. Я отсчитывал в уме шаги, чтобы запомнить расположение и оценить расстояние.

Наконец мы вошли в кабинет Края. Он ждал за столом, недвижимый и бесстрастный, как паук в центре паутины. Анжелина сидела напротив, ее пульт был подвешен к потолку.

— Ты в порядке? — спросил я, едва переступив порог.

— Конечно, в порядке. Тебе не стоило приходить.

Немного успокоившись, я повернулся к Краю, заметив, что охранник закрывает дверь.

— Ну теперь-то вы ее отпустите? — спросил я.

— Разумеется, нет. Это было бы глупо. — Его лицо даже не дрогнуло.

— Я так и думал. Расскажите, как вам удалось ее схватить?

— У тебя в памяти был четкий образ твоей жены. Когда мы узнали, что тебе помогли бежать две женщины, то сразу поняли, что одна из них — это Анжелина. Компьютер опознал ее, как только она вошла в здание.

— С нашей стороны было глупо так рисковать, — произнес я, повернувшись к Анжелине и разглядывая охранника.

Он собирался подвесить мой пульт на крюк в потолке. Если он сделает это — мы пропали.

Мне оставалось только броситься на него.

— Держи его! — заорал Край.

Охранник поднял глаза и принялся быстро нажимать на пульте кнопки.

Делать вид, что все в порядке, не было никаких сил. От боли выворачивало желудок, мышцы жгутым скрутила судорога. Я рухнул прямо у ног охранника, не достав до него самую малость. Инъекция блокировала боль, но не полностью. Некоторые рецепторы не потеряли чувствительности. На глаза навернулись слезы, все было как в тумане. Перед лицом появилась нога в ботинке, да что толку?

И тут показалась рука, охранник собирался меня поднять. Безымянным пальцем я царапнул кожу на тыльной стороне его ладони.

Он сразу вздрогнул, медленно согнулся и рухнул рядом со мной, выронив при этом пульт. Который упал достаточно близко, чтобы я смог нажать нужную кнопку.

Боль мгновенно отступила. Но оставался еще Край. Я с трудом поднялся, разгибая непослушные ноги.

Ситуация в считанные секунды кардинально изменилась. Анжелина лежала на столе, ухватившись за ошейник и извиваясь от боли. Край, стоя на коленях позади стола, доставал пистолет. Он уже поднимал его, когда я прыгнул. Слишком поздно, мне уже не достать его. Сейчас он меня пристрелит.

И тут грохнул отдаленный взрыв. Пол дрогнул, с потолка посыпалась известка, свет замигал. В отличие от меня Край этого не ожидал, его реакция на мгновение задержалась. Я успел-таки перелететь через стол и ногтем царапнуть его.

Он выстрелил, но пуля впилась в стену, потому что на спуск он нажал уже без сознания, падая на пол.

Анжелина атаковала одновременно со мной. Подтянувшись на шнуре, она ударом ноги свалила Края. Но он отомстил, воспользовавшись радиоуправлением, и только после этого вытащил пистолет. Этот акт садизма, можно сказать, и погубил его — я успел до него добраться. Но Анжелина дорого за это заплатила.

Когда я взобрался на стол, то не мог спокойно смотреть на ее тело. Перед креслом Края было множество разных кнопок и тумблеров, но разбираться было некогда. Я просто сдернул с крюка пульт и отключил его. Анжелина открыла глаза. Не двигаясь, она следила за тем, как я обшаривал ящики стола.

— Ты, милый, просто гений, — слабым голосом сказала она.

Я наконец нашел ключ и нагнулся, чтобы открыть ошейник.

— Как тебе это удалось?

— Я просто перехитрил их, вот и все. Они не смогли найти никакого оружия в моей одежде, потому что она сама была оружием. Ткань была пропитана тантуралином, который легко превращается в сильную взрывчатку. Под мышки я нанес катализатор — но тепло моего тела блокировало реакцию. Пока мундир был на мне — все было в порядке, но, как только меня раздели — я это предвидел, — катализатор начал охлаждаться, температура упала до критического уровня...

— Бах, и все взорвалось. Ты гений! — Она приподнялась, обняла меня и поцеловала.

Ошейник наконец раскрылся. Однако я быстро взял себя в руки и мягко отстранился. Анжелина неуверенно села и, взяв ключ, занялась моим ошейником.

— Я полагаю, что ты так же просто объяснишь, как тебе удалось убить этих подонков?

— Никто их не убивал, они просто без сознания. Я заточил один ноготь, чтобы легче было поранить кожу, и смазал его калланитом.

— Понятно! Невооруженным глазом его не увидеть, тут нужен хороший спектрометр, а чтобы жертва потеряла сознание, калланита нужно ничтожно мало. А что же дальше?

— Надо бы сделать один звонок, на тот случай, если снаружи взрыв не был услышан. Чтобы не сорвалась вторая часть операции. Хотя у них есть приборы...

Не успел я закончить, как погас свет. Мы оказались в полной темноте — окон в комнате не было. Я растерялся, утратив визуальную связь с реальностью:

— Анжелина! — крикнул я срывающимся голосом. — Я накачался наркотиками до бровей, чтобы блокировать болевые ощущения. У меня полностью отключилось осязание. В темноте я могу только слышать. Помогите мне.

— Говори, что делать.

— Отыщи Края. Надо прихватить его с собой.

Она выволокла тело из-за стола, и, судя по звуку, не очень нежно. Затем помогла мне взвалить его на плечи.

— Теперь иди вперед и показывай мне дорогу. Я в темноте ориентироваться не могу. Пересечешь коридор, а потом вдоль стены налево. Примерно через сорок пять метров будет лестница. По лестнице вниз, до конца.

Анжелина взяла меня за руку, и мы тронулись. Я пару раз ударился о стену, но, ясное дело, нечувствительно. В коридоре идти было легче — под рукой была стена. Вдали слышались отчаянные крики. Моя самовзрывающаяся одежда наделала много шума, короткое замыкание тоже случилось очень кстати. Все шло как нельзя лучше, но тут тускло загорелось аварийное освещение.

Мы испуганно замерли, моргая от неожиданности. Ощущение было такое, словно мы оказались на залитых светом подмостках. Кроме нас в коридоре было еще человек шесть.

Но до нас и дела никому не было, у всех было полно своих забот. Мимо промчался толстый офицер, он ничего и никого не видел, насмерть перепуганный взрывами и темнотой.

— Быстро на лестницу, — скомандовал я и помчался вперед так быстро, как только позволяла моя ноша.

Миг удачи обычно краток. Аварийные лампы потускнели, готовые погаснуть в любое мгновение. Навстречу шел солдат, и ему хватило времени, чтобы нас рассмотреть. Он понял, что происходит что-то неладное, поднял винтовку и приказал нам остановиться.

У Анжелины в руке был пистолет Края, и она выстрелила первой. Солдат согнулся пополам, а мы уже были на лестнице — тут свет погас окончательно.

Спускаться было трудно, несмотря на то что я уже почти пришел в чувство. Но Края я все-таки уронил, и мы изрядно повеселились, немного прокатив его по ступенькам. Потом я налетел на Анжелину, и мы чуть было сами не свалились вниз. Дальше пошли осторожнее. Этажом ниже слышался голос:

— Стойте. Мы сейчас вам поможем.

Голос был женский, язык не клиандский — иначе Анжелина просто разнесла бы лестницу в прах. Мы стояли и ждали. Потом чьи-то руки коснулись моего лица и надели мне на нос тяжелые очки. Очки были инфракрасные, а у девушки в руке был инфракрасный излучатель. Я опять мог видеть, причем изображение

было очень контрастным. Теперь мы спускались почти бегом, а девушка что-то говорила в передатчик. Внизу нас дожидалась Тазе.

— Мы выслали людей вверх по всем лестницам встречать вас. Они сейчас подойдут. Нам сюда.

Наконец-то Края сняли с моего плеча. Ни боли, ни усталости я не чувствовал, но по тому, как дрожали мускулы, понимал, что настоящая боль еще впереди. Мы рысью влетели в раскрытый зев туннеля.

— Вперед! — приказала Тазе. — Там нас ждут машины.

Глава девятнадцатая

Каждое движение вырывало стон из моей груди. Может, это выглядело несколько театрально, зато в Анжелине пробудились материнские чувства. Она суетилась, как курица над яйцом. Подсовывала мне под голову подушки, подносила напитки, фрукты резала на кусочки и клала прямо в рот. Я надеялся, что материнские хлопоты помогут ей забыть жуткие события вчерашнего дня. Во всяком случае, пока она ничего не говорила. В раскрытое окно веял теплый, ласковый ветер, над морем голубело небо.

— Потери были? — спросил я. — Все утро хотел поинтересоваться, да голова, видно, не в порядке.

— Ничего серьезного. Только ожоги и царапины да несколько легких ран в группе прикрытия. В целом все прошло по плану. Как только раздался взрыв, девушки закоротили силовые и телефонные сети Октагона. Потом прошли через туннель и вывели из строя аварийный электрогенератор. Остальное ты видел. Потерял сознание ты только в машине.

— Я бы с радостью и раньше его потерял, но мне не хотелось, чтобы меня тащили эти амазонки. Они не очень бережно обращаются с мужчинами. Надеюсь, теперь меня произведут в почетные девушки.

— Ну это еще неизвестно. Звонил доктор Мутфак, сказал, что Край скоро заговорит.

— Пойдем к нему. Я так долго ждал этого разговора!

Выбравшись из постели, я почувствовал себя старше на тысячу лет, казалось, что даже мышцы скрипят. На мне был купальный костюм, на Анжелине тоже. В отеле «Ринга Балиги» свободный стиль был делом обычным. К тому же мы в любой момент должны быть готовы к погружению, если, неровен час, явится военный патруль. Тут я призадумался.

— А что если нагрянет клиандский патруль? Вы подумали, как спрятать Края?

— Это ты точно сказал — спрятать. Поскольку он без сознания, его можно просто положить в холодильник, да хорошо бы там и оставить.

— С мстью подождем, сейчас необходимо получить информацию. Интересно, что доктору удалось вытянуть из этого нечеловека?

— Никакой он не нечеловек, — вскипел доктор Мутфак. Пока я спал он, упорно работал в мини-лаборатории при гостиничной больнице. — Я готов поставить на кон свою репутацию!

— Насколько я понимаю, ваша репутация имеет вес только в области нейроаналитики, — возразил я. — Вы уверены...

— Я не потерплю оскорблений! — заверещал доктор, встав на цыпочки. При этом ему удалось достать мне до плеча. — К оскорблениям со стороны женщин я уже привык, но не намерен терпеть то же самое от инопланетянина. Даже на той занюханной планете, где вы родились, должно быть известно, что всякое медицинское образование предполагает изучение фундаментальных основ биологии и психологии. Так уж получилось, что цитология — это мое хобби. Я могу показать вам такие клетки, что вы остолбенеете от удивления, так что я знаю, что говорю. У этого субъекта клетки вполне человеческие, значит, он человек. Нормальный гомо сапиенс.

— Но ведь есть существенные признаки: низкая температура тела, отсутствие эмоций и прочее.

— Все в пределах обычных вариаций. Приспособляемость людей очень высока, каждая конкретная среда обитания требует своей формы адаптации. В литературе встречаются куда более интересные случаи, чем этот индивидуум.

— А это случаем не робот? — спросила Анжелина чересчур невинно и отскочила, когда я кинулся к ней. Похоже, моя теория рухнула.

— Когда с ним можно будет поговорить? — спросил я.

— Скоро, скоро.

— Позвольте полюбопытствовать, как вам удалось заставить его отвечать вам?

— Хороший вопрос.

Мутфак задумчиво перебирал седую бороду, размышляя над тем, как бы получше объяснить святыне тайны медицины такому профану, как я.

— Поскольку этот человек несет персональную ответственность за злостное вмешательство в ваш мозг, я не считаю себя обязанным придерживаться обычных этических норм, принятых между врачом и пациентом. К тому же именно этот человек руководил вторжением на мою родную планету.

— Вы делаете успехи, доктор.

— Я целенаправленно изменил его мыслительные процессы с учетом наших интересов. Нелегко было решиться на такое, ведь по отношению к вам был совершен аналогичный акт морального насилия, но я решил принять на себя всю ответственность. То, что он попал сюда в бессознательном состоянии, значительно упростило задачу. Я внедрил ложные воспоминания и подверг регрессии центр эмоций, реорганизовал участки памяти — в общем, сделал то, чего буду ужасно стыдиться всю оставшуюся жизнь.

Казалось, еще немного — и Мутфак расплатится. Я одобряюще похлопал его по плечу.

— Идет война, доктор, и сейчас вы солдат. Своими делами вы приближаете победу. И вы достойны всяческого уважения.

— Все равно это будет мучить меня всегда.

Он встряхнулся и снова превратился в ученого сухаря.

— Через несколько минут я выведу пациента из глубокого транса. Он проснется, но его сознание останется пассивным. Его эмоциональные реакции будут как у двухлетнего ребенка. Помните об этом. Не провоцируйте ненависть и не настаивайте на своих вопросах. Он сам захочет вам помочь, но и ему информация дается не всегда легко. Будьте осторожны, лучше задайте иной вопрос, но ни в коем случае не давите на него. Вы готовы?

— Думаю, готов.

Трудно было вообразить Края беспомощным двух-летним малышом.

Вслед за доктором мы с Анжелиной проследовали в палату. Когда мы вошли, нам навстречу поднялся ассистент доктора. Мутфак поправил лампу так, чтобы мы оставались в тени, а свет падал только на лицо Края, и только потом сделал укол.

— Это подействует быстро, — сказал он.

Край лежал, закрыв глаза, его лицо было неподвижно. Голову скрывала повязка, из-под которой к многочисленным аппаратам тянулись провода.

— Просыпайся, Край, просыпайся, — позвал доктор.

Лицо Края ожило: щеки дрогнули, глаза медленно раскрылись. Печать полного покоя лежала на его лице, губы изогнулись в застенчивой улыбке.

— Как тебя зовут?

— Край.

Его хриплый голос звучал совсем по-детски, без тени враждебности.

— Откуда ты прилетел?

Он нахмурился, заморгал и пробормотал что-то нечленораздельное. Анжелина нагнулась и потрепала его по руке, пытаясь успокоить.

— Не спеши, успокойся. Ты ведь прилетел сюда с Клианды?

— Да, — улыбнувшись, кивнул он.

— А теперь вспомни, у тебя ведь хорошая память — ты родился на Клианде?

— Н-нет, кажется. Я там долго жил, но родился не там. Я дома родился.

— Дом — это другая планета?

— Да.

— Расскажи, как там, у тебя дома?

— Холодно.

Его голос стал холодным, как само это слово, совсем как у взрослого Края. Лицо его постоянно менялось, отражая быструю смену чувств.

— Всегда холодно. Ничего не растет, нет ничего зеленого, только холод. Там надо любить холод, а я не любил, хотя жилось мне хорошо. Есть теплые миры; многие из нас, кто не любил холод, переселились туда. Но таких вообще очень мало. Мы не часто встречаемся, да и зачем? Я думаю, что мы друг друга не любим. Нельзя же любить снег, или лед, или холод. На снегу ничего не живет, и мы рыбачим. Только в море есть

жизнь. Я однажды сунул туда руку. Я бы там не смог жить. А они живут, и мы их едим. Но есть теплые миры.

— Как Клианда? — мягко спросил я, подражая Анжелине.

Он улыбнулся.

— Как Клианда. Всегда тепло, даже жарко, очень жарко, но мне это не мешает. Странно, что на земле живут всякие существа, вместе с людьми. Много зелени.

— Как называется твой дом, холодная планета? — прошептал я.

— Называется... называется... название...

Все произошло почти мгновенно. Край забился в постели, лицо его задергалось, глаза уставились в одну точку. Доктор Мутфак закричал на него, приказывая забыть вопрос, лежать спокойно и пытаться всадить иглу в дрожавшую руку. Но было поздно. Реакция вышла из-под контроля. Я клянусь, что в последнее мгновение Край полностью пришел в себя и в глазах его вспыхнула вполне осознанная ненависть.

Но только на мгновение. Секундой позже он выгнулся дугой, рухнул на кровать и затих без движения.

— Умер, — произнес Мутфак, уставившись на приборы.

— Ну хоть не зря. — Анжелина подошла к окну и распахнула шторы. — Не плохо бы искупаться, как ты думаешь, дорогой? А потом поразмыслим, как достать для доктора еще одного серого. Теперь мы знаем, каких вопросов надо избегать, и следующий протянет подольше.

Тут доктор взвился.

— Нет, второй раз я не смогу. Мы его убили, я убил. В его сознание был внедрен приказ: умереть, но местонахождения и названия планеты не открывать. Такое в принципе возможно, вы сами видели. Еще раз я на это не пойду.

— Мы по-разному воспитаны, доктор, — ровным голосом возразила Анжелина. — Для меня нет большой разницы — убит Край в бою или умер на допросе. Вы знаете, что это за человек и что он совершил.

Я молчал, потому что понимал их обоих. Анжелине Галактика представлялась джунглями, где выживает сильнейший. А доктор воспитывался в условиях матриархата, в стабильном, миролюбивом обществе, осно-

ванном на гуманистических принципах. И каждый по-своему был прав. Забавное существо — человек.

— Вы пока отдохните, доктор, — посоветовал я, — таблеточку примите. Вы уже сутки не спали, а это вредно. Завтра будем думать, а сейчас надо отдохнуть.

Я взял Анжелину за руку и вывел ее из комнаты. Маленький, печальный человечек сидел, уставившись глазами в пол.

— Ты не очень расстроился из-за Края, милый?

Анжелина продемонстрировала хмурую мину номер два. Это означало, что если я хочу нарваться на неприятности, то неприятности у меня будут.

— Я?! Нисколько, дорогая. Край основательно испортил мне мозги и то же самое пытался проделать с тобой. Единственное, о чем я жалею, так это о том, что мы не успели вытянуть из него побольше информации.

— Следующий расскажет больше. По крайней мере, мы узнали, что твоя гипотеза верна. Может быть, это и чужая форма жизни, но происхождение у них точно не клиандское. Если мы сумеем вышвырнуть их отсюда, то вторжения и войны прекратятся.

— Легко сказать, да трудно сделать. Давай-ка искупаемся, а потом выпьем и подумаем.

Купание улучшило мое состояние, разыгрался жуткий аппетит. Я включил сонар и заказал бифштекс с пивом прямо в купальню. Это на время заглушило голод, ровно настолько, чтобы добраться до номера и заказать приличный обед.

Обед вышел ничего себе — в семь перемен. Сначала огненный бурадский суп, потом рыба, за ней мясо и так далее. Анжелина слегка перекусила и, прихлебывая вино, поджидала, пока я расправлюсь с едой. Насытившись, я со вздохом откинулся на спинку кресла.

— Вот что я надумал, — устало произнес я.

— Не морочь мне голову. Мне показалось, что ты ел, как акула.

— Не остри, пожалуйста. Чтобы хорошо работать, надо хорошенько есть. Клианда — вот наша главная проблема. Точнее, люди в сером, которые подчинили себе экономику планеты. Готов поспорить — если их выдворить оттуда, то клиандцы сразу потеряют всякий интерес к межзвездным войнам.

— Проще некуда. Планомерный отстрел. Край говорил, что их не так уж много. Надо с ними покончить. Я с удовольствием поучаствую в таком мероприятии.

— Только не ты. Моя жена никогда не будет наемным убийцей. И потом, это не так просто — как с технической, так и с моральной стороны дела. Люди в сером умеют постоять за себя. А то, что цель оправдывает средства — это положение обанкротилось так давно, что не стоит и вспоминать. Ты сама видела, что случилось с доктором Мутфаком, когда во имя благой цели он поступился моральными ценностями. Конечно, мы с тобой слеплены из другого теста, но массовое убийство — это совсем другое дело.

Анжелина побледнела, и я тут же раскаялся в своих словах и взял ее за руку.

— Я совсем не то хотел сказать. Мы же не о прошлом говорим.

— Это понятно, просто вдруг вспомнилось кое-что не совсем приятное. Давай не будем говорить об убийствах. Что еще можно предпринять?

— Много чего, я думаю. Надо только правильно поставить вопрос. Наверняка существует способ развалить клиандскую империю.

Анжелина поднесла к губам бокал. На ее лбу обозначилась морщинка, когда она задумчиво нахмурилась брови.

— А если организовать восстания на захваченных планетах? — произнесла она. — Если клиандцы займутся умирением уже захваченных планет, то захват новых станет просто невозможен.

— Это уже ближе к истине, но не совсем верно. Движения сопротивления проблемы не решат, это видно на примере Бурады. Ты же слышала, что рассказывала Тазе — сопротивление стихает в результате ответных действий клиандцев. Если убивают одного из них, они расстреливают двадцать обитателей Бурады. Местные жители в течение многих поколений жили в мире, они не способны вести партизанскую войну. Я сомневаюсь, что клиандцы применяли бы столь жестокие меры, если бы их не принуждали к тому люди в сером, а именно они и отдают приказы. Солдаты просто выполняют их, в этом и сила клиандской армии. Мы не сможем остановить клиандцев, поднимая в тылу восстания. А вот насчет захваченных планет ты права. Экономика Клианды построена на войне. Империя

существует, пока она расширяется, в противном случае она просто умрет. Только своими силами Клианда не сможет построить и содержать военный космический флот, тут она напрямую зависит от захваченных планет. Эти планеты полностью подчинены Клианде и поставляют все необходимое для ведения войны. В результате нашествие все ширится и ничто не может его остановить.

— Ах, если бы это нашествие было похоже на какую-нибудь форму жизни, что-нибудь вроде гадкой зеленой поросли! Тогда можно было бы оборвать побеги, вырвать ее с корнем. — Анжелина разломила булочку, чтобы проиллюстрировать свою мысль, а потом укусила ее. И собралась было заговорить опять, но я поднял руку.

— Постой. Не говори ничего. Я думаю. Что-то крутится в голове — сейчас, сейчас...

Я забегал по комнате, прикидывая и так и этак; что-то взвешивал, что-то сравнивал, что-то прибавлял, а кое-что, наоборот, выбрасывал и зачеркивал — будто решал сложную математическую задачу. Наконец все стало на свои места, все стало ясно и понятно. Я схватил стакан, рухнул в кресло и громко объявил:

— Я гений!

— Знаю. Поэтому я за тебя и вышла. Внешне ты не очень привлекателен.

— Ты скоро пожалеешь о своих словах, женщина. А сейчас выпьем за мой план и за победу!

Мы чокнулись и выпили.

— А что за план? — спросила Анжелина.

— Этого я пока рассказать не могу. И не потому, что ты будешь смеяться, а потому, что еще не проработаны все детали и он не закончен. Но первая часть операции ясна и должна начаться немедленно, если не раньше. Как ты думаешь, серые уже объявили, что Край похищен?

— Сомневаюсь. Переговоры клиандцев прослушиваются постоянно, но ничего подобного мы не слышали. Это не та новость, о которой они будут трубить на весь мир.

— Я тоже так думаю. Прибавь к этому исключительный эгоизм и свойственное им глубокое равнодушие друг к другу. Я собираюсь сыграть на том, что никто не знает о похищении Края.

— Каким образом?

— Доставай принадлежности и инструменты для пластического грима. Я намерен посетить военную базу в облике Края. У меня там дело.

Анжелина стала было протестовать, но я поднял палец, и она умолкла. Совсем как я, когда она отправлялась в Октагон. Возражать было бессмысленно, и она это понимала.

Поэтому молча отправилась за инструментами.

Глава двадцатая

Мне была необходима клиандская машина. Достать ее было несложно. Надо просто взять у врага. Я был не очень доволен своим гримом, поэтому решил заняться делом, когда стемнеет, чтобы несходство с оригиналом не слишком бросалось в глаза. Нарядившись в мундир Края, я прихватил свой кейс и вместе с Гамалем направился к Октагону. Гамаль раньше служил полицейским во вспомогательных частях, для мужчины это редкость, потому что на Бураде полиция как правило состояла из женщин. Я предпочел бы взять с собой одну из девушек — они более уверены в себе, но в клиандских регулярных войсках женщин не было. Гамаль нервничал, глаза у него бегали. Мне это не нравилось, но делать было нечего.

— Ты понял свою задачу? — спросил я, затолкнув его в темный подъезд.

— Да, сэр, так точно, сэр.

Зубы у него стучат, что ли? Пес его знает. Я вытащил тубик, который доктор Мутфак дал мне на всякий случай.

— Возьми две таблетки, разжуй и проглоти. Плясать не будешь, но нервничать перестанешь.

— Я не...

— Ты да. Бери и глотай.

Так он и сделал, а я быстрыми шагами направился к Октагону, стараясь держаться в тени. Прежде чем приступить к операции, осторожно выглянул из-за

угла. Несмотря на поздний час, движение около здания было довольно оживленным, но ничего интересного для себя я не заметил. Наконец подъехала небольшая машина из которой вышли два офицера. Машина сразу тронулась с места и поехала в мою сторону. Я вышел на дорогу и поднял руку. Завизжали тормоза, машина остановилась, едва не коснувшись меня бампером. Водитель перепугался не на шутку. Тем лучше.

— Вы что, всегда так ездите?

— Нет, сэр, но...

— Не надо оправдываться, меня это не интересует. — Я взобрался на сидение рядом с ним. — Поехали, дорогу я покажу.

— Понимаете, сэр, эта машина...

Под холодным, немигающим взглядом Края он увял, как подснежник в метель. Как только мы удалились от здания, я приказал ему остановиться и раздавил у него под носом капсулу со снотворным. Отдохнуть всегда полезно. А потом поехал туда, где меня поджидал Гамаль. Он уже взломал дверь склада, туда мы втащили спящего солдата. Клиандец будет спать до утра. Пока Гамаль переодевался, я подложил шоферу под голову стопку бумаги.

— Ты сможешь управлять машиной? — спросил я Гамалья.

— Смогу. Это наша машина. Они просто перекрасили ее.

— Вот так, значит, отбиваются трофеи. Сейчас отвезешь меня в космопорт. В воротах притормози, но совсем не останавливайся. И прошу тебя, не бойся, держись смелей. Когда блефуешь, это важно. Будь мужчиной!

— Я и есть мужчина, — заныл он, — но это женское дело. И зачем я только согласился?

— Заткнись и трогай. Прими-ка лучше еще пару таблеток.

Вдали показался космопорт, но меня беспокоил только мой водитель. Я по опыту знал, как все боялись Края. Может, этим объяснялся и панический страх Гамалья? Я вздохнул. Предполагалось, что Края знали все — мне предстояло проверить это на практике. Когда мы подъехали, охрана вытянулась в струнку. Сержант начал было что-то говорить, но я оборвал его:

— К телефону не подходить. Мне кое-кого необходимо тут проверить, и я не хочу, чтобы об этом узнали

заранее. Надеюсь, вы понимаете, что с вами будет, если вы нарушите приказ.

Последние слова пришлось прокричать: Гамаль от страха не слишком тормозил. Но, похоже, они все поняли правильно. Я успел заметить, что к телефону никто не подошел. Первый шаг сделан.

— Я больше не могу! — зарыдал вдруг Гамаль и развернул машину обратно к воротам, — Хочу домой. Я никогда не хотел служить в полиции, меня мама заставила. Она воспитывала меня как девочку, а я хотел быть домохозяином, как мой отец.

Ворота быстро приближались. Я вырвался, достал капсулу снотворного, раздавил у него под носом и только потом перехватил руль. Пришлось одной рукой крутить баранку, а другой держать Гамалю. Мы лихо развернулись и снова умчались в темноту. Интересно, что при этом подумали охранники?

Я успел заехать за какой-то ангар, прежде чем машина заглохла. В кузове лежали какие-то коробки и армейские одеяла. Я выбросил все, кроме одеял, которыми укрыл Гамалю, свернувшегося на полу калачиком. Вообще-то, надо бы его пристрелить или, на худой конец, выбросить. Но в конце концов, он же не виноват, что вырос при матриархате. Пока никто в машину не заглядывал, беспокоиться особо не о чем, вряд ли следовало ожидать повышенного интереса к машине Края. Я подъехал к ближайшему кораблю и остановился неподалеку от трапа. Пора приступать ко второй части операции.

— Вам известно, кто я? — холодно поинтересовался я у караульного.

— Так точно, сэр! — Он вытянулся в струнку, глядя прямо перед собой.

— Пригласите главного инженера на палубу А.

— Его нет на борту, сэр.

— Я отмечу это нарушение режима, так ему и передайте. Позовите заместителя.

Часовой бросился к телефону, а я не спеша прошел внутрь. На палубе А меня поджидал инженер в замасленном комбинезоне. Он нервно протирал руки ветошью.

— Извините, сэр, мы ремонтируем генератор... — Он осекся под моим холодным взглядом.

— То, что у вас неполадки, мне хорошо известно, поэтому я пришел. Пройдите в машинное отделение.

Он поспешил вперед, чтобы показать дорогу. Все оказалось намного проще, чем мне представлялось. Когда мы вошли, из недр разобранного генератора на меня взглянули три побледневших механика.

— Отошлите их! — приказал я. Повторять мне не пришлось.

Наклонившись к разобранному генератору, я с умным видом покачал головой. Затем обошел машинное отделение, постукивая по приборам и заглядывая в смотровые глазки. Инженер все время почтительно держался сзади. Мы подошли к главному генератору. Я уставился на табличку, покрытую непонятными закорючками, потом обернулся к инженеру.

— А почему у вас установлена именно эта модель?

Нет такого инженера, который не любил бы поговорить о своих машинах. Этот не был исключением.

— К сожалению, это устаревшая модель, сэр, мы не успели сделать замену.

— Дайте мне технический паспорт.

Как только он вышел, я сжал ручку кейса и микробомба скользнула мне в ладонь. Оставалось только установить взрыватель на сорок минут и прилепить бомбу под станину главного генератора — там ее никто не заметит. Когда вернулся инженер с техническим паспортом, я рассматривал какой-то механизм. Затем к великой радости инженера я бегло пролистал документ и пару раз одобрительно хмыкнул. Все прошло настолько гладко, что мне даже стало немного стыдно.

— Поскорее заканчивайте, — ляпнул я, не уточняя — что именно, но получил в ответ самые горячие заверения, что будет закончено абсолютно все.

Я собирался повторить этот маневр и на следующем корабле. Что-то знакомое почудилось мне в его очертаниях, когда я припарковался рядом. Тут по трапу сошел Остров и увидел меня.

Меня эта неожиданная встреча ошеломила не меньше, чем Острова. Правда, он при этом побледнел и выпучил глаза, а я уставился на него холодным взглядом Края. А ну как он меня узнает? Ведь когда я был Васькой Хулья, то делил с ним комнату, пьянствовал, управлял этим кораблем, наконец. Слов нет, лицо Края — маскировка, конечно, хорошая, но выдержит ли она испытующий взгляд старого приятеля?

— Ну, — просипел я, заметив, что Остров не в силах ни говорить, ни шевелиться.

— Извините, сэр, вы меня напугали. Поймите меня правильно, сэр, я не ожидал вас здесь увидеть. — Он даже вспотел от волнения, но я молчал. — Что у вас с голосом, сэр? — наконец выдавил он. — Приболели?

Ну конечно, приболел. Я прекрасно понимал, что мне не удастся подделаться под голос Края настолько, чтобы провести человека, который совсем недавно его слышал, как, например, Остров. Но мне прекрасно было известно, что все охрипшие голоса похожи друг на друга. Но эту тему обсуждать с Островом не стоило.

— Контузия, — прохрипел я. — Надо ведь кому-то и воевать.

— Да, конечно, сэр, я понимаю.

Мне надоело смотреть, как он неловко переминался с ноги на ногу, и я двинулся дальше. Но тут он окликнул меня. Пришлось скроить недовольную мину и обернуться.

— Извините, что я вас задерживаю, сэр, но я хотел узнать про Ваську Хуля.

— Это не его имя. Он шпион. Вы что же, хотите восстановить отношения с вражеским агентом, так прикажете вас понимать?

Остров вспыхнул, но не унимался.

— Нет, конечно, сэр, он же шпион. Но мы были когда-то приятелями. Я просто спросил...

— Вопросы задавать — это мое дело, ваше дело — водить корабли.

Закончив разговор, я направился внутрь корабля. То, что Остров не оробел перед Краем, меня, честно сказать, удивило. Под личиной алкоголика скрывалась недюжинная личность.

Вторую бомбу удалось поставить так же легко, как и первую. Работа спорилась. Мне удалось поставить семь бомб, прежде чем взорвалась самая первая. Сигнал тревоги застал меня в машинном отделении девятого по счету корабля.

— В чем дело? — спросил я, прислушиваясь к вою сирен.

— Понятия не имею, — ответил пожилой инженер и снова повернулся к машинам. — Вот трубы у нас плохие, второсортные, а хороших не достать...

— Я вам не снабженец! — вконец потеряв терпение, гаркнул я. — Пойдите и выясните, в чем там дело!

Как только он вышел, я установил взрыватель на три минуты и поставил бомбу.

— Ну, что там такое? — спросил я, встретив инженера на трапе.

— Взрыв на корабле, в машинном отделении.

— Где?! Надо выяснить!

Эту фразу я прокричал взволнованно и быстро. Теперь бомбы рвались одна за другой. Сейчас поднимется паника. Тут-то мне самое время улизнуть с базы. Потому что они быстро поймут, что на всех кораблях взрывы произошли в одном и том же месте — в машинном отделении; то есть именно там, где совсем недавно побывал Край — вот что самое удивительное. Заподозрят его, конечно, не сразу, но поговорить со мной многие захотят немедленно. Надо уносить ноги. Стараясь не привлекать внимания, я быстро зашагал к своей машине.

И увидел там двоих из военной полиции. Они держали под руки полусонного Гамалья.

— Это ваша машина, сэр? — спросил один из них.

— Конечно. А в чем дело?

— Мы заметили в кузове этого типа. Он что-то бормотал, и мы сначала подумали, что он пьян. А когда прислушались, то поняли, что говорит-то он не по-нашему. Очень похоже на местный язык. Вы его знаете?

Я не колебался ни секунды. Война есть война, а на войне солдаты иногда гибнут.

— Никогда не видел.

Гамаль услышал мой голос и поднял голову. Нервы у него были ни к черту, а вот здоровьем Бог не обидел, даже газ ему оказался нипочем. Он уцепился за меня и заорал:

— Спасите меня, они меня убьют, вытащите меня отсюда, я сюда по ошибке попал...

— Что он говорит? — спросил полицейский.

— Понятия не имею — мне сдается, что это один из диверсантов.

Время шло. Когда они вспомнят про Края?

— Посадите его в машину, вы поедете со мной. Я заставлю его говорить по-человечески.

Пока они возились, я завел двигатель и рванул. Они даже сесть не успели и повалились в кузове. Нисколько не скрываясь, я поехал к воротам.

На дороге стоял офицер. Он высоко поднял руку, приказывая остановиться. Пришлось в последнюю секунду затормозить.

— Выезд запрещен. База закрыта.

Лицо у него было решительное, злое, взгляд колющий, как и у меня.

— Я проеду, а вы придержите свои приказы для других.

— Мне приказано никого не выпускать. Никого.

— Я задержал диверсанта и везу его в Октагон на допрос. Ваше рвение похвально, капитан, но приказы здесь отдаю я.

— Я не могу вас пропустить.

Одно из двух — или он непроходимо туп, или уже получил приказ меня задержать. Разбираться было некогда. Я увидел, что один из охранников говорил по телефону, и это мне не понравилось. Пришлось вытащить пистолет.

— Отойдите, или я вас пристрелю, — спокойно потребовал я.

Он потянулся за винтовкой — и замер, в его глазах мелькнул страх. Очень неохотно капитан шагнул в сторону — я нажал на газ. Из караулки выскочил солдат. Он показывал на машину и что-то кричал. Но что именно — мне не удалось расслышать. Мне оглядываться было некогда — а вот полицейские, те наверняка оглянулись. Я увидел в зеркало, как они переговариваются, неровен час, еще пистолеты достанут. Рисковать нельзя. Свернув за угол, я бросил в кузов гранату, затем остановил машину, чтобы выгрузить спящих красавцев.

Гамаль теперь крепко спал, везет же людям! Я громко зевнул и погнал машину.

Глава двадцать первая

— Рассказывай, диГриз, и постарайся ничего не пропускать.

Инскипп был в своем обычном настроении — рычал, фыркал, метался по кают-компаниям.

— Сначала скажите, как там мои детишки, сынки мои как? Ведь я еще их не видел, как они там?

— В самом деле, как дети? — поддержала меня Анжелина, удобно откинувшись в кресле.

Инскипп заворчал, но деваться ему было некуда.

— Прекрасно. Толстеют. Такие обжоры — все в папу. Скоро сам увидишь. Ну хватит об этом. Мне пришлось лететь черт знает за сколько световых лет, потому что операция застряла на месте. И что я вижу? Мои агенты покинули планету и спокойноенько поджидают меня на орбите! Хотя упомянутая планета стонет под железной пятой Клианды. Объяснитесь.

— Мы победили.

— Это не шутки, диГриз. Я могу вас расстрелять.

— Вы меня не тронете. Слишком много в меня вложили. Я серьезно говорю. Мы победили. Стонущая под железной пятой Бурада пока об этом не знает. И клиандцы пока не знают. Это известно только нескольким посвященным — то есть нам.

— Но не мне. Давай выкладывай, и побыстрее.

— Позвольте сначала небольшое представление. Анжелина, радость моя, игрушка у тебя с собой?

Она, не вставая, открыла ящик и протянула мне Штучку. Штучка была гладкая, черная, размером с кулак. С каждого конца у нее было по несколько небольших отверстий, а на одном конце поблескивали крохотные линзы. Я показал Штучку Инскиппу. Он с подозрением посмотрел на нее.

— Знаете, что это такое?

— Нет. И, сказать по правде, знать не хочу.

— Это памятник на будущей могиле милитаристских устремлений Клианды. Какого типа ваш корабль?

— Легкий штурмовик класса Гнэшер. А к чему все это?

— Терпение — и вы поймете, что к чему.

Анжелина подала мне пульт управления. Я насадил Штучку на торчавшую из него антенну. Затем набрал на пульте код штурмовика класса Гнэшер и вынес Штучку в коридор, поближе к главному шлюзу. Анжелина тащила следом упирающегося Инскиппа.

— Представьте себе, — сказал я, — что наш корабль находится на земле и шлюз открыт. Любой шлюз рано или поздно открывается, а Штучка только этого и ждет. Как ждет этого и оператор, находящийся на расстоянии до трех километров от корабля. Как только шлюз открывается, он запускает Штучку. Она влетает в люк и...

Я нажал кнопку ПУСК, и Штучка стартовала. Посвыстывая крохотными дюзами, она устремилась вперед, словно странный колибри, вниз по коридору, по направлению к корме.

— За ней! — крикнул я и побежал.

Мы догнали ее двумя палубами ниже, где путь ей преградила закрытая дверь — но преградила лишь на время. Термический резак быстро прожег отверстие, и Штучка полетела дальше. Когда мы добежали до машинного отделения, она уже до половины прогрызла толстую дверь. Внутрь мы ворвались все вместе. Штучка с неуловимой быстротой облетела помещение кругом и резко нырнула прямо под главный генератор, где взорвалась, выпустив облачко черного дыма.

— Это безобидный дымовой заряд, — пояснил я. — В случае боевых действий аппарат снабжается зарядом взрывчатки, достаточным для того, чтобы вывести из строя главный генератор, но не причинять излишних разрушений. Очень гуманное оружие.

— Да ты рехнулся, диГриз.

— Не я. А не в меру развоевавшиеся клиандцы вместе с серыми парнями. Пойдемте выпьем, и я расскажу, как можно побыстрее с ними покончить.

Уютно устроившись в кресле и как следует промочив горло, я пустился в объяснения:

— Я лично вывел из строя главные генераторы на девяти клиандских кораблях, чтобы убедиться в том, что для такой операции нет никаких технических препятствий. Корабли клиандцев похожи на любые другие корабли, разве что они в большей степени стандартизованы, что сильно облегчает нашу задачу. Штучка создана именно для таких операций. Оператор занимает наблюдательный пост неподалеку от космопорта и следит за клиандскими кораблями с помощью бинокля. Когда на выбранном корабле открывается шлюз, Штучка стартует. Оператор только задает цель и определяет момент пуска. Дальше Штучка управляется микрокомпьютером, в память которого заложены данные о конструкции кораблей различных типов. Она проникает в машинное отделение и взрывает главный генератор. Тут-то клиандцам и конец.

— Генератору конец, — съязвил Инскипп, — но они его заменят — и порядок.

— Не порядок. Генератор заменить не так-то просто. Их выпускают всего несколько заводов в Галактике. Большинство планет просто покупает их у производителей. Я думаю, что на Клианде есть только один завод, но его легко обнаружить и уничтожить прямо из космоса.

— Но у них наверняка есть резервные склады.

— Резерв не безграничен, склады опустеют очень быстро. Кроме того, мы внедрим агентов на все захваченные клиандцами планеты и уничтожим генераторы на всех существующих в настоящее время кораблях: грузовых, транспортных, военных. Получить генераторы на других планетах они не смогут, — для этого Корпус введет эмбарго на всех дружественных нам планетах. Империя неминуемо рухнет.

— Это почему?

— Шевелите мозгами, Инскипп, если они у вас еще не совсем усохли. Анжелика открыла мне глаза. Империя клиандцев, чтобы выжить, должна непрерывно расширяться. Для того чтобы продолжать войну, им не хватит ресурсов собственной планеты. Поэтому они вынуждены захватывать все новые и новые. Но теперь

это станет невозможно. Да, у них есть и планеты, и ресурсы — но что толку, если отсутствует транспорт? Наступление провалится из-за отсутствия кораблей и превратится в отступление. В конце концов им придется убраться на Клианду. Любая планета может выжить, опираясь исключительно на собственные ресурсы. А империя — нет. В течение года Клианда превратится в обычную захолустную планету, по которой будут разгуливать безработные парни в военной форме. Все встанет на свои места, возобновится нормальная торговля. Самое большее — через год. Ну, что скажете?

— Я думаю, что все так и будет и что я не зря на тебя рассчитывал. — Он расплылся в улыбке, я подмигнул Анжелине, и мы дружно выпили.

Глава двадцать вторая

Мы уже стояли в шлюзе, готовые сойти с корабля, когда появился посыльный и вручил мне псиграмму. Анжелина бросила на нее сердитый взгляд.

— Если Инскипп опять хочет поломать наш отпуск, то лучше порви...

— Не волнуйся, — успокоил я ее, — нашему отпуску ничто не угрожает. Это от Тазе...

— Если эта грудастая девка не прекратит тебя преследовать, то у нее будут неприятности.

— Успокойся, дорогая. Это официальное сообщение. Результаты первых выборов после освобождения. Партия Консолослук получила отставку, девушки опять у власти. Тазе теперь занимает пост военного министра. Я думаю, что теперь эту планету будет нелегко завоевать. Тут еще сообщается, что мы награждены орденами Голубых гор первой степени. Официальная церемония вручения состоится при первом же нашем визите на Бурadu.

— Но не думай, что ты полетишь туда один, Скользкий Джим.

Я тяжело вздохнул. Тут массивный люк откинулся, и вместе с порывом ветра в него ворвались бодрые звуки военного марша. В чистом голубом небе бежали белые облачка, коптер волочил огромный транспарант с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!».

— Очень мило, — заметил я.

— Гыр-гыр, — отозвался Боливар, а может быть, Джеймс. Различить их было очень трудно, а мое предложение — нарисовать одному на лбу букву Б, а другому Д — Анжелина категорически отвергла. По крайней мере, на время. Склонившись над робоколяской, она поправляла одеяльца и всячески хлопотала над крохами. Но только мне было известно, что за поясом у нее пистолет, а в пеленках припрятан нож. Моя Анжелина настоящая тигрица-мать — когти у нее всегда наготове. Горе тому, кто осмелится поднять руку на детей диГриза!

— Это лучше, чем обычный дребезжащий эскалатор, — заметил я, указывая на платформу снаружи.

Украшенная флагами, до блеска надраенная платформа превратилась в роскошный пассажирский лифт. На ней свободно разместились все пассажиры вместе с оркестром. Который весело наярывал разудалый марш. Мы ступили на платформу, робоколяска выкатилась следом. Джеймс — или Боливар? — попытался было вылезти наружу, но мягкое щупальце уложило его на подушки.

— Выглядит совсем неплохо, — сказала Анжелина. — Не понимаю, чем ты недоволен.

— В прошлый раз прием был не столь радушен. А как тебе это нравится? — Я указал на ряды заброшенных, покрытых потеками ржавчины кораблей.

— Очень мило, — даже не оглянувшись, похвалила она, поправляя на малютке одеяло.

Как и все молодые папаши, я немного ревновал ее к детям и уже мечтал отправиться на новое совместное задание, чтобы хоть на время оказаться в центре ее внимания. Брачные узы меня уже не тяготили совершенно, более того, я, как добрый конь, полюбил свою узду.

— А это не опасно? — спросила Анжелина, когда мы ступили на землю и почетный караул бодро отдал честь. Тут было не меньше тысячи солдат, и у каждого — винтовка.

— Все оружие выведено из строя по условиям договора.

— А доверять им можно?

— Конечно. Что-что, а приказы они выполнять умеют.

Продвигаясь между застывшими рядами нарядных солдат, мы направились к зданию космопорта.

— Я сейчас тебе покажу, — произнес я и подвел ее к ближайшему солдату.

Это был настоящий вояка — высокий, подтянутый, со стальным взглядом и мужественным лицом.

— Напра-во! — рявкнул я командирским голосом.

Он быстро и четко исполнил приказ. Седой, заслуженный ветеран.

— Проверка... Открыть затвор!

Он опустил винтовку, открыл затвор и протянул мне оружие. Я взял винтовку и заглянул в казенник. Чисто. Потом поднял ствол вверх и увидел только черноту.

— Ствол чем-то забит.

— Так точно, сэр, приказ.

— Что там?

— Свинец, сэр. Сам заливал.

— Прекрасная винтовка. Держите, рядовой! — Я бросил винтовку, и он ловко поймал ее на лету. Что-то в нем привлекло мое внимание. — Мы не знакомы, рядовой?

— Возможно, сэр. Я служил на многих планетах. У меня был чин полковника.

В его глазах мелькнул какой-то блеск и тут же пропал. Конечно. Я не узнал его без бороды. Это был тот самый полковник, которого Край приставил ко мне и который пытался меня пристрелить после высадки на Бураду.

— Я его знаю. Когда-то у него был высокий чин, — сказал я Анжелине, когда мы отошли.

— Теперь у военных с работой трудно. Он, должно быть, рад, что есть хоть такая служба. Просто удивительно, как все переменялось.

— Но у них не было выбора. Когда империя рухнула, им пришлось вернуться на Клианду, и сразу выяснилось, что минеральные и энергетические ресурсы практически исчерпаны за годы правления военных. Надо было либо поднимать сельское хозяйство — либо голодать. Но похоже, что с этой проблемой они справились. Люди в сером покинули планету. Отправились искать приключений в других краях. Когда-нибудь мы обнаружим их.

— Страшные люди. Вот где пригодилась бы хорошая бомба.

— Полегче при детях. — Я похлопал ее по плечу. — Не заставляй их думать плохо о собственной матери.

— Они все прекрасно понимают. Не нравятся мне эти бывшие вояки.

— И не надо. У нас здесь достаточно агентов, чтобы полностью контролировать ситуацию. Так что все в порядке.

Анжелина недоверчиво фыркнула.

— Интересно, какой умник выдумал это турне?

— Я. Каюсь, виноват. И не смотри так на меня. Туризм даст им рабочие места и принесет деньги. К тому же эта сфера бизнеса практически не требует материальных ресурсов. Горные лыжи, купание... К тому же планета вызывает жгучий интерес у туристов из когда-то покоренных миров. Вот увидишь, клиандцы в этой области преуспеют.

Толпа носильщиков расхватала наш багаж. Да, многое здесь переменилось. Люди, несомненно, изменились в лучшую сторону. Не думаю, чтобы они были воинственными изначально, от природы. Как и в старые времена, я предпочел остановиться в отеле «Злато-Злато», он оставался лучшим в городе. Манеры швейцара сильно улучшились с тех пор, а портье даже склонился в приветливом поклоне.

— Добро пожаловать на Клианду, господин генерал, госпожа диГриз. Надеюсь, вам у нас понравится.

Титул всегда облегчает жизнь путешественника, особенно на этой планете. Я окинул взглядом холл и усталился на портье.

— Остров! Ты ли это?! — воскликнул я.

Он поклонился.

— Да, я Остров, к вашим услугам, сэр. Боюсь, однако, что вы меня знаете лучше, чем я вас.

— Извини. Конечно, не мог же ты узнать меня с этим лицом. Последний раз я с тобой разговаривал под видом Края, а еще раньше ты знал меня как Ваську Хулья.

— Васька — неужели? Да, похож, и голос тот же. — Его голос неожиданно дрогнул. — Надеюсь, ты меня простишь за нашу последнюю встречу? Я тогда очень переживал, что помог Краю схватить тебя, и был рад, когда узнал, что тебе удалось бежать. Я знал, что ты шпион, но...

— Ни слова больше. Все давно в прошлом. Я предпочитаю вспоминать о тебе, как о выдающемся собутыльнике.

— Очень благородно с твоей стороны. Позволь мне пожать твою руку.

Пожав ему руку, я с любопытством посмотрел на него.

— Ты изменился, но тебе это к лицу. Потолстел, завел манеры.

— Спасибо, Васька. Пить я бросил, сижу на диете. Слава Богу, что не надо больше летать на этих жутких кораблях. Наша семья всегда служила при гостиницах. Традиция своего рода. Приятно было вновь заняться привычным делом. И место неплохое, как видишь. Хорошего портье сейчас найти трудно. Распишись вот тут. — Он продолжал, понизив голос: — Ты меня прости, но я должен тебя предупредить. Не оборачивайся. У нас давно живет один человек, по-моему, он из команды Края. Весь персонал мне задержал. Я никак не мог понять, что ему тут надо. Похоже, он здесь по твою душу. Надеюсь, ты вооружен. Он сейчас подходит сзади, чуть справа, пиджак цвета сливы и шляпа в желтую полоску.

Я был в отпуске — и без оружия. Впервые за долгое время — последний раз в жизни. Тут я вспомнил об Анжелине — она как раз наклонилась над робоколяской.

— Не хотелось бы отвлекать тебя, дорогая, — с улыбкой произнес я, чувствуя, как мурашки пробежали по телу, — но сзади сейчас подходит человек в фиолетовом пиджаке, это убийца. Займись им, пожалуйста, но, если можно — сделай так, чтобы он остался в живых.

— Очень милая просьба! — Улыбнувшись, она хлопала по куче пеленок.

Я отошел к конторке, поглядывая на нее. Очаровательно улыбаясь, она беззаботно поправляла волосы. И теряла время. Я уже было хотел раскрыть рот и подать голос — но тут ее рука дернулась вниз. За моей спиной послышался сдавленный стон. Я резко обернулся.

Все было кончено. Фиолетовый пиджак потерял свою полосатую шляпу. Он судорожно сжимал правую руку, в которой торчал нож, — пистолет валялся на полу. Рядом появилась Анжелина, резко ударила его по шее и мягко опустила бесчувственное тело на пол.

— Ничего себе отпуск, — фыркнула она, но я знал, что приключение ей понравилось.

— Ну, дорогая, тебе за это медаль дадут. Корпус займется этим парнем, и мы наконец узнаем, где находится их планета.

Я повернулся к Острову.

— Огромное спасибо, ты спас мне жизнь.

— Не за что, сэр. Заботиться о клиентах — наш долг. Разрешите, я провожу вас в номер?

— Конечно, и не забудь про выпивку. Не составишь ли нам компанию?

— Ладно, в последний раз, коль такой случай. Должен заметить, вы счастливый человек — у вас прекрасная жена, она так о вас заботится.

— Я как-нибудь расскажу, как мы с ней познакомились.

Я с нежностью посмотрел, как Анжелина вытирает нож о рубашку бесчувственного парня и прячет в пеленки. Да, когда дети подрастут, им будет с кого брать пример.

Каждый мальчишка мог бы мечтать о такой матери.

**СТАЛЬНАЯ
КРЫСА
СПАСАЕТ
МИР**

Глава первая

— Ты мошенник, Джеймс Боливар диГриз, — прорычал Инскипп, злобно потрясая передо мной пачкой бумаг.

Я прислонился к шкафу в его кабинете, изображая оскорбленную добродетель.

— Я невиновен, — прорыдал я. — Я жертва целенаправленной, холодной, расчетливой лжи.

За спиной у меня был его сигарный ящик, и я ощупью, будучи большим специалистом в этом деле, исследовал замок.

— Хищение, обман, и что хуже всего — рапорты продолжают поступать. Ты обманывал собственную организацию, свой Специальный Корпус, своих же товарищей...

— Никогда! — вскричал я, незаметно работая отмычкой.

— Не зря же тебя прозвали Скользящий Джим!

— Недоразумение! Это просто детское прозвище. Мама считала, что я очень скользкий, когда намыливала меня в ванночке.

Ящик раскрылся, и нос мой задержался от аромата пахучих листьев.

— Знаешь, сколько ты украл? — Инскипп уже весь побагровел и выпучил глаза.

— Я? Украл? Да я бы скорее умер! — с пафосом продекламировал я, извлекая пригоршню невероятно

дорогих сигар, предназначенных для начальства. Я найду им лучшее применение — выкурю сам.

Должен сознаться, мое внимание больше было сосредоточено на похищаемых табачных изделиях, чем на нудных обличениях Инскиппа, поэтому я не сразу заметил перемену в его голосе, но вдруг сообразил, что едва слышу его — впрочем, это и к лучшему. Не то чтобы он заговорил шепотом — казалось, будто у него в глотке регулятор громкости и кто-то резко убавил звук.

— Продолжайте же, Инскипп, — твердо сказал я. — Или вас вдруг охватило чувство вины за эти ложные обвинения?

Я отошел от шкафа боком, чтобы скрыть движение, которым погружал в карман кредиток на сто экзотических сигар. Инскипп, игнорируя меня, продолжал тихо бубнить, теперь уже беззвучно потрясая бумагами.

— Вам нехорошо? — спросил я с почти искренним сочувствием — он что-то совсем сдал.

Не повернув головы вслед за мной, он продолжал смотреть на то место, где я только что стоял, и все шевелил губами. И очень побледнел. Я моргнул и снова посмотрел на него.

Он не побледнел — он стал прозрачным.

Сквозь его голову начала явственно просвечивать спинка стула.

— Прекратите! — закричал я, но он, похоже, не услышал. — Что это еще за игры? Хотите надуть меня с помощью трехмерной проекции? Зря стараетесь! Скользкий Джим не из тех, кого надувают, ха-ха!

Быстро пройдя через комнату, я протянул руку и ткнул указательным пальцем ему в лоб. Палец прошел внутрь с легким сопротивлением, причем Инскипп как будто ничего не имел против. Как только я отдернул руку, раздался легкий хлопок, и он исчез без следа, а бумаги, которые некому стало держать, упали на стол.

— Ого! — не слишком осмысленно выдавил я и наклонился, чтобы поискать под стулом скрытую аппаратуру.

И тут с отвратительным треском взломали дверь кабинета.

Ну, в этом-то я разбираюсь. Я крутанул, все еще полусогнутый, и приготовился встретить первого, кто войдет.

Твердым ребром ладони я утодил ему в горло, как раз под противогаз. Он забулькал и упал. Но за ним вломилось много народу, все в противогазах, в белых халатах, с черными ящичками за спиной, некоторые — с импровизированными дубинками. Очень все странно. Под их натиском я отступил, но успел съездить одному ногой в челюсть, а мощным ударом в солнечное сплетение свалил другого. Потом меня приперли к стенке. Я стукнул еще одного по затылку, он упал. И исчез, не долетев до пола.

Занятно! Число нападающих теперь стало быстро уменьшаться, поскольку те, кого я бил, пропадали. Наши шансы сравнялись бы, если бы как из-под земли не возникали другие люди в том же количестве. Я пробивался к двери, мне это не удавалось. Получил дубинкой по голове — дали, так сказать, по мозгам.

После этого я дрался, как в замедленной съемке. Ударил еще одного, но как-то без вдохновения. Меня схватили за руки и за ноги и потащили из комнаты. Для порядка я извивался и проклинал их на поддюжине языков, но результат, сами понимаете, был никакой. Меня вынесли и поволокли по коридору в стоявший наготове лифт. Один из нападающих взял коробку своего противогаза и, как я ни отворачивался, пустил струю газа мне в лицо. Я ничего не почувствовал, но меня охватила злоба. Я брыкался, скрипел зубами и выкрикивал оскорбления. Люди в масках бубнили что-то в ответ — раздраженно, как мне казалось, и это только усиливало мое бешенство. Когда мы достигли места назначения, я был готов убивать — а меня нелегко довести до этого. И убивал бы, но меня привязали к электрическому стулу и прикрепили электроды к запястьям и лодыжкам.

— Скажите им, что Джим диГриз умер как мужчина, собаки! — крикнул я.

На голову мне опустили металлический шлем, но пока он не закрыл лица, я успел прокричать:

— Да здравствует Специальный Корпус! Да здравствует...

Стало темно, и я понял, что сейчас последует электрошок, разрушение мозга, смерть.

Однако ничего не случилось, шлем сняли, кто-то снова пустил мне в лицо газ из баллона, и я почувствовал, что одолевавший меня гнев проходит так же быстро, как и пришел. Я поморгал и увидел, что руки

и ноги свободны. Тут почти все сняли маски, и я узнал в них ученых и лаборантов Корпуса, работающих в этой самой лаборатории.

— Не соизволит ли кто-нибудь объяснить мне, что здесь происходит?

— Сначала закончим с одним делом, — сказал один из них, седой, с пожелтевшими зубами.

Он повесил мне на плечо черный ящичек и вытянул из него провод с металлическим диском на конце. Диск он прикрепил мне к затылку.

— Вы профессор Койпу, верно?

— Да. — Зубы двигались вверх-вниз, как клавиши фортепиано.

— Вы не сочтете меня грубым, если я попрошу объяснений?

— Вовсе нет. Это естественно в данных обстоятельствах. Очень жаль, что вынуждены были так с вами обойтись. Единственный способ вывести вас из себя и держать в таком состоянии. Человек, одержимый злостью, сосредоточен только на себе и за счет этого выживает. Если бы мы взывали к вашему рассудку, начали бы вам что-то объяснять, то навредили бы сами себе. Вот мы вас и атаковали. Угостили вас газом гнева, и сами им надышались. Единственный выход. О черт, теперь Магистеро. Даже здесь начинается.

Человек в белом халате засветился, стал прозрачным и исчез.

— Так же исчез Инскипп, — сказал я.

— Следовало ожидать. Одним из первых.

— Почему? — глупо улыбаясь спросил я. В жизни не вел более идиотской беседы.

— Взялись за Корпус. Сначала убирают руководство.

— Кто?

— Не знаю.

Я скрипнул зубами, но сдержался.

— Не будете ли вы так любезны объяснить более подробно — или найти кого-нибудь потолковее.

— Прошу прощения. — Он промокнул пот со лба и облизнул сухие губы. — Видите ли, все произошло так быстро. И меры пришлось принимать экстренно. Война времен, если можно так выразиться. Кто-то где-то когда-то вмешался в ход времени. Естественно, первой мишенью они должны были избрать Специальный Корпус, независимо от того, какие у них еще цели. Поскольку Корпус — это самая эффективная,

всеохватывающая, межнациональная и межпланетная правовая организация в истории Галактики, мы автоматически становимся главным препятствием на их пути. Рано или поздно, каковы бы ни были их честолюбивые планы относительно времени, они столкнутся с Корпусом. Поэтому они решили первым делом покончить с нами. Если убрать Инскиппа и других руководителей, вероятность функционирования Корпуса уменьшается, и все мы испаримся, как бедный Магистеро.

Я заморгал.

— А нельзя ли немного выпить?

— Прекрасная идея, присоединяюсь к вам.

Автомат наливал мерзкую зеленую жидкость по своему вкусу, но я, покрутив диск, заказал двойной Пот Сирианской Пантеры и больше половины вытянул одним глотком. Этот жуткий напиток, из-за своего гнусного воздействия на организм запрещенный в большинстве цивилизованных миров, в тот момент пошел мне только на пользу. Я допил стакан, и внезапное воспоминание выскочило из запутанных дебрей моего подсознания.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, но не вы ли читали как-то лекцию о невозможности путешествий времени?

— Конечно. Моя специальность. Дымовая завеса, так сказать. Для нас-то они давно возможны. Однако боялись использовать. Меняются линии времени и все такое. Именно это сейчас и происходит. Но у нас был долгосрочный план исследований. Потому-то мы и поняли в чем дело, когда все началось. Поднялась тревога, а мы не успели никого предупредить. Да и что толку предупреждать? Мы знали, чем состоит наш долг. Добавьте и то, что мы — единственные, кто может хоть что-нибудь сделать. Мы поставили аварийный фиксатор времени вокруг лаборатории создали небольшие портативные приборы — один из них сейчас на вас.

— Как он действует? — спросил я, осторожно касаясь металлического диска у себя на затылке.

— Это запись вашей памяти, которая подается в мозг каждые три миллисекунды. Напоминает, так сказать, что вы — это вы, корректирует все изменения личности, которые могут вызвать нарушения временных линий в прошлом. Чисто защитное устройство, но это все, что у нас есть.

Краем глаза я увидел, как еще один человек испарился, и профессор помрачнел.

— Мы должны перейти в наступление, если хотим спасти Корпус.

— В наступление? Каким образом?

— Послать кого-нибудь в прошлое, чтобы обнаружить силы, ведущие войну времени, и уничтожить их, прежде чем они уничтожат нас. У нас есть такая машина.

— Иду добровольцем. Похоже, эта работа как раз по мне.

— Пути назад не будет. Это экспедиция только в один конец.

— Снимаю последнее заявление. Мне и тут хорошо.

Тут я кое-что вспомнил — информация, несомненно, была подана в мозг три миллисекунды назад — и укол страха послал в кровь порцию различных химических веществ.

— Анжелина, моя Анжелина! Я должен поговорить с ней.

— Она не одна на свете!

— Для меня она одна, профессор. И уйдите с дороги, чтобы я вас не зашиб.

Он отступил, хмурясь, бормоча что-то и постукивая ногтями по зубам, а я набрал номер видеофона. Аппарат дважды прогудел, и несколько секунд до ее ответа ползли как улитки.

— Ты здесь! — выдохнул я.

— А где же мне быть? — Морщинка меж бровей омрачила ее классические черты, и она потянула носом, будто чуяла через экран запах спиртного. — Ты пил, да еще в такую рань.

— Только глоточек, но звоню не поэтому. Как ты там? Выглядишь ты здорово, отлично, совсем не прозрачная.

— Глоточек? Больше похоже, что целая бутылка.

В голосе появился металл, что напомнило о прежней, ~~непреображенной~~ Анжелине, самой жестокой и беспощадной преступнице во всей Галактике до того, как медики Корпуса промыли ей мозги.

— Предлагаю прервать этот разговор. Прими отрезвляющую таблетку и позвони, когда придешь в себя.

Она положила руку на кнопку отбоя.

— Нет!! Я трезв как стеклышко и вовсе этому не рад. Очень срочно, красная кнопка, готовность номер один. Приезжай сюда как можно быстрее и привези близнецов.

— Конечно. — Она вскочила. — Где ты?

— Адрес лаборатории, быстро! — повернулся я к профессору Койпу.

— Уровень 112. Комната 30.

— Ты поняла? — спросил я, поворачиваясь к экрану. Экран был пуст.

— Анжелина...

Я застучал по клавишам, снова набирая номер. Экран зажегся. На нем была надпись: «Номер отключен». Тогда я кинулся к двери. Кто-то сгреб меня за плечо, я отпихнул его, схватился за ручку и распахнул дверь.

Снаружи ничего не было. Бесформенное, бесцветное ничто, и что-то случилось с моей головой, когда я взглянул на это. Потом ручку освободили из моих пальцев, дверь захлопнули, и Койпу прислонился к ней спиной, тяжело дыша. Лицо его исказилось от того же непреодолимого чувства, что испытывал и я.

— Все пропало, — хрипло сказал он. — Коридор, вся станция, все здания, все. Осталась только эта лаборатория, ее держит фиксатор времени. Специального Корпуса больше не существует: никто в Галактике и не вспомнит о нас. Когда фиксатор времени перестанет действовать, уйдем и мы.

— Анжелина — где она, где они все?

— Они никогда не рождались, никогда не существовали.

— Но я же помню ее, помню их всех.

— Вот на это мы и рассчитываем. Пока хоть один живой человек помнит нас, помнит Корпус, у нас есть микроскопический шанс впоследствии возродиться. Кто-то должен остановить атаку из времени. Не ради Корпуса, так ради цивилизации. История сейчас переписывается. Но не навеки, если мы сможем нанести ответный удар.

Путешествие в один конец. Жизнь в чужом мире, в чужом времени. Тот, кто решится на это, станет самым одиноким из людей, заброшенным за тысячи лет до рождения своих родных и близких.

— Готовьтесь, — сказал я. — Я пойду.

Глава вторая

— Сначала нужно выяснить, куда вы направитесь. Место и время.

Профессор Койпу рассказывал по лаборатории, я за ним, не в лучшем состоянии духа. Он бубнил над табуляграммами компьютера, которые вываливались из печатного устройства на пол.

— Нужна точность, большая точность, — сказал он. — Мы произвели разведку в направлении, обратном ходу времени, идя по следам искажений. Планету мы определили. Теперь надо попасть в нужную точку времени. Если опоздаете, они могут уже закончить свою работу. Прибудете слишком рано — можете умереть от старости, прежде чем эти демоны родятся на свет.

— Прелестная перспектива. А что за планета?

— Название странное. Названия, скорее. «Грязь», или «Земля»... Что-то в этом роде. Считается легендарной колыбелью всего человечества.

— Еще одна? Никогда о ней не слышал.

— И вряд ли могли слышать. Уничтожена атомными войнами много веков тому назад. Итак: мы забросим вас прошлое на 32598 лет назад. Плюс-минус три месяца, большей точности на таком расстоянии гарантировать не можем.

— Не думаю, чтобы я это заметил. Какой это будет

— Это задолго до начала современного летосчисления. По примитивным календарям туземцев того времени — 1975 год от Рождества Христова.

— Не такие уж они туземцы, если фокусничают с временем.

— Скорее всего, это вовсе не они. Есть вероятность, что люди, которых вы будете искать, просто действуют в том периоде.

— Как я найду их?

— С помощью этого прибора. — Один из ассистентов протянул мне черную коробочку, на которой были разные шкалы и кнопки, а под прозрачным колпачком свободно плавала стрелка. Она дрожала, как охотничья собака, и указывала все время одно направление, сколько я ни вертел коробочку.

— Детектор генератора темпоральной энергии, — сказал Койпу. — Менее чувствительный, портативный вариант наших больших приборов. В данный момент указывает на нашу спираль времени. Прибыв на планету Грязь, вы воспользуетесь им для поиска тех, кто вам нужен. А это шкала напряжения поля, по ней определите примерное расстояние до источника энергии.

Я посмотрел на приборчик, и у меня в голове закопошилась одна мыслишка.

— Раз я беру прибор, значит, могу взять и другое снаряжение?

— Верно. Маленькие предметы, которые можно унести с собой.

Поле времени создает поверхностный заряд, подобный статическому электричеству.

— Тогда я возьму все оружие, какое только есть в лаборатории.

— Его здесь немного и все небольших размеров.

— В таком случае я сам его сделаю. Нет ли у вас здесь специалистов по оружию?

Он осмотрелся и задумался.

— Старый Ярл работал в оружейном отделе. Но делать сейчас оружие нет времени.

— Я не то имел в виду. Давайте его сюда.

Старый Ярл недавно прошел процедуру омолаживания и выглядел, как бойкий девятнадцатилетний юнец, но, подойдя ближе, глянул подозрительно, по-стариковски.

— Вот что мне нужно, — указал я на блок памяти у него за спиной.

Он отшатнулся, вцепившись в свое сокровище.

— Это мое, говорю вам, мое! Не дам, и не просите, это нечестно. Без него я просто растаю. — Слезы старческой жалости к себе заволокли его молодые глаза.

— Держи себя в руках, Ярл! Вовсе я не хочу, чтобы ты таял, мне нужен только дубликат твоей памяти. Давай-ка мигом.

Он зашаркал прочь, бурча под нос, за ним последовали техники.

— Не понимаю, — сказал Койпу.

— Очень просто. Раз я воюю с большой организацией, мне может понадобится тяжелое оружие. А как понадобится, я подключу старого Ярла к своему мозгу и, пользуясь его памятью, изготовлю оружие.

— Но он же станет вами, займет ваше тело — этого никто раньше не делал.

— А теперь сделаем. Чрезвычайные обстоятельства требуют чрезвычайных мер. Переходим к другому важному моменту. Вы сказали, что путешествие будет в один конец и я не смогу вернуться.

— Да. Спираль времени перебросит вас в прошлое. Там не будет спирали, чтобы вернуть вас.

— Но, создав ее, я смогу вернуться?

— Теоретически. Никто еще не пробовал. У примитивных туземцев может не оказаться нужного оборудования и материалов.

— Значит, если достать материал, то спираль можно построить. Знаете ли вы, кто может это сделать?

— Только я один. Я изобрел спираль, и я сконструировал ее.

— Прекрасно. Мне понадобится и ваша память. Только уж вы, ребята, напишите на ящичках свои имена, чтобы я не перепутал специальности.

К профессору бросились сотрудники.

— Фиксатор времени слабеет! — истерически закричал какой-то инженер. — Когда поле отключится, мы погибнем, и будет так, будто мы никогда не существовали. Этого не может быть!

Один из коллег пустил ему в нос усыпляющий газ, и тот упал.

— Быстрее! — закричал Койпу. — Ведите диГриза к спирали времени, готовьте его!

Меня схватили и вытолкали в другую комнату, громко инструктируя друг друга на ходу. И чуть не

уронили — двое исчезли одновременно. Большинство голосов звучало истерически — как и следовало при конце света. Отдаленная стена уже расплывалась как в тумане. Только выдержка и опыт удерживали меня самого от общей паники. Пришлось наконец отогнать всех от космического скафандра, куда они пытались меня запихнуть, и самому закрыть его. Кроме меня, только один профессор Койпу сохранял хладнокровие.

— Надевайте шлем, но стекло не опускайте до последней минуты. Чудесно. Вот блоки памяти, предлагаю ножной карман, как самое безопасное место. Гравитатор у вас за спиной. Полагаю, вы знаете, как управлять им. Гранаты — на перевязь. Темпоральный детектор сюда...

И так далее. Под конец я еле стоял на ногах, но не жаловался. Если я чего-то не возьму, у меня этого не будет. Пусть вешают.

— Автопереводчик! — закричал я. — Как я буду говорить с туземцами, не зная их языка?

— У нас его нет, — сказал Койпу, сунув мне под мышку контейнер с газовыми баллонами, — зато есть мнемограф.

— У меня от него голова болит.

— С его помощью вы изучите местный язык. В этом кармане...

— Что я буду делать, ведь вы ничего не объяснили? Где я высаживаюсь?

— Очень высоко — в стратосфере. Меньше риска столкнуться с чем-нибудь. Мы доставим вас туда. А остальное — ваше дело.

— Смежная комната исчезла! — крикнул кто-то, в ту же минуту с хлопком исчезая сам.

— К спирали времени! — хрипло прокричал Койпу, и меня потащили к дверям, — все медленнее и медленнее, поскольку ученые и техники лопались как воздушные шарiki.

Наконец их осталось только четверо, и я, тяжело навьюченный, ковылял, как древний старец.

— Спираль времени, — еле слышно сказал Койпу. — Это столб, колонна чистой энергии, которую свернули в спираль и держали под давлением.

Она была зеленая, светилась и заполняла почти все помещение — скрученная блестящая змея толщиной в мою руку — и что-то мне напоминала.

— Она похожа на большую сжатую пружину.

— Да, возможно. Мы предпочитаем называть ее спиралью времени. Ее сжимали... держали под давлением, тщательно рассчитав его величину. Вас поместят на внешнем конце и отпустят ограничитель. Забросив вас в прошлое, спираль отскочит в будущее, где энергия постепенно рассосется. Вам пора.

Нас осталось только трое.

— Запомните меня, — попросил маленький чернявый техник. — Запомните Чарли Нейта! Пока вы будете меня помнить, я никогда...

Мы с Койпу остались вдвоем, стены таяли, в воздухе темнело.

— Конец спирали! Держитесь за него! — крикнул Койпу.

Его голос ослаб или мне показалось?

Чуть не упав, я дотащился до конца светящейся спирали, протянул к нему руку. Коснувшись его, я ничего не ощутил, но сразу засветился таким же зеленым светом и с трудом видел сквозь него. Профессор стоял у пульта, включая автоматику. Вот он потянулся к большому рубильнику. Опустил его...

Глава третья

Все застыло.

Профессор замер у пульта управления, схватившись за рубильник. Я смотрел в том направлении и лишь поэтому видел его — теперь я мог смотреть только в одну точку. Так же застыло и тело — а мозг панически всколыхнулся и забился в своей костяной коробке, осознав, что и дыхание остановилось. Насколько я мог судить, сердце тоже не билось. Что-то шло не так, я был уверен — ведь спираль времени оставалась туго свернутой. Тихая паника усилилась, когда Койпу стал прозрачным, а стены позади него совсем расплылись. Все исчезало, все таяло у меня на глазах. Очередь за мной? Как знать.

Примитивная часть моего существа, унаследованная от обезьяны, брыкалась, выла и металась. И в то же время я испытывал холодный, отстраненный интерес. Не каждому доводилось наблюдать распад своего мира, вися на конце геликоидного силового поля, которое будто бы может зашвырнуть тебя в далекое прошлое. Правда, свою привилегию я бы охотно передал любому, кто пожелает. Но таковых не находилось, и я все висел, выпучив глаза и застыв как статуя, а лаборатория все таяла вокруг меня, пока я не очутился в межзвездном пространстве. Очевидно, даже астероид, на котором была построена база Специального Корпуса, не оставил следа в этой новой Вселенной.

Началось непонятное движение. Меня тянуло каким-то неописуемым образом в невообразимом направлении. Спираль времени начала раскручиваться. Может быть, она раскручивалась и раньше, но искажение времени не давало мне этого заметить. Некоторые звезды точно двигались, все быстрее и быстрее, пока не превратились в размытые точки. Это зрелище не слишком ободряло, и я попытался закрыть глаза, но сковавший меня паралич не позволил. Мимо пролетела звезда, так близко, что я мог видеть ее ядро, и на сетчатке глаза долго сохранялось ее пылающее отражение. Все ускорялось по мере того, как возрастала моя скорость во времени, даже периоды жизни звезд — и те так замелькали, что я не мог за ними уследить, и весь космос превратился в серое пятно. То ли это пятно обладало гипнотическим эффектом, то ли на мозг повлияло движение во времени, но мысли мои совсем спутались, и я впал в состояние между сном и потерей сознания, которое продолжалось очень долго. А может, и недолго, я не уверен. Это могло продолжаться и мгновение, и вечность. Может быть, какой-нибудь уголок мозга и отразил страшное, медленное прохождение всех этих лет. Если так, я не хочу об этом знать. Я всегда стремился выжить. Стальная Крыса в бетонных туннелях общества, я рассчитываю только на себя. Гораздо легче потерпеть неудачу, чем добиться успеха, сойти с ума, чем здраво рассуждать — нужна вся умственная энергия, чтобы выбрать правильный курс. И я существовал, и сохранял относительно здравый рассудок во время своего безумного путешествия, и ждал событий. После неизмеримого периода времени они начались.

Я прибыл. Конец пути был еще драматичнее, чем начало — все произошло как-то сразу. Я снова мог двигаться. Я снова мог видеть, и сначала свет ослепил меня — словом, ко мне вернулись все пять чувств, которых я так долго был лишен.

Более того — я падал. Оживший от оцепенения желудок скрутило, а адреналин и прочие вещества, которые мозгу не терпелось впрыснуть в кровь последние 32598 лет плюс-минус три месяца, наконец поступили, и сердце заколотилось в здоровом волнении. Падая, я развернулся, солнце перестало светить в глаза, и я глянул на черное небо вверх и пушистые белые облака вниз. Она ли это? Грязь, таинственная

родина человечества? Ответа не было, но все же определенно приятно находиться в таком-то месте в такое-то время, когда вокруг ничего не растворяется. Все снаряжение, казалось, было при мне. Нажав кнопку на браслете управления, я почувствовал тягу включенного гравитатора. Превосходно. Я выключил его и продолжал свободное падение, пока не ощутил трение скафандра о первые редкие слои атмосферы. Достигнув облаков, я легко, как падающий лист, погрузился ногами вперед в их мокрые объятия и еще замедлил скорость падения — двигался вслепую, отирая влагу, осевшую на лицевом стекле. Потом я вышел из облаков, поставил гравитатор на парение и медленно оглядел этот новый мир, возможную родину человечества и отныне, несомненно, мою родину навеки.

Надо мной висели облака, как мягкий серый потолок. В трех тысячах метров подо мной были деревья и луга, нечетко видные через запотевшее стекло. Рано или поздно надо было испытать атмосферу, и, надеясь, что мои отдаленные предки дышали не метаном, я приоткрыл лицевое стекло и быстро втянул в себя воздух.

Неплохо. Он был холодный и немного разреженный на такой высоте, но сладкий и свежий. И не убил меня. Я совсем открыл стекло, глубоко дышал и смотрел на мир внизу. С высоты он казался достаточно приятным. Холмистая местность, покрытая деревьями, голубые озера, дороги, пересекающие долины, что-то вроде города на горизонте, извергающего дымовые выбросы. Пока что надо держаться от него как можно дальше. Сначала нужно обосноваться, осмотреться...

До моего сознания дошел звук, похожий на жужжание насекомого. Но на такой высоте насекомых не бывает. Мне бы и раньше пришло это в голову, не будь я занят ландшафтом внизу. Как раз вовремя заметив переход жужжания в рев, я извернулся, чтобы глянуть через плечо. И воззрился на округлый летевший объект, поддерживаемый архаическим пропеллером. В этом прозрачном аппарате сидел человек и в свою очередь пялил глаза на меня. Я нажал «подъем» на браслете и взвился под прикрытие облаков.

Не слишком хорошее начало. Пилот успел ко мне присмотреться — оставалось надеяться, что он не поверил своим глазам. Но он поверил. Должно быть, средства связи того периода были на высоте, а всеоб-

щая паранойя поддерживала боевую готовность, ибо через несколько минут я услышал внизу рокот мощных реактивных двигателей. Машины покружили с воем и ревом, а одна даже поднялась за облака — мелькнула и исчезла серебристая стрела, подняв клубы тумана. Время уходить. Гравитатор не слишком приспособлен для движения по горизонтали, и все же я, плывя в облаках, постарался уйти как можно дальше от этих машин. Не слыша их некоторое время, я рискнул чуть-чуть спуститься. Нигде ничего. Я закрыл стекло скафандра и отключил гравитатор.

Спуск в свободном падении не мог продолжаться долго, но мне он показался очень даже долгим. Меня обуревали нездоровые видения: детекторы щелкали, компьютеры переваривали информацию, механические пальцы указывали, мощные боевые машины со свистом и ревом неслись ко мне. При падении я вращался и все косил глазами — не сверкнет ли где металл.

Но ничего не случилось. Медленно пролетели большие белые птицы, с пронзительными криками изменив курс, когда я пронесся мимо. Внизу голубым зеркалом лежало озеро, и я ненадолго включил двигатель, чтобы направить спуск туда. Если погоня все же начнется, я могу нырнуть под воду и буду вне досягаемости детекторов. Ниже уровня холмов, когда угрожающе близкая вода неслась навстречу, я включил полную тягу, вздрогнул и застонал — так врезались в тело лямки. Гравитатор за спиной неприятно нагрелся, но вспотел я не поэтому. Падать было еще долго, а вода с высоты казалась твердой, как сталь.

Когда я наконец остановился, ноги были в воде. Совсем неплохая посадка. Признаков погони все еще не было, я немного поднялся над водой и заскользил к серому утесу, выступавшему в воду на дальнем конце озера. Воздух был хорош, и все вокруг тихо. Ни голосов, ни шума машин, ни признаков человеческого жилья. Приблизившись к берегу, я услышал шелест листьев на ветру — вот и все. Превосходно. Надо было затаиться, чтобы сориентироваться в обстановке — это место как раз подойдет. Серая скала подымалась стеной, высокая и неприступная. Я скользил вдоль нее, пока не нашел достаточно широкий выступ, и сел на него. Приятное ощущение.

— Давненько так сидеть не приходилось, — сказал я вслух, чтобы послушать свой собственный,

родной голос. «Ага, — подсказало ехидное подсознание, — этак тридцать три тысячи лет». Я опять пал духом, захотелось выпить. Но это было единственное, что я не позаботился захватить с собой, и надо это побыстрее исправить. Отключенный скафандр начал греться на солнце, и я снял его, разложив все снаряжение на камне подальше от края.

Дальше что? В боковом кармане что-то захрустело, и я вытащил горсть неприлично дорогих, поломанных сигар. Экая трагедия. Чудом одна из них уцелела, я откусил кончик, закурил и глубоко затянулся. Чудесно! Я курил, свесив ноги с обрыва, и настроение мое постепенно улучшалось. В озере плеснула рыба, на деревьях чирикали птички, а я задумался над дальнейшими действиями. Мне нужно убежище — но пока я буду его искать, возрастут шансы, что меня обнаружат. Почему бы тогда не остаться здесь?

Среди дребедени, которую мне насовали в последнюю минуту, был лабораторный прибор под названием «массер». Тогда я не хотел его брать, но его привесили к поясу, не слушая меня. Теперь я рассмотрел его. Рукоятка с вмонтированным источником энергии переходила в округлый корпус, а тот сужался в копьевидное острие. На этом острие генерировалось любопытное поле, позволяющее концентрировать почти все виды материи путем повышения связующей энергии молекул. Материал сжимался в объеме, хотя, конечно, сохранял свою массу. Некоторые предметы, в зависимости от материала и расходуемой энергии, можно было уменьшить наполовину.

Я дошел до самого края выступа — дальше был обрыв. Вытянув руку, я приставил острие к скале и нажал кнопку. Раздался громкий треск, и спрессованная глыба камня величиной с мой кулак отвалилась от скалы и упала на карниз. Она была тяжелая — будто свинец, а не камень. Сбросив ее в озеро, я прибавил мощность и взялся за работу.

Лиха беда начало, теперь дело пошло быстрее. Я разобрался, как генерировать почти сферическое поле, которое отламывало солидные куски сжатого камня с мою голову величиной. С трудом спихнув пару таких крутяков в озеро и еле удержавшись на карнизе сам, я срезал скалу под углом, а потом стал рыть выше этого ската. Глыбы отламывались сами, скатывались по откосу, описывали короткий полукруг и с шумом

плюхались в воду. Временами я прекращал работу, прислушивался и осматривался. Было по-прежнему тихо. Солнце клонилось к горизонту, когда я выкопал славную пещерку, где как раз поместилось мое имущество со мной вместе. Берлога, в которую мне не терпелось заползти. Что я и сделал, слетав прежде к озеру за водой. Концентраты были безвкусные, но сытные, и желудок согласился с тем, что он пообедал, хотя и невкусно. При появлении первых звезд я планировал следующий шаг завоевания Грязи, или Земли, или как ее там.

Мое странствие было, должно быть, утомительнее, чем казалось, потому что, когда я проснулся, небо было черно, а на горах сидела полная оранжевая луна. Моя нижняя часть замерзла от сидения на холодном камне, и весь я застыл, оттого что спал скрюченный.

— Ну, могущественный творец истории, — сказал я со стоном, ибо мускулы ныли, а суставы хрустели. — Вылезай и берись за дело.

Вот именно, за дело. Действие вызовет противодействие. Пока я сижу здесь в берлоге, все мои планы бесполезны, ведь нет фактов, на которые можно опереться. Я еще не знал даже, тот ли это мир, то ли время — ничего не знал. Надо выбираться отсюда и живей поворачиваться. Хотя бы одно, что я мог и должен был сделать сразу же, как прибыл. Бормоча проклятия в собственный адрес, я перерыл весь хлам, что притащил с собой, и вытащил черную коробочку — детектор генератора темпоральной энергии. Осветил его маленьким фонариком, и сердце ухнуло до самого желудка — стрелка плавала свободно, никуда не указывала. Никто не искажал время в этом мире.

— Вот дурак-то, — громко воскликнул я, ободрясь от звука самого родного мне голоса. — Эта штучка будет работать гораздо лучше, если ее включить.

Бывает. Сделав глубокий вдох, я нажал выключатель.

По-прежнему ничего. Стрелка была так же безжизненна, как мои напрасные надежды. Был еще шанс, что искажители времени все-таки здесь и в данный момент просто выключили свою машину. Будем надеяться, а теперь за работу.

Я спрятал на себе несколько полезных приспособлений и отсоединил гравитатор от скафандра. Его аккумулятор был разряжен только наполовину, так что

он еще сможет какое-то время поднимать и опускать меня. Я просунул руки в лямки, сошел с карниза и направил свой полет по дуге в направлении ближайшей дороги, которую приметил при дневном спуске. Проплывая низко над деревьями, я отметил ориентиры и засек направление. Специальные часы со светящимся циферблатом, которые я всегда ношу на левой руке, показывают не только время. Если нажать на правую кнопку, освещается стрелка радиокompаса, нацеленная на мой бивуак.

Я скользил по воздуху, и вот лунный свет отразился от гладкой поверхности, которая шла полосой через лес. Сквозь деревья я опустил на землю. Ветки пропускали достаточно света, и не нужен был фонарик, чтобы найти дорогу. Последние несколько метров я шел с особой осторожностью. Дорога была пуста в обе стороны, и ночь тиха. Я наклонился и пощупал покрытие. Оно состояло из сплошного белого твердого вещества, не металла и не пластика, в котором прощупывались песчинки. Малоинтересно. Держась поближе к краю, я пошел пешком в направлении города, замеченного ранее. Медленно, зато экономится заряд гравитатора.

То, что случилось дальше, могу приписать только своей рассеянности, усугубленной усталостью и незнанием этого мира. Мысленно я был с Анжелиной, с детьми, с друзьями из Корпуса, и все они существовали только в моих воспоминаниях, не более реальные, чем персонажи прочитанного романа. Мысль эта очень меня удручала, и я не отогнал ее вовремя, так что внезапный рев моторов застал меня совершенно врасплох. В тот момент я огибал небольшой холм — с обеих сторон поднимались крутые откосы. Мне бы сообразить раньше, что на этом повороте можно влипнуть, и принять соответствующие меры. Теперь же, пока я раздумывал, подняться мне вверх по склону на гравитаторе или еще куда-нибудь деться, из-за поворота показался яркий свет, и рев стал громче. В конце концов я просто нырнул в придорожный кювет, лег и сжался, закрыв лицо руками. Одежда на мне была нейтрального темно-серого цвета, неприметная на земле.

Захлебывающийся рев прокатился мимо, яркие огни метнулись по мне и пропали. Когда они проехали, я сел и посмотрел вслед четырем странным машинам.

Детали были размыты, я ведь видел только силуэты на фоне их фар, но они показались мне очень узкими, вроде моноциклов, и у каждого сзади светился красный огонек. Шум моторов затих, слышалось звериное завывание сигналов, визг тормозов. Они замедляли ход. Должно быть, увидели меня.

Трескучие, лающие звуки эхом отдались в ущелье, а огни описали полный круг и двинулись ко мне.

Глава четвертая

Если сомневаешься, дай другому сделать первую ошибку — это старый мой девиз. Можно попытаться бежать, забраться наверх или взлететь, но вдруг у этих людей есть оружие? Тогда я стану хорошенькой мишенью. А удастся уйти — привлеку внимание к этому району. Лучше поглядим, кто они такие. Повернувшись к ним спиной, чтобы огни не слепили мне глаза, я терпеливо ждал. Машины с рокотом подкатили и выстроились вокруг меня полукрутом. Моторы кашляли, фары слепили глаза. Я сощурился и вслушался в странные звуки, которые водители издавали при разговоре. Ни одного слова разобрать не удалось. Похоже было, что мой костюм находят экзотическим. Наконец они вроде бы договорились — мотор одной из невидимых машин заглох, а ее водитель вышел на свет.

Мы обменялись взаимно заинтересованными взглядами. Он был пониже меня, однако металлический шлем в форме ведра прибавлял ему роста. Шлем был усеян заклепками, а на макушке торчала длинная пика, безобразная, как и весь его наряд: сплошной черный пластик с блестящими кнопками и пряжками, а уж верхом вульгарности был стилизованный череп с костями у него на груди, утыканный какими-то фальшивыми драгоценностями.

— Кризл пртцблк? — сказал он крайне оскорбительным тоном, выпячивая челюсть.

Я улыбнулся, дабы показать, какой я добродушный, дружелюбный парень, и ответил как можно вежливее:

— Мертвый ты будешь еще противнее, чем живой, поганец, а ты им скоро станешь, если будешь так говорить со мной.

Он, похоже, удивился и провякал еще что-то столь же неразборчивое. К нему подошел другой, в таком же наряде, и указал на мою руку. Все посмотрели на мой ручной хронометр, и раздались пронзительные крики, сначала заинтересованные, потом злые — это я спрятал руку за спину.

— Прабл! — сказал первый головорез, шагнув вперед и протянув руку. Из другого кулака со щелчком выскочило сверкающее лезвие.

Этот язык я понимал и улыбнулся. Они — люди непорядочные. Вряд ли здешний закон поощряет вооруженное ограбление прохожих. Теперь я знал правила и мог играть.

— Прабл, прабл? — вскричал я, отпрянув, и будто в отчаянии воздел руки.

— Прабл драбл! — мерзко ухмыльнулся верзила, подскочив ко мне.

— А вот тебе прабл! — с этими словами я вскинул ногу и лягнул его в запястье.

Нож улетел во тьму, а парень завопил от боли. Вопль перешел в затихающее бульканье — это я ткнул вытянутыми пальцами ему в горло.

К этому моменту все должны смотреть только на меня, поэтому я вытряхнул из тайника в рукаве световую мини-ракету и бросил ее на землю перед собой, предварительно закрыв глаза.

Вспышка обожгла веки, а когда я открыл глаза, перед ними плавали световые пятнышки. Я отделался легче, чем мои обидчики — их всех временно постигла слепота, судя по их стонам и жалобам. Никто мне не препятствовал, когда я обходил их и каждого хорошенько пинал куда следует. Все взвыли и забежали кругами, а двое столкнулись и принялись немилосердно избивать друг дружку. Пока они развлекались таким образом, я обследовал их средства передвижения. Станные машины всего на двух колесах и никакого гироскопического механизма, чтобы стабилизировать их при движении. На каждой — одно сиденье, на котором верхом сидит водитель. Машины

выглядели очень опасно, и у меня не возникло желания учиться ими управлять.

Что же делать с этими типами? Мне никогда не нравилось убивать, и я не стану затыкать им рот таким способом. Если это преступные элементы, а похоже, что так, вряд ли они станут заявлять властям об этом случае. Преступные элементы! Да ведь такие информаторы мне и нужны. Хватит одного, предпочтительней тот первый — не будет мучить совесть, если придется проявить к нему строгость. Он стонал, приходя в сознание, но глоток сонного газа снова погрузил его в бессознательное состояние. На нем был широкий, утыканный бляхами ремень — похоже, прочный. Я пристегнул его к собственному поясу, дружески обнял за плечи и поднял гравитатор в воздух.

Мы тихо и плавно поднялись и, отплыв прочь от шумной маленькой компании, направились к моему озерному приюту. Исчезновение товарища покажется им весьма таинственным, но если заявят властям — ничего не добьются. Я собирался уединиться со своим спящим компаньоном на пару дней и выучить язык этой страны. Речь у него, конечно, ужасающая, но это можно исправить позднее. Мой приют гостеприимно разевал рот мне навстречу, и я скользнул внутрь, безжалостно свалив свою обмякшую ношу на камень.

Пока он со стонами приходил в себя, я все отыскал и приготовил. Наслаждаясь сигарой из своего карманного запаса, я молчал, а он постепенно и болезненно возвращался к жизни. Долго чмокал губами, прежде чем открыть глаза, и сел, после чего застонал и схватился за голову. Да, мой сонный газ дает болевые побочные эффекты, но помня, как пленный наставлял на меня нож, я немного примирился с его страданиями. Потом он дико огляделся, выпучил глаза на меня и мое оборудование, зыркнул в сторону черного входа и совершенно неожиданно дал деру. Хотел выскочить из отверстия. И шлепнулся ничком, так как был привязан проводом за ногу.

— А теперь кончаем игры и начинаем работать, — беззлобно сказал я, сажая его опять спиной к стене, и пристегнул ему к запястью один прибор — простой, но эффективный.

Я настроил его, пока пленный спал. Там были датчики кровяного давления и сопротивляемости кожи. Результаты выводились на контрольное устройство у

меня в руках. Принцип детектора лжи. Была там и схема негативного закрепления. В нормальных условиях я не стал бы применять такую технику к человеку — обычно ее используют в лабораториях для экспериментов над животными — но для этого человека сделаем исключение. Мы же играем по его правилам — так сэкономим время. Когда он начал выкрикивать что-то — гнусные, надо полагать, оскорбления — и попытался сорвать с себя датчики, я включил закрепление. Он взвизгнул и энергично затрясся под током. Ничего страшного — я пробовал на себе и установил болевой предел. Такую боль вполне можно вынести, но вряд ли кому захочется.

— Теперь начнем, — сказал я, — вот только przygotowуюсь.

Он глядел во все глаза, как я прилаживал к вискам присоски мнемोगрафа и включал ток.

— Ключевое слово, — я посмотрел на своего собеседника, — «урод». Начали.

Возле меня лежала кучка простых предметов, я взял один из них и показал ему. Потом громко сказал «камень» и замолчал. Он тоже молчал, поэтому я включил закрепление, он подскочил и дико повел глазами.

— Камень, — спокойно и терпеливо повторил я.

Прошло некоторое время, прежде чем он стал усваивать. Я наказывал его за ругательства и не относящиеся к делу выражения и вдвойне наказывал за неправильное слово — на контроле было видно, когда он врет. Ему очень скоро надоело, и он решил, что проще всего называть слова правильно. Мы быстро покончили с названиями предметов и перешли к рисункам и показу разных действий. Я усвоил фразу «не знаю», благо она часто повторялась, и мой словарный запас рос. Микроволны мнемोगрафа вбивали новый словарь в кору моего мозга не без болезненных побочных эффектов. Когда голова стала пухнуть, я принял обезболивающее и продолжил игру в слова. Вскоре их накопилось достаточно, чтобы перейти ко второй части курса — грамматике и структуре. «Как твоё имя?» — мысленно произнес я и добавил ключевое слово «урод».

— Какой... имя? — произнес я вслух. Ну и противный же язык.

— Слэшер.

— Мой... имя... Джим.
— Отпусти меня, чего я тебе сделал?
— Сначала учиться... уйти потом. Теперь скажи, какой год?

— Чего какой год?
— Какой сейчас год, балда?

Я повторял вопрос и так и сяк. Наконец он проник сквозь толщу черепа Слэшера, а меня прошиб пот.

— А-а, год! 1975-й. 19 июня 1975 года.

Точно в яблочко! Через все века и тысячелетия спираль времени доставила меня в нужную точку. Мысленно я поблагодарил профессора Койпу и прочих исчезнувших ученых. Поскольку они жили только в моей памяти, это, наверно, и был единственный способ благодарности. Полученная информация воодушевила меня, и я продолжил урок языка.

Мнемограф вбирал новую речь, систематизировал ее и вбивал глубоко в мои несчастные синапсы. Я подавил стон и опять принял обезболивающую таблетку. К рассвету я ощутил, что достаточно владею языком, чтобы обучаться дальше самостоятельно, и выключил аппарат. Мой собеседник уснул, стукнулся головой о камень, но не проснулся. Я не стал его будить и снял с нас обоих всю электронику. После ночного бдения я и сам устал, но стимулирующая таблетка оживила меня. Кишки жалобно урчали от голода, и я достал припасы. Слэшер вскоре проснулся и разделил со мной завтрак, однако ел только те брикеты, от которых я отламывал сам. Я удовлетворенно икнул, он отозвался эхом. Некоторое время он взирал на меня, затем вынес суждение:

— А я знаю, кто ты.
— Так скажи.
— Ты с Марса, вот чего.
— Что такое Марс?
— Ну, планета такая.

— Ладно, пускай с Марса. Ты будешь делать, что я скажу, поможешь мне в деле — деньги надо.

— Я ж тебе сказал, меня досрочно выпустили. Сцапают — сразу посадят.

— А ты наплюй. Держись за меня, никто тебя не тронет. Бабками завалишься. А есть у тебя бабки? Хочу поглядеть.

— Нету! — ответил он, хватаясь за вздутие в нижней части своего туалета.

Теперь я мог раскусить, когда он врет, и без прибора.

Успокоив Слэшера сонным газом, я достал из его одежды нечто вроде широкого конверта с тонкими зелеными бумажками — несомненно, бабками, которых у него якобы не было. Смешно даже! Самая простая копировальная машина может печатать такие пачками — если только на них нет скрытых опознавательных знаков. Я подверг бумажки тщательному анализу и не обнаружил ни химической, ни физической, ни радиоактивной идентификации. Чудеса. Были, правда, в бумаге какие-то волокна, но дубликатор их отлично воспроизведет. Если бы у меня только был дубликатор. А может, и есть? Ведь на меня чего только не навешали. Я порывлся в куче, и пожалуйста — нашел карманный дубликатор. При нем был запас очень компактного материала, который путем, кажется, клеточного деления разрастался в машине, и получался лист гладкого белого пластика, на котором печатались копии. Повозившись немного с пластмассой, я сумел сделать ее такой же жесткой и мятой, как бабки. Сделал копию — и получил дубликат оригинальной бумажки. Самой крупной купюрой у Слэшера была десятка, и я сделал с нее несколько копий. Правда, на них был одинаковый серийный номер, но я на опыте убедился, что на эти номера никто не смотрит.

Пора было переходить к следующей фазе проникновения в общество этой примитивной планеты Земли (теперь я знал, что Грязь — неверное название и означает совсем не то). Я разместил на себе самое необходимое, а остальное оставил в пещере, и скафандр тоже. Будет нужно — заберу. Слэшер бормотал во сне и храпел, когда я летел с ним через озеро, над деревьями обратно к дороге. Сейчас, днем, движение оживилось — я слышал, как проезжают машины, поэтому опять приземлился в лесу. Не будя пока Слэшера, я закопал гравитатор вместе с радиопередатчиком, который, когда надо, приведет меня к тайнику.

— Что такое? — вскочил пробужденный газом Слэшер, непонимающе оглядывая лес.

— Давай двигай. Пора сматываться отсюда.

Он заковылял за мной, все еще полусонный, но разом проснулся, когда я сунул ему под нос пачку денег.

— Как тебе бабки?

— Классно — я-то думал, у тебя пусто.

— Было пусто, стало густо, взял и напечатал. Как они, в порядке?

— Еще как в порядке, я лучше и не видел. — Он оценил бумажки глазом профессионала. — Только вот номера одинаковые. Зеленъ — первый сорт.

Расстался он с деньгами неохотно. Воображение развито слабо, совесть отсутствует — как раз то, что мне надо. При виде зелененьких пропал весь его страх передо мной, и мы вместе, шагая по дороге, строили планы, как бы добыть их побольше.

— Костюм, который на тебе, нормально выглядит издали, вон из машин никто не обращает внимания, но все-таки надо тебе купить какие-то шмотки. Тут есть универмаг, вон под той горушкой. Ты отойди с дороги и подожди, а я пойду и все куплю. Или нет — может, сначала добудем тачку: ноги-то не казенные. Вон заводская стоянка. Посмотрим, что там продается.

На приземистом прямоугольном здании завода торчало множество труб, выбрасывавших дым и загрязнявших воздух. Сбоку выстроились рядами разноцветные машины. По примеру Слэшера я пригнулся, и мы быстро прошли к ближайшей машине в наружном ряду — красненькой и пузатой. Убедившись, что за нами никто не следит, мой спутник вскрыл замок какой-то штукой с металлическими зубьями на конце и поднял большую крышку. Я рот открыл, увидев этот чрезвычайно примитивный двигатель. Да, я действительно попал в прошлое. Закорачивая какие-то провода, чтобы включить зажигание, Слэшер объяснил в ответ на мои вопросы:

— Называется двигатель внутреннего сгорания. Почти новый, где-то триста лошадиных сил. Залезай и смоемся отсюда, пока никто не видел.

Я наметил себе ознакомиться попозже с теорией внутреннего сгорания. Из беседы я понял, что лошадь — довольно крупное четвероногое. Должно быть, применяется процесс биоминиатюризации, чтобы поместить столько животных в одну машину. Впрочем, как ни примитивна была машина, двигалась она быстро. Слэшер что-то сделал с управлением и повернул большое колесо, мы вылетели на дорогу и поехали — кажется, никто нас не заметил. Я был очень доволен тем, что

машину ведет Слэшер, а я могу наблюдать новый для меня мир.

— Где хранятся все деньги? Ну, такое место, где их запирают на ключ?

— Это ты про банки, наверно. Такие дома, где толстые стены, большие подвалы, вооруженная охрана. В каждом городе есть такой, хотя бы один.

— И чем больше город, тем больше банк?

— Правильно понимаешь.

— Тогда поехали в ближайший большой город и найдем самый большой банк. Мне надо побольше зеленых — вот мы вечером его и обчистим.

Слэшер в страхе открыл рот.

— Да ты что! Там же сигнализация и мало ли еще что.

— Какая там сигнализация в вашем каменном веке, смех один. Ты только найди город, банк, ну и чего-нибудь поесть и выпить. А вечером я сделаю тебя богачом.

Глава пятая

По правде говоря, еще ни один банк я не грабил с такой легкостью. Заведение, выбранное мной, стояло в центре города с невозможным названием Хартфорд. Солидное здание из серого камня, проемы загорожены железными прутьями — но вся эта защита была ни к чему, поскольку с обеих сторон к банку примыкали другие здания. Крысы редко входят через парадную дверь.

Ранним вечером мы вышли на дело, и Слэшер дергался и нервничал, несмотря на большое количество поглощенного им низкосортного алкоголя.

— Попозже надо бы, — ныл он. — Еще народу полно на улице.

— Вот и хорошо. Если будет на двоих больше, никто не заметит. Ставь-ка тачку за углом, где договорились, и бери сумки.

Я нес чемоданчик со своим инструментом, а Слэшер шел за мной с двумя большими дорожными сумками — нашей недавней покупкой. В здании слева от банка было темно, а входная дверь, конечно, на запоре. Не беда — я присмотрелся к замку еще днем и был уверен, что проблем с ним не будет. Прибор в моей левой руке нейтрализовал сигнализацию, правой я в то же время вставил отмычку. Дверь открылась так легко, что Слэшер даже не остановился, а вошел с сумками прямо за мной. Никто на улице не обратил на нас

никакого внимания. В коридоре были еще запертые двери, в которые я входил с той же легкостью, и наконец мы дошли до последнего кабинета.

— У этой комнаты должна быть с банком общая стенка. Ну-ка, проверим, — сказал я.

За работой я чуть слышно насвистывал. Это у меня отнюдь не первое ограбление банка и, насколько от меня зависит, не последнее. Из всех видов преступлений ограбление банка всего выгоднее и для личности, и для общества. Личность, разумеется, получает много денег, тут и спору нет, а кроме того — приносит благо обществу, снова пуская в оборот большие суммы наличных. Экономика стимулируется, мелкий бизнес процветает, люди читают в прессе интересные вещи, а полиция получает шанс применить свои разнообразные таланты. Всем хорошо. Хотя некоторые недалекие люди говорят, будто это наносит вред банку. Вопиющая чушь. Все банки застрахованы, поэтому ничего не теряют. А в обороте страховой фирмы такие суммы — капля в море. Ну, разве что чуточку урежут годовые дивиденды. Это небольшая плата за все вышеупомянутые блага. Чувствуя себя благодетелем человечества, а не вором, я исследовал стену эхозондом. По ту сторону большое помещение — несомненно, банк.

Внутри стены шли трубы и проводка — надо полагать, электричество и водопровод — и там же, скорей всего, были провода сигнализации. Я представил себе схему и выделил участок стены, свободный от всех препятствий.

— Мы пройдем здесь, — сказал я.

— Как же мы сломаем стену?

Слэшер колебался между восторгом и страхом: и денег ему хотелось, и боялся, что его поймают. Он, видимо, был мелким хулиганом и впервые участвовал в таком крупном деле.

— Не сломаем, балда, — беззлобно ответил я, берясь за массер, — а просто уговорим открыться.

Он меня, конечно, не понял, но вид сверкающего инструмента его как будто приободрил. Я настроил массер по-своему: вместо того, чтобы усиливать связующую энергию молекул, он сводил ее к нулю. Медленно и аккуратно я обвел наконечником намеченный участок стены, потом выключил машинку и убрал ее.

— Не получается, — пожаловался Слэшер.

— Сейчас получится.

Я толкнул стену рукой, и она, ухнув, провалилась наружу, превратившись в кучу пыли. Мы заглянули в проем и увидели ярко освещенное помещение банка.

Никто не видел с улицы, как мы заползли за перегородку, где днем сидят кассиры. Строители благоразумно разместили хранилище в подвалах банка, так что мы, спустившись по лестнице, могли выпрямиться и продолжать свое дело с комфортом. Я быстренько взломал парочку дверей и толстую стальную решетку. Их замки и сигнализация не стоят того, чтобы о них говорить. Дверь самого хранилища выглядела более внушительно, но на поверку оказалась проще всех.

— Гляди-ка, — бодро воскликнул я, — это часовой механизм, он автоматически откроется завтра в назначенное время.

— Так и знал, — заныл Слэшер. — Пошли отсюда, пока тревога не поднялась. — И кинулся к лестнице.

Я дал ему подножку и, поставив ногу на грудь, объяснил:

— Это им кажется, что он надежный, балда. А всего-то нужно перевести часы — пусть думают, что уже утро.

— Да как же? Там ведь двухдюймовая стальная обшивка!

Откуда ему знать, что обычный сервисный манипулятор действует через любые препятствия. Убедившись, что его поле зацепило зубчики, я провернул их, диски завертелись, глаза у Слэшера полезли на лоб, а механизм, довольно щелкнув, распахнул дверь.

— Тащи сумки, — велел я, заходя в хранилище.

Весело посвистывая и напевая, мы туго набили обе сумки плотными пачками хрустящих купюр. Слэшер первым закрыл свою и стал ворчать и подгонять меня.

— Чего суетишься? — ответил я, собирая инструмент. — Спешить некуда, надо все в порядок привести.

Укладывая последний прибор, я заметил, что его стрелка метнулась и застыла. Интересное дело. Я проверил напряжение поля и осмотрелся, держа прибор в руке. Слэшер на другом конце хранилища возился с длинными металлическими ящиками.

— Что это ты делаешь? — спросил я как можно ласковее.

— Да вот гляжу, нет ли тут драгоценностей и депозитов.

— Вон оно что. Попросил бы меня.

— Я и сам могу. — Гордо и заносчиво.

— Да уж. Только я бы при этом не просигналил в полицейский участок. — Холодно и гневно. — Как это сделал ты.

Кровь прямо отхлынула от его лица, а руки затряслись так, что ящик выпал. Потом он сиганул обратно и нагнулся за своей сумкой.

— Балда, — пробурчал я и двинул его ботинком. — Забирай сумку и катись отсюда, заводи машину. Я за тобой.

Слэшер сломя голову кинулся вверх по лестнице, я, помедленной, за ним, позаботившись закрыть за собой все двери и решетки, чтобы насколько возможно затруднить работу полиции. Они поймут, что в банк проникли, но не сообразят, что его ограбили, пока не притащат какого-нибудь банковского начальника и не откроют хранилище. К тому времени нас и след простынет.

Но не успел я вылезти из подвала, как заскрипели тормоза, и я увидел в окно полицейский автомобиль у входа.

Они очень быстро сработали — и это в таком допотопном, примитивном обществе. А может, так и должно быть: наибольшая часть общей энергии здесь уходит на преступность и на борьбу с ней. Впрочем, я недолго философствовал на эту тему, а прополз за перегородкой, толкая перед собой сумку и чемоданчик. Вылезая через дыру в смежное здание, я услышал, как открывают двери банка. Как раз вовремя — они войдут, а я выйду. Так и получилось. Выглянув на улицу, я увидел, что все полицейские, сколько их было в машине, вошли в банк, а у входа собирается небольшая кучка любопытных. Спинами ко мне. Я не спеша вышел и пошел за угол.

Да, эти первобытные легавые поворачивались быстро, спору нет. Поднаторели в своем ремесле. Не успел я дойти до угла, как они выскочили из дверей следом за мной, свистя что есть мочи. Это они вошли в банк,

увидали дыру в стене и взяли мой след. Я быстро глянул на них — зубы блестят, форма синяя, пуговицы медные, пистолеты на месте — и тоже кинулся бежать. За угол, где стояла машина...

Только она там больше не стояла, улица была пуста. Слэшер, видно, решил, что достаточно заработал за вечер, и уехал, бросив меня на произвол закона.

Глава шестая

Я не стану утверждать, что сделан из более крепкого материала, чем большинство человечества. Хотя любой другой на моем месте — заброшенный за 32 тысячи лет в прошлое, с ворованными деньгами в руках и с погоней на хвосте — здорово запаниковал бы. Только моя закалка да то, что я в жизни слишком часто бывал в такой ситуации, поддерживали ровный темп моего бега, а я тем временем размышлял, что делать дальше. Вот-вот служители закона, грохоча сапогами, покажутся из-за угла, а по радио, несомненно, уже вызвано подкрепление, чтобы оцепить район. Думай быстро, Джим.

Я думал. Не пробежал я и пяти шагов, как мой план был составлен, разработан, подписан в печать, издан, переплетен в буклет и раскрыт на первой странице у меня в голове.

Первым делом надо убраться с улицы. Добежав до следующей двери, я бросил деньги и вытряхнул из рукава мини-гранату. Она как раз поместилась в замочную скважину и с внушительным грохотом снесла замок и часть косяка. Мои преследователи еще не появлялись, я дождался их и только тогда рванул дверь. Хриплые вопли и свистки свидетельствовали о том, что меня заметили. За дверью был длинный коридор, в конце которого я и стал с поднятыми руками. Между тем вооруженная погоня нерешительно заглядывала в дверь.

— Не стреляйте, ребята, — крикнул я. — Сдаюсь! Я бедный парень, меня подбила на преступление плохая компания.

— Стоять, не то продырявим, — радостно зарычали они, входя по одному и светя мощными фонарями мне в глаза.

Я стоял себе, с абсолютно пустыми руками. Потом огни погасли, и раздался грохот падающих тел. Следовало ожидать — в том проходе было больше сонного газа, чем воздуха.

Осторожно дыша через носовые фильтры, я снял форму с храпящего полицейского примерно моей комплекции, проклиная неуклюжие застёжки, и надел ее прямо на одежду. Потом взял у него из руки пистолет, вложил в кобуру, подобрал свои вещи и пошел по улице обратно к банку. Напуганные обыватели выглядывали из дверей, как зверюшки из нор. На углу мне встретилась вторая полицейская машина. Как я и полагал, силы стягивались к этому району.

— Несу награбленное, — крикнул я плечистому водителю. — Обратно в банк. Мы этих крыс загнали в угол, всю шайку. Вон в ту дверь, помогите ребятам!

Последнее указание было излишним, машина уже рванула с места. Первый автомобиль стоял на прежнем месте. На глазах у зевак я забросил вещи на переднее сиденье и сел сам.

— Расходитесь. Представление окончено, — крикнул я, разбегаясь в незнакомом управлении.

Там было жутко много всего — хватило бы и на космический корабль, не то что на этот жалкий наземный транспорт. У меня ничего не получалось. Толпа подалась сначала назад, потом вперед. Я слегка вспотел. И только тогда заметил, что в маленькой скважине нет ключа, и с запозданием вспомнил, что говорил Слэшер: машина без ключа не заведется. Со всех сторон слышался нарастающий вой сирен, а я судорожно ощупывал все карманы, какие находил в своей дурацкой форме. Ключи! Целая связка. Торжествуя, я стал совать их один за другим в скважину, пока не сообразил, что они для нее слишком велики. Заинтригованная толпа придвинулась поближе, в восторге от такого представления.

— Назад, назад, — крикнул я и потянул оружие из кобуры, чтобы пригрозить им.

Должно быть, пистолет был снят с предохранителя, а я нечаянно не на то нажал. Раздался оглушительный выстрел, все застлало дымом, и пистолет выскочил из руки. Его заряд пробил крышу машины, а мой большой палец болел.

По крайней мере, зеваки разбежались — и очень быстро. В это время я увидел подъезжающую полицейскую машину и понял, что дело мое худо. Должны быть другие ключи. Я снова стал искать, бросая ненужные предметы на соседнее сиденье. Наконец я перебрал все. Другая машина остановилась позади моей, дверцы открылись.

Что это блеснуло в кожаном кармашке? Они. Пара ключей. Один из них сразу подошел, и тут двое блюстителей закона приблизились ко мне с двух сторон.

— Что тут происходит? — спросил один.

Я повернул ключик, мотор взвыл и застучал.

— Небольшие затруднения, — ответил я, путаясь в рычагах.

— А ну, вылазь оттуда! — сказал он, вытаскивая оружие.

— Дело жизни и смерти! — нервно выкрикнул я, нажимая на педаль, как это делал Слэшер.

Мотор взревел, колеса завертелись, машина ожила и рванулась с места.

Но не вперед, а назад.

Захрустело стекло, заскрежетал металл. Полицейские исчезли. Я снова стал пробовать. Появился один из легавых, поднял свой пистолет и, спасаясь, отскочил в сторону: я нашел верную комбинацию, и машина чуть не сбила его. Путь был свободен, и я помчался вперед. С полицией на хвосте.

Не успел я доехать до угла, как они уже погнались за мной. Их сирена громко выла, а на крыше вращалась мигалка. Я вел машину одной рукой, а другой тыкал во что попало. На ветровое стекло брызнула жидкость — ее стерли стрелки; громко заиграла музыка; струя горячего воздуха согрела ноги; наконец включилась сирена, а возможно, и мигалка. Мы мчались по широкой улице, и я чувал, что так просто мне не уйти: полицейские знают свой город, умеют водить машину и по радио переключают мне путь. Осознав это, я повернул руль и свернул в поперечную улицу. Поскольку я ехал немного быстрее, чем следовало,

машину бросило на тротуар, она ударилась о стену дома и снова отскочила на мостовую. Мои преследователи притормозили, не желая совершать такой же драматический поворот, но не отставали, а я еще раз повернул за угол. Повернув таким образом два раза направо, я взял обратное направление и теперь снова ехал к месту преступления.

Это могло показаться безумием, но в самом деле было безопаснее всего. Вскоре я со своей сиреной и мигалкой затесался в кучу таких же воющих и мигающих бело-синих машин. Прелесть, что там делалось. Они разворачивались, давали задний ход, загораживали друг другу дорогу, а я делал все, чтобы усилить суматоху. Сколько тут было ругани, как из окон трясли кулаками — я бы охотно остался еще, но возобладал здравый смысл. Когда веселье достигло апогея, я выбрался оттуда и быстро свернул за угол. Никто за мной не ехал. Снизив скорость до разумных пределов, выключив сирену и потушив огни, я покатию по улице в поисках убежища. На полицейской машине далеко не уйдешь, да я и не собирался; сейчас мне нужна была крысиная нора.

И пошкарнее: не люблю ничего делать наполовину. Вскоре я увидел свою мечту, всю в огнях и рекламе, всю в сиянии — первоклассный шикарный отель в двух шагах от места преступления. Здесь меня будут искать в последнюю очередь — надеюсь. Какая-то вероятность все же остается. Я запарковал машину, снял с себя форму, сунул в карман пачку ассигнаций и направился к отелю со своей поклажей. Когда найдут машину, то скорей всего подумают, что я сменил ее на другую — такой вывод напрашивается сам собой — и расширят круг поисков.

— Эй ты, — окликнул я служителя в униформе, гордо стоявшего у дверей, — прими багаж.

Тон мой был оскорбителен, манеры грубы, и он бы окатил меня презрением, если бы не мой акцент и не крупная банкнота, которую я сунул ему в руку. Глянув на нее, служитель засуетился, угодливо заулыбался, схватил багаж и пошаркал за мной в вестибюль.

Блестящие деревянные панели, пушистые ковры, мягкое освещение, красивые женщины с большими декольте в сопровождении пожилых мужчин с большими животами — как раз то, что надо. Многие поднимали брови при виде моего костюма, пока я

следовал к стойке портье. Последний холодно посмотрел на меня вдоль длинного патрицианского носа, и на меня повеяло льдом. Я растопил его, кинув пачку денег перед ним на стойку.

— Вы имеете удовольствие принимать богатого, но эксцентричного миллионера, — сказал я. — Это вам. — Банкноты исчезли, не успел я договорить. — Я только что с приисков, и мне нужен ваш лучший номер.

— Что ж, это можно будет устроить, но сейчас свободны только императорские апартаменты, и это будет стоить...

— Мне безразлично, сколько. Вот берите и скажите, когда еще понадобится.

— Ну что ж, я полагаю, это можно будет устроить. Если вас не затруднит написать здесь свое имя...

— А как ваше имя?

— Мое? Роско Эмбердекстер.

— Какое совпадение — меня зовут точно так же, но вы можете называть меня «сэр». Должно быть, это имя здесь распространено. Вот и распишитесь за меня, раз нас зовут одинаково. — И, поманив его пальцем, я хриплым шепотом добавил: — Не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я здесь. Все охотятся за моими деньгами. Пришлите ко мне управляющего, и я дам ему необходимые сведения.

Дам я ему нужную сумму — полагаю, он не будет возражать.

Взмыв на зеленой волне, далее я плыл беспрепятственно. Меня провели в мой номер, и я щедро вознаграждал носильщиков за то, что не уронили багаж. Они открыли и закрыли все дверцы, показали мне все кнопки, я нажал одну и вызвал официанта, чтобы принес поест и выпить. Носильщики ушли в наилучшем расположении духа, с оттопыренными карманами. Я поставил сумку с деньгами в шкаф и открыл чемоданчик.

И замер. Стрелка детектора темпоральной энергии, дрожа, указывала прямо за окно.

Глава седьмая

У меня затряслись руки, но я унял дрожь и бережно опустил детектор на пол. Напряжение поля было 117,56, и я быстро записал это число. Потом улегся на пол и определил под окном точку, куда указывала стрелка. Это место я отметил крестиком и вернулся к прибору. Но при втором замере стрелка поплыла, а напряжение упало до нуля.

Но я нашел их! Кто бы они ни были, они действуют из этой эпохи. Если они включали свою машину времени сегодня, значит включат опять. Тут-то они и попались. Впервые с тех пор, как я был заброшен в этот грубый варварский мир, меня согрела искорка надежды. До сих пор я действовал инстинктивно — просто старался выжить и не пропасть на чужбине — и не позволял себе думать о будущем, которое не настанет, если я о нем не позабочусь. Теперь я как раз этим и займусь.

После вкусного обеда, устроив поощрительный дождик из банкнот, я лег поспать. Правда, ненадолго — таблетка снотворного погрузила меня на два часа в глубочайший сон с непрерывными сновидениями, и я проснулся, чувствуя себя человеком. В гостиной в баре были разные любопытные бутылки, некоторые довольно привлекательные, и я, наполнив бокал, уселся перед застекленным ящиком под названием «телевизор».

Как я и предполагал, мой язык оставлял желать много лучшего, и я хотел послушать правильную речь.

Это было нелегкой задачей. Я ведь не знал, какие каналы образовательные, а какие предназначены для развлечения. Нашел какую-то историческую драму, где мужчины в широкополых шляпах ездили верхом на лошадях. Но их словарь насчитывал никак не более ста слов, а большинство персонажей было убито в перестрелке прежде, чем я разобрался в чем дело. Оружие вообще играло большую роль во всех показываемых драмах, применение его перемежалось садизмом и разными видами членовредительства. Все эти акты насилия и стремительные путешествия туда-сюда на различных средствах передвижения оставляли не много времени для сексуальной активности: короткий поцелуй был единственным проявлением нежности. Трудно было уследить за сюжетом еще и потому, что он все время прерывался короткими вставками, в игровой или иллюстративной форме предлагающими различные потребительские товары. К рассвету мне это надоело, а речь улучшилась весьма незначительно, поэтому я пнул экран, выразив свое к нему отношение, и пошел мыться в розовую комнату, оснащенную музейными экспонатами из истории сантехники.

Как только утром открылись магазины, я разослал служащих отеля за покупками, не пожалев денег, и вскоре в изобилии появилась одежда, соответствующая моему высокому положению, и дорогие чемоданы для ее упаковки. А еще карты местности, точный прибор под названием «магнитный компас» и книга об основах навигации. Проще простого было определить точное направление, указанное детектором, нанести его на карту, а затем в единицах измерения «милях» отмерить расстояние до источника энергии. Длинная черная линия на карте указывала курс, поперечная черточка на ней — расстояние, и я вышел на цель. Две линии пересеклись на большом городе, самом крупном на той карте.

Он, непонятно почему, назывался Нью-Йорк, хотя нигде не было указаний — где же находится Олд-Йорк, впрочем, это неважно. Теперь я знал, куда ехать.

Мой выезд из отеля более походил на отбытие августейшей особы. Многие приветливо приглашали меня снова погостить у них, оно и понятно. Специально нанятая машина доставила меня в аэропорт, и услужливые руки доставили багаж к нужному выходу.

Тут меня ожидало крупное потрясение — я ведь совсем забыл про ограбление банка. Но другие помнили.

— Откройте ваш багаж, — попросил угрюмый служитель закона и порядка.

— Разумеется, — бодро ответил я, видя, что все другие пассажиры тоже подвергаются этой процедуре. — Можно спросить, что вы ищете?

— Деньги. Ограбление банка, — буркнул он, роясь в моих пожитках.

— Должен вас предупредить, что я никогда не вожу с собой крупных сумм, — сказал я, прижимая к груди портфель с банкнотами.

— Здесь все в порядке. Посмотрим портфель.

— Пожалуйста, не при всех, офицер. Я занимаю видный пост в правительстве, и у меня здесь особо секретные документы, — процитировал я слово в слово то, что слышал по телевизору.

— Пройдите в комнату, — указал он.

Я даже пожалел, что пнул этот ящик, раз он такой познавательный.

В комнате, к его изумлению, я открыл не портфель, а гранату с сонным газом, и бдительный страж порядка мирно уснул. У стены стоял большой металлический шкаф с разными бланками и бумагами, милыми сердцу бюрократа. Потеснив их, я нашел место и для своего храпящего приятеля. Чем позже его обнаружат, тем лучше. Если не будет непредвиденных задержек, я прилечу в Нью-Йорк прежде, чем он придет в сознание — а это будет долгий естественный процесс, так как противоядие им неизвестно.

Выйдя из комнаты, я увидел еще одного человека в форме, поэтому повернулся и сказал в открытую дверь:

— Благодарю за любезное содействие, никакого беспокойства, уверяю вас, никакого беспокойства.

Потом закрыл дверь и улыбнулся контролеру. Он нерешительно поднял палец к козырьку и, отвернувшись, занялся багажом пожилого пассажира. Я прошел со своим портфелем мимо, не слишком удивляясь испарине, выступившей на лбу.

Полет был коротким, малоинтересным, шумным и довольно тряским. Мы летели на большой машине с крыльями. Двигатель, по-моему, реактивный на жидком топливе. Хотя запах этого топлива стоял повсюду и был мне знаком, я все никак не мог поверить, что

они жгут невосполнимые углеводороды. При посадке я держался настороже, но никакой тревоги не было. Добираться из аэропорта в центр города было сущим мучением: потоки машин, крик, шум. С чувством глубокого облегчения я вошел наконец в прохладный номер отеля. Но вот покой и пара глотков дистиллированной органической отравы, к которой я начинал привыкать, привели меня в норму, и я задумался над следующим шагом.

Каким он будет? Разведка или атака? Благоразумие диктовало осторожность в поисках источника энергии. Надо же разузнать, против кого или чего я выступаю. Я уже почти принял этот план и журил себя за то, что мог подумать об атаке. Но тут замкнулась логическая цепь, и я посмотрел на себя в зеркало.

— Балда ты, — сказал я, грозя себе пальцем. — Ты то, чем один извозчик обозвал другого извозчика. Кретин и придурок.

У меня только одно преимущество, и это — внезапность. Любая разведка выдаст меня, и захватчики времени узнают, что за ними наблюдают и возможно нападение. Раз они развязали войну времен, то должны быть готовы к возмездию. Но нельзя же быть начеку неделями, месяцами, а возможно, и годами? Как только они узнают, что я здесь, в этом месте и времени. — тут же примут экстренные меры предосторожности. Чтобы не допустить этого, я должен первым нанести удар, и сильный удар — даже если не знаю, кому.

— А какая разница? — задал я вопрос, открывая контейнер с гранатами. — Конечно, неплохо бы любопытства ради узнать, кто напал на Корпус и зачем. Но так ли это важно или необходимо? Отвечаем: нет.

С атомной бомбочкой в руках я посмотрел на свое красноглазое отражение.

— Нет и еще раз нет. Их надо уничтожить, точка. Сейчас же. И быстро.

Другого пути не было, и я спокойно и уверенно увешивал себя самым мощным оружием уничтожения, какое военная наука, всегдашний фаворит человечества, изобрела за тысячи лет. Вообще-то я не сторонник принципа «убивай или тебя убьют» — это значит видеть мир только в черном и белом цвете. Но сейчас я видел все именно так и не испытывал никаких угрызений совести за свое решение. Они ведут

необъявленную войну против человечества будущего — иначе зачем первой мишенью избран Специальный Корпус? Некто, некая группа людей желает держать под контролем все. Вероятно, это самый эгоистический и безумный план, когда-либо претворявшийся в жизнь. И не имеет большого значения, кто они такие. Смерть им — не то они погубят все, что мне дорого.

Выходя из отеля, я представлял собой ходячую бомбу, разрушительную силу. Черный детектор энергии лежал в кейсе, в крышке которого я прорезал отверстия, чтобы видеть стрелки. Где-то здесь притаился враг, и я дождусь, когда он начнет действовать.

Ждать пришлось недолго. Энергия времени сорвалась с цепи где-то совсем близко, судя по поведению стрелки, и я пошел по следу. Я прокладывал свой курс, не обращая внимания ни на людей, ни на транспорт. Но, чуть не попав под грохотававший грузовик, притормозил и стал поосторожней.

Вот широкая улица с зеленым газоном посередине, высокие, удручающе однообразные здания, стены из стекла и металла тускло мерцают в загрязненном воздухе. Все дома похожи друг на друга. Который из них?

Стрелка снова качнулась, дрожа, она поворачивалась при моем движении, а напряжение поля достигло конца шкалы.

Здесь. В этом черно-красном здании.

И я вошел, готовый ко всему.

Ко всему, но не к тому, что случилось на самом деле. За мной тут же заперли дверь, и перед ней выстроился заградительный отряд. Все, кто там был — посетители, лифтеры, даже продавец табачных изделий — все шли, бежали, проталкивались ко мне с холодной ненавистью в глазах.

Меня обнаружили. Должно быть, засекали мой детектор. Они знали, кто я. Мне не удалось атаковать первым.

Глава восьмая

Кошмар осуществлялся наяву. Хотя бы раз в жизни нас всех охватывает приступ паранойи, когда кажется, что все против нас. Теперь я столкнулся с этим в действительности. Всего на миг обуял меня дикий страх, потом я одолел его и стал бороться.

Это мгновение оказалось решающим. Надо было сразу стрелять, убивать, жечь, разрушать, как и было задумано. Но я не думал, что столкнусь сразу со всеми, поэтому был обречен на поражение. Я, конечно, нанес им какой-то урон, напустил газу, набросал бомб, сражался — но этого было недостаточно. Все больше рук хваталось за мою одежду, им не было числа. Они не церемонились — они ненавидели меня той же лютой ненавистью, что и я их. Мы, две стороны одной медали, видели в другой стороне только смерть. Меня одолели, сбили с ног, и потеря сознания была милосердием.

Мне не дали долго наслаждаться покоем. Боль и резкий запах, ожегший ноздри, вернули меня к неприятной реальности. Надо мной стоял человек, высокий и могучий, черты его расплывались перед моим мутным взглядом. Казалось, много рук держали, сжимали и трясли меня. Вот провели чем-то влажным по лицу, смыв то, что мешало мне смотреть, и тогда я увидел. Увидел его так же ясно, как он меня.

В два человеческих роста, он так возвышался надо мной, что пришлось откинуться назад, чтобы смотреть

на него. Весь красный, темные ромбы глаз, острые зубы.

— Откуда ты? — пророкотал он на языке нашего Корпуса.

Должно быть, я вздрогнул, ибо он улыбнулся. В его улыбке не было тепла — только торжество победителя.

— Специальный Корпус, так я и знал. Последняя вспышка перед наступлением тьмы. Сколько вас тут? Где остальные?

— Они... найдут тебя, — вымолвил я.

Невелик успех на моей чаше весов против его победы. Они пока не знают, что я один, и не убьют, пока не узнают. Это недолго продлится. Меня здорово избили, совершенно разоружили, и теперь за мной, лишенным всякой защиты, проследят до отеля и вскоре поймут, что бояться нечего.

— Кто вы? — спросил я. Слова теперь — мое единственное оружие.

Вместо ответа он победным жестом вскинул кулаки.

Мои губы выговорили сами:

— Вы — безумцы.

— Конечно, — возбужденно крикнул он, и все руки задергали и затрясли меня. — На том мы стоим. Однажды нас за это уже убили, но больше не убьют. На этот раз мы победим, ибо уничтожим врагов до рождения, обречем виновных на вечное забвение.

Я вспомнил — Койпу говорил о том, что Земля в далеком прошлом была уничтожена. Не для того ли, чтобы остановить этих людей? Не решается ли в эту минуту судьба планеты? Визгливый голос врага оборвал мою мысль.

— Возьмите его. Пытайте самыми страшными пытками, чтобы доставить мне радость и сломить его волю. Потом высосите всю информацию из его мозга. Все должно быть раскрыто, все!

Когда меня потащили из комнаты, я уже знал, что нужно делать. Ждать. Избавиться от этого человека, от толпы, остаться наедине со своими искусными палачами. И это произошло скоро. Служители в белой лаборатории набросились на тех, что принесли меня, и отняли меня у них. Они обращались друг с другом так же зверски, как и со мной — это была иерархия ненависти. Должно быть, они и вправду безумны. Что за извращение истории вызвало этих людей на сцену? Трудно представить.

Я выжидал спокойно, зная, что у меня всего одна возможность и другой не будет. Дверь закрыли, меня положили на стол и привязали к нему за ноги. В комнате было пять человек. Двое, спиной ко мне, были заняты своими инструментами, остальные держали меня. Я выдвинул нижнюю челюсть и изо всей силы нажал на последний зуб.

Это было мое последнее оружие, оружие на крайний случай. Я им никогда раньше не пользовался, даже не держал при себе, считая, что ни в одной заварухе, даже смертельной, не стоит побеждать такой ценой. Теперь — другое дело. Искусственный зуб хрустнул, и капли горькой жидкости из него потекли мне в глотку.

Первый удар боли был смягчен, сглажен анестезирующим наркотиком. Он помог мне выдержать убийственное действие остальных ингредиентов. Это дьявольское зелье разработали медики Корпуса по моей идее и испытывали только в небольших дозах на подопытных животных. Оно содержит все известные науке стимуляторы, а также синергаторы — новый класс химических веществ, от которых человек испытывает прилив сверхъестественной силы. Явление давно известное, но воспроизвести его ранее не удавалось.

Время побежало быстрее, а люди вокруг двигались медленно. Я выждал еще долю секунды, чтобы средство окончательно подействовало, и тогда освободил руки — хотя их держали, навалившись всем телом, двое крепких мужчин. Я не почувствовал ни их веса, ни даже усилия, когда оторвал обоих от пола и стукнул лбами, а потом швырнул на третьего, стоявшего у меня в ногах. Все повалились друг на друга, их лица исказили гримасы боли и страха. В тот же миг я сел и, схватившись за железные крепления, стягивавшие ноги, разорвал их. Мне казалось, что это очень просто и само собой разумеется. Я, кажется, повредил себе пальцы, но не придавал этому значения, едва заметил. В комнате были еще двое — они только поворачивались ко мне, как будто расправа с остальными заняла одно мгновение — так, видимо, и было. Видя, что застал их врасплох и один только начинает поднимать оружие, я бросился на них, кулаками сбил с ног и швырнул к остальным, в кучу скорченных тел. Их было пятеро против одного, и я не мог щадить их, даже если бы захотел. Я бил ногами — руки не действовали, —

пока куча тел не перестала шевелиться, и только тогда смог позволить холодному логическому мышлению взять верх над слепой яростью.

Что дальше? Надо уходить. Моя одежда превратилась в лохмотья, и я сорвал их с себя. Палачи были все в белом, я терпеливо расстегнул непривычные застёжки и надел на себя наименее испачканный костюм. На лбу была рваная рана, я аккуратно перевязал ее — здесь должно было быть много перевязанных после стычки у входа — и забинтовал руки. Мне никто не помешал и, покончив с этим, я вышел и торопливо зашагал через холл тем же путем, которым меня тащили еще недавно. Весь дом гудел, как потревоженный улей, и все были слишком заняты, чтобы меня замечать — даже те, что толпились в приемной, где было выставлено на большом столе мое вооружение. Будь у меня время — я бы улыбнулся.

Тихо, никого не побеспокоив, я протянул руку и задействовал контейнер с газовыми бомбами, задержав дыхание, пока не вставил фильтры в нос. Это газ быстрого действия, и даже те, кто видел, что я сделал, никого не успели предупредить, а сразу повалились. Все заволокло газом, я взял гаусс-пистолет и распахнул большие двери в соседнюю комнату.

— Ты?! — вскричал он и все стоял, красный и массивный, хотя газ уложил всех вокруг него.

Он сделал движение, чтобы схватить меня, и газ не брал его, хотя давно должен был свалить, а я стал бить его пистолетом по голове, пока не остановил. Но он все смотрел на меня с убийственной ненавистью, пока я привязывал его к стулу. Только заперев за собой дверь, я мог рассмотреть его и увидел, что он еще в сознании.

— Что ты за человек? — Этот вопрос замер у меня на губах. — Кто ты?

— Я Тот, кто будет править вечно, разум, который никогда не умрет. Освободи меня.

Такая власть была в его словах, что меня потянуло к нему, я качнулся помимо воли, глядя в его круглые глаза. Голова затуманилась — наверно, кончалось действие снадобья — я помотал головой и быстро заморгал. Но какая-то часть меня была настороже, не поддавшись влиянию великой власти Зла.

— Долгое у тебя правление, но, видно, не слишком спокойное, — усмехнулся я. — А то с чего бы ты покраснел как вареный рак.

Лучше сказать я не мог. Этот монстр был совершенно лишен чувства юмора и, как видно, привык только к рабскому повиновению. Сперва он завыл, как дикий зверь, а потом понес какую-то безумную околесицу, и она плескала мне в уши, пока я готовился покончить с войной времен.

Безумец? Конечно, но его безумие было организованным, постоянным, все возрастающим, способным заражать окружающих. А тело его было искусственным. Теперь я видел швы и пересаженную кожу, и он сам сказал об этом. Это сфабрикованное тело, трансплантированное, краденое тело, эта подбитая металлом чудовищная оболочка слишком много говорила о разуме, который мог выбрать для себя подобное обиталище.

Были еще такие, как он, он был лучший, единственный — смысл было трудно понять, но я запоминал, что мог, для будущего доклада. Все это время я трудился: снимал вентиляционную решетку и сыпал в канал свои порошки, готовясь вставить большую палку в колесо этой сатанинской мельницы.

Он со своими сторонниками уже был однажды уничтожен — он сам так сказал. Неизвестно, каким образом они снова пытаются завладеть Вселенной, но она им не достанется. Я, Скользящий Джим диГриз, пират-одиночка без определенного места жительства, и раньше получал важные задания и всегда выполнял их. Теперь я призван спасти мир. Что ж, надо так надо.

— Они не могли выбрать лучшего, — гордо сказал я, осматривая прекрасно оборудованную лабораторию времени, густо усеянную расprostертыми телами.

Большая, зеленая, туго сжатая спираль времени сверкнула мне, и я улыбнулся в ответ.

— Вот заложим бомбы и поедем, — радостно говорил я, делая свое дело. — Разнесем всю технику, а чокнутых оставим местным властям. Хотя Большой Красный, вероятно, заслуживает особого отношения.

Конечно, заслуживает. Чего же я жду? Наверное, случая, чтобы сделать это в пылу гнева — не могу хладнокровно убить даже самого хладнокровного из убийц. Но на этот раз придется. Я готовил себя к этому решению. Поставил гаусс-пистолет на разрывной заряд и подошел к нему.

Случай представился гораздо быстрее, чем я ожидал. Красный гигант бросился на меня. От его удара я покати́лся в угол, перевернулся и поднял пистолет.

В мгновение ока он опустил рубильник и взялся за конец спирали.

В тот же миг вылетела и пуля, разорвавшись в его теле.

И он исчез, пропал во времени, непонятно — в прошлом или в будущем: мерцающая спираль растаяла, пока я добежал до нее. Живым или мертвым прибудет он туда? Он должен умереть. Это разрывная пуля.

Действие моего снадобья кончалось, и когти боли и усталости уже скребли по краю сознания. Пора идти. Собрать снаряжение и уходить. В отель, а потом в больницу. Подлечусь, отдохну, пока меня будут штопать, и соберусь с мыслями насчет дальнейших действий. Техника этой эры, похоже, достаточно развита для создания спирали времени, и у меня с собой профессорская память в черном ящичке. Наверное, понадобится очень много денег, но их всегда можно достать.

Я вышел спотыкаясь, как тяжелобольной.

Глава девятая

В кейсе у меня был обычный набор: гранаты, газовые бомбы, взрывчатка, носовые фильтры, пара пистолетов — словом, рабочий инструмент. Держа военную выправку, с прямой спиной и развернутыми плечами, я вступил в помещение казначейства. Если верить новенькой форме с золотыми полосками и нашивками, я был капитаном третьего ранга ВМС США.

— Доброе утро, — бросил я, закрывая за собой дверь, и тут же быстро и бесшумно запер ее ключом, спрятанным в руке.

— Да, сэр.

Седой старшина за столом был вежлив, но давал понять, что очень занят: на столе аккуратными стопками были разложены бумаги, а посторонние офицеры могли бы подождать своей очереди. В армии всем заправляют сержанты, а на флоте — старшины. Моряки сновали туда-сюда по своим финансовым делам, и через открытую дверь я увидел серый казенный сейф с разинутой пастью. Прекрасно. Я положил свой кейс на стол старшины и открыл его.

— Я прочел в газете, — сказал я, — что военные всегда округляют цифру до миллиона или биллиона, когда их просят назвать приблизительную сумму. Это меня восхищает.

— Так точно, сэр, — промолвил старшина, колотя по клавишам калькулятора.

Его не интересовало ни то, что я умею читать, ни то, о чем пишут в прессе.

— Я думал, вам интересно. Так вот, у меня возникла идея: почему бы не поделиться? С такой широтой, авось, и на мою долю найдется. Поэтому я в вас стреляю, старшина.

Да, это его заинтересовало. Я подождал, пока у него как следует выпучатся глаза и отвиснет челюсть, потом нажал на курок пистолета с длинным дулом. Раздался глухой выстрел, старшина замычал и сполз под стол. Все это заняло одно мгновение, и люди в приемной не успели спохватиться, как я повернулся и перешел к ним всех. Перешагнув через тела, я сунул голову в смежный кабинет.

— Ку-ку, капитан, я вас вижу.

Он отошел от сейфа с каким-то флотским ругательством, и тут же в шею ему впилась игла. Он свернулся так же быстро, как и прочие. Это было мощное, быстродействующее снотворное. В передней комнате уже стоял храп. Жалованье было на месте, хрустящие пачки рядами лежали на полочках. Я раскрыл складной саквояж и потянулся за первой пачечкой зеленых. Тут из окна вылетело стекло, и в меня пустили очередь из автомата.

Да только меня уже не было на том месте. Стреляй они через стекло, меня бы уже прошило кусочками свинца по моде той эпохи, но они поступили иначе. Разбитое стекло дало мне ту долю секунды, за которую сработала моя хорошо тренированная и всегда настроенная реакция. Я перекатился к стенке, и мини-бомбы выскочили из рукава еще до того, как я коснулся пола. Они ухнули, выбросив дым и пламя. Я добавил еще, и пламя погасло, осталась только дымовая завеса. Я прополз по полу, как змея, и под прикрытием сейфа, заслонявшего меня от окна, стал ощупью набивать саквояж деньгами. Не мог я оставить добычу только лишь потому, что обнаружен, загнан в ловушку и подвергаюсь смертельной опасности. Уж если страдать, так было бы за что.

Таща за собой чемоданчики, я прополз через приемную и собрался выйти, но тут снаружи загремел мегафон.

— Мы знаем, что ты там. Выходи и сдавайся, не то мы пристрелим тебя. Дом окружен, у тебя нет никаких шансов.

У двери дым уже рассеялся, и, стоя в темноте, я видел в окно, что голос не соврал. Там стояли грузовики, набитые, надо полагать, свинцовоглазыми, вооруженными до зубов парнями из спецназа. А также джипы с крупнокалиберными пулеметами сзади. Прямо комитет по встрече.

— Живым меня не возьмете, крысы! — заорал я, кидая во все стороны дымовые бомбы, а потом большую разрывную гранату, снесшую часть задней стены.

Под этот шумок я подполз к спящему старшине и ощупью снял с него мундир. Он был старослужащий, на нем было больше полосок, чем на тигре, и по локоть нашивок. Я надел его мундир вместо своего и взял его фуражку. Те, снаружи, здорово подловили меня, а значит, знают обо мне больше, чем хотелось бы. Но эти знания можно обернуть против них же, быстро сменив звание. Я накидал еще бомб, сунул в карман пистолет, взял свою ношу, а потом отпер и распахнул входную дверь.

— Не стреляйте! — хрипло крикнул я, выходя наружу, и встал на пороге — идеальная мишень. — Не стреляйте — он держит меня под прицелом. Я заложник!

Я старался изобразить ужас, что не потребовало больших усилий, когда я увидел перед собой все это войско.

Потом ступил еще шаг и оглянулся через плечо, давая всем возможность как следует себя рассмотреть и борясь при этом с ощущением, будто у меня на груди, в области сердца нарисована мишень с большим черным кругом.

Никто не стрелял.

Я немного продлил паузу — а потом прыгнул со ступенек и откатился в сторону.

— Огонь! Бей его! Я вышел!

Зрелище было впечатляющее. Все стволы грянули разом, снесли дверь с петель, выбили все окна, а фасад дома стал дырявым, как дуршлаг.

— Целься выше! — проорал я, отползая под прикрытие ближайшего джипа. — Наши парни все на полу.

Они стали палить высоко и активно, так что дом чуть не отделился от фундамента. Я заполз за джип. Ко мне подошел офицер и лишился чувств, когда я сунул ему под нос капсулу с газом.

— Лейтенант ранен, — крикнул я, заталкивая его и свою поклажу на заднее сиденье джипа. — Увезите его отсюда.

Водитель был очень исполнительный и выполнил приказ, едва я сам успел сесть. Не проехали мы и пяти метров, как пулеметчик уснул рядом с лейтенантом, а водитель, включив третью скорость, тоже задремал. Трудновато было вытащить его из-за руля и самому перелезть туда на полном ходу, но я справился и нажал на газ.

Они быстро спохватились. Собственно, первый джип погнался за мной, когда я еще пристраивал водителя назад к остальным. Этот барьер из тел был тем хорош, что в меня не могли стрелять. Но погоня шла по пятам. Я резко свернул за угол, отчего целый взвод пехоты сиганул в укрытие, и быстро оглянулся назад. Ух ты! Двадцать, тридцать разных машин мчались за мной. Легковые, джипы, грузовики, даже пара мотоциклистов. Они обгоняли друг друга, гудки и сирены были, жизнь кипела. Джим диГриз — благодетель человечества. Где бы я ни появился, там всегда весело. Я свернул к большому ангару и понесся между рядами вертолетов. Механики отскакивали в стороны, роняя свой инструмент, я же сделал крутой вираж и вынырнул в ту же дверь, в то время как погоня бросилась к противоположной. Захватывающе!

Вертолет — почему бы и нет? Это было в Бримфилде, провозгласившем себя вертолетной столицей мира. Раз они делают вертолеты, то, наверно, и летают на них. Базу флота теперь закроют и окружат со всех сторон, так что нужно искать другой выход. Недалеко от меня маячила стеклянная зеленая вышка, и я направился к ней. Передо мной было летное поле, а на нем стоял пузатый вертолетик, двигатель работал, и винт медленно вращался. Я осадил джип перед открытой дверью и только встал, чтобы забросить туда багаж — тяжелый ботинок изнутри двинул меня по голове.

Их, конечно, предупредили по радио — как, вероятно, и всех прочих в радиусе ста миль. Какая досада. Пришлось уходить от удара, хвататься за башмак и бороться с его владельцем, в то время как моя верная свита с ревом приближалась. Владелец ботинка слишком хорошо разбирался в этом виде борьбы — пришлось смошенничать и сократить матч, выстрелив ему

в ногу одной из своих игл. Потом я забросил деньги, а следом гранаты с сонным газом и наконец залез сам.

Не желая беспокоить пилота, храпящего за штурвалом, я пролез на место второго пилота и уставился на все эти шкалы и ручки. Вполне достаточно для столь примитивного устройства. Методом проб и ошибок я нашел то, что нужно, но к тому времени меня окружило плотное кольцо машин, и спецназовцы в белых касках, с автоматами и дубинками так и рвались в вертолет. Сонный газ уложил даже тех, на ком были противогазы, а я дал полную нагрузку и потянул на себя рукоятку дросселя.

Бывает взлет и получше, но, как говорил мне один инструктор, — если уж поднялся в воздух, остальное не так важно. Машину трясло, болтало и валяло. Люди разбегались, колеса вертолета с треском продавили крышу кабины грузовика. Потом мы взлетели и пошли на малой скорости на юг, к океану. Я не случайно выбрал именно эту военную базу, когда истощились мои фонды. Бримфилд находится в южном углу Калифорнии, с одной стороны Тихий океан, а с другой — Мексика. Крайняя южная и западная точка Соединенных Штатов. Я не хотел больше оставаться в Штатах. Особенно теперь, когда все вертолеты ВМС поднимались за мной в воздух. Уверен, что истребители тоже не задержатся. А Мексика все-таки — суверенное государство, другая страна, так что меня там не будут преследовать — надеюсь. По крайней мере, возникнут какие-то проблемы. А когда они будут решены — меня и след простынет.

Пока внизу проплывали белые пляжи и голубая вода, я разработал простой план ухода. И освоился с управлением. После нескольких проб и ошибок, связанных с сильной болтанкой, я обнаружил автопилот. Чудесный прибор — может удерживать машину на месте, а может вести ее заданным курсом, что мне и требовалось. Он-то и подсказал мне ясный и законченный план. Я пересек границу — вот арена для боя быков, а вот замелькали розовые, голубые, желтые домики мексиканского морского курорта. Все это я скоро миновал, и начались угрюмые берега Нижней Калифорнии. Черные зубья скал в прибое, песок, ущелья в скалах, серый мескит, пыльные кактусы. Изредка домик или ранчо. Прямо по курсу в океан вдавался скалистый мыс, я перевалил через него и

снизился на той стороне. Другие вертолеты были в нескольких секундах лета за мной.

Этого вполне достаточно. Я задержал машину в воздухе и полез через спящий экипаж. Океан был метрах в десяти внизу, и колеса поднимали из воды фонтанчики. Я сбросил вниз свою поклажу и тут же, не успели они долететь до воды, сделал пилоту инъекцию в шею. Он зашевелился и заморгал — антисонное противоядие действует почти мгновенно — а я поставил автопилот на курс и шагнул в открытую дверь.

Все это — в один миг. Вертолет полным ходом пошел дальше, а я кувыркался в воздухе. Прыжок получился не очень изящный, но я все-таки сумел войти в воду ногами вперед. Погрузился, наглотался воды, закашлялся, всплыл и стукнулся головой о саквояж. Вода была куда холоднее, чем я думал, меня пробирала дрожь, и судорога сводила левую ногу. Саквояж меня немного поддерживал, и я, бултыхая ногами и барахтаясь, дотянулся до кейса. Тут над головой раздался оглушительный рев, и стая вертолетов пронеслась мимо, как ангелы-мстители. Уверен, что никто не смотрел вниз: все взоры были прикованы к одинокому вертолету, летевшему на юг. Тот как раз закачался и повернул, описав дугу. Появился реактивный истребитель и стал рыскать вверх и вниз. Время еще есть, но не слишком много. На мысе спрятаться абсолютно негде: голые скалы и песок.

— Импровизируй, — сказал я себе, отфыркиваясь и гребя к берегу. — Не зря же тебя зовут Скользящий Джим. Давай, выскальзывай.

Судорога усилилась, и все, что я мог — это уйти под воду. Тут ноги коснулись твердого песка, и я побрел к берегу, ловя ртом воздух.

Придется прятаться, не прячься. Камуфляж, один из старых трюков матери-природы. Злые вертолеты все еще жужжали на горизонте, и я начал лихорадочно рыть песок руками.

— Стоп! — приказал я сам себе и сел, качаясь. — Работай мозгами, а не мускулами — урок номер один.

Вот именно. Я вытряс взрывную гранату, вынул из нее чеку и бросил в ямку, а сам упал ничком. Граната прилично грохнула, подняв фонтан песка. И выкопала маленький кратер, куда как раз поместилась моя ноша. Я бросил ее туда и стал судорожно раздеваться, кидая

одежду сверху. Вертолеты, должно быть, переговорили по связи: они разворачивались и шли низко над берегом.

По чистой случайности я надел утром пурпурное белье, которое легко сойдет издали за купальный костюм. Я оставил на себе только трусы и закидал яму песком, чтобы ничего не было видно.

Когда первый вертолет застрекотал над головой, я лежал ничком и загорал — мирный купальщик на пляже. Они шли в линию, прочесывая берег. Я сел и посмотрел на них, как сделал бы всякий отдыхающий на моем месте. Вертолеты пролетели, перевалили за скалы, и рокот их моторов затих вдали.

Но ненадолго, это точно. Что делать? А ничего. Держать свою линию и разыгрывать невинность, раз уж выбрал эту роль.

Вернулись они быстро. Командование, очевидно, распорядилось густо прочесать район, включая океан, пляж и скалы. Теперь они шли помедленней, определенно осматривая каждый дюйм побережья в мощные бинокли. Пора опять поплавать. Я содрогнулся, когда прибой захлестнул ноги, и уж точно посинел, зайдя поглубже. Волна накрыла меня с головой, и я храбро поплыл по-собачьи.

Вертолеты приближались. Один из них завис надо мной, подняв тучу брызг. Я погрозил ему кулаком и прокричал вполне реалистические ругательства, неслышные за шумом мотора. Кто-то высунулся из двери и кричал мне, но я его тоже не слышал. Погрозив, я нырнул и поплыл под водой, заставляя нескрюченную ногу работать за двоих. Вертолет отвалил вслед за остальными, а я с трудом вылез на берег и распластался на песке, чтобы засушили солнце и ветер.

Как же теперь отсюда выбраться?

Глава десятая

Как только вертолеты скрылись из виду, я зарылся в песок, как крот, откопал одежду и багаж, перенес их за линию прилива и с помощью еще одной гранаты перезахоронил — только надел брюки и башмаки и рассовал кое-какое снаряжение по карманам. Обрезал рукава у форменной рубашки, и она превратилась в спортивную рубашку с короткими рукавами. Мое одеяние начинало сохнуть и потеряло всякое сходство с военной формой, что меня устраивало. Перед уходом я разровнял и разбросал песок, чтобы замаскировать свой тайник, и запомнил приметные утесы, чтобы потом найти его. И пошел к прибрежному шоссе в нескольких сотнях метров от океана.

Удача мне не изменила. Не успел я выйти на северную полосу, как меня догнала похожая на жука открытая машина на высоких колесах. Я универсальным жестом поднял большой палец, и машина притормозила. На заднем сиденье торчали моторные доски для серфа, а впереди сидели двое загорелых молодых людей, одетые еще более небрежно, чем я. Я знал, что такова мода — возможно, они приняли меня за своего.

— Парень, ты чего такой мокрый? — осведомился один, когда я сел сзади.

— Поддал немного и выкупался.

— Бывает, — заметил водитель, и машина покатила вперед.

Через минуту нам навстречу пронеслись два неуклюжих черных «седана» с мигалками и сиренами. На них большими буквами было написано «POLICIA», и не надо было иметь больших лингвистических талантов, чтобы это перевести. Мои новые друзья, отказавшись от угощения, высадили меня в центре Тихуаны и уехали. Я сел на террасе кафе, заказал большую текилу, соль и лимон и понял, что наконец ушел из ловко подстроенной западни.

Да, это западня. Теперь, когда было время подумать, это стало очевидным. Все эти джипы и грузовики явились не по волшебству. Сомнительно также, что можно быстро собрать такое количество боеприпасов, даже по тревоге. Я прошел свои действия шаг за шагом и был абсолютно уверен — я тревогу вызвать не мог.

Откуда же они узнали?

Узнали, потому что некто, скачущий взад-вперед по времени, прочел в газетах отчет о событиях, а потом перепрыгнул назад и предупредил их. В глубине души я ожидал этого, но нельзя сказать, чтобы обрадовался. Я слизнул соль с большого пальца, глотнул текилы и вонзил зубы в лимон. Восхитительное сочетание — по горлу потек жидкий огонь.

Тот был жив. Я ликвидировал его организацию в благословенном 1975 году от Рождества Христова, но он ушел, чтобы еще больше напакостить в другой эпохе. Война времен не кончена. Он со своими безумцами хочет контролировать всю историю и все времена. Сумасбродная идея, но может осуществиться — расправился же он в будущем со Специальным Корпусом, единственной правозащитной организацией, способной победить его. Вернее, со всем Корпусом, кроме меня, и я прибыл в прошлое, чтобы ликвидировать ликвидаторов и тем самым восстановить Корпус на возможных путях истории будущего. Большая задача, и я выполнил ее на 99,9%. Только одна десятая процента еще не обезврежена. Чудовищный Тот улетел от меня на спирали времени, нашпигованный разрывными пулями. Может, у него брюхо бронированное. В следующий раз попробую что-нибудь покрепче. Скажем, атомную бомбу на подносе к завтраку.

А теперь за дело. Я очень надеялся, что смогу построить спираль времени, которая перебросит меня назад в будущее, то есть вперед в будущее: грамматика отказывает, когда сталкивается с путешествиями во

времени. Вперед-назад в объятия Анжелины и к торжествам в мою честь. Но не теперь еще: ничего этого пока не существует. Война времен — дело тонкое, тут и запутаться можно. Неплохо бы теории времени быть поточнее, и я радовался, что мне не обязательно ее знать: другие перебросят меня куда надо, как темпоральный мячик, чтобы я выполнил очередное задание.

На следующее утро я без особого труда достал машину и выкопал деньги, хотя нескольким агентам в штатском пришлось крепко уснуть вместо того, чтобы выполнять свои обязанности. Перевезти деньги обратно в Штаты было еще проще, и в тот же день я основал фирму «Уиззер Электроникс, Инк.» в Сан-Диего. Большая современная лаборатория, а при ней приемная с секретаршей средней сообразительности. Я оборудовал лабораторию как можно лучше, теперь очередь за профессором Койпу.

— Понятно, профессор, — сказал я черному ящичку с его именем. — Все готово и ждет вас. — Я потряс ящичек. — Как-нибудь вы мне расскажете, как это ваша память могла быть записана здесь, если вас нет и не будет в этой Галактике, поскольку Тот со своими придурками уничтожил Корпус. Хотя нет, лучше не рассказывайте. Пожалуй, мне не очень-то хочется это знать. — Я поднял ящичек и обвел им комнату. — Лучшее оборудование, какое можно купить на ворованные деньги. Вся современная исследовательская техника, которую смог достать. Любые запчасти. Запас сырья. Каталоги всех фирм, поставляющих электронику и физико-химическую продукцию. Большой счет в банке, который можно расходовать, покупая что угодно. Стопка подписанных чеков, которые надо только заполнить. Уроки языка в записи. Инструкции, отчет о происшедших событиях. Все для вас, профессор, и поосторожнее с этим телом. Оно единственное у нас обоих.

Быстро, чтобы не передумать, я лег на кушетку, подключил блок его памяти к своему затылку и повернул выключатель.

— В чем дело? — спросил Койпу, забираясь в мой мозг.

— Долго рассказывать. Вы у меня в мозгу, Койпу, так что соблюдайте правила безопасности.

— Чрезвычайно интересно. Действительно, ваше тело. Дайте-ка я пошевелю рукой. Не мешайте мне.

Почему бы вам, собственно, не выйти ненадолго, пока я не разберусь, в чем дело?

— Что-то не хочется.

— Придется. Я вас выталкиваю.

— Нет! — закричал я, но это не помогло.

Бесформенная чернота навалилась на меня, и я полетел по спирали вниз, в еще более густую тьму, вытолкнутый электронно усиленной памятью Койпу.

Как

медленно

идет

время.

У меня в руке — черный ящичек. На нем корявыми белыми буквами написано «Койпу». Палец лежит на выключателе; блок отключен.

Память вернулась, голова шла кругом, и я стал искать стул, чтобы сесть, обнаружил, что уже сижу, и сел поглубже.

Я отсутствовал, а другой распоряжался моим телом. Снова вступив во владение им, я обнаружил смутные воспоминания о работе, большой и долгой работе — она длилась дни, недели, а может, и месяцы. На пальцах появились ожоги и мозоли, а на тыльной стороне правой руки — свежая царапина. Зашелестел диктофон — должно быть, его включил таймер — и со мной заговорил профессор Койпу:

— Прежде всего скажу — больше этого не делайте. Не позволяйте моей памяти овладеть вашим телом. Я ведь все помню. Я помню, что меня больше нет. Эти мозги в коробочке — возможно, все, что от меня осталось. Если я выключу их — я перестану существовать. Может быть, память никогда больше не включат — скорее всего, так и будет. Это самоубийство, а я не принадлежу к типу самоубийц. Бесконечно тяжело щелкнуть выключателем. Думаю, все же я смогу это сделать. Я знаю, что поставлено на карту. Гораздо больше, чем псевдожизнь искусственной памяти. Поэтому я все-таки постараюсь выключить ее. Сомневаюсь, что смогу сделать это во второй раз. Я уже сказал — не делайте этого больше, предупреждаю вас.

— Предупреждай, предупреждай, — пробормотал я, выключил запись и пошел чего-нибудь выпить.

Койпу — хороший мужик. Мой бар был в целости и сохранности, и тройное солодовое виски со льдом прояснило мозги. Я снова сел и включил диктофон.

— К делу. Начав исследования, я понял, отчего преступники времени выбрали именно эту эпоху. Общество только что вступило в эру технологии, в то время как мышление находится на уровне Темных веков. Национализм, эта разновидность сумасшествия; отравление среды; преступность; всемирная гонка вооружений...

— Хватит читать лекцию, Койпу, давай по существу.

— ... но не стоит читать лекций на эту тему. Достаточно сказать, что все материалы для создания спирали времени в этом периоде доступны, а структура общества такова, что крупные манипуляции с временем можно успешно скрывать. Я построил спираль времени, она готова и ждет вас. Я также сконструировал трассоискатель и с его помощью определил, в каком периоде находится существо по имени Тот. По причинам, известным только ему, Тот сейчас действует в недавнем прошлом планеты, примерно 170 лет назад. Можно только догадываться, но думаю все же, что эта его операция — ловушка, подстроенная, безусловно, для вас. Неизвестным мне способом он поставил временной барьер перед 1805 годом, чтобы вы не смогли прибыть раньше и помешать ему в приготовлениях. Будьте осторожны — в его распоряжении большие силы. Я настроил автоматику так, что вы можете выбрать любой год из пяти после 1805-го, — это период их операции. Место — город Лондон. Выбор за вами. Удачи.

Я выключил диктофон, подавленный, и снова пошел выпить. Опять выбирать. Прощай, родное время. Придется углубиться в доисторическое прошлое и снова сразиться с приспешниками Того. Даже если я одержу победу — что из этого? Все равно застряну в том времени на всю жизнь. Мрачная перспектива, да ничего не поделаешь. В действительности у меня только иллюзия выбора. Он выследил меня в 1975 году, в следующий раз он сотрет меня в порошок. Уж лучше напасть первым. Вот-вот. Я выпил еще и взял первую попавшуюся книжку с длинной полки.

Койпу даром времени не терял. Не только соорудил спираль, но и подобрал библиотечку, посвященную тому периоду — первой четверти XIX века. Целью моего назначения был Лондон, и в связи с этим сразу же выделилось одно имя.

Наполеон Бонапарт. Наполеон Первый, император Франции, властелин большей части Европы, чуть ли не всего мира. Его мегало-маниакальные притязания мало чем отличались от притязаний Того. Это не совпадение: здесь должна быть связь. Я не знал еще, какая именно, но был печально уверен, что вскоре это выясню. А пока я перечитал всю литературу о том времени и чувствовал себя достаточно подкованным. Единственный светлый момент во всем деле — то, что в Англии говорят на языке, похожем на американский. Значит, не придется портить мозги на мнемографе.

Оставался вопрос одежды, но иллюстраций того периода было более чем достаточно. В итоге голливудский костюмер снабдил меня полным гардеробом, от коротких штанов и сюртуков на пуговицах до широких плащей и кастровых шляп. Тогдашняя мода мне понравилась, и я хорошо к ней приспособился, упрятав приличное количество снаряжения в объемные складки.

Раз я все равно прибуду вовремя во время, в какое время бы не отправился, то можно еще потянуть время. Но наконец предлогов для промедления больше не осталось. Время пришло. Инструменты и оружие готовы, здоровье отличное, реакция быстрая, боевой дух... низок. Но раз надо, значит надо.

Я вышел в приемную, и секретарша уставилась на меня поверх модного журнала, жуя резинку.

— Мисс Киппер, выпишите себе чек на жалованье за четыре недели — это вместо предупреждения.

— Вам не нравится, как я работаю?

— Я не мог бы желать лучшего. Но наша фирма из-за ошибок руководства обанкротилась, и я уезжаю за границу скрываться от кредиторов.

— Сй, как жалко.

— Спасибо за сочувствие. Разрешите, я подпишу чек.

Мы пожали друг другу руки, и я отпустил ее. Плата за помещение внесена за месяц вперед, и домовладельцу достанется вся техника. Только машина временно самоуничтожится после моего ухода. И так уже достаточно манипуляций с временем — я не имел желания вводить в игру новых лиц.

Нелегкой было задачей залезть в скафандр в одежде прошлого века, в конце концов пришлось снять сапоги и сюртук и приторочить их снаружи с остальным снаряжением. Навьюченный, я доковылял до пульта и собрался с духом перед решительным шагом.

Я знал, где должен высадиться, и по инструкции Койпу заложил точные координаты в машину заранее. Лондон исключался: если у них есть хоть какой-нибудь детектор, они засекут мое прибытие. Хотелось высадиться настолько далеко от города, чтобы меня не могли засечь, и настолько близко, чтобы не пришлось долго путешествовать на примитивных транспортных средствах того времени. То, что я читал о них, бросало в дрожь. Поэтому я остановился на долине Темзы близ Оксфорда. Гряда Чилтернских холмов скажется между мной и Лондоном. Сквозь камень не пробьется ни радар, ни все прочие лучи. А в Лондон можно добраться по воде, это около ста километров, и не связываться с отвратительными тогдашними дорогами.

Место высадки назначено. Время высадки — другое дело. Я пристально смотрел на диски настройки, будто ждал от них ответа, но они молчали. Раньше 1805 года нельзя — там стоит барьер. Сам 1805-й уж очень был похож на ловушку: они, конечно, будут настороже. Значит, позже. Но не настолько, чтоб они успели осуществить свое черное дело. Скажем, два года спустя — работу они еще не закончат, но, надо надеяться, немного ослабят бдительность. Я сделал глубокий вдох и поставил диски на 1807 год. И нажал на кнопку. Через две минуты энергия времени достигнет полной мощности. На свинцовых ногах я дотащился до зеленой светящейся спирали и коснулся ее конца.

Как и в прошлый раз, я ничего не почувствовал, но меня охватило сияние, сквозь которое с трудом просматривалась комната. Две минуты тянулись, как два часа, хотя стрелка и показывала мне, что до старта еще пятнадцать секунд. На этот раз я закрыл глаза, помня о неприятных ощущениях прошлого путешествия, и стоял напряженный, нервный и незрячий. Спираль развернулась и швырнула меня через время.

Дзыннь! Удовольствие среднее. Я оказался в прошлом, энергия спирали таяла в будущем. Принцип ее действия меня мало интересовал: почему-то теперь кишки скрутило гораздо сильнее, чем в прошлый раз, и я долго убеждал себя, что блевать в скафандр нехорошо. Уладив это дело, я понял, что ощущение падения падением и вызвано, открыл глаза и увидел себя среди проливного дождя. А снизу, сквозь его

пелену, на меня неслись мокрое поле и сучковатые деревья.

В панике схватившись за браслет гравитатора, я успел поставить его на полную мощность. Ремни закрипели от резкой нагрузки. Я тоже закрипел и застонал — лямки врезались в тело почти до кости. Не знаю, как не оторвались руки-ноги, когда я вломился в крону стоявшего внизу дерева, отскочил от толстой ветви и брякнулся оземь. Гравитатор же по-прежнему работал на полную мощность — и как только травянистый склон погасил мою скорость, меня снова подняло, стукнуло по дороге о ту же самую ветку и вынесло на вершину дерева сквозь прутья и листья. Снова я схватился за браслет, чтобы исправить дело, на этот раз миновал дерево и, как намокшее перышко, опустился на траву, где и лежал некоторое время.

— Прекрасная посадка, Джим, — простонал я, ощупывая себя в поисках переломов. — Тебе бы в цирке выступать.

Я был побит, но цел — это выяснилось, когда болеутоляющая таблетка прочистила голову и притупила нервные окончания. С запозданием я взгляделся в утихающий дождь, но вокруг не было никого — и никаких признаков жилья. На соседнем поле паслись коровы, не обеспокоенные моим драматическим явлением. Я на месте.

— За работу, — приказал я себе и стал разгружаться под прикрытием своего большого дерева.

У меня был складной контейнер, очень хитро сконструированный. Он разворачивался и превращался в окованный медью кожаный сундук, типичный для того времени. Туда поместилось все, включая скафандр и гравитатор. Когда я уложил и запер сундук, дождь кончился, и бледное солнце пробивалось сквозь облака. По меньшей мере полдень, судя по высоте. Успею найти пристанище на ночь. Только где? Утоптанная тропинка через коровье пастбище куда-нибудь да приведет. Я перелез через низкую каменную изгородь и пошел вдоль нее. Коровы таращили на меня круглые глаза, но больше никак не реагировали. Это были большие животные, знакомые мне только по фотографиям, и я, кажется, что-то слышал об их агрессивности. Но коровы, наверное, тоже запомнили и не

мешали мне идти по тропинке с сундуком на плече навстречу новому миру.

Тропинка привела к перелазу на проселочную дорогу. Годится. Я соображал, в каком направлении идти, и тут услышал, как приближался некий деревенский транспорт — колеса здорово скрипели, а ветерок принес струю запаха. Вскоре до меня дотарахтело двухколесное деревянное сооружение, влекомое исключительно костлявой лошастью и груженое, как я после разобрался, навозом — естественным удобрением. Ценится как средство повышения урожайности, а также как составная часть для производства пороха. Транспортом управлял неряшливый крестьянин в мешковатой одежде, сидя впереди на возвышении. Я сошел на дорогу и поднял руку. Он потянул за систему ремней, привязанных к животному, и экипаж со скрипом остановился. Возница уставился на меня, ослабил голые десны в память о давно ушедших зубах, приподнялся и постучал костяшками пальцев по лбу. Я читал об этом ритуале и знал, что так представители низших классов приветствуют представителей высших. Значит, я правильно подобрал костюм.

— Мне нужно в Оксфорд, любезный, — сказал я.

— Ась? — Он поднес к уху тощую руку.

— Оксфорд! — закричал я.

— А-а, Оксфорд, — радостно закивал он. — Это вон туда. — И указал через плечо.

— Я направляюсь туда. Не подвезете ли?

— Да мне туда. — Он махнул вперед.

Я вынул золотой соверен из кошелька, купленного у антиквара, — больше, чем он, вероятно, видал за всю жизнь — и показал ему. Он широко раскрыл глаза и разинул беззубый рот.

— Поехали в Оксфорд.

Чем меньше рассказывать об этой поездке, тем лучше. Навозомобиль без рессор истязал нижнюю часть моего туловища, а груз его оскорблял обоняние. Но мы, по крайней мере, двигались в нужном направлении. Мой водитель кудахтал и бубнил себе под нос, обезумев от радости по поводу свалившегося с неба сокровища, и выжимал скорость из своей престарелой клячи. Когда мы выехали на открытое место, проглянуло солнце, и впереди показались серые башни университета, бледные на фоне грифельно-серых туч —

очень красивый вид. Пока я восторгался, повозка остановилась.

— Оксфорд, — указал корявым пальцем возница. — Магдаленский мост.

Я слез и потер онемевшие ляжки, глядя на изящную арку моста над рекой. Раздался грохот — это рядом со мной свалился сундук. Я было возмутился, но мой экипаж уже катил обратно по дороге. Поскольку мне не больше хотелось въехать в город на телеге, чем ему — меня доставить, я не возражал. Но он мог бы сказать что-нибудь — хотя бы попрощаться. Впрочем, неважно. Я взвалил сундук на плечо и пошел вперед, притворяясь, что не вижу солдата в голубом мундире, стоявшего у будки на том конце моста. Солдат держал длинное огнестрельное оружие с чем-то острым на конце, и он-то хорошо меня видел. Преградив дорогу своим оружием, он сунулся мне в лицо своей черной бородкой.

— Кескет вулеву?* — спросил он.

Совершенно непонятно — может быть, это городской диалект, возницу-то я понимал без труда.

— Будьте добры, повторите, — попросил я самым дружелюбным образом.

— Кошон англей,** — пробурчал он и замахнулся нижним деревянным концом оружия прямо мне в диафрагму.

Это некрасиво с его стороны. В ответ на такое обращение я отступил в сторону, чтобы избежать удара, и в свою очередь саданул коленом в диафрагму ему. Он согнулся пополам, и я рубанул ему по затылку, раз уж сам подставился. Он упал без сознания, и я подхватил его оружие, чтобы не выстрелило при падении.

Все это произошло очень быстро. На меня изумленно глядели прохожие и свирепо — другой солдат в дверях будки. Он целил в меня из ружья. Нечего сказать, мирно вошел в город — но раз начал, надо продолжать.

Сказано — сделано. Я нагнулся: во-первых, чтобы поставить сундук, во-вторых, чтобы в меня не попали. Раздался выстрел, и язык пламени пролетел у меня над головой. Затем приклад ружья у меня в руках взвился

* Что вам нужно? (искаж. франц.)

** Английская свинья (искаж. франц.)

и угодил противнику в челюсть, он рухнул назад, а я устремился за ним. Если там, внутри, есть и другие, лучше иметь с ними дело в замкнутом пространстве.

Были, были там другие, вполне достаточное количество. Разделавшись с ближайшими парой подлых приемчиков, я бросил гранату с сонным газом для успокоения остальных. Не хотелось мне этого делать, но пришлось. Посматривая на дверь, я привел в беспорядок одежду лежащих и попинал их ногами, чтобы походили на жертвы физического насилия.

А теперь как отсюда выбраться? Первый ответ — быстро, пока очевидцы не подняли тревогу. Но с порога я увидел, что прохожие собрались в кучку и пытаются рассмотреть, что происходит. Когда я вышел, все заулыбались и радостно закричали, а кто-то выкрикнул:

— Ура его лордству! Видели, что он сделал с французиками?

Я растерянно стоял среди радостных кликов. Что-то здесь не так. Теперь я понял, что мучило меня с тех самых пор, когда я впервые взглянул на колледжи. Флаг, гордо реющий на ближней башне. Где двойной английский крест?

Это было трехцветное знамя Франции.

Глава одиннадцатая

Пока я пытался осмыслить этот факт, человек в простом платье из коричневой кожи растолкал ликующую толпу и громко призвал ее к молчанию.

— Ступайте все по домам, не то придут лягушатники и перебьют вас. И никому об этом не говорите, если не хотите висеть на городских воротах.

Ликование сменилось испугом, и все стали быстро расходиться. Только двое мужчин прошли мимо меня в караульную, чтобы собрать разбросанное оружие. Сонный газ уже рассеялся, и я впустил их. Человек в коже, подойдя ко мне, притронулся двумя пальцами к шапке.

— Хорошо сработано, сэр, но теперь вам надо быстро уходить. Выстрел могли услышать.

— Куда же мне идти? Я никогда в жизни не был в Оксфорде.

Он быстро смерил меня взглядом, так же, как и я его, и принял решение.

— Пойдемте с нами.

И самое время: я слышал, как топают тяжелые сапоги по мосту, когда мы нырнули в переулок, нагрузившись ружьями. Но мои спутники были местными, знали все ходы и выходы, и опасности, на мой взгляд, не было. Мы то шли, то бежали добрый час и дошли до большого амбара — видимо, цели нашего пути. Я вошел следом за другими и поставил свой сундук на пол. Когда я выпрямился, те двое, что

тащили ружья, схватили меня за руки, а человек в коже приставил к горлу исключительно острый, как мне показалось, нож.

— Кто ты? — спросил он.

— Меня зовут Браун, Джон Браун. Я из Америки. А как зовут тебя?

— Брюстер. — И он продолжал тем же ровным голосом: — Скажи-ка, почему бы нам не убить тебя как шпиона?

Я спокойно улыбнулся, чтобы показать ему, как глупа подобная мысль, но внутренне совсем не был так спокоен. Шпион — почему бы и нет? Что ему сказать? Думай быстро, Джим, потому что нож убивает не хуже атомной бомбы. Что мне известно? Французы оккупировали Оксфорд. Значит, они вторглись в Англию и захватили страну или часть ее. Существует сопротивление захватчикам — эти люди тому доказательство. Я оттолкнулся от этого факта и начал импровизировать.

— Я здесь с тайной миссией. — (Это всегда действует). Нож все еще упирался мне в горло. — Как вам известно, Америка на вашей стороне...

— Америка помогает французам — ваш Бенджамин Франклин так сказал.

— Что ж, на мистере ФранкLINE лежит большая ответственность. Франция теперь слишком сильна, чтобы с ней сражаться, вот мы и поддерживаем ее — для вида. Но есть много таких, как я, которые хотят вам помочь.

— Докажи!

— Каким образом? Бумаги можно подделать, да и возить их при себе смертельно опасно — вы не поверили бы им. Но есть у меня то, что не солжет, и я ехал в Лондон, чтобы отвезти это кое-кому.

— Кому? — Мне показалось, или нож действительно чуть-чуть отодвинулся?

— Этого я не скажу. Но такие люди, как вы, желающие сбросить иго тирана, есть во всей Англии. Мы связались с несколькими группами, и я везу им то, о чем говорил.

— Что это?

— Золото.

Это произвело впечатление, и руки, державшие меня, чуть-чуть ослабили хватку. Я стал ковать, пока горячо.

— Вы никогда меня раньше не видели и скорее всего больше не увидите. Но я могу предоставить вам средства для покупки оружия, подкупа солдат, помощи узникам. Как вы думаете, зачем я сегодня публично напал на солдат? — осенило меня.

— Скажи нам, — ответил Брюстер.

— Чтобы найти вас. — Я медленно оглядел их удивленные лица. — По всей стране есть много настоящих англичан, которые ненавидят захватчиков и будут сражаться, чтобы выбросить их с этих зеленых берегов. Но как связаться с ними, как помочь? Я показал вам один из способов — и обеспечил вас оружием. Теперь я дам вам золото, чтобы продолжать борьбу. Вы должны довериться мне, как я доверяю вам. Ведь вы получите достаточно золота, чтобы при желании бежать отсюда и дожить свои дни в более мирном уголке света. Но я в это не верю. Вы рисковали жизнью из-за этого оружия. Вы сделаете то, что считаете правильным. Я дам вам золото и уеду. Мы никогда больше не увидимся. Мы должны доверять друг другу. Я вам доверяю... — Тут мой голос дрогнул, чтобы они могли сами закончить фразу.

— Похоже на правду, Брюстер, — сказал один.

— И мне так кажется, — сказал другой. — Давай возьмем золото.

— Золото возьму я, если оно существует, — сказал Брюстер, отводя нож, но все еще сомневаясь. — Может, все это ложь.

— Все может быть, — быстро ответил я, пока он не начал копать в моей ненадежной легенде. — Но это не ложь — да и не так это важно. Увидите сами — ночью я уеду, и больше мы никогда не встретимся.

— Золото, — сказал один из стражей.

— Надо посмотреть, — неуверенно сказал Брюстер.

Мой блеф удался, теперь ему нет пути назад.

Я очень осторожно открыл сундук, чувствуя дуло ружья в области почек. Золото у меня было: это единственная правдивая часть моей истории. Оно лежало в кожаных мешочках и предназначалось для финансирования операции. Теперь оно выполнит свое назначение. Я вынул один мешочек и торжественно вручил его Брюстеру.

Он взвесил на руке сверкающие гранулы, и все усталились на них. Я воспользовался моментом.

— Как мне попасть в Лондон? По реке?

— Там часовые на каждом шлюзе, — сказал Брюстер, все еще глядя на золотой гравий у себя в руке. — И до Абингдона не доберетесь. Только верхом, окольными дорогами.

— Я не знаю окольных дорог. Мне понадобятся две лошади и кто-нибудь в проводники. Вы знаете — я могу заплатить.

— Вот Люк вас проводит, — сказал он, наконец переведя глаза на меня. — Он раньше был погонщиком скота. Но только до стены; с французами разбейтесь сами.

— С удовольствием.

Значит, Лондон оккупирован. А остальная часть Англии?

Брюстер пошел добывать лошадей, а Гью принес черствого хлеба и сыра, а также эля, который мне был больше по душе. Мы разговорились — скорее, говорили они, а я слушал, вставляя иногда словцо. Спрашивать я боялся, чтобы не обнаружить свое полнейшее невежество. Но картина наконец прояснилась. Англия захвачена полностью и покорена вот уже несколько лет. Сколько именно — неясно, хотя в Шотландии еще идут бои. Ходили невнятные слухи о вторжении, о большой пушке, причинившей страшные потери, о том, что весь флот был уничтожен в единственном сражении в Ла-Манше. Тут виднелся отпечаток раздвоенного копыта Того. История переписывалась.

Но ведь это прошлое — не от того будущего, из которого я прибыл. Голова начинала болеть, как только я об этом задумывался. Существует ли этот мир в петле времени, в стороне от основного течения истории? Или это — параллельный мир? Профессор Койпу знал бы — но не думаю, что он одобрит, если я включу его память только ради ответов на свои вопросы. Придется разбираться без него. Думай, Джим, шевели извилинами. Ты гордишься тем, что называешь своим интеллектом, так используй его для разнообразия на что-нибудь кроме жульничества. Должна же тут быть какая-то логика. Пункт А: в будущем этого прошлого не существует. Б: оно определенно существует в данный момент. Наконец В: не я ли причина тому, что это прошлое и даже память о нем исчезнут? Я не имел понятия, как это должно произойти — но мысль была такая теплая и ободряющая, что я за нее

ухватился. Джим ди Гриз — творец истории, потрясатель миров. Очень приятный образ, и я лелеял его, засыпая на сене, но вскоре проснулся и зачесался: насекомые одолели.

Лошадей привели, когда уже стемнело, и мы договорились, что лучше выехать на рассвете. Я отыскал в сундуке аэрозоль и расправился с врагами, обеспечив себе относительно спокойную ночь перед дорогой.

Эта дорога! Мы ехали три дня, и когда добрались до Лондона, мои потертости протерлись до последней крайности. А мой простодушный спутник от души наслаждался поездкой, считая ее увеселительной. Он рассказывал мне о местностях, через которые мы проезжали, и каждый вечер вмертвую напивался в трактирах, где мы останавливались. Мы переправились через Темзу повыше Хенли и сделали большой крюк на юг, избегая мало-мальски крупных населенных пунктов. Когда мы снова выехали к Темзе в Саутворке, перед нами был Лондонский мост, а за ним — крыши и шпили Лондона. Их трудновато было рассмотреть из-за высокой стены, что шла вдоль всего противоположного берега. Стена выглядела свеженькой и чистенькой по сравнению с закопченным городом, и меня поразила одна мысль.

— Стену построили недавно, верно?

— Ну да, года два назад. Много народу поумирало — женщины, дети. Бони всех согнал, как рабов, на постройку. Она идет вокруг всего города. Не было никакой надобности ее строить — сумасшедший он, и все.

Надобность была, и хотя мне это льстило, но совсем не понравилось. Стену построили из-за меня, чтобы не допустить меня в город.

— Надо найти тихую гостиницу, — сказал я.

— А вон там — у Джорджа. — Он громко причмокнул. — И эль что надо.

— Она, может, и хороша, но мне нужно жилье на реке, чтобы виден был мост.

— Есть одно местечко — «Кабан и Куропатка». На Селедочной улице, что близ Винного переулка. Там эль хороший.

Хорошим Люк считал и самое мерзкое пойло, лишь бы в нем содержался алкоголь. Но «Кабан и куропатка» как раз мне подошел. Подозрительный кабак с треснувшей вывеской, изображавшей невероятного

вида свинью и такую же птицу в состоянии конфронтации. За трактиром был шаткий причал, где жаждущие лодочники привязывали свои лодки, а моя комната выходила окнами на реку. Поставив лошадь на конюшню и договорившись о цене, я заперся и распаковал электронный телескоп. Он представил мне ясную, подробную, удручающую картину города за рекой.

Его окружала эта стена, десяти метров высотой, из кирпича и камня, несомненно, наштапигованная всяческими детекторами. Если попытаться пройти над или под ней, меня обнаружат. Забудем про стену. Единственный вход, видный мне с наблюдательного поста, находился за Лондонским мостом, и я внимательно его изучал. Транспорт по мосту двигался медленно, поскольку все и вся перед допуском в город тщательно обыскивалось. Французские солдаты все осматривали и ощупывали. А людей по одному вводили в помещение внутри стены. Насколько я мог судить, выходили оттуда все — но выйду ли я? Что происходит там, внутри? Надо выяснить, и распивочная внизу самое подходящее для этого место.

Все любят, когда человек щедро тратит деньги — этим я и занялся. Одноглазый трактирщик, бормоча под нос, отыскал в погребе бутылку приличного кларета, которую я придержал для себя. Что до местных жителей, то они были вполне счастливы, вливая в себя эль кружку за кружкой. Кружки были кожаные и смазаны дегтем, что придавало особую пикантность напитку, но никто ничего не имел против. Самым ценным моим информатором стал заросший щетиной человек по имени Квинч. Он занимался перегоном скота из загонів на бойню, а также помогал мясникам в их кровавой работе. Талантами, само собой, он не блистал, но к выпивке тягу имел большую, а когда пил, то говорил, а я ловил каждое слово. Он входил и выходил из Лондона каждый день, и мало-помалу из потока его сквернословия я выудил как будто все детали пропускной процедуры.

Сначала обыск — это я и без него видел. Иногда тщательный, иногда поверхностный. Но одно оставалось неизменным.

Каждый человек, входящий в город, должен просунуть руку в отверстие в стене караульной. Просунуть — и все. Ничего не касаться, просто сунуть руку по локоть.

Я обдумывал это, попивая вино и отрешившись от кликов мужского веселья, царившего вокруг.

Что же они проверяют таким образом? Возможно, отпечатки пальцев — но я, как правило, ношу пленку с фальшивыми отпечатками и сменил три таких за последнюю операцию. Температуру? Щелочность кожи? Пульс, давление? Может, эти обитатели далекого для меня прошлого чем-то отличаются по своим физическим параметрам? За тридцать тысяч лет вполне могло что-нибудь измениться. Надо вычислить современные нормы.

Это было довольно легко сделать. Я собрал детектор, регистрирующий все эти факторы, и подвесил его под одеждой. Датчик в виде кольца надел на правую руку и на следующий вечер, обменявшись рукопожатием со всеми посетителями, допил вино и ушел в свою комнату. Результаты регистрировались с точностью до 0,006% и многое мне открыли. В частности, то, что мои собственные показатели — в пределах нормы.

— Плохо думаешь, Джим, — упрекнул я себя в кривом зеркале. — Должна быть причина этой дыры в стене. А причина — какой-то детектор. Что же он определяет? — Я отвернулся от своего обвиняющего взгляда. — Ну-ну, не надо уходить от вопроса. Если не можешь ответить, поверти его в голове. Что вообще поддается измерению?

Это уже теплее. Я взял лист бумаги и начал перечислять все величины, подлежащие измерению, в порядке их частот. Свет, тепло, радиоволны, затем шум, вибрация, радарные волны — абсолютно все, не пытаясь пока соотносить эти величины с человеческим телом. Этим я занялся, составив как можно более подробный список. Заполнив весь лист, я торжественно пожал себе руку и перечитал список в поисках того, что применимо к человеку.

Ничего. Я снова пал духом. Отбросил список — и схватил снова. Что-то тут было, что-то, относящееся к чему-то, что я слышал о Земле. Что же? И где? Здесь. Земля уничтожена ядерными взрывами, сказал Койпу.

Радиация. Атомный век еще в будущем — и единственная радиация в этом мире — естественная, фоновая. Проверить недолго.

Я — человек из будущего, обитатель Галактики, использующей прирученный атом. Мое тело было

вдвое радиоактивнее фона моей комнаты и вдвое радиоактивнее горячих тел моих друзей в кабачке, куда я спустился проверить.

Теперь, когда я знал, чего нужно остерегаться, можно было попытаться обойти препятствие. Вскоре я составил план и задолго до рассвета был готов действовать. Все мое снаряжение было пластмассовое — его не обнаружит металлоискатель, если он у них есть. Металлические предметы я поместил в пластиковую трубку не более метра длиной и не толще моего пальца, свернул ее и положил в карман. В самый темный час перед рассветом я выскользнул из дома и стал рыскать по мокрым улицам в поисках добычи.

Вскоре я нашел ее — это был французский часовой, охранявший один из входов в ближние доки. Короткая схватка, немножко газа, безжизненное тело, темный закоулок. Через две минуты я вышел с другого конца в его мундире с ружьем на плече, которое нес, как положено у французов. Трубку со снаряжением я засунул в дуло — пусть-ка проверят металлоискателем. Время было рассчитано правильно — когда разрозненные ночные патрули возвращались в Лондон, я шагал в последней шеренге. Войду необнаруженный, во вражеских рядах — обманули дураков. Не станут же они проверять своих солдат.

А дураком-то оказался я. Отряд входил в ворота на том конце моста, и я увидел кое-что интересное: из окна этого не было видно.

Каждый солдат, завернув за угол караульной, на минуту останавливался под холодным взглядом сержанта и просовывал руку в темное отверстие, пробитое в стене.

Глава двенадцатая

— Мерд!* — сказал я, спотыкаясь на неровном мосту.

Не знаю, что это значит, но у французских солдат это слово в большом ходу и, кажется, подходит к случаю. Я упал на солдата рядом с собой, и мой мушкет больно ударил его по голове. Он завопил от боли и оттолкнул меня. Я попятился назад, наткнулся на низкие перила и упал в реку.

Чистая работа. Течение было быстрое, и я погрузился под воду, зажав мушкет между колен, чтобы не унесло. Потом разок всплыл, молотя по воде руками и крича во все горло. Солдаты с криками метались по мосту, указывая в мою сторону. Убедившись, что произвел желаемое впечатление, я позволил мокрой одежде и ружью снова утянуть себя под воду. Кислородная маска была во внутреннем кармане, и только несколько секунд потребовалось, чтобы вынуть ее и натянуть на голову. Я сделал сильный выдох, убрал из маски воду и вдохнул чистый кислород. Теперь оставалось потихоньку переплыть реку. Был как раз отлив — течение меня отнесет далеко от моста. Я избежал проверки, выжил, мог снова собраться с силами для борьбы, но полнейший провал моей попытки проникнуть за стену глубоко меня угнетал. Я плыл

* Дерьмо (франц.)

в подводном сумраке и пытался придумать другой план, но это было явно не то место, да и вода не слишком теплая. Мысли о теплом камельке в моей комнате и кружке горячего рома поддерживали меня довольно долго. Наконец я увидел в воде что-то темное — это было небольшое судно, стоящее у причала: видны были сваи. Подплыв под киль, я вытащил трубку из дула ружья и то, что было в карманах мундира. Потом сунул ружье в рукав мундира и отправил на дно. Глубоко вдохнув, снял маску, спрятал ее и всплыл как можно тише рядом с кораблем.

Над собой я увидел фалды и заплатанные штаны французского солдата, сидевшего на борту. Он старательно надраивал вороненый ствол пушки внушительного вида. Она выглядела гораздо опаснее всех известных мне орудий девятнадцатого века — несомненно, потому что к этому веку не принадлежала. Не из одного любопытства я внимательно изучал оружие эпохи, которую недавно покинул, и в этой пушке опознал безоткатную 75-миллиметровку. Идеальное орудие для маленького деревянного судна — при стрельбе не причинит ему вреда, зато разнесет в куски деревянный корабль противника, прежде чем тот успеет зарядить с дула свои орудия. Не говоря уж о полевом артобстреле. Пара сотен таких пушек, доставленных из другого времени, способна изменить историю — что и произошло. Солдат наверху обернулся и сплюнул за борт. Я снова погрузился и поплыл между свай.

Немного ниже были ступеньки лодочной пристани, невидимой с французского корабля, и я всплыл на поверхность. Вокруг никого не было. Мокрый, продрогший, удрученный, я вылез из воды и направился в темный переулок между домами. Там кто-то стоял, и я хотел пройти мимо, но потом раздумал.

Незнакомец приставил мне к боку большой безобразный пистолет.

— Идите вперед, — сказал он. — Я доставлю вас в одно уютное место, где вы сможете переодеться.

Говорил он с сильным французским акцентом.

Я мог только подчиняться — каким бы примитивным ни было его оружие, а дырку во мне может проделать хорошую. В конце переулочка стояла карета, загораживая проход. Дверца была раскрыта с навязчивым гостеприимством.

— Садитесь, — сказал мой конвоир. — Я следую за вами. Видя, как несчастный солдат упал с моста и утонул, я подумал: а что, если он выплывет? Что, если он хорошо плавает и переплывет реку? Где он в таком случае выйдет на берег, учитывая течение? Это математическая задача, я решил ее, и *voilà!* тут вы и появились из воды.

Дверца захлопнулась, и карета поехала. Я схватил пистолет — за рукоятку, ибо мой спутник протягивал его мне, держа за дуло.

— Пожалуйста, возьмите пистолет, мистер Браун, если хотите: он не нужен мне больше. — Он только улыбался, когда я сначала раскрыл рот, потом нахмурился, потом навел пистолет на него. — Это был самый простой способ уговорить вас сесть со мной в экипаж. Я наблюдаю за вами уже несколько дней и убедился в том, что вы не любите французов.

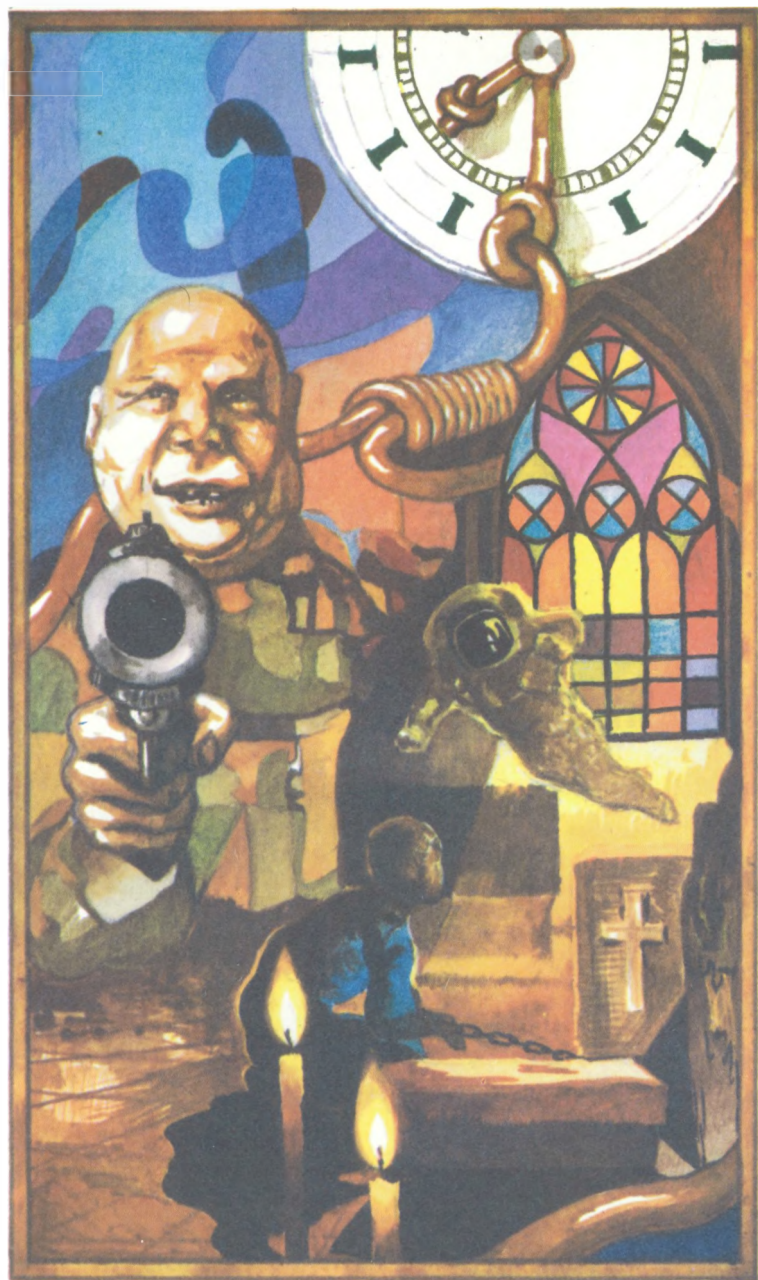
— Но вы же француз?

— Разумеется! Сторонник покойного короля, а ныне изгнанник. Я научился ненавидеть этого ничтожного корсиканца еще тогда, когда все над ним смеялись. Теперь уж никто не смеется, и все мы объединились для борьбы. Однако позвольте представиться. Граф д'Эззон, но вы можете звать меня Шарль, поскольку титулы остались в прошлом.

— Рад познакомиться, Чарли. — Мы пожали друг другу руки. — Зовите меня просто Джон.

Тут карета со стуком и скрипом остановилась, прервав нашу замечательную беседу. Мы въехали во двор большого дома и я, с пистолетом в руке, проследовал за графом внутрь. Я все еще был настороже, но ничто, как будто, не вызывало подозрений. Прислуга была вся старая и суежилась, переговариваясь по-французски. Один престарелый слуга со скрипучими коленками налил в ванну воды и помог мне раздеться, оставив без внимания то, что я держу пистолет, пока он намыливает мне спину. Принесли теплое платье, хорошую обувь, и я, оставшись один, переложил свой арсенал в новую одежду.

Когда я спустился вниз, граф ожидал меня в библиотеке, попивая из хрустального бокала какой-то напиток. Полная бутылка стояла рядом. Я протянул ему пистолет, а он мне — бокал. Напиток прошел по горлу, как теплая музыка, а ноздри окутал аромат, неведомый доселе.

— Сорокалетней выдержки, из собственного имени — оно, как вы сами можете судить, находится в Коньяке.

Я отпил еще и посмотрел на хозяина. Да, не дурак, сразу видно. Высокий, тонкий, с седеющими волосами, широкий лоб, худощавое, почти аскетическое лицо.

— Зачем вы привезли меня сюда? — спросил я.

— Чтобы объединить наши силы. Я изучал естественную философию и вижу вокруг много неестественных явлений. То, чем вооружена армия Наполеона, делалось не в Европе. Кое-кто говорит, что оружие привезено из Китая, но я так не думаю. За этим оружием наблюдают люди, очень дурно говорящие по-французски, странные и зловещие. Говорят, в окружении корсиканца есть еще более странные и зловещие люди. В мире происходят непонятные вещи. Вот я и слежу за всеми непонятными событиями — я ожидаю пришельцев. Чужестранцев, не англичан — таких, как вы. Скажите, как можно переплыть реку под водой?

— С помощью особого аппарата.

Не имело смысла скрывать: граф прекрасно знал, о чем спрашивает. Узнав о той черной пушке, я должен был сказать, откуда взялся враг. Граф широко открыл глаза, услышав мой ответ, и допил свой бокал.

— Я так и думал. И полагаю, вы знаете больше, чем говорите, о тех людях и их оружии. Они не принадлежат к миру, который мы знаем, верно? Вам они известны, и вы пришли сюда сражаться с ними?

— Они явились из края зла и безумия и принесли с собой свои преступления. Я сражаюсь с ними. Не могу рассказать вам о них больше, потому что сам не знаю всей истории. Но я здесь для того, чтобы уничтожить их и все содеянное ими.

— Я был уверен! Мы должны объединиться, и я помогу вам чем только смогу.

— Можете для начала обучить меня французскому. Мне нужно попасть в Лондон, и, похоже, для этого язык необходим.

— Но хватит ли времени.

— Пары часов будет достаточно. На то есть специальная машина.

— Начинаю понимать. Но мне, право же, не нравятся ваши машины.

— Машины не могут нравиться или не нравиться: это не объект эмоций. Мы используем их для добрых или недобрых дел, так что проблема машин — проблема человеческая, как и все прочие.

— Склоняюсь перед вашей мудростью; вы, конечно же, правы. Когда начнем?

Я съездил в «Кабана и куропатку» за вещами и переселился в дом графа. Утомительный вечер с мнемографом: головная боль — это мягкое название для побочных эффектов этой адской машины — и я обучился разговорному французскому. К удовольствию графа мы теперь общались на этом языке.

— Что же дальше? — спросил он.

Мы хорошо пообедали, и теперь сидели за коньяком.

— Надо посмотреть поближе на этих мнимых французов, которые как будто всем заправляют. Бывают ли они поодиночке на этом берегу — а если не поодиночке, то хотя бы небольшими группами?

— Да, бывают, но определенного порядка в их передвижениях нет. Нужно собрать последние сведения. — Он позвонил в серебряный колокольчик, стоявший рядом с графином. — Желаете ли вы, чтобы одного из этих людей доставили вам мертвым или бесчувственным.

— Вы слишком добры, — сказал я, подставляя бесшумно вошедшему слуге свой бокал. — Этим я займусь сам, только укажите мне объект.

Граф отдал распоряжение, слуга удалился. Я занялся коньяком.

— Это займет немного времени, — сказал граф. — Что будет, когда вы получите сведения — имеется ли у вас план?

— Приблизительный. Мне нужно в Лондон. Найти Того, главного демона в этом уголке ада, и, полагая, убить его. А также уничтожить кое-какую технику.

— А корсиканский выскочка — его вы тоже устранили?

— Только если встанет поперек дороги. Я не профессиональный убийца, и убивать мне всегда было трудно. Но мои действия испортят ему всю операцию. Для нового оружия перестанут поступать боеприпасы, и захватчики исчезнут без следа.

Граф поднял бровь, но любезно воздержался от комментариев.

— Это сложная ситуация: я и сам ее не слишком понимаю. Это связано с природой времени, а я в ней слабо разбираюсь. Но похоже, что этого прошлого времени, в котором мы живем, в будущем не существует. В будущих учебниках истории говорится, что Наполеон был разбит, империя его распалась, а Британию никто не покорял.

— Так и должно быть!

— Так будет — если я доберусь до Того. Но если история снова переменится, весь этот мир, каким мы его знаем, может исчезнуть.

— Во всяком опасном предприятии есть свой риск. — Граф сделал небрежный жест рукой, оставаясь спокойным и хладнокровным. Превосходный человек. — Если этот мир исчезнет, не должен ли возникнуть взамен новый, лучший мир?

— В общем, да.

— Тогда наш долг — помочь ему родиться. В том, лучшем мире некий другой я вернется в свое поместье, мои родные будут живы, расцветут весной цветы, и все будут счастливы. Здешняя жизнь для меня не много значит: это жалкое существование. Однако я предпочел бы, чтобы то, что известно нам, не вышло за стены этой комнаты. Я не уверен, что наши сторонники посмотрят на дело столь же философски.

— Абсолютно с вами согласен. Хотел бы я, чтобы все было как-то иначе.

— Не принимайте этого близко к сердцу, дорогой друг. Не будем больше говорить об этом.

И мы не говорили. Мы беседовали об искусстве и виноделии, о том, какие опасности подстерегают изготовителя крепких напитков. Время шло быстро — и не успели мы начать второй графин, графа вызвали, чтобы принять донесение.

— Превосходно, — сказал он, возвращаясь и потирая руки. — Небольшая компания интересующих нас людей направляется в бордель на Мермейд Корт. Они выставят часовых, но для вас, полагаю, это не составит трудности?

— Отнюдь, — сказал я, поднимаясь. — Если вы соблаговолите дать мне какой-нибудь экипаж и проводника, обещаю вернуться через час.

Мою просьбу тотчас исполнили, а я выполнил свое обещание. Угрюмый тип с бритой головой и лицом, изуродованным шрамами, отвез меня в карете и указал

нужное заведение. Я вошел в соседний дом, какую-то лавочку — она была закрыта ставнями и заперта на висячий замок, который очень трудно было открыть. Не то чтобы его механизм представлял для меня какую-то сложность — нет! Но замок был так велик, что отмычка не доставала до механизма. Тогда я воспользовался ножом, вошел, поднялся на крышу соседнего дома и привязал к наиболее прочной трубе свою паутину. Паутина была соткана из тонкой, почти невидимой и практически нервущейся нити, сделанной из одной макромолекулы, и намотана на катушку, закрепленную у меня на груди. Медленно разматывая ее, я спустился к темным окнам дома. Темным для всех, кроме меня — благодаря ультрафиолетовым очкам я видел, как днем. Я бесшумно проник в окно, усыпил одного молодчика и его партнершу газом, взвалил спящего на плечо, и бешено крутящаяся катушка мигом подняла нас на крышу. Несколько минут спустя моя жертва храпела на столе в графском подвале, а я тем временем готовил инструмент. Граф с интересом присматривался.

— Хотите заставить его говорить? Собственно, я не одобряю пыток, но в этом случае как раз необходимы каленое железо и острая сталь. После всех злодейств, что творили эти скоты! Говорят, аборигены Нового Света способны полностью содрать с человека кожу, и при этом он остается жив.

— Это было бы забавно, но нам не понадобится. — Я разложил инструменты и подключил контакты. — Снова машина. Не приводя его в чувство, я пройду по его сознанию в подкованных сапогах — это во многих отношениях еще хуже пытки. Он расскажет нам все, что нужно, сам о том не зная. После этого он ваш.

— Благодарю вас, нет. — Граф брезгливо поднял руки. — Убийство одного из них влечет за собой репрессии и казни горожан. Мы его немного побьем, обчистим, разденем и подбросим в переулке — пусть подумают, что это ограбление.

— Это еще лучше. Итак, я начинаю.

Исследовать этот мозг было все равно, что плавать в сточной канаве. Безумие — одно дело, он был определенно не в своем уме, как и все они, но неприкрытую приверженность злу простить нельзя. Проблем с извлечением информации не было, дело

было только за отбором. Он хотел говорить на своем языке, потом согласился на французский и английский. Я ковырял, вскрывал, зондировал и наконец получил все, что хотел знать. Жюлю, моему бритоголовому спутнику, поручили приятную миссию — побить пленника, после чего его, раздетого, должны были выбросить на улицу. Мы же с графом вернулись к недопитому графину.

— Похоже, их штаб находится в месте, называемом Святой Павел. Вы знаете, где это?

— Дьявольщина, они ни перед чем не останавливаются! Это собор, творение великого зодчего, сэра Кристофера Рена. Вот он на плане.

— Существо по имени Тот находится там, и при нем, видимо, вся техника. Но чтобы добраться до них, мне нужно попасть в Лондон. Очень возможно, мне удастся пройти в добытой нами форме, ведь уровень радиоактивности того человека такой же, как у меня. По этому показателю они определяют нежеланных пришельцев. Но может быть еще пароль или другая проверка — например, на знание языка. Здесь нужна диверсия. Нет ли среди ваших сторонников человека, сведущего в артиллерии?

— Конечно. Рене Дюпон — бывший майор артиллерии, очень знающий солдат. И он сейчас в Лондоне.

— Он-то нам и нужен. Уверен, что он будет рад пострелять из их мощной пушки. Судно, на котором она стоит, мы захватим перед рассветом. На заре, когда открывают ворота, начнется обстрел. Огонь надо вести по воротам, по караульной, чтобы стража пришла в смятение. Затем пушкари оставят судно и уйдут по суше. Ответственность за это возлагается на ваших людей.

— За выполнением этого задания я с удовольствием прослежу сам. Но где же будете вы?

— Войду в город с патрулями, как уже пытался.

— Это большой риск! Чуть пораньше — и вас могут разоблачить или ранить при обстреле. Чуть позже — и ворота запрут.

— Вот поэтому и надо очень точно согласовать время.

— Я пошлю за самыми точными хронометрами, какие только есть.

Глава тринадцатая

Майор Дюпон, краснолицый, седой, с округлым брюшком, был человек энергичный, знал свое дело и загорелся желанием освоить невиданное новое оружие. Экипаж канонерки, включая вахтенных, спал в трюме более крепко, чем желал бы. Я разобрался в механизме безоткатной пушки и объяснил майору. Он сразу же ухватил суть дела и бурно возликовал. Раньше ему приходилось заряжать с дула, мучиться с неверным прицелом, плохо воспламеняющимся порохом — новое орудие было для него откровением.

— Заряд, запал и снаряд в одной гильзе — чудеса! А этот рычажок открывает затвор?

— Верно. При стрельбе держитесь подальше от запальных каналов — из них выходят взрывные газы, что заменяет откат. Пользуйтесь открытым прицелом, дальность невелика. Полагаю, учитывать снос на такой дистанции не нужно, не должно быть и недолетов. Скорость выстрела гораздо выше той, к которой вы привыкли.

— Скажите еще что-нибудь! — попросил он, поглаживая ствол.

Следующий этап. Граф проследит за тем, чтобы корабль до рассвета провели вверх по реке и бросили якорь ниже Лондонского моста. Моя задача — быть на мосту в условленное время. Корабельный хронометр графа был величиной с тыкву, ручной работы, весь из меди и стали и громко тикал. Но граф уверил

меня в его точности, и мы его сверили с моими атомными часами величиной с ноготь, точность — плюс минус одна секунда в год. Разрешив этот последний вопрос, я встал, и граф протянул мне руку.

— Мы всегда будем благодарны вам за помощь, — сказал он. — В людях возродилась надежда, и я разделяю их энтузиазм.

— Это я должен благодарить вас за помощь. Тем более, что моя победа может обернуться вам во зло.

Он отмахнулся — смелый человек.

— Умирая, мы побеждаем — вы очень хорошо все объяснили. Мир без врагов — уже победа. Даже если мы этого не увидим. Исполняйте свой долг.

Постараюсь. Только бы забыть, что от моих действий зависит судьба миров, цивилизации, целых народов. Ошибка, случайность — и все будет кончено. Значит, случайностей быть не должно. Альпинисты не смотрят вниз и не думают о пропасти, которая ждет их там — так и я выбросил из головы мысли о поражении и старался думать о чем-нибудь веселом. Но юмор не шел на ум — тогда я стал думать, как отплачу Тому и сорву его операцию, и действительно развеселился. Я посмотрел на часы — пора было идти — и ушел не оглядываясь. Улицы были пустынные, все честные люди спали в своих постелях, и мои шаги отдавались эхом в темной улице. Позади на небе забрезжили первые проблески рассвета.

В Лондоне полно темных закоулков, идеально подходящих для засады — я затаился в виду Лондонского моста и видел, как на нем появились первые солдаты. Кто шел в ногу, кто не в ногу, у всех был усталый вид. Я и сам устал, поэтому пососал стим-таблетку и глянул на часы. В идеале я должен быть на мосту, когда начнут огонь — настолько далеко от ворот, чтобы не попасть под снаряд, и настолько близко, чтобы проскочить во время суматохи, вызванной обстрелом. Замечая из своего укрытия время, за которое солдаты переходят мост, я вычислил оптимальный интервал. На часах менялись цифры, и в нужный момент я по-военному расправил плечи и браво зашагал вперед.

— Лортиторт? — окликнул кто-то, и я понял, что обращаются ко мне.

Занятый только расчетом времени, я, глупец, и не подумал, что демоны из будущего тоже пойдут через мост.

Я помахал в ответ, скорчил рожу и продолжал идти. Окликнувший, как видно, удивился и стал меня догонять. Судя по форме, я принадлежал к его шайке, но он меня не знал. Может, он спрашивал, как дела. Я не желал с ним разговаривать, особенно потому, что не знал его языка, и ускорил шаг, с сожалением убедившись, что он сделал то же самое. Потом я осознал, что иду слишком быстро и если буду продолжать в том же духе, то дойду до ворот как раз вовремя, чтобы взлететь на воздух.

Не время было проклинать свою неосмотрительность — нужно решать, которое из зол мне выбрать. Взлететь на воздух никак не входило в мои планы. Я видел, что канонерка стоит на позиции и на палубе люди. Прекрасно. В ушах у меня уже звучали взрывы, среди которых я окажусь. Нужно остановиться здесь, на условленном месте. Я так и сделал. Тяжелые шаги приблизились, преследователь схватил меня за плечо и повернул к себе.

— Лортилипу? — крикнул он.

Тут лицо его изменилось, глаза расширились, рот открылся.

— Бливит! — закричал он. Он узнал меня — возможно по фотографии.

— Бливит, он самый, — сказал я и выстрелил ему в шею наркотической иглой из скрытого в ладони пистолета.

Но кто-то подхватил: «Бливит!» — и соратник упавшего устремился ко мне, расталкивая солдат. Пришлось и в него пальнуть. Это, естественно, заинтересовало окружающих, некоторые испуганно кричали и вскидывали ружья. Я прислонился к перилам, беспокоясь, как бы не пришлось перестрелять всю французскую армию.

Однако не пришлось. Первый снаряд, не слишком ловко пущенный майором конной артиллерии, ударил в мост метрах в десяти от меня.

Грохнуло прилично, и в воздух взлетели осколки камня и стали. Я лег, как все прочие — кое-кто и насовсем — и на всякий случай натыкал иголок в ближайших солдат, видевших мои подвиги.

Дюпон понемногу осваивал оружие, и следующий выстрел пришелся по стене. На мосту все бежали и кричали, я тоже бежал и кричал, с удовольствием заметив, что очередной снаряд влетел прямо в ворота

и разорвался внутри караульной. Теперь толпа отхлынула от ворот, как и следовало. Я лег и дальше пополз на животе. Снаряды рвались в воротах и около них, нанося ощутимый урон. Быстро глянув на часы, я увидел, что обстрел вот-вот прекратится. Сигналом будет выстрел по стене вдали от моста. Потом выпустят для виду еще несколько снарядов, но не по воротам.

Снаряд ударил в стену на добрую сотню метров ниже по реке и пробил в ней круглую дыру. Я вскочил на ноги и побежал.

Заваруха что надо. Кругом обломки, битый камень, пыль и пороховая гарь. Если кто и уцелел при бомбардировке, все равно разбежались. Я перелез через груду развалин, перебежал на ту сторону и шмыгнул за первый же угол. Единственные, кто видел, как я проник в город, была супружеская пара, англичане по платью. Они стояли на пороге дома и спрятались, увидев меня. Если не считать небольшой накладки на мосту, план сработал великолепно.

Канонерка на реке снова повела огонь.

Это уж ни в какие планы не входило. Что-то у них не так. После заключительных выстрелов мои союзники должны были высадиться на берег и уйти в безопасное место. Два орудийных выстрела прозвучали почти одновременно. Пушка не может так быстро стрелять.

Значит, там появилось еще одно орудие.

Улица, на которой я находился, Аппер Темз стрит, шла параллельно стене. Я достаточно далеко отошел от моста, чтобы мое присутствие не могли связать с происходящими там событиями. На вершину стены к наблюдательной площадке вела лестница. Там никого не было. Возможно, благоразумнее было бы продолжать действовать по плану. Но я никогда не прислушивался к голосу благоразумия и не собирался начинать. Взгляд вокруг — нет ли кого поблизости — и вверх по лестнице. С площадки отлично был виден театр действий.

Майор на своем посту обстреливал другую канонерку, шедшую вверх по реке на всех парусах. Вновь прибывшие, хотя им мешала движущаяся площадка орудия, были опытнее и стреляли точнее. Они уже пробили корму нашего корабля, и у меня на глазах снаряд попал в середину судна. Пушка замолчала, ствол задрался вверх, и артиллерист упал. Кто-то

пробежал по пристани и прыгнул на палубу незащищенного корабля. Я достал свой электронный телескоп и навел его на палубу, хотя и без него знал, что там увижу.

Граф пришел на подмогу своим. Как только он прыгнул на борт, поднялся майор — кровь струилась по его лицу — и снова пошел к пушке, опустил ствол, целя во вражеский корабль, и следующим выстрелом пробил его.

Хорошо попал — прямо в ватерлинию под их орудием. Оно умолкло, и корабль стал тонуть. Я снова посмотрел на майора — тот развернул орудие и вел огонь по мосту, где были солдаты. Граф заряжал. Оба улыбались и были, по-моему, на вершине блаженства. Огонь усилился, а я спустился вниз.

Их не в чем упрекнуть — оба они знали, что делали. Стреляли по врагу, которого так ненавидели все эти годы, стреляли из мощного, смертоносного орудия. Они останутся там, пока их не убьют. Может быть, этого они и хотели. И чтобы их жертва хоть чего-нибудь стоила, я должен продолжать свое дело.

Я хорошо изучил графский план. По Дакс Фут лейн до Кэннон стрит, а потом налево. Теперь крутом сталолюдно, испуганные горожане спешили по домам, солдаты беглым шагом двигались в обратном направлении. На меня никто не обращал внимания.

А в конце улицы подымалась громада, увенчанная куполом — без сомнения, собор Святого Павла.

Близок конец моего пути — последняя встреча с Тем.

Глава четырнадцатая

Мне было страшно. Только лгуны или сумасшедшие утверждают, что никогда не испытывали страха. Я же достаточно познал страх, чтобы сразу почуять его запах, но никогда еще так не давила его железная рука. Кровь заледенела в жилах, сердце бешено колотилось, а ноги приросли к земле. Сделав усилие, я взял себя, так сказать, за шиворот и как следует потряс.

«Говори — мысленно приказал я. — С чего вдруг этот острый приступ заячьей болезни? Почему твоя душа ушла в пятки? Мы с тобой и раньше бывали в переделках еще похуже этой и выходили из них целыми и, как правило, победителями. В чем же дело?»

Ответ был прост. Раньше я, нержавеющий грызун, проникал за стены общества на свой страх и риск, я играл на свои. Приключение, хо-хо! Но теперь ставка слишком велика, слишком много жизней зависят от меня. Слишком много! От тебя, прыгучая блоха, зависит все будущее Галактики. Просто невероятно.

— Ну и пусть невероятно, — пробурчал я, роясь в своей аптечке.

Если я буду и дальше размышлять над тем, что поставлено на карту, то не пойду ни на какой риск, вообще опущу руки. Раньше я никогда не прибегал к искусственным возбудителям храбрости, но когда-нибудь надо начинать. Я носил с собой берсеркерит вместо амулета — знал, что он здесь на всякий слу-

чай, но случая не было. Теперь он пришел. Я открыл коробочку и смахнул пыль с безобидной на вид капсулы.

— Выходи драться, Джим, — сказал я и проглотил ее.

Это средство запрещено повсюду, и правильно. Не только потому, что к нему быстро привыкают, но еще и по социальным причинам. В желатиновой капсуле заключена разновидность безумия — вещество, растворяющее совесть и мораль цивилизованного человека. Сверх-я выходит на сцену. Ни совести, ни морали — ни страха. Только это, твердая уверенность в своей силе и праве, божественная вседозволенность, не знающая сомнений и опасений. Политики, принимавшие берсеркерит, совершали перевороты и правили мирами. Атлеты побивали все рекорды, часто губя при этом себя или противников. Нехорошее это снадобье.

Снадобье что надо. Только одно мгновение я думал, как прежде, и ощущал, как меняется мозг под действием препарата — и тут же стал другим.

— Я пришел за тобой, Тот, — улыбнулся я с искренней радостью.

Беспредельная мощь — самое восхитительное чувство, которое я когда-либо испытывал, будто свежий ветер продул все пыльные закоулки мозга. Делай, что хочешь, Джим, что только тебе угодно — ты один на свете что-то значишь. Как слеп я был все эти годы. Пути условностей, жалкая привязанность к другим, губительная любовь. Я был просто калекой. Я люблю себя, ибо я — бог. Наконец-то я понял, что такое бог. Я — это Я, единственная сила во Вселенной. А он, Тот, сидит в этом здании и думает со свойственной смертным глупостью, что может одолеть меня, удерживать меня, даже убить меня. Сейчас мы разрушим его идиотские планы.

Я прошелся вокруг строения. Впечатляющее сооружение. Охраны не видно, но, конечно, всюду детекторы. Войти потихоньку, тайно? Это неразумно. Единственное мое преимущество — внезапность и то, что я теперь абсолютно беспощаден. Я хорошо вооружен — живая машина смерти, и никто меня не останавливает. Войти будет просто, другие в такой же форме входили и выходили без конца — весь улей гудел и жужжал. Им пришлось не по вкусу обстрел ворот. Нужно нанести удар теперь, когда у них тревога. В полной боевой готовности я закончил свой неспешный

обход и поднялся по белым каменным ступеням главного входа.

Собор был огромный и казался еще больше теперь, когда из него вынесли все скамьи и церковную утварь. Я прошел по длинному нефу так, будто этот храм был моим — и он был моим. Оружие я держал наготове. Неф был пуст, все движение сосредоточилось в дальней абсиде, где обычно стоит алтарь. Теперь на его месте возвышался роскошный трон.

На троне сидел Тот. Опыанный властью, огромный и красный, он, наклонясь вперед, отдавал приказания. Перед ним был длинный стол, заваленный картами и бумагами, вокруг стола стояли великолепные блестящие офицеры, которыми командовал человек в простом голубом мундире. Человек был мал ростом, черная прядь волос падала на лоб. По описаниям я узнал тирана Наполеона. Как я и ожидал, он выполнял приказы Того. Я улыбался, нащупывая оружие.

Знакомый свет блеснул мне из правой абсиды, и улыбка стала еще шире. Там сияла спираль времени и работали техники. Скоро они умрут, как и все здесь. А я умчусь через время из этой варварской эры. Придется оставить здесь, уходя, атомную гранату. Близок конец.

Никто не обратил на меня ни малейшего внимания, когда я подошел к столу. Для начала — сонный газ, пусть успокоит всех разом. Будет время убить рабов, когда разделаюсь с господином.

Одна разрывная граната, две термических. Я щелкнул большим пальцем и бросил их — раз, два, три — по высокой дуге Тому на колени. Пока они летели, я пригоршнями набросал газовых гранат на стол перед ошарашенными офицерами. Гранаты еще шипели и хлопали, а я обернулся и иглами из пистолета — чтобы не повредить управление! — перестрелял техников у спирали времени.

Все было кончено в несколько секунд. С падением последнего тела настала тишина. Не оборачиваясь, я разбросал гранаты по нефу, чтобы все входящие сразу попадали в облако газа. Потом взглянул на Того.

Все хорошо. Ревущий столб огня, в середине которого то, что когда-то было человеком. Трон тоже пылал, и жирный дым поднимался к высокому куполу.

— Ты разбит, Тот, разбит, — крикнул я, опершись на стол, чтобы лучше видеть. Теперь он не оживет.

Наполеон поднял голову от стола и сел.

— Не будь дураком, — сказал он.

Не теряя времени, я хотел убить его. Но он опередил меня и выстрелил из трубки, спрятанной в ладони. Пламя лизнуло мне лицо, и оно застыло, все тело сковал паралич, я не мог управлять им. Лицом вниз я рухнул на стол и не чувствовал рук Наполеона, когда он переворачивал меня. Он смотрел на меня сверху вниз, он улыбался, он хохотал полубезумным победным смехом. И следил за моим лицом, за глазами, которыми я еще владел. Глаза широко раскрылись — я понял наконец.

— Правильно! — крикнул он. — Тот — это я. Ты проиграл. Ты сжег, уничтожил великолепного андроида, который был нужен только для того, чтобы тебя обмануть. Здесь все — приманка для тебя, даже этот мир в петле времени существует только как приманка. Как ты быстро забыл, что тело — лишь оболочка для меня, Вечного! Мой мозг победил смерть и продолжает жить, теперь вот в этой имитации безумного императора. Ему и не снилось, что такое истинное безумие.

Я победил — а ты проиграл навеки!

Глава пятнадцатая

Временные затруднения. Наверное, в обычном состоянии я почувствовал бы горечь поражения, страх, злобу. Теперь я ждал только, когда представится случай убить его снова. Это уже начинало надоедать: после двух попыток он все еще жив. Я решил, что третья будет последней.

Он наклонился и стал срывать с меня одежду, обыскивая с грубой тщательностью. Он разодрал все в клочки, забрал то, что было приклеено к коже, снял нож со щиколотки, пистолет с запястья, выбрал мини-гранаты из волос. Через несколько секунд он меня полностью обезоружил. То, что осталось, было вне моей досягаемости. На совесть поработал. Закончив обыск, он швырнул меня спиной на стол.

— Я все приготовил к этому моменту, все!

Он брызгал слюной, она текла по подбородку. С лязгом и звоном он надел на меня тяжелые железные браслеты, соединенные короткой цепью. Кандалы сомкнулись, затрещали искры — он заварил на мне браслеты. Я ничего не чувствовал, только видел, как покрылась волдырями обожженная кожа. Пусть. Сделав это, он вонзил мне в запястье иглу.

Начала возвращаться чувствительность, сначала в кисти рук — боль обожгла запястья — потом и выше. Как больно, оказывается, выходить из паралича. Я не обращал на это внимания, но меня всего сотрясали произвольные судороги. Наконец я сполз со стола и

мешком свалился на пол. Тот нагнулся, легко поднял меня и поволок через весь собор. Сила его, даже в теперешнем маленьком теле, была громадна.

Оказавшись на полу, я что-то подобрал. Я не знал, что именно — какой-то маленький металлический предмет, и я крепко зажал его в кулаке.

Метрах в пяти от спирали времени стоял металлический столбик, высотой мне до пояса, тоже предназначенный для меня. Тот вложил цепь в паз на верхушке столба, снова вспыхнули искры, и цепь приварилась к металлу. Он отпустил меня, я покачнулся, но не упал. Тело обрело чувствительность, и я овладел им, пока Тот настраивал автоматику. В огромном соборе стояла тишина. Мы были одни, если не считать груды тел.

— Я победил! — завопил вдруг Тот, пританцовывая и брызгая слюной. Он показал на туго свернутую спираль времени и засмеялся громко. — Ты хоть понимаешь, что находишься в петле несуществующего времени, которое служило мне только ловушкой и исчезнет, как только я покину его?

— Было такое подозрение. В учебниках сказано, что Наполеона разбили.

— Здесь он победил. Я дал ему оружие и помог завоевать мир. Потом убил его, когда было готово новое тело. Я создал петлю времени, поэтому и возник барьер — он исчезнет, когда петля выпрямится. Это случится, когда я уйду, но не сразу: слишком легко было бы для тебя. Мне хочется думать о том, как ты стоишь здесь один, зная, что проиграл и что твое будущее никогда не настанет. Здание зафиксировано во времени. Оно будет стоять, когда исчезнет и Лондон, и весь этот мир, и может продержаться дольше, чем ты. Может, ты умрешь от жажды и голода до того, как отключится фиксатор. А может, и нет. Я победил.

Провизжав последние слова, он снова повернулся к пульту. Я разжал кулак, чтобы посмотреть, каким оружием должен я его поразить в последний момент.

Это был медный цилиндрик всего в несколько граммов весом. На одном конце были дырочки, а когда я его перевернул, посыпался мелкий белый песок. Песочница для сушки чернил на листе. Предпочел бы лучшее оружие, но придется обойтись этим.

— Я уйду, — сказал Тот, включая механизм.

— А как же твои люди? — спросил я, чтобы выиграть время.

— Жалкие рабы. Я уже использовал их, пусть пропадают вместе с тобой. Там, куда я вернусь, меня встретит целый мир таких. Скоро миров будет много; скоро все будет мое.

К этому нечего было добавить. Он прошествовал по каменным плитам, монстр в облике маленького человека, дотронулся до конца светящейся спирали, и холодное зеленое пламя сразу охватило его.

— Все мое, — сказал он, и глаза его осветились зеленым огнем.

— Не думаю.

Я взвесил песочницу на ладони, прикидывая расстояние до пульта управления. Попасть будет легко. Для настройки времени использовалась клавиатура, похожая на музыкальную, и некоторые клавиши были нажаты. Если удастся нажать еще одну, можно сбить настройку: Тот прибудет в другое время и место, а возможно, и совсем в никуда. Я примерился, вычисляя траекторию своего цилиндрика.

Тот, наверное, понял, что я хочу сделать — он взвыл с бешеной яростью, дергая поле времени, которое крепко держало его у спирали. Я спокойно оценивал расстояние, пока не убедился в правильности расчета.

— Вот так!

И я метнул песочницу на клавиши. Она взвилась высоко в воздух, сверкнув в цветных лучах церковного окна, и, описав дугу, упала, ударила по клавишам и скатилась на пол.

Яростные крики Того прекратились: спираль освободилась, и он исчез. В тот же миг погас дневной свет, и настали сумерки. Все окна стали серыми. Я уже видел это во время нападения на лабораторию, когда все только начиналось. Ни Лондона, ни всего внешнего мира больше не существует в этом времени и пространстве. Остался только собор, охраняемый фиксатором времени.

Итак, Тот все же победил? Я впервые ощутил беспокойство: должно быть, лекарство теряло силу. Как я ни всматривался, в этих сумерках не видно было шкалы настройки. Изменилось ли там что-нибудь перед тем, как сработала спираль? Уверенности не было. Да и какое значение это теперь имеет для меня? Что там

в будущем: ад или рай — меня больше не касается. Возвращались чувства, и хотелось знать: возникнет ли когда-нибудь мой мир? Будет ли в нем Специальный Корпус, родится ли моя Анжелина? Я дернул цепь, но она, конечно, не поддалась.

Конец. Конец всему. Лучше бы чувства не возвращались — такая беспросветная навалилась безысходность, но что ж поделаешь. Конец.

Глава шестнадцатая

Вас когда-нибудь приковывали к железному столбу в соборе Святого Павла в 1807 году, когда снаружи ничего нет? Немногие могли бы ответить утвердительно на этот вопрос. Я мог — но меня как-то не очень радовало такое преимущество.

Охотно признаюсь, что настроение у меня было никудышное. Я немного подергал свои кандалы — так, для порядка. Они были слишком крепки и надежны, и как раз такая беспомощная возня вызвала бы дикую радость Того.

В первый раз в жизни я потерпел полное, абсолютное поражение. И поэтому так отчаялся, будто уже стоял одной ногой в могиле. Никакого желания бороться не было — не проще ли сдаться и ждать, когда упадет занавес. Чувства побежденного были так сильны, что подавляли всякий протест против злой судьбы. Мне бы не сдаваться, поискать выход — но не хотелось. Я сам удивлялся своей покорности.

И вот, погрузившись таким образом в созерцание собственного пупка, я услышал звук. Что-то жужжало вдалеке так слабо, что слышно было лишь благодаря тишине небытия, стоявшей за стенами моей гробницы. Жужжание нарастало, как будто приближалось надоедливое насекомое, и, наконец, я заметил звук, хотя не желал ничего замечать, кроме своего поражения. Теперь жужжало совсем громко, где-то под куполом.

Я посмотрел вверх без особого интереса, и тут раздался громкий хлопок.

Из темноты сверху появился человек в скафандре. На нем был гравитатор, поскольку опускался он медленно. Я остоленел и приготовился ко всему, а он поднял стекло своего шлема.

Я был готов ко всему, кроме того, что он — вовсе не он.

— Снимай свою дурацкую цепь, — сказала Анжелина. — Каждый раз умудряешься куда-нибудь влипнуть, только оставь тебя одного. Сейчас же отправишься со мной, — и никаких возражений.

Ну что на это скажешь? Притом я еще не оправился от столбняка — только стоял дурак дураком и гремел цепями, а она легко, как падающий лист, опустилась на пол. В конце концов несомненный факт ее физического присутствия проник в мои извилины, и я попытался быть на высоте положения.

— Анжелина, ты и вправду настоящий ангел. Спустилась с небес, чтобы спасти меня.

Она подняла стекло повыше, чтобы поцеловать меня, сняла с пояса атомный ланцет и стала резать мои кандалы.

— А теперь скажи, что это за тайны, что еще за путешествия во времени. Только быстрее, у нас всего семь минут — так, по крайней мере, сказал Койпу.

— Что он еще тебе сказал? — спросил я, чтобы проверить, много ли она знает.

— Еще и ты со мной будешь секретничать, Скользящий Джим диГриз! Довольно с меня Койпу.

Я поскорей отскочил — она махнула на меня атомным ланцетом — и сбил огонь с одежды. Сердитая Анжелина бывает очень опасна.

— Любовь моя, — сказал я с чувством, порываясь обнять ее, но не спуская глаз с ланцета. — Я ничего от тебя не скрываю, ничего! Мне-то лучше знать. Просто у меня ум за разум зашел от всех этих путешествий, вот я и спросил, что тебе известно — надо же знать, откуда начинать.

— Ты прекрасно знаешь, что последний раз мы с тобой говорили по видеофону. Ты говоришь — спешно, срочно, готовность номер один, беги сюда, говоришь — и разъединяешься. Вот я и прибежала в

лабораторию Койпу, а там все носятся, суетятся вокруг техники, всем некогда, никто ничего не объяснит. В прошлом, кричат — вот и все. И твой Инскипп не лучше. Говорит — ты исчез, просто испарился из его кабинета, когда он читал тебе мораль. Наверное, он узнал о той небольшой сумме, которую ты отложил на черный день. А еще наговорили ерунды, будто ты спасаешь не то мир, не то Галактику, не то еще что, но я ни слова не поняла. Ужасно долго это продолжалось, и наконец меня послали сюда.

— Так и есть, — скромно сказал я. — Я спас тебя, Корпус, всех спас.

— Я была права — ты выпил.

— Давным-давно не делал этого, — обиженно возразил я. — Если хочешь знать, вы все исчезли, пуф — и нет. Койпу остался последним, спроси у него. И Корпус, и все вы — никто и на свет не родился, все жили только в моих воспоминаниях...

— Что-то у меня совсем другие воспоминания.

— Так и должно быть. Благодаря моим усилиям злобный план Того рухнул...

— Кого того? У тебя от пьянства уже язык заплетается.

— Тот — его имя, а я ни капли в рот не брал в последнее время. Ты можешь выслушать, не перебивая? Это и так достаточно сложная история.

— И все усложняется под влиянием алкоголя.

Я застонал. Потом поцеловал ее долгим и нежным поцелуем. Нам стало хорошо, Анжелина смягчилась, и я торопливо продолжал, пока она не вспомнила, что злится на меня.

— Специальный Корпус атаквали из времени, и профессор Койпу забросил меня в прошлое, чтобы я расстроил подлые планы врагов. Мне это удалось в 1975 году, но Тот скрылся туда, откуда пришел, и подстроил мне ловушку здесь, в 1807 году, в которую я и попался. Но торжество его было неполным, потому что мне удалось сбить настройку спирали времени, и он попал не в то время, в которое намеревался. Должно быть, это прекратило войну времен, и потому ты появилась здесь, чтобы спасти меня.

— О, милый, ты был просто великолепен. Я знала, что ты можешь спасти мир, если постараться.

Настроение моей Анжелины — это живая ртуть. Она поцеловала меня страстно — иначе не скажешь — и я, бряцая остатками цепей, обнял ее в ответ, но тут она завопила и пихнула меня так, что я отлетел, задыхаясь.

— Время! — Она посмотрела на часы и ахнула. — Совсем забыла из-за тебя. Осталось меньше минуты. Где спираль времени?

— Здесь! — показал я, все еще держась за диафрагму.

— А пульт управления?

— Вот он.

— Какая дешевка. Где настройка?

— Вот эти диски.

— Число, на которое настроена сейчас спираль, мы должны уменьшить на 13 десятичных позиций, сказал Койпу. Он очень настаивал.

Я, весь в поту, забарабанил по клавишам, как сумасшедший пианист. Диски повернулись, помедлили, потом бешено завертелись.

— Тридцать секунд, — ласково ободрила меня Анжелина.

Я вспотел еще больше.

— Есть! — выдохнул я, когда осталось десять секунд, врубил таймер и опустил рубильник.

Спираль мягко мерцала в темноте, когда мы бросились к ее концу.

— Прижмись ко мне и обними как можно крепче, — сказал я. — Поле времени создает заряд, нужно держаться вместе.

Анжелина охотно подчинилась.

— Хотела бы я, чтобы на мне не было этого дурацкого скафандра, — прошептала она, покусывая меня за ухо. — Без него гораздо лучше.

— Возможно, только немножко неудобно было бы являться в Корпус в таком виде.

— Пусть это тебя не волнует, мы пока туда не возвращаемся.

В области желудка у меня тревожно екнуло.

— Что ты говоришь? И куда же мы направляемся?

— Откуда же мне знать. Койпу сказал только, что мы совершим скачок на двадцать тысяч лет в будущее, как раз перед гибелью планеты.

— Снова Тот со своими психами, — застонал я. — Ты только что послала нас во всепланетный сумасшедший дом, где все — наши враги.

Спираль времени включилась, все застыло, и я помчался сквозь время со страдальческой гримасой на лице. Гримаса длилась 20 тысяч лет и вполне соответствовала моим чувствам.

Глава семнадцатая

Блям! Мы будто в парную попали — точнее, упали. Горячие испарения клубились вокруг нас, а невидимая планета могла быть и в десяти метрах, и в десяти милях внизу.

— Включай гравитатор, — закричал я. — Мой остаток в несуществующем девятнадцатом веке.

Наверное, я зря кричал — Анжелина включила полную тягу и выскользнула из моих нежных объятий, как угорь. Я судорожно вцепился в нее и успел поймать за ногу, отчего ботинок внутри скафандра тут же снялся.

— Лучше бы ты этого не делал, — сказала она сверху.

— Полностью с тобой согласен, — пробормотал я сквозь плотно стиснутые зубы.

Штанина скафандра все растягивалась и растягивалась, пока не вытянулась вдвое, и я болтался на ней, как на резинке. Глянул вниз, но там по-прежнему был только туман. Скафандры делаются из прочного материала, но не рассчитаны же они на такую нагрузку. Надо что-то делать.

— Убавь тягу! — крикнул я, и Анжелина тут же послушалась.

Мы перешли на свободное падение, напряжение ослабло, штанина сократилась и втянула меня обратно в объятия Анжелины.

— Оп-ля, — сказал я.

Она посмотрела вниз, завизжала и снова врубилась в тягу. На этот раз я был не готов, сразу выскользнул из ее рук и полетел прямо на выглядевшую твердой землю, внезапно открывшуюся внизу.

В оставшиеся мгновения я сделал то немногое, что успел, — распластался в воздухе, раскинув руки и ноги, чтобы упасть плашмя, на спину. Это мне почти удалось.

Стало темно, и я был уверен, что умер, потом тьма залила мозг, и вспыхнула последняя мысль. Я пожалел обо всем, что сделал, и о том, что следовало делать почаще.

Очнулся я через несколько мгновений. Рот был набит какой-то мерзкой жижей, я выплюнул ее и прочистил от нее же глаза. Я плавал в густой илистой каше, из которой подымались и лопались большие пузыри, очень вонючие. Повсюду рос чахлый тростник и прочие водные растения.

— Живой! — прокричал я. — Живой. — И, приподнявшись, снова плюхнулся на спину. Какие-то ушибы и ранения есть, но, кажется, ничего не сломано.

— У тебя там, кажется, очень противно, — сказала Анжелина, паря в нескольких футах над моей головой.

— Не только кажется, но так оно и есть. Поэтому, если не возражаешь, я хотел бы отсюда выбраться. Не можешь ли ты снизиться, чтобы я взял тебя за ноги, а ты бы извлекла меня?

Чмокнуло здорово — гнилое болото держало меня крепко и отпустило со слезливым вздохом. Я повис, держась за ноги любимой, и мы поплыли над бесконечным болотом, исчезающем в тумане.

— Вон туда, направо, — предложил я. — Там, похоже, проточная вода. Надо бы помыться и почиститься.

— Поскольку я нахожусь от тебя с наветренной стороны, могу это только приветствовать.

Течение было слабое, но все же было, судя по плывущему стволу дерева. Посреди илистого потока золотилась песчаная коса, будто созданная для нас. Анжелина снизилась, я спрыгнул, и не успела она сесть — я уже сорвал с себя запакощенную одежду и побежал отмываться в воду. Вынырнул, отплеываясь, и увидел, что она сняла тяжелый скафандр и расчесывает свои длинные волосы — в то время она как раз

была блондинкой. Прелестная картина наводила на самые романтические мысли, и тут мне как огнем ожгло ягодицу. Я вылетел из воды, визжа как пес, которому прищемили хвост дверью. Несмотря на всю свою женственность и привлекательность, Анжелина оставалась Анжелиной, гребенку быстро сменил пистолет, и, не успев я выскочить на сушу, — она прицелилась и выстрелила.

Пока Анжелина перевязывала мою рану — четкий отпечаток двойного ряда зубов — я смотрел на рыбу, которая приняла меня за свой завтрак. Разорванная пулей почти пополам, она еще корчилась. В разинутой пасти было больше зубов, чем на складе у дантиста, а глаз, который уже затягивало пленкой, смотрел очень злобно. Я схватил ее за хвост, остерегаясь еще скрежещущих челюстей, и зашвырнул подальше в воду. Там сразу же закипело, как в котле, и по некоторым экземплярам, что выскакивали на поверхность, я определил, что на меня-то напала мелочь.

— Двадцать тысяч лет не пошли этой планете на пользу, — сказал я.

— Скорей смывай с себя грязь, я тебя покараую. Потом мы позавтракаем. — Она всегда была практичной.

Я соскребал грязь, а она постреливала в атакующих меня плавучих хищников. Была там большая рыба с круглыми боками и рудиментарными ножками — она **выскочила** из воды и хотела мной позавтракать. Вместо этого мы съели на завтрак ее. У нее оказалось прекрасное филе, и оно хорошо жарилось на маленьком электронагревателе. Анжелина предусмотрительно захватила фляжку с моим любимым вином, так что трапеза была замечательной. Потом я вздохнул и удовлетворенно вытер губы.

— Ты не однажды спасала мне жизнь за последние двадцать тысяч лет, — сказал я, — и мой гнев по поводу того, что меня забросили в эту парную вместо Корпуса, несколько остыл. Но можешь ты хотя бы рассказать, что у вас случилось и что сказал Койпу?

— Он много чего говорил, но суть вот в чем. При помощи трассоискателя, или как его там, он следил за твоими передвижениями во времени, а также за твоим врагом, которого ты называешь Тот. Враг что-то сделал с временем, создал петлю вероятности, которая держалась пять лет, а потом исчезла. Потом Тот ушел

из этой петли, а ты нет. Потому-то Койпу и послал меня за несколько минут до конца вытащить тебя оттуда. И дал мне координаты для спирали времени, чтобы мы могли последовать за Тем. Я спросила его, что мы должны здесь делать, но он все бубнил: «Парадокс, парадокс» и так ничего и не сказал. А ты имеешь хоть какое-нибудь понятие, чего от нас ждут?

— Очень просто. Мы должны найти и убить Того и тем завершить операцию. У меня было две попытки: один раз я его застрелил, другой раз сжег термическими бомбами, и все без толку. Может, на третий раз повезет.

— А ты предоставь это мне, — предложила Анжелина.

— Хорошая мысль. Разделаемся с ним вместе. Мне уже надоели эти прятки и кошки-мышки во времени.

— Как мы его найдем?

— Просто, если у тебя есть детектор энергии времени. — Детектор был, Койпу это предусмотрел. — Щелкаем выключателем — и стрелка указывает на нашего красавца.

Выключатель щелкнул, но результатов не было, только на ладонь вытекло немного конденсированной воды.

— Что-то он не работает, — прощепетала Анжелина.

— Или они просто не пользуются спиралью времени в данный момент.

Я порывлся в своем снаряжении. Скафандр и еще кое-что пришлось оставить в 1807 году, но Скользкий Джим и шагу не сделает без своей ищейки.

Я сам сконструировал этот приборчик, гордился им, и он остался среди того немногого, что не забрал Тот. Выдержать может все, кроме погружения в расплавленный металл. Компактный, с ладонь величиной. Регистрирует малейшее радиоактивное излучение в огромном диапазоне частот. Я включил его и пробежал пальцами по знакомым кнопкам.

— Интересно, — сказал я и проверил радиочастоту.

— Быстро объясни, в чем дело, а то больше не буду спасать тебя.

— Будешь — ты ведь любишь меня неувядающей любовью. Я засек два источника — один очень далекий и слабый. Другой как будто недалеко, и от него исходят различные колебания: радиация, электропере-

дача, радиоволны. А теперь быстро доставай крем для загара — солнечная радиация у предела шкалы. Пари держу, я уже сгорел.

Мы намазались кремом и оделись, несмотря на жару, чтобы защититься от невидимой радиации, льющейся с пасмурного неба.

— Странные вещи происходят с Землей, — сказал я. — Радиация, этот банный климат, фауна в речке. Хотел бы я знать...

— А я — нет. Выполнишь задание, тогда и занимайся палеогеологией. Сначала убьем Того.

— Золотые слова. С твоего разрешения, я переделаю лямки гравитатора, чтобы мы оба могли им пользоваться.

— Сделай милость, — сказала она, расстегивая ремни.

Мы поднялись, как воздушные сиамские близнецы, и полетели низко над болотом к нашему источнику энергии. Топь тянулась бесконечно долго, я начал уже волноваться — не сел бы аккумулятор, когда наконец началась суша. Сначала из воды показались камни, потом пошли скалы. Мы израсходовали много энергии, чтобы подняться над ними, и заряд гравитатора был уже на исходе.

— Скоро придется идти пешком, — сказал я, — но это все-таки лучше, чем плыть.

— Если сухопутная фауна не похожа на речную.

Моя Анжелина всегда была оптимисткой. Не успел я придумать ответ поязвительнее, в нагромождении скал перед нами что-то вспыхнуло, и я немедленно почувствовал сильную боль в ноге.

— Меня подстрелили! — закричал я больше от удивления, чем от боли, схватился за управление, но Анжелина уже отключила тягу.

Мы опустились в нагромождение камней, притормозив в последнюю минуту. Я проскакал на одной ноге под прикрытие нависшей глыбы и хотел достать аптечку, но Анжелина мигом прыгнула на рану антисептиком, отодрала штанину, сделала обезболивающий укол в бедро и прозондировала кровоточащую рану. Всегда она меня опережает, и я ничего не имею против.

— Чистое сквозное ранение, — сказала она, заливая рану хирургической пеной. — Заживет быстро,

без проблем, только не ступай на ногу. А теперь я убью того, кто это сделал.

Одурманенный лекарством, я не успел ответить, как она взяла пистолет и бесшумно скрылась между скал. Что может быть лучше, когда твоя нежная любящая жена — хладнокровный, опытный убийца. Возможно, я ношу штаны в этой семье, но мы оба носим пистолеты.

Вскоре послышались выстрелы и грохот в скалах надо мной, а затем хриплые вопли — и настала тишина. Надо отдать должное Анжелине — я ни минуты за нее не беспокоился и вообще дремал под действием лекарств, проникших в кровь — проснулся только, когда она стала дергать за лямки, влезая в них. Я зевнул и заморгал.

— Можно узнать, что там произошло?

Она нахмурилась.

— Там был только один — других я не нашла. Что-то вроде фермы, кое-какая техника, хлебное поле. Не узнаю себя. Я оглушила его, но не могла заставить себя выстрелить, когда он лежал без сознания.

Я поцеловал ее, поднимаясь в воздух.

— Это совесть, милая. Кое у кого она врожденная, тебе ее пересадили хирургическим путем. А результат одинаковый.

— Мне это как-то не очень по душе. Раньше было гораздо свободнее.

— Каждому когда-нибудь надо стать цивилизованным человеком.

Она со вздохом кивнула и быстро клюнула меня в щеку.

— Ты, наверно, прав. Но как было бы здорово разнести его на куски.

Мы миновали каменную осыпь и стали подниматься на скалу. На вершине ее была площадка, где стоял сложенный из камней домик. Дверь была открыта, и я проскакал вовнутрь, опираясь на плечо Анжелины. Маленькие окошки тускло освещали большую загроможденную комнату с двумя койками у задней стены. На одной из них ворочался и извивался связанный человек, мыча что-то через кляп во рту.

— Ложись на другую кровать, — сказала Анжелина, — а я попробую что-нибудь узнать у этого жуткого типа.

Я было направился к койке, но тут одна мысль проникла в мою отуманенную голову, и я замер на месте.

— Койки-то две? Тут должен быть еще кто-нибудь.

Ее ответа мне не дано было услышать — на пороге возник человек, громко заорал и еще громче выпалил в нас.

Глава восемнадцатая

Кричал он в основном потому, что оружие тут же выбили у него из рук, а затем и он рухнул навзничь на пороге. За это время я пригнулся, перекатился и выхватил пистолет, а Анжелина спрятала свой.

— Вот это другое дело, — сказала она, обращаясь, видимо, к молчаливой паре подошв на пороге. — Цивилизация цивилизацией, совесть совестью, но в самообороне стрелять по-прежнему легко. Я видела его в скалах — он следил за нами, но все никак не выходил под выстрел. Теперь все будет хорошо. Сейчас сварю горячего супчику, ты покушаешь...

— Нет. — Более твердого «нет» не произносил никто и никогда. Я достал пару стим-таблеток и разжевал их, продолжая монолог в том же тоне. — Есть своя прелесть в том, что с тобой нянчатся и обращаются, как с недоразвитым ребенком — но с меня, кажется, хватит. Я уже сталкивался с Тем и два раза выгонял его из логова, теперь хочу с ним покончить. Я знаю его привычки. И я отвечаю за эту экспедицию. Ты мне подчиняешься, а не наоборот, и будешь выполнять мои приказы.

— Да, сэр, — ответила она, склонив голову и опустив глаза.

Не для того ли, чтобы скрыть усмешку? Ну и пусть. Я здесь босс.

— Я здесь босс. — Звучит еще лучше, если твердо заявить это вслух.

— Да, босс, — хихикнула она.

Человек на кровати давился и корчился, а подошвы на пороге молчали.

Мы занялись делом. Когда я вынул кляп у нашего пленного, он проорал что-то на неизвестном языке, брызгая слюной, и попытался укусить меня за палец, когда я сунул кляп обратно. На полке была примитивная рация — она со скрежетом вещала на том же языке. Наружная разведка Анжелины была гораздо продуктивнее моей — она подъехала к дверям в невероятно уродливом экипаже, напоминавшем багровую пластмассовую поцарапанную ванну, втиснутую между четырьмя парами колес. Машина пыхтела и шипела, когда я вылез ее посмотреть.

— Ею очень легко управлять, — продемонстрировала Анжелина свою осведомленность в технике. — Заводится от одного выключателя. И две ручки, каждая управляет колесами на своей стороне. Вперед — прибавлять скорость, назад — тормозить.

— А посередине — средний ход, — продемонстрировал я свою осведомленность, а заодно и свой скверный характер. — Этот крытый свинцом бутор сзади — наверное, ядерный реактор. Радиоактивный стержень нагревает жидкость, здесь теплообменник, передаточная жидкость включает электрогенератор, в каждом колесе — мотор. Коряво, неуклюже, зато практично. Куда же мы поедем?

— Вон там через возделанное поле идет дорога или колея. И если мне не изменяет память — ты меня, безусловно, поправишь — как раз в той стороне ты засек радиосигналы.

Я игнорировал этот легкий выпад в целях эмансипации. Тем более, что она была права, это вскоре подтвердила «ищейка».

— Тогда поехали, — сказал я, снова беря бразды правления.

— Убить пленного? — с надеждой спросила она.

— Спасибо, не надо. Возьму его одежду, моя совсем изодралась. А если сломать рацию, ему трудно-вато будет сообщить о нашем появлении. Кляп и веревки он разжует через пару часов, так что похороны товарища можем оставить на него. Мы нажмем на газ и будем далеко.

Мой авторитет слегка подрывало то, что я все время почесывал солнечные ожоги под драной рубашкой.

Пока Анжелина расправлялась с рацией, я снова намазался кремом. Несколько минут спустя мы тряслись по наезженной колее, что вилась по плоскогорью.

Здесь, на высоте, туман рассеялся, но смотреть было особенно не на что. Угрюмая местность, изрезанная оврагами, которые отводили вниз воду от частых дождей, а заодно уносили остатки почвы. Редкая растительность жалась к скалам. Мы проехали несколько развилок, но «ищейка» вела нас верным путем. Твердые сиденья из перевернутых ведер были страшно неудобные, и я с облегчением встретил закат — но вслух, конечно, этого не сказал — и свернул на ночь к ошетилившейся камнем горе.

К утру я закоченел, но немного оправился. Живящее лекарство подстегнуло мои клетки — они делились, как ненормальные, многочисленные раны почти затянулись, и появился зверский аппетит. Мы ели и пили из скудных запасов Анжелины, добавив черствый хлеб и сушеное мясо, конфискованное у кровожадных фермеров. Анжелина села за руль, а я держал пистолет — мне очень не нравился этот изрезанный ландшафт. Дорога теперь пошла вниз, а горы превратились в отвесные скалы. Мы снова проехали болото, потом дорога нырнула в скверного вида джунгли. Лианы висели так низко, что мы задевали их головой, мокрые деревья образовывали свод. Стало еще более влажно и душно, хотя, казалось бы, дальше некуда.

— Мне здесь не нравится, — сказала Анжелина, объезжая болотистую лужу.

— Мне тоже, — сказал я, сжимая пистолет с разрывными патронами. — Если фауна здесь такая же, как в речке, нас ждет немало интересного.

Я был начеку и вертел головой вперед, назад, вправо и влево, жалея, что глаза у меня не на шарнирах. Меж деревьями без конца мелькали подозрительные тени, и кто-то ломился сквозь чащу, но нам как будто ничего не угрожало. Единственное, что я не включил в поле наблюдения, была сама дорога, а там-то и таилась опасность.

— Дерево лежит поперек дороги, — сказала Анжелина. — Я перееду?

— Не надо! — крикнул я с запозданием — колеса уже карабкались через зеленый ствол, загородивший дорогу. Оба конца его терялись в джунглях.

Центральная пара колес как раз переваливала через ствол, когда он дернулся и выгнулся дугой. Машина перевернулась, и нас выбросило из нее. Я стукнулся оземь, втянул голову, перевернулся и вскочил с пистолетом наготове. И вовремя. Мнимый ствол все изгибался, и наконец из листвы показалась его вершина.

Змея. Голова, как бочонок, пасть открыта, язык дрожит, глазки-бусинки, а шипит, как паровой котел, который вот-вот взорвется. Как раз под ее челюстями сидела Анжелина, трясла ушибленной головой и не сознавала, что происходит. Успею выстрелить только раз, значит, выстрел должен быть метким. Я придерживал правую руку левой и выпалил прямо в дьявольскую пасть. С глухим звуком голова отлетела прочь в облаке дыма.

Этим бы все и кончилось, но тут по гигантскому мускулистому туловищу прошла судорога. Не успел я отойти, как мощная петля хлестнула меня, сбила с ног и швырнула в чащу. На этот раз никаких акробатических номеров я не проделывал — с хрустом и треском проломился сквозь ветки, ударился головой о дерево, белым огнем полыхнула боль — и все.

Прошло какое-то время, и меня медленно вернула в сознание головная боль и новая, резкая боль в ноге. Я открыл мутный глаз и увидел что-то маленькое, бурое, зубастое и клыкастое, разрывающее мою штанину с целью полакомиться ляжкой. Первый укус этой голодной твари и привел меня в чувство. Я лягнул ее ботинком и не дал укусить второй раз. Она заворчала и завизжала на меня, выставив все свои зубы. Я опять вяло дрыгнул ногой, и она исчезла в листве.

Вяло — только так я и мог шевелиться. Некоторое время я просто лежал, ловил ртом воздух и старался вспомнить, что произошло. Дорога, змея, авария...

— Анжелина! — хрипло завопил я и встал, не обращая внимания на заливающие меня волны боли. — Анжелина!

Ответа не было. Я пробрался сквозь кусты и увидел омерзительное зрелище. Целая куча бурых зверюг, родственников моей знакомой, кишела у мертвой змеи — местами они уже очистили ее до ребер. Пистолет мой исчез. Я поискал его на том месте, где упал, но его там не было. Случилось что-то плохое, очень плохое, и голос паники уже начинал верещать в голове.

Падальщики не трогали меня, пока я держался от них подальше — я сделал большой круг и опять вышел на дорогу. Машины тоже не было. Не было и Анжелины.

Требовалось поразмыслить — а это как раз было сложно, так все болело — и что-нибудь сделать с разбитой головой, над которой жужжали насекомые. Аптечка лежала в кармане, и я занялся лечением. Через пару минут я транквилизировался, обезболился, стимулировался и был готов. Но к чему? К розыску машины — затиало в голове. Ее следы четко отпечатались в болотистом грунте, и прояснилась тайна исчезновения Анжелины. Я различил по крайней мере два следа здоровенных мужиков, истоптавших землю там, где они переворачивали нашу машину. Следы их машины тоже были там. Или они следили за нами, или это какие-то люди, случайно ставшие свидетелями аварии. Ошметки грязи и примятая трава показывали, что обе машины поехали в том же направлении, куда ехали и мы с Анжелиной. Я тоже пошел в ту сторону быстрым шагом, стараясь не думать о том, что стало с Анжелиной.

Недолго прошел я в таком темпе и вскоре, измученный жарой и усталостью, еле волочил ноги. Пришлось принять еще стим-таблетку, а от жары не спасешься — оставалось только потеть. Следы были четкие, и я шел по ним. Примерно через час дорога вышла из джунглей наверх, к голым холмам. Пройдя поворот, я заметил впереди на подъеме одну из машин и быстро отпрянул назад.

Нужен план. Пистолета нет, так что стрельба отпадает. Тем немногим, что осталось при мне, никого не убьешь — правда, были гранаты в обойме-браслете, которые дала мне Анжелина. Это решает дело. Усыплю похитителей газовыми бомбами, прежде чем они откроют стрельбу. На всякий случай пригодится парочка разрывных гранат — вдруг кто-нибудь из врагов окажется далеко от Анжелины или потребуются более сильные меры.

Приготовив оружие, я пополз от скалы к скале и высочил на открытое место, где стояли машины.

И получил дубинкой по башке от часового, который стоял там и ждал, когда же кто-нибудь исполнит этот трюк.

Глава девятнадцатая

Я был без сознания очень недолго, но меня успели связать и отняли весь боезапас. Винить в этом могу только себя и свою невнимательность. Усталость и стимуляторы, конечно, сделали свое дело, но всему виной моя собственная глупость. Мысленно я ругательно ругал себя, да что толку. Меня протащили по земле и бросили рядом с Анжелиной.

— Ну как ты? — просипел я.

— Ничего. Во всяком случае, лучше, чем ты.

Это верно. Одежда на ней была порвана, а сама она — вся в синяках и ссадинах. Кто-то за это заплатит, и дорого заплатит. Я заскрежетал зубами. Она тоже была связана.

— Они подумали, что ты умер, — сказала Анжели-на. — И я тоже. — В ее словах была бездна невысказанного чувства, и я попробовал улыбнуться — улыбка вышла несколько кривая. — Не знаю, сколько мы там пролежали — я тоже была без сознания. Пришла в себя уже связанной, а они складывали все наши вещи в машины, и пистолеты взяли. Потом забрали меня и уехали. Я никак не могла помешать им. Говорят они только на своем жутком языке.

Выглядели они тоже жутко. Все грязные, в засаленных ремнях, заросшие немывтыми космами и бородами. С одним пришлось познакомиться поближе — он подошел и стал ворочать мою голову туда-сюда, сравнивая мои искаженные черты с моей же четкой фотогра-

фией. Я хотел укунить его за грязный палец, но он вовремя отдернул руку. Как видно, он — человек Того, это доказывала фотография, хотя я понятия не имел, откуда она у него. Ее, конечно, сделали при одной из стычек во времени, и с тех пор он держит ее при себе. Тут я заметил, что самый безобразный и вонючий из всей шайки строит глазки Анжелине, вцепился зубами в его лодыжку и получил пинка.

Надо отдать Анжелине справедливость — она очень целеустремленная женщина. Если уж она знает, чего хочет, то добьется этого, несмотря ни на что. Сейчас она поняла, что мы можем выбраться из переделки только одним способом, и прибегла к нему. Женская хитрость. Ничем не выдавая своего отвращения, она начала кокетничать с этой грубой скотиной. Его языка она не знала, но язык, на котором она изъяснялась, был стар, как род человеческий. Отвернувшись от меня, она заулыбалась волосатому и мотнула головой — поди, мол, сюда. И отвела назад плечи, чтобы ее прелестные формы выдавались.

Это, разумеется, сработало. Между волосатым и остальными двумя состоялась оживленная дискуссия, но он сбил одного с ног и тем завершил спор. Те двое смотрели, изнывая от зависти, как он идет к Анжелине. Она улыбнулась самой нежной улыбкой и протянула ему тонкие связанные ручки.

Какой мужчина устоит перед таким жестом? Уж, конечно, не этот верзила. Он перерезал ремни у нее на запястьях и спрятал нож, пока она развязывала себе ноги. Потом поднял ее с земли, заключил в медвежьи объятия и наклонился, чтобы поцеловать.

Я мог бы ему сказать, что безопаснее целоваться с саблезубым тигром, но промолчал. То, что случилось дальше, мог видеть только я — от ревнивых зрителей закрывала сцену спина волосатого. Кто бы мог подумать, что эти пальчики могут стать такими сильными, а тонкое запястье способно вогнать их так глубоко косматому в брюхо? Прелесть моя. Он так и замер на месте с легким вздохом. Она замерла на миг, потом с визгом отскочила, а он скрючился на земле.

Слабая женщина, схватившись за лицо руками, остановившимся взглядом вопрошала: отчего этот сильный мужчина вдруг рухнул к ее ногам? Конечно, те двое бросились к ней, но уже явно что-то заподозрив. У одного был мой пистолет.

Им и занялась Анжелина. Подбежав, он поднял пистолет, и тут она метнула в него нож волосатого, который извлекла перед тем, как свалить его владельца. Я не видел, куда нож попал — мимо как раз бежал третий, и я подтянул ноги в надежде, что он мне подвернется. Он подвернулся. Я лягнул его под коленки и свалил, а сам сложился пополам и, не дав ему встать, съездил башмаками по голове. Два раза, со злости.

И конец делу. Анжелина вынула нож из неподвижного тела, вытерла о него же и подошла освободить меня.

— Добьешь тех, кто еще дергается? — застенчиво спросила она.

— Надо бы, но жестокая расправа все равно не по мне. Такие уж они есть, и, пожалуй, это уже само по себе наказание. Думаю, если мы заберем их запасы и сломаем драндулет, то достаточно отомстим. Ты была великолепна.

— Конечно. Потому-то ты на мне и женился.

Она быстро меня поцеловала — ей пришлось оторваться и двинуть каблуком по лбу косматого, который заворочался. Он снова затих, а мы сложили быстро вещи и уехали.

Наша цель была близка. Несколько часов спустя мы почувствовали слабое дуновение ветра, которое крепло по мере нашего продвижения вниз по горной дороге. Поворот — и мы очутились на краю крутого спуска в долину. Я крутанул руль, и машина отскочила назад.

— Видела? — спросил я.

— Конечно, — ответила Анжелина, и мы осторожно выглянули из-за поворота.

Ветер здесь был сильнее, он наполнял всю обширную долину из какого-то невидимого источника внизу. Воздух был прохладнее, чем повсюду, и, хотя небо затягивали тучи, тумана в долине не было и видимость была хорошей. Наискосок от нас возвышалась гора, увенчанная отвесными скалами из блестящего черного камня. Природа превратила их в причудливые стены и башни. Человек продолжил дело природы и выстроил на вершине горы город-крепость.

Флаги на башнях были ярко-красными с неразличимыми черными знаками. Некоторые башни тоже окрашены в багровый цвет — и это, в сочетании с дикой,

фантастической архитектурой, могло означать только одно.

— Я знаю, это нелогично, — сказала Анжелина, — но от вида этого места у меня мурашки ползут по коже. От него веет... трудно сказать... безумием, что ли.

— Именно. А значит, мы попали в правильное место и время. Похоже, это резиденция Того.

— Как мы до него доберемся?

— Хороший вопрос, — сказал я вместо ответа.

Действительно, как же мы попадем в эту укрепленную психушку? Я почесал в затылке и потер подбородок, но безотказные средства помощи мышлению на этот раз не сработали. Уловив краем глаза легкое движение, я хотел вынуть пистолет — и остановил руку на полпути.

— Не делай резких движений и не хватайся за оружие, — тихо сказал я Анжелине. — И медленно обернись.

Мы оба обернулись, стараясь не волновать дюжину вооруженных людей, тихо подошедших сзади и стоявших с нацеленными на нас ружьями.

— Приготовься сделать рывок вперед вслед за мной, — сказал я и, повернувшись обратно, увидел еще четверых, столь же бесшумно возникших в долине перед нами. — Команда отменяется, мило улыбайся, мы сдаемся. Сделаем из них котлеты потом, когда попадем к ним.

Последнее было сказано больше для моральной поддержки. Это не дикари, у которых мы увели транспорт, это публика покруче. Все одеты в серые пластиковые комбинезоны с капюшонами, ружья похожи на винтовки, и дула их смертоносно зияют. Мы послушно шагнули вперед, когда один из них приказал нам это жестом. Еще один подошел поближе — но не настолько, чтобы можно было выхватить у него оружие, не покушаясь на самоубийство. Он оглядел нас.

— Страгицкрумль? — спросил он и, не получив ответа, продолжал: — Фидликрипи? Аттенготтен потентатен?

Не получив ответа и на эти вопросы, он повернулся к массивному рыжебородому человеку, очевидно предводителю, и сказал на хорошем эсперанто:

— Они не говорят на нашем языке.

— Вот это уже лучше, — сказал я на том же языке. — Можно спросить, джентльмены, почему вы

посчитали нужным угрожать оружием мирным путешественникам?

— Кто вы? — спросил рыжебородый, выступая вперед.

— Тот же вопрос я могу задать и вам.

— Я держу вас под прицелом, а не наоборот, — холодно ответил он.

— Дельное замечание — преклоняюсь перед вашей логикой. Мы туристы из-за океана...

Тут он прервал меня коротким крепким словом.

— Это невозможно. Вы не хуже меня знаете, что это единственный массив суши на всей планете. А теперь — правду.

Нет, я этого не знал. Единственный континент? Что же случилось с матушкой Землей за эти двадцать тысячелетий? Врать не имеет смысла — может, правда сработает. Так и вышло.

— Вы поверите, если я скажу, что мы путешествуем во времени?

Это произвело впечатление и, похоже, поразило его. Те, кто слышал мои слова, тоже вздрогнули. Рыжебородый свирепым взглядом усмирил их и продолжал:

— Что вас связывает с Тем и его бандой там, наверху?

От моего ответа зависело многое. Правда уже сработала один раз, может, опять получится? И он сказал «банда», это его выдало. Я не верил, что этот дисциплинированный, уравновешенный отряд как-то связан с врагом.

— Я прибыл, чтобы убить Того и сорвать его операцию.

Да, это произвело нужный эффект, и многие даже опустили ружья, но команда вернула их в строй. Рыжебородый отдал приказ, и один из его подчиненных торопливо удалился. Все молчали, и вскоре посланный вернулся с зеленым металлическим кубом, величиной с человеческую голову, и протянул его командиру. Видно было, что куб легкий — должно быть, полый. Рыжебородый сказал:

— У нас их около сотни. Спускаются с небес весь последний месяц, и все — одинаковые. В них помещен мощный радиомаяк, и мы легко их находим, но не можем ни разрезать, ни растворить металл. Пять граней куба покрыты надписями на разных языках. Те

надписи, что мы могли прочесть, звучат одинаково: «Вручить путешественникам во времени». На дне куба — две строчки, которые мы не смогли прочесть. Может быть, вам удастся?

Он медленно подал мне куб, и я принял его столь же бережно, памятуя о нацеленных ружьях. Металл походил на коллапсий, невероятно твердый сплав, из которого строятся ракетные атомные лайнеры. Я осторожно перевернул куб, мгновенно прочел надпись и вернул его.

— Прочел, — сказал я дрогнувшим голосом. — В первой строчке говорится, что Тот и его люди покинут этот период через 2,37 дня после моего прибытия.

Среди присутствующих прошел шепот, и Анжелина задала главный вопрос:

— А что же во второй строчке?

Я хотел улыбнуться, но как-то не получилось.

— А-а, во второй... Там сказано, что ядерные взрывы уничтожат планету сразу после их ухода.

Глава двадцатая

Палатка была из такой же серой ткани, что и одежда захвативших нас людей, и в ней было хорошо и прохладно после банной духоты снаружи. В углу шумела приземистая машина, осушающая и охлаждающая воздух. Были даже прохладительные напитки, и я задумался над своим стаканом: как разрешить проблеме, пока не настал роковой срок. Нас все еще охраняли, но налицо было негласное перемирие. Рыжебородый решил объявить его официально.

— Пью за ваше здоровье, — сказал он. — Я Дийан.

Это походило на ритуал, поэтому я повторил формулу и представился, и Анжелина тоже. После этого оружие убрали, и мы стали общаться гораздо свободнее. Я уселся под струей кондиционера и начал задавать свои вопросы.

— Имеется ли у вас другое, тяжелое оружие, кроме этого?

— Сейчас нет. То, которое было, уничтожено в бою с войсками Того.

— Разве континент настолько велик, что вы не можете быстро организовать доставку из своей страны?

— Размеры континента не имеют значения. Наши космические корабли очень малы, и все нужно доставлять с нашей планеты.

Я заморгал, вконец сбитый с толку.

— Так вы — не земляне?

— Наши предки были земляне, а мы — коренные марсиане.

— Вы не можете вкратце рассказать мне об этом? А то даже в голове зашумело.

— Извините, я думал — вы знаете. Позвольте, я налью вам еще. Все началось много тысяч лет назад, когда внезапное усиление солнечной радиации вызвало на Земле потепление. Я говорю «внезапное», но это, разумеется, длилось многие годы, даже века. Когда изменился климат и растаяли ледяные шапки полюсов, жизнь на поверхности планеты оказалась под угрозой. Менялись линии побережий, затопило огромное количество низменных земель, большие города оказались под водой. С этим бы еще справились, но начались землетрясения — их вызывали колебания массы поверхности Земли, так как полюса освобождались от ледового груза и вода заливала другие территории. Земля дрожала, лились потоки лавы, проваливались целые участки и возникали новые горы. Страшное время — в школе нам часто показывали кадры тех лет. Международное сообщество предприняло невероятные усилия, чтобы освоить планету Марс, то есть приспособить ее для жизни человека. Для этого требовалось создать там атмосферу с толстым слоем двуокиси углерода для защиты от солнечной радиации, доставить ледяные горы с колец Сатурна и так далее. Это благородное дело в конце концов увенчалось успехом, но народы Земли разорились, вложив в него все, что имели. Потом были конфликты и даже войны — ослабевшие правительства рушились, и алчные люди дрались, чтобы урвать побольше пространства во вновь созданном мире. А на Земле вода продолжала подниматься, и первые марсианские колонисты в невыносимых условиях, едва пригодных для жизни, закладывали свои поселения. В истории этот период известен как Смертельные Годы, ибо погибли многие — невероятное число людей. Однако мы выжили, и Марс стал зеленым и уютным.

Земле не столь повезло. Связь между планетами была утеряна, и те, кто остался в живых из бывших миллиардов, вели смертельный бой за существование. Об этих тысячелетиях не осталось никаких свидетельств, но результаты налицо. Сохранился единственный большой континент, да еще архипелаги на месте бывших горных цепей. А человечеством правит безумие.

При первой возможности марсиане восстановили старинные космические корабли и предложили землянам посильную помощь. Они нашу помощь отвергли. Жители планеты убивают всех чужих, это доставляет им удовольствие, и сами они — чужие друг другу. Почти не находящая преград солнечная радиация вызвала различные мутации у людей, животных и растений. Большинство мутантов вымерло, но оставшиеся приспособились к среде. Мы помогали, чем могли, но почти ничего не добились. Тогда земляне представляли опасность друг для друга, но не для Марса. Пока Тот не объединил их несколько веков назад.

— Он что, в самом деле живет столько лет?

— Похоже, что да. Рассудок у него так же помутился, как и у прочих, но он умеет с ними ладить. Они ему подчиняются. Даже работают совместно — построили этот город, создали нечто вроде общества. Тот, безусловно, гений, хоть и безумный, у них есть и заводы, и зачатки технологии. Первым делом они запросили дополнительной помощи с Марса и не поверили нам, что уже и так получают максимальную. Мы бы не обращали внимания на их безумные требования, но они построили атомные ракеты и нацелили их на нашу планету. Когда первая ракета нанесла удар по Марсу, мы организовали эту экспедицию. Мы на Марсе когда-то выжили благодаря единению, другого пути не было, и мы не воинственный народ. Однако создали оружие и воспользуемся им ради собственного выживания. Тот — причина всех наших бед, и мы должны взять его в плен или убить. Если при этом придется убивать других, мы тоже готовы. У нас на Марсе погибли тысячи и атмосфера заражена радиацией.

— Тогда наши цели сходятся, — сказал я. — Нас он атаковал из времени, и последствия столь же губительны. Вы очень четко определили задачу нашей карательной акции.

— Но как нам ее выполнить? — спросил Дийан.

— Пока не знаю, — мрачно ответил я.

— У нас осталось на это около десяти стандартных часов, — уточнила Анжелина.

Как и все женщины, она истинный прагматик. Пока мы тратили время, рассуждая о прошлом, она взглянула в лицо будущему и поставила вопрос ребром. Я жаждал проявить свою привязанность к ней, но решил

дождаться более благоприятного момента, если он вообще настанет.

— Генеральное наступление, — сказал я. — У нас тоже есть оружие. Атака по всему фронту, находим слабое место, объединяем силы — и вперед к победе. Тяжелого оружия совсем не осталось?

— Нет.

— Что ж... придется обходиться тем, что есть. А нельзя ли высадить в замке десант с вашего корабля, чтобы отвлечь их с тыла?

— Все корабли разрушены диверсантами-самоубийцами. С Марса идут новые, но они придут не скоро. Мы не слишком-то разбираемся в том, что касается войны и убийства, а враги этим живут.

— Не будем терять надежду, ха-ха. — Смех у меня получился какой-то неестественный. Тоска так сгустилась в воздухе, что можно было резать ее на куски.

— Гравитатор, — сказала Анжелина тихо, чтобы слышал только я.

— Используем гравитатор, — сказал я громко.

Сила хорошего генерала — в его штабе. Теперь весь план вспыхнул огненными буквами у меня перед глазами.

— Пойдем на прорыв. Мы с Анжелиной заберем у вас побольше боеприпасов, чтобы полностью загрузить гравитатор. Потом переделаем ремни для нескольких человек. Точные расчеты я сделаю позже, но думаю, человек пять-шесть он поднимет. Мы проникнем в замок до начала действий. Нас с Анжелиной двое, остальные — ваши лучшие люди.

— Женщина? Нет, это не женское дело, — запротестовал Дийан.

Я успокаивающе похлопал его по плечу.

— Спокойно. Вы не смотрите, что она такая хрупкая — в бою она стоит десятерых. А каждый человек у нас на счету — ваши люди снаружи будут вести атаку. Сначала общую, потом сосредоточатся на одном фланге. Когда шум достигнет апогея, десантный отряд поднимется над противоположной стеной и прорвется внутрь. Теперь займемся организаторской работой.

Мы занялись организаторской работой — точнее, занялись мы с Анжелиной, так как эти мирные марсианские пахари ничего не понимали в науке человекоубийства и были только счастливы переложить на нас

ответственность и руководство. Наладив все, я лег соснуть — я бодрствовал, если не считать усыпления дубинкой, последние двое суток и двадцать тысяч лет и, понятно, немного устал. Трех часов, которые я урвал, было явно недостаточно — проснувшись, я никак не мог прокашляться и продрать глаза, пришлось съесть стим-таблетку. Снаружи было темно и почти так же жарко, как днем.

— Когда отчаливаем? — спросил я.

— Сейчас, — ответила спокойная и собранная Анжелина — по ней не видно было, что она устала — наверное, тоже держится на стимуляторах. — До восхода солнца около четырех часов, и нам они понадобятся почти все, чтобы выйти на позицию. Атака начнется на рассвете.

— Проводники знают дорогу?

— Они воюют в здешних местах около года — должны бы знать.

Сегодня карты лягут на стол. Все это сознавали — это читалось на лицах людей. Сегодня будет только один победитель. Может, они и не родились бойцами, но быстро усваивали эту науку. Если уж дерешься — дерись, чтобы победить.

Пришел Дийан, за ним еще трое несли наскоро изготовленную металлическую упряжь и гравитатор.

— Все готово, — сказал он.

— Все знают свою задачу?

— Абсолютно все. Мы уже попрощались, и штурмовые отряды вышли в путь.

— Пора и нам.

Нас вел Дийан, но как он находил дорогу в этой парной темноте — для меня загадка. Мы тащились за ним, потая и чертыхаясь под грузом тяжелой сбруи, — чем меньше говорить об этой паре часов, тем лучше.

На рассвете мы рухнули под дальней стеной, самой высокой и, как видно, самой крепкой — ее нам и предстояло штурмовать. Выступая из мглы, черная и мрачная, стена выглядела очень неприветливо. Я сжал руку Анжелины, дав понять, что я неустрашим и хочу ободрить ее. Она сжала в ответ мою в знак того, что знает — я так же трушу, как и все прочие.

— Мы сделаем это, Джим, — сказала она. — Ты же знаешь.

— Да, сделаем — и доказательством тому наш персональный кусочек будущего, что продолжает су-

ществовать. Но неизвестно, сколько сегодня погибнет — и кто из нас выживет в ближайшем будущем.

— Мы бессмертны, — сказала она с такой уверенностью, что я не мог не засмеяться, мой дух воспарил до привычных самовлюбленных высот, и я крепко поцеловал ее.

В отдалении раздались взрывы, их звук отдавался между каменных стен, как раскаты грома. Атака началась. Минуты бежали, все было рассчитано. Я помог всем пристегнуться и взглянул на часы. Когда приблизился момент нашей высадки, я тоже запрягся и приготовился к старту.

— Держитесь, — сказал я, следя, как мелькают цифры. — И приготовьтесь быстро отстегнуться, когда сядем на той стороне.

Я нажал на кнопку, и моя боевая шестерка поднялась в воздух.

Глава двадцать первая

Мы плыли вверх вдоль черной скалы, как на медленном лифте — утки на воде для всякого, у кого верный прицел и твердый глаз. Неуютно, мягко говоря. Мне приходилось прибавлять скорость постепенно, чтобы выдержали наши построения, но наконец я довел ее до предела. Гравитатор, поднимая такой груз, начал заметно нагреваться. Очень будет неудобно, если он сейчас откажет.

Промелькнули окна, пробитые глубоко в скале — к счастью, за ними никого не было — и черный камень сменила искусственная стена с зубчатым гребнем. Я направил аппарат к вершине стены и отключил его как раз у края. По инерции мы перенеслись через стену, описав высокую дугу, и тут события начали разворачиваться невероятно быстро.

На стене двое часовых, застигнутые врасплох и рассерженные, готовились стрелять. Но Анжелина и я выстрелили первыми. Мы использовали игольчатые пистолеты, чтобы как можно дольше оставаться необнаруженными. Часовые молча упали. Я включил гравитатор для посадки.

Посадка! Внизу не было ни двора, ни твердой кровли! Мы опускались на прозрачный купол над каким-то цехом. Покрытием ему служили стеклянные панели в паутине ржавого металлического переплета. Мы в ужасе смотрели, куда падаем, и я довел мощность до предела. От перегрузки мы застонали, и наша

сбруя затрещала и погнулась. Купол слишком близко — мы просто не успеем остановиться вовремя.

Просто красота. Тайная, бесшумная атака, десант серых призраков на рассвете. Шесть пар башмаков грохнули в стекло и выбили его на площади пять тысяч квадратных метров. Переплет прогнулся, и отскочило несколько заржавевших стропил. Одну жуткую минуту я думал, что сейчас мы последуем за стеклом, которое с грохотом валилось вниз. Но гравитатор, при последнем содрогании отдав всю энергию, удержал нас, а сам загорелся.

— Держитесь за переплет! — закричал я, дергая крепления, соединявшие сбрую с гравитатором.

Они не поддавались, обжигали пальцы и наконец отстегнулись — машина рухнула вниз, где уже стоял сплошной крик, и там взорвалась. Я вздохнул и набросал туда дымовых и световых бомб для лучшего эффекта.

— Мы себя обнаружили, — сказал я, переползая в более безопасное место. — Предлагаю вылезти из этих сомнительных гимнастических джунглей и заняться делом.

Вызвав очередной стеклянный обвал — переплет прогибался под нашим весом, и панели сыпались — мы снова вылезли на стену.

— Свяжитесь со своими по радио, — сказал я Дийану, который лез за мной. — Пусть прекратят атаку, если еще не прорвались, но поддерживают огонь.

— Их отбросили со всех сторон.

— Вот и незачем больше терять людей. Мы проведем блиц изнутри.

Мы двинулись вперед. Анжелина и я впереди, готовые подавить любое сопротивление, остальные прикрывали нас с флангов и с тыла. Вперед — пусть прошибает пот. Нам нужно двигаться быстро, сеять смуту по пути — и найти Того. Первая дверь открылась на большую винтовую лестницу, ведущую куда-то вниз до бесконечности. Мне не понравилось, как она выглядит, и я скатил вниз несколько разрывных гранат, а мы побежали по крыше.

— Куда? — спросила Анжелина.

— Вон то нагромождение башенок и пристроек, кажется, побольше и у него более функциональный вид, чем у прочих зданий. Все равно наугад.

Пуля ударила в черепицу поблизости, и Анжелина сняла снайпера из верхнего окна единственным выстрелом от пояса. Мы побежали быстрее, прижались к стене над обрывом в долину, я вышиб запертую дверь, и мы вышли.

Этот замок строил сумасшедший. Я понимаю, что это буквально, но не надо было знать Того, чтобы почувствовать это. Коридоры, лестницы, кривые комнаты, бесконечные углы, а в одном месте пришлось даже проползти на четвереньках под низким потолком. Здесь нас постигла первая потеря. Мы впятером уже выбрались из комнаты, когда потолок бесшумно опустился и раздавил замыкающего — он и звука не успел издать. Пот уже лил с нас ручьями. Враги, попадавшие нам, были в основном безоружны и убегали, либо мы стреляли в них иглами. Скорость и молчание — мы быстро шли между причудливо изукрашенных стен, стараясь не смотреть на немыслимую живопись, покрывавшую каждый квадратный метр свободного пространства.

— Одну минуту, — остановила меня Анжелина, когда мы сквозь высокую арку вышли к винтовой лестнице, которая вела вниз, а все ступеньки были разной высоты. — Ты хоть знаешь, куда идешь?

— Не совсем, — простонал я в ответ. — Мы просто проникаем в это заведение, навязываем им бой и попутно вызываем смятение в их рядах.

— Я думала, у нас задача поважнее. Например, найти Того.

— А что, есть предложения? — огрызнулся я.

— Кое-какие есть. Ты мог бы включить детектор энергии времени, который болтается у тебя на шее. Я полагала, что для этого мы его и взяли.

— Как раз собирался, — соврал я, пытаясь скрыть, что совершенно забыл о нем в пылу яростной атаки.

Стрелка качнулась и указала на пол как раз у нас под ногами.

— Все вниз и вниз, — скомандовал я. — Где вьется времени спираль, найдем Того, из Кого я сделаю котлету.

Я не шутил: это будет третья и последняя попытка. Я приготовил особую бомбу, на которой написал его имя. Адская смесь из коагулятора, который сворачивает весь протеин в радиусе пяти метров, взрывчатки, отравленной шрапнели и термического заряда, чтобы

поджарить наконец отравленного Того с застывшей кровью в жилах.

Возобновились боевые действия. Снизу по лестнице пустили из огнемета волну огня и дыма, чтобы не дать нам пройти. Опаленные и дымящиеся, мы ушли сквозь пробитую мной стену и попали в какую-то лабораторию. Ряды булькающих реторт простирались во все стороны, их связывал лабиринт прозрачных трубок. Капала темная жидкость, клапаны со свистом выпускали зловонный пар. Безоружные лаборанты разбежались. Мы замедлили шаг и тяжело дышали.

— Фу! — скривилась Анжелина. — Ты видел, что в этих банках?

— Нет, и видеть не хочу. Пошли скорей.

На то, что способно смутить ледяное спокойствие Анжелины, я вовсе не желал смотреть и обрадовался, когда мы вышли из этого помещения к другой лестнице.

Мы приближались к цели. Сопротивление возрастало, и пробиваться теперь приходилось с боем. Только благодаря тому, что защитники замка были вооружены кое-как, мы вообще могли как-то двигаться вперед. Все оружие, очевидно, было на стенах — эти бросались на нас с ножами, топорами, железными прутьями, а то и просто с голыми руками. С визгом и пеной у рта они кидались в драку и мешали нам продвигаться вперед. Мы потеряли еще одного — человек с железной пикой вылез из какой-то щели наверху и заколол марсианина, прежде чем я успел выстрелить. Они умерли одновременно, и мы могли только оставить их там и пробиваться дальше. Я взглянул на часы и устало замедлил шаг. Мы выбивались из графика.

— погоди! — хрипло крикнул Дийан. — Стрелка больше не показывает!

Я махнул всем рукой, чтобы остановились — это было в широком коридоре, и мы сгрудились, не теряя осторожности. Я посмотрел на детектор, который нес Дийан.

— Куда она указывала в последний раз?

— Прямо вперед по коридору. Без отклонений, как будто машина находится на одном уровне с нами.

— Детектор действует, только когда работает спираль времени. Наверное, выключили.

— А Тот не мог уйти? — спросила Анжелина, выговорив вслух то, о чем я старался не думать.

— Все возможно, — сказал я с горькой откровенностью. — В любом случае надо идти до конца. Последнее усилие — вперед и только вперед.

Мы пошли вперед. И потеряли еще одного, пытаюсь перебраться через завал из колючих веток — их шипы были ядовитыми. Мне пришлось поджечь эту кучу нашей последней термической гранатой. Боеприпасы были на исходе. Перестрелка на следующем перекрестке коридора истощила запас наших игл. Я отшвырнул пистолет и пнул тяжелую дверь, преграждавшую нам путь. Ее надо было взорвать, а гранаты кончились. Я повернулся к Анжелине, и тут зажглось табло у двери.

— И в последний раз ты проиграл, — сказал Тот, злобно скалясь на меня с экрана.

— Всегда готов поговорить, — сказал я и обратился к Анжелине на языке, которого, я был уверен, Тот не знал: — Взрывные гранаты остались?

— Говорить буду я, а ты — слушай, — приказал Тот.

— Одна, — ответила Анжелина.

— Весь внимание, — сказал я Тому. — Вышибай дверь, — Анжелине.

— Я отправил всех нужных мне людей в безопасное место в прошлое, где нас никто не найдет. Я отправил туда и технику, и все необходимое для создания спирали времени. Я ухожу последним, и после моего ухода машина времени самоуничтожится.

Граната взорвалась, но дверь была прочная и удержалась. Анжелина поливала ее разрывными пулями, а Тот продолжал, как ни в чем не бывало:

— Я знаю, кто ты, человек из будущего, и знаю, откуда ты. И я уничтожу тебя до того, как ты родишься. Я истреблю тебя, своего единственного врага, и тогда прошлое, будущее и вся вечность будут мои, мои, мои!

Он провизжал это, брызгая слюной, дверь поддалась, и я первый ворвался в комнату.

Я выстрелил в пульт управления, я бросил свою спецбомбу.

Но Тот уже включил спираль времени. Зеленое сияние угасло. Тот исчез, и от автоматики больше не было толку. Моя адская бомба взорвалась в пустоте и представляла теперь больше опасности для нас, чем

для Того. Мы упали на пол. Когда мы поднялись, машина времени дымилась и растворялась в воздухе.

Тот снова заговорил, и я повел прицелом, ища его.

— Я сделал эту запись на случай, если придется уйти внезапно, к моему большому сожалению. — Он идиотски захохотал над своей дурацкой шуткой. — Теперь я ушел. Ты меня не найдешь, но я из времени найду тебя и уничтожу. С тобой есть и другие, и я хочу, чтобы они тоже испытали мою месть. Они умрут, вы все умрете, погибнет все. Я владею мирами и вечностью, я разрушаю миры. Я разрушу эту Землю. Я оставил вам ровно столько времени, чтобы вы могли осознать это и помучиться. Уйти вам некуда.

Через час все ядерное оружие на планете придет в действие.

Земля погибнет.

Глава двадцать вторая

Расстрелять диктофон с ненавистным голосом Того внутри — очень слабое утешение, и все-таки я в него выстрелил. Он разлетелся на множество пластмассовых и электронных осколков, и безумный смех оборвался. Анжелина погладила меня по руке.

— Ты сделал все, что мог.

— Но этого недостаточно. Извини, что я впутал тебя в это дело.

— Мне не хотелось бы, чтобы было иначе. Так мы будем вместе.

— Похоже, ваш народ ждет что-то страшное, — сказал Дийан. — Мне очень жаль.

— О чем вы сожалеете? Мы тут все в одной лодке.

— В этом смысле да. Через час. Но Марс спасен, и мы, умирая, будем знать, что сделали хотя бы это. Наши близкие и наш народ будут жить.

— Хотел бы я сказать то же самое, — произнес я, мрачнее тучи, и взял у него ружье, чтобы снять двоих, что пролезли в сорванную дверь. — Проиграв здесь, мы проиграли вечность. Удивляюсь, как это мы еще здесь, почему не погасли, как свечи.

— Мы ничего не можем сделать? — спросила Анжелина.

Я пожал плечами.

— А что? Не могу придумать. Водородные бомбы не обгонись. Машина времени растворилась, конец,

Что нам нужно — так это новую спираль времени, а где ее взять? Разве что с неба свалится.

Как эхо моих слов, в воздухе что-то хлопнуло, и я перекатился по полу, думая, что это новая атака. Но это был большой зеленый железный ящик, он парил в воздухе без всякой опоры. Анжелина странно посмотрела на меня.

— Если это спираль времени, ты мне скажешь, как это сделал.

Единственный раз в жизни я промолчал, а ящик все опускался вниз. Он еще не коснулся пола, когда я прочел у него на боку: «Спираль времени — вскрывать осторожно».

Я не двинулся — так это было невероятно. К ящичку были приделаны сверху два гравитатора, при них таймер, управляющий спуском. Еще был маленький диктофон с повелительной надписью «Включить». Я стоял, раскрыв глаза и рот, зато практичная Анжелина подошла и нажала кнопку. Загремел звучный голос профессора Койпу:

— Предлагаю вам поторопиться. Бомбы, знаете ли, взорвутся скоро. Меня просили передать вам, Джим, что взрывное устройство спрятано на дальней стене, на продуктовом складе. Оно замаскировано под радиопередатчик, это и есть радиопередатчик, несколько видоизмененный. Если с ним неправильно обращаться, бомбы взорвутся сразу же — а это нежелательно. Вам нужно с помощью трех дисков набрать цифры шесть-шесть-шесть — это, по-моему, «число зверя». Набирайте справа налево, а потом нажмите кнопку «ВЫКЛ». Теперь выключайте диктофон, включите снова, когда закончите. Поскорее.

— Ладно, ладно, — торопливо сказал я и выключил его.

Уж очень раскомандовался, а сам родится только через десять тысяч лет. И откуда он все это знает? Я ворчал, но пошел и сделал все, что надо, вывалив сухие пайки на пол, где им и место — это были какие-то желто-зеленые щупальца осьминогов, порезанные на куски. С присосками. Радио было на месте. Я набрал цифры по инструкции и нажал кнопку. Ну и что?

— Ну и что? — спросил я.

— Все, больше ничего, — сказала Анжелина и встала на цыпочки, чтобы поощрить меня поцелуем в щеку. — Ты спас мир.

Возгордившись, я прошествовал обратно к диктофону под восхищенными взглядами марсиан и опять включил его.

— Не думайте, что вы спасли мир, — сказал Койпу. Зануда. — Вы просто отложили его гибель дней на двадцать восемь. Задействованные бомбы по прошествии этого периода самоуничтожаются. Но ваши марсианские союзники могут воспользоваться отсрочкой. Кажется, к ним идут грузовые корабли?

— Ждем их дней через пятнадцать, — с трепетом ответил Дийан бестелесному оракулу.

— Пятнадцать дней, времени более чем достаточно. Земля погибнет, но, учитывая ее теперешнее состояние, это скорее благодеяние, а не трагедия. Теперь пора вскрыть ящик. На пульте найдете молекулярный пробойник. Если направить его на наружную стену, где наверху маленькие окошки, под углом пятнадцать градусов вниз, он пробьет туннель, выводящий наружу. Марсиане могут выйти по нему за стены крепости. А теперь нажмите на кнопку А, и сформируется спираль времени. Джеймс, Анжелина, надевайте гравитаторы и отправляйтесь, как только зажжется сигнал.

Все еще не совсем уверовав, я сделал все, как сказано. Возникла спираль времени и начала сворачиваться со скрипом и блеском.

Дийан выступил вперед и протянул мне руку.

— Мы никогда не забудем ни тебя, ни того, что ты сделал для нашего мира. Те поколения, что еще не родились, прочтут о тебе и твоих подвигах в учебниках.

— Ты хорошо знаешь, как пишется мое имя? — спросил я.

— Ты шутишь, потому что ты великий, но скромный человек. — Вот в этом меня еще ни разу не обвиняли. — Мы поставим тебе памятник с надписью: «Джеймс диГриз, Спаситель Мира».

Все марсиане пожали мне руку, к моему смущению. Глаза Анжелины тоже восхищенно сияли, но женщины просты по природе и рады погреться хотя бы в отраженных лучах славы. Потом зажегся сигнальный огонек, и, распрощавшись со всеми, мы надели гравитаторы и в последний раз — от души надеюсь — погрузились в холодное сияние энергии времени. Наше прикосновение, как видно, привело аппаратуру в действие — не успел я произнести подходящие к случаю слова, как все исчезло.

Рейс во времени прошел не хуже прежних и уж точно не лучше. К этому виду транспорта я никогда не привыкну. Звезды свистели, как пули, галактики кружились, как шутихи, движение без движения, время без времени — как всегда. Хорошее в этом путешествии было только то, что оно кончилось. В спортзале базы Специального Корпуса, самом большом их помещении.

Мы с моей Анжелиной повисли в воздухе, ошалело улыбаясь друг другу и не обращая внимания на изумленные крики потных атлетов внизу. Мы взяли за руки — какое счастье просто знать, что у нас все впереди.

— Добро пожаловать домой, — сказала она, и этим действительно было все сказано.

Мы опустились вниз, приветственно махая друзьям, а ответы на их вопросы отложили на потом. Сначала Койпу и лаборатория времени — надо доложить. Грустно, что Тот ушел от меня, но есть надежда, что теперь, когда его выследили, можно послать к нему парочку больших-пребольших бомб вместо меня или другого добровольца.

Койпу при виде меня разинул рот.

— Что вы тут делаете? Вы же должны расправляться с этим... Тем. Вы разве не получили моего сообщения?

— Сообщения? — заморгал я.

— Да. Мы сделали десять тысяч металлических кубиков и забросили их на Землю. Хоть один вы должны были получить — при них были радиомаяки.

— А, это старое сообщение. Получили и приняли к сведению, только оно уже неактуально. А это почему здесь?

Боюсь, я несколько повысил голос, указывая дрожащим пальцем на это небольшое устройство.

— Это? Складная переносная спираль времени, модель номер один. А почему бы ей не быть здесь? Мы ее только что закончили.

— Вы ею еще не пользовались?

— Нет.

— Ну так теперь самое время. Нужно приделать к ней пару гравитаторов — вот, возьмите эти — приложить диктофон и молекулярный пробойник и забросить туда, чтобы спасти нас с Анжелиной.

— У меня есть карманный диктофон, но зачем... — Он вынул знакомую машинку из кармана халата.

— Сначала дело, объяснения потом. Мы с Анжелиной взлетим на воздух, если вы этого не сделаете.

Я нашел краску и намалевал на диктофоне: «Включить», а на ящике — «Спираль времени — вскрывать осторожно». Трассоискатель определил точно, в какой момент Тот покинул Землю, наш груз должен прибыть несколько минут спустя на большой спирали. Койпу наговорил на ленту под мою диктовку то, что следовало, и когда все это хозяйство отправилось в прошлое, я наконец облегченно и благодарно вздохнул.

— Мы спасены. А теперь выпить, как обещали.

— Я не обещал...

— А я все равно выпью.

Койпу заговорил сам с собой, почесывая спину, а я щедро налил себе и Анжелине. Мы чокнулись и сделали первый глоточек, и тут Койпу с сердечной улыбкой подошел к нам.

— Это было необходимо, — сказал я. — Целую вечность не пил.

— Все наконец прояснилось, — сказал Койпу, постукивая пальцами по своим торчащим зубам и сдерживая волнение.

— Ничего, если мы сядем? Последние тысячелетия выдались очень хлопотливыми.

— Да, разумеется. Позвольте мне восстановить ход событий. Тот нападает из времени на Специальный Корпус и одерживает победу. Наши потери огромны...

— Собственно говоря, остались только двое. Вы и я.

— Совершенно верно. Но как только я отправил вас в 1975 год — все восстановилось. Мгновенно. Только миг я был в одиночестве, и тут же лаборатория наполнилась людьми, не подозревавшими, что с ними приключилось. Мы проделали большую работу, усовершенствуя трассоискатель времени. Прошло почти четыре года, прежде чем мы достигли желаемого результата.

— Вы сказали — *четыре года*?

— Почти пять, пока нашли вас. Слишком давние и запутанные следы, трудно было в них разобраться.

— Анжелина! — вдруг осенило меня. — Ты мне не говорила, что жила здесь пять лет одна.

— Я не знала, что тебе нравятся женщины старше тебя.

— Нравятся, если они — это ты. Тебе было одиноко?

— Ужасно, потому я и вызвалась лететь к тебе. У Инскиппа был другой доброволец, но он сломал ногу.

— Дорогая моя, держу пари, что знаю, как это случилось! — Ей не свойственно краснеть, но глазки она все-таки опустила.

— Итак, мы следуем за ходом событий, — продолжал Койпу. — Однако случилось вот что. Мы проследили вас с 1975 по 1807 год, а также Того с его приспешниками. Там существовала петля времени, какая-то аномалия, в которую невозможно было проникнуть извне. Мы понимали, что она вот-вот исчезнет, а вместе с ней и вы. Наконец мы создали достаточно мощную спираль времени, чтобы проникнуть в эту замкнутую петлю перед самым ее исчезновением. И отправили Анжелину с координатами для следующего скачка во времени, скачка длиной в двадцать тысяч лет, вслед за Тем. Вам нужно было следовать за ним, потому что трассы, оставленные во времени, доказывали, что вы за ним последовали. Хотя тогда мы уже разобрались в этой истории и знали, чем она должна кончиться.

— Знали? — спросил я, чувствуя, что где-то упустил нить.

— Конечно. Причина атаки полностью прояснилась, но вам, конечно, нужно было выполнить предназначенную вам задачу.

— Вы не можете повторить еще раз? Помедленней.

— Конечно. Вам удалось дважды сорвать операцию Того в отдаленном прошлом, а потом вы расстроили его машину времени и отправили его в дни заката Земли. Там он провел очень много лет, почти двести, пробиваясь к власти и объединяя планету. Он гений, хоть и безумный, и ему это удалось. Он помнил о вас, Джим — это были стертые и не совсем здоровые воспоминания после стольких лет — но он все же помнил, что вы — ему враг. И Тот развязал войну из времени. Он хотел уничтожить вас до того, как вы уничтожите его, и заманил вас на планету, которая, как он думает, вот-вот погибнет от ядерного взрыва. Оттуда он вернулся в 1975 год, чтобы напасть на Корпус. Вы прибыли туда, и он сбежал в 1807 год, чтобы заложить там петлю и поймать вас. Не знаю, куда он хотел направиться оттуда, но его планы, кажется, изменились, и он попал за двадцать тысяч лет в будущее.

— Из-за меня — я сбил ему настройку.

— Ну, вот и все. Теперь все кончено, можно расслабиться, и я, пожалуй, выпью с вами.

— Расслабиться?! — Слова выходили из меня с каким-то мерзким, скрипучим звуком. — Послушать вас, так получится, что это я вызвал нападение на Специальный Корпус, изменив настройку спирали времени так, что Тот отправился туда, откуда повел кампанию против Корпуса.

— Можно и так посмотреть.

— А можно иначе? Насколько я вижу, Тот вечно бегаёт по времени, как белка в колесе. От меня — за мной — от меня... Ухх! Когда он родился? Откуда он взялся?

— Эти термины в данном случае бессмысленны. Тот существует лишь в определенном круге времени. Если хотите — только это весьма неточно — можно допустить, что он никогда не рождался. Эта ситуация не связана с временем в нашем понимании. Возьмем информацию о взрывном устройстве, с которой вы вернулись сюда и которую следовало передать вам. Откуда взялась эта информация? От вас. И вы передали ее себе, чтобы информировать себя о взрывном устройстве, которое...

— Хватит! — простонал я, хватая бутылку дрожащей рукой. — Просто отметьте, что задание выполнено, и пусть мне выплатят солидный гонорар.

Я наполнил всем бокалы и только тогда заметил, что Анжелины нет. Она убежала, не сказав ни слова, пока я страдал из-за того, что вызвал войну времен, и я уже начал скучать по ней и думать, куда она делась, но тут она вернулась.

— Они прелесть, — сказала она.

— Кто-кто? — пробормотал я. Но видя, как сузились глаза Анжелины, понял, что допустил крупную ошибку, и напряг свои попорченные временем мозги. Наконец меня осенило. — Да, кто? Хо-хо! Ты уж прости мне эту шуточку. Кто прелесть, говоришь? Да наши близняшки, наши херувимчики, наши малюточки. Твой материнский инстинкт сразу же позвал тебя к ним.

— Они здесь, со мной.

— Так скорей кати сюда колясочку!

— Малютки, — сказала она, впуская их, и я уловил в ее словах иронию.

Им шел шестой год, а я и позабыл. Двигались они свободно — большие парни, этак небрежно шагающие в ногу. Мускулистые — счастлив сказать, что это в отца, и с примесью материнского очарования.

— Тебя долго не было, папа, — сказал один.

— Что поделаешь, Джеймс. Вселенную в один день не спасешь.

— Я Джеймс, а он Боливар. Добро пожаловать домой.

— Спасибо.

Поцеловать их, что ли? Они сами распорядились, протянули мне руки, и я их пожал вполне серьезно. Хорошая хватка. К этим семейным делам надо еще привыкнуть. Гордая Анжелина сияла, и я, глядя на нее, растаял и понял, что привыкать стоит.

— Анжелина, ты меня, кажется, убедила наконец. Семейные радости стоят того, чтобы сменить на них вольную и беззаботную жизнь вора-одиночки...

— Вор — вот это верно сказано, — сказал знакомый голос. — И мошенник, и жулик, и шантажист, и взяточдатель. — В дверях появилась цветущая физиономия Инскиппа, он потряс пачкой бумаг. — Пять лет я ждал тебя, диГриз, и на этот раз ты от меня не уйдешь. Никаких войн! Ты мошенник, ты воровал у своих же товарищей, уфф!

Он сказал «уфф», потому что Анжелина сунула ему под нос капсулу с сонным газом, и повалился, а мальчики — хорошая у них реакция — подскочили и тихо опустили его на пол. Анжелина взяла у него бумаги.

— Я тоже пять лет ждала, и мне ты больше нужен, чем этому противному старикашке. Давай сожжем эти бумажки и утоним корабль, пока он не очнулся. Когда еще он найдет нас, а там опять случится что-нибудь из ряда вон выходящее, и ему снова понадобятся наши услуги. А мы тем временем проведем второй, чудный, преступный медовый месяц.

— Это здорово, но как же мальчишки? В такие поездки детей не берут.

— Вы без нас не улетите, — сказал Боливар. Где это я видел такого упрямого бычка? В зеркале, наверное. — Куда вы, туда и мы. Если не хватит денег, мы можем заплатить за проезд. Смотри.

И он показал мне большую пачку кредиток — хватит, чтобы объехать всю Галактику. Заметил я также и знакомый золотой бумажник.

— Деньги Инскиппа! Ограбил бедного старика под видом помощи. — Я взглянул на Джеймса. — А ты, выходит, будешь говорить нам, который час — по часам Инскиппа, которые у тебя на руке.

— По стопам отца, — гордо сказала Анжелина. — Конечно, они летят с нами. И не беспокойтесь о деньгах, мальчики. Папа может наворовать столько, что нам всем хватит.

Это меня доконало.

— Почему бы и нет! — засмеялся я и поднял бокал. — За воров!

— За вечность! — подхватил Койпу мне в тон.

— За вечных воров! — сказали мы хором, осушили бокалы и разбили их о стену.

Койпу улыбался, как добрый дядюшка, а мы схватили за руки детей, перескочили через храпящего Инскиппа и вышли вон.

Там ждет нас великолепная, полная чудес Вселенная — и мы полностью насладимся ею.

Содержание

Стальная Крыса, роман <i>перевод с английского С. Коноплева</i>	7
Месть Стальной Крысы, роман <i>перевод с английского П. Жукова</i>	149
Стальная Крыса спасает мир, роман <i>перевод с английского Н. Виленской</i>	307

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга третья

Ответственный за выпуск *А. Московкин*
Оператор компьютерной верстки *Т. Крукле*

Главный редактор *А. Захаренков*

Редактор *М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *Т. Крукле, Е. Ошуркова*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление шмуцтитлов: *А. Сергуниш*

Цветные иллюстрации: *А. Кириллов*

Подписано в печать 22.10.92. Лицензия № 2-0477. Формат 84×108 1/32.

Усл. печ. листов 23,52. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1650. С-011.

Издательская фирма «Полярис».

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской Федерации.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Миры Гарри Гаррисона кн. 3: Пер. с англ.—Р.:
Полярис, 1992.—447 с.

ISBN 5-88132-018-2

СТАЛЬНАЯ КРЫСА
МЕСТЬ СТАЛЬНОЙ
КРЫСЫ
СТАЛЬНАЯ КРЫСА
СПАСАЕТ МИР